

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

На правах рукописи

Абазова Марита Мухамедовна

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ
ЧЕРКЕССКОЙ (АДЫГСКОЙ) ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

**Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Нальчик – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА В ДИАСПОРЕ И НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И СИНХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)	26
1.1. Основные тенденции диаспоральных процессов и их социолингвистическая характеристика	26
1.2. Механизмы сохранения языка в диаспоре в исторической перспективе	38
1.3. Современная форма существования языка в черкесской (адыгской) диаспоре и способы его сохранения	49
1.4. Кабардино-черкесский язык в метрополии: история и современность	61
Выводы к главе 1	76
Глава 2. КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИЙ ЯЗЫК ДИАСПОРЫ И ЯЗЫК МЕТРОПОЛИИ: ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ	81
2.1. Фономорфологические особенности речи диаспоры и языка метрополии в сравнительном аспекте	81
2.1.1. Чередования гласных звуков независимо от влияния других звуков	83
2.1.2. Чередования согласных звуков независимо от влияния других звуков	87
2.1.3. Полногласие в речи диаспоры и кубано-зеленчукском говоре кабардино-черкесского языка	104
2.2. Грамматические характеристики кабардино-черкесского языка и речи диаспоры в сравнительном аспекте	106
2.2.1. Грамматические показатели утверждения и отрицания	107
2.2.2. Грамматический показатель множественного числа	122
2.2.3. Особенности употребления различных аффиксов	130
2.2.4. Огласованность-неогласованность личных показателей глаголов	140
Выводы к главе 2	146

Глава 3. ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ В РЕЧИ ДИАСПОРЫ	150
3.1. Слова с семантическими трансформациями в речи диаспоры (сравнительный анализ с литературным кабардино-черкесским языком)	150
3.2. Интеркаляция как результат межъязыковой коммуникации в речи диаспоры и в языке метрополии	179
3.3. Трансформация фразеологизмов в речи кабардино-черкесской диаспоры	202
3.3.1. Фразеологизмы с частичной трансформацией	206
3.3.2. Фразеологические единицы с грамматической трансформацией	212
3.3.3. Фразеологизмы с семантико-структурной трансформацией	216
Выводы к главе 3	220
Глава 4. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ДИАСПОРЫ	225
4.1. Лексическая стилистика	225
4.2. Лексические средства утверждения и отрицания в кабардино-черкесской речи диаспоры как стилистическая особенность	231
4.3. Синонимичные фразеологические единицы в речи диаспоры как стилистический прием	241
4.4. Обращения как основа коммуникативной практики (речь диаспоры, репатриантов и литературный язык)	258
Выводы к главе 4	275
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	279
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	287
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	331

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение функционирования адыгских языков в диаспоре относится к числу ключевых проблем современного языкознания. В рамках этой проблематики функциональная парадигма кабардино-черкесского языка в условиях черкесской (адыгской) диаспоры в Турции рассматривается как сложный многогранный процесс, требующий комплексного анализа социолингвистических и этнокультурных факторов, определяющих степень сохранности и пути трансформации родного языка в иноязычном окружении.

Исследование функциональной парадигмы кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры даёт возможность эмпирически описать механизмы языкового сдвига в её длительной изоляции от метрополии и уточнить понятие «функции языка» для миноритарного языка в современном мире. На примере черкесской (адыгской) диаспоры можно говорить о том, как меняется этнокультурная и этноязыковая идентичность у части народа, проживающей за пределами исконного ареала. Черкесская диаспора сформировалась еще в XIX веке, и за более чем полуторавековую историю смогла сохранить свой язык, несмотря на функционирование за пределами исторической родины и будучи рассеянной на территории страны проживания. В связи с этим актуальность исследования обусловлена определением языковой ситуации черкесов за рубежом. Черкесский (адыгский) язык в условиях диаспоры представляет большой научный интерес с точки зрения взаимодействия языков, так как его исследование позволяет определить степень сохранения и развития языка в иноязычной среде под влиянием экзогенных и эндогенных факторов. Изучение речи диаспоры в Турции, где сосредоточена большая часть черкесского населения, имеет важное значение для определения степени сохранения кабардино-черкесского языка, формы его существования вне исторической родины. В этом плане изучение фонетических, лексических, стилистических изоглосс речи диаспоры имеет важное теоретическое и практическое значе-

ние. Актуальность темы заключается также в том, что проблемы истории, культуры, фольклора адыгской диаспоры за рубежом хорошо освещены в монографических работах не только российских, но и зарубежных авторов, однако некоторые вопросы, связанные с проблемами языка, остаются открытыми. В настоящее время изучение кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры позволяет выделить языковые процессы: формирование новых диалектов и говоров в результате языкового смешения, переключение и смешение кодов в речи, а также утрату некоторых грамматических форм, которые остались неизменными в литературном языке на исторической родине. Функциональная парадигма кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры позволяет выявить нематериальное культурное наследие в диаспоре: фонетика, лексика, фразеология, утраченные на родине. Расшифровка и документирование речи представителей диаспоры являются важной задачей для последующего изучения как речи черкесской диаспоры в целом, так и отдельных анклавов. Кроме того, исследование особенностей существования кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры в полной мере укладывается в нормативно-правовую рамку федерального закона № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» от 20 октября 2022 г., так как дает возможность исследования устных традиций и форм их выражения на языках и диалектах народов Российской Федерации¹.

Степень разработанности темы. В основе исследования лежит комплексная теоретическая база, интегрирующая ряд ключевых лингвистических дефиниций, таких как «адыгские языки», «кабардино-черкесский литературный язык», «диаспора» и «черкесская (адыгская) диаспора», а также охватывающая языковые параметры, включая диалектное членение, фонетику, грамматику, лексику и стилистику.

Научно-методологическую базу составили исследования, в которых сохранились сведения о ранних этапах состояния кабардино-черкесского языка:

¹ Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 17.05.2026).

Л.Я. Люлье [Люлье, 1846], Л.Г. Лопатинский [Лопатинский, 1890], Гильденштедт, П.С. Паллас, К.Ю. Клапрот и А.М. Шегрен [Гильденштедт, 2002].

Фундаментом формирования литературного кабардино-черкесского и адыгейского языков стали труды ученых-адыговедов У. Берсея [Берсей, 1853], Н.Ф. Яковлева [Яковлев, 1928; 1938; 1941; 1948], Г.Ф. Турчанинова и М. Цагова [Турчанинов, 1940], Д.А. Ашхамафа [Ашхамаф, 1939; 1941], Ш.Б. Ногмы [Ногма, 1956; 1958], Г.В. Рогавы [Рогава, 1956; 1966; 1974], Б.Х. Балкарова [Балкаров, 1950; 1964; 1967; 1970] и др.

Особое внимание проблеме разноаспектного изучения адыгских языков уделяется в трудах М.А. Кумахова [Кумахов, 1957; 1958; 1964; 1971; 1981; 1989], М.Л. Апажева [Апажев, 1963; 1964; 1992; 2000; 2004], А.К. Шагирова [Шагиров 1953; 1957; 1962; 1969; 1972], П.М. Багова [Багов, 1968; 1969], Н.Т. Гишева [Гишев, 2003; 2008; 2013; 2017], У.С. Зекоха [Зекох, 1969; 1987], Ю.А. Тхаркахо [Тхаркахо, 1971; 1982; 1990; 2003], Т.Х. Куашевой [Куашева, 1954; 1969], Б.М. Карданова [Карданов, 1957; 1973], Р.Х. Темировой [Темирова, 1975], Х.Ш. Урусова [Урусов, 1980; 2000; 2001; 2002], Х.Т. Таова [Таов, 1997; 2005], А.Х. Шарданова [Шарданов, 1999], З.У. Блягоза [Блягоз, 2006; 2012]; Б.Ч. Бижоева [Бижоев, 2005а; 2019; 2024; 2025]; Р.Х. Дзугановой [Дзуганова, 2002; 2005; 2013; 2015], Х.З. Багиорокова [Багиороков, 2004; 2012; 2017; 2022], Х.Ч. Жилетежева [Жилетежев, 2019; 2024] и других ученых, которые заложили основу развития литературных вариантов кабардино-черкесского и адыгейского языков.

Анализ языковой ситуации в черкесской диаспоре за рубежом предполагает учёт междисциплинарного характера данной проблематики. Функционирование языка в указанных условиях выступало предметом научного интереса представителей широкого спектра гуманитарных дисциплин: работы историков [Ершов, 2012; Чочиев, 2014; 2023; Рыжов, Бородина, 2017; Цибенко, 2019; 2022; Кушхабиев, 1997; 2007; 2022; 2023, Ганич, 2007; Надеин-Раевский, 2013 и др.], этнологов [Хасанов, 2020; 2021; Анзароков, Анзарокова, 2013; Тлехурай, 2013 и др.], социологов [Иванова, 2013 и др.], социолингвистов [Алпатова, 2000;

Топчу (Папшу), 2017; Ионов, 2018; 2025 и др.], литературоведов [Тимижев, 2001; 2006; Бакова, 2002; Бугаева, Титаренко, 2022; Балагова-Кандур, 2009; Алхасова, 2021 и др.], фольклористов [Чурей, 2008; «Фольклор анатолийских осетин...», 2015; Паштова, 2015; 2016; 2020; 2021], искусствоведов [Йозел, 2020; Соколова, 2022 и др.] и др. На современном этапе фиксируется рост исследовательского внимания к различным аспектам функционирования кавказских диаспор за рубежом. В частности, активно разрабатываются вопросы жизнедеятельности карачаево-балкарской [Тетуев, 2015; 2016, Биттирова, 2017; 2018; 2019; 2021], абазинской [Кармова, 2019; Пазов, 2014], осетинской [Закаева, 2021; Газзаева, 2026], чеченской [Гарсаев, 2019; Бадаев, 2019; Гапуров, Гарсаев, Гарасаев, 2022] и калмыцкой [Биткеева, 2009; 2018] диаспор.

Комплексное исследование языка и форм диаспорального существования черкесов (адыгов) на Ближнем Востоке невозможно без учёта научного вклада зарубежных исследователей, в числе которых Ж. Дюмезиль [Dumézil, 1932; 1965], Г. Фогт [Vogt, 1963], А. Куйперс [Kuipers, 1965], К. Пари [Paris, 1974], М. Хёлиг [Хёлиг, 1991], Дж. Коларуссо [Colarusso, 1992], К. Пари и Н. Батюка [Paris, Batouka, 2005] и др.

Отдельные характеристики речевой практики зарубежной диаспоры представлены в трудах российских адыговедов, привлечённых в рамках диахронного анализа языковых особенностей диаспоры в Турции: М.А. Кумахов [Кумахов, 1981], Х.Т. Таов [Таов, 1997, 2005], Б.Ч. Бижоев [Бижоев, 2000], Р.Б. Унарокова [Унэрокъуэ, 2004], С.У. Пазов [Пазов, 2014], М.М. Абазова [Абазова, 2014], З.Х.-М. Ионов [Ионов, 2017; 2019; 2022], М.Ю. Унарокова [Унарокова, 2017], А.С. Кук [Кук, 2017], Ф. Алтын [Алтын, 2017], М. Топчу (Папшу) [Топчу, 2017], В.В. Цибенко [Цибенко, 2022], С.Г. Кудоева [Кудоева, 2022] и др.

В речевой практике современной диаспоры значительную роль играют иноязычные вкрапления (интеркаляции), которые неоднократно становились объектом научного рассмотрения. Теоретико-прикладные аспекты феномена билингвизма освещены в работах Х.З. Багирова [Багиров, 2012; 2014; 2022] и С.К. Башиевой [Башиева, 2014; 2018]; тенденции и особенности изучения би-

лингвизма проанализированы в совместной статье С.К. Башиевой, З.Р. Доховой и М.Ч. Шогеновой [Башиева и др., 2022]. Вопросы интерференции и интеркаляции рассмотрены в исследованиях Н.Н. Щемеровой [Щемерова, 2007] и Б.А. Харихановой [Хариханова, 2009], а также в ряде других научных трудов.

Таким образом, на основе анализа литературы по теме исследования представляется возможным обобщить имеющиеся данные о функциональной парадигме кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры, а именно: вопросы его генезиса, современного функционирования и этнокультурной трансформации. Исследование опирается на многоуровневую теоретическую базу, интегрирующую ключевые лингвистические категории (адыгские языки, кабардино-черкесский литературный язык, диаспора и др.), а также на широкий корпус научных трудов – от ранних лексикографических и грамматических материалов до современных междисциплинарных работ. Проблематика функционирования языка в черкесской диаспоре в Турции рассматривается в междисциплинарном ключе с опорой на исследования зарубежных и российских учёных, включая анализ билингвизма в речевой практике диаспоры.

Целью настоящего исследования является определение функциональной парадигмы кабардино-черкесской речи диаспоры в Турции на основе как разговорной речи, так и художественных, публицистических изданий, подготовленных представителями диаспоры на кабардино-черкесском языке.

Объектом исследования является кабардино-черкесский язык в условиях черкесской диаспоры в Турции, **предметом исследования** – механизмы сохранения языка в диаспоре в синхронии и диахронии, фonomорфологические, грамматические, лексико-фразеологические изоглоссы в кабардино-черкесской речи диаспоры, а также стилистические особенности речи диаспоры.

Область исследования охватывает разные аспекты: использование методов и приемов типологических, ареальных и фонетических исследований (сравнительный метод и компаративистика, генетическое родство языков, лингвистическая реконструкция) строя адыгских языков (в метрополии и диаспоре) на примере фonomорфологии, грамматики; современные языковые контакты и ти-

пология языковых ситуаций в контексте лексических особенностей речи диаспоры; изучение истории развития и функционирования кабардино-черкесского языка и проблемы периодизации языка на примере кабардино-черкесской речи в диаспоре, проживающих в Турции; лексический строй кабардино-черкесского языка и речи черкесской диаспоры в Турции (слово как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, функционирование лексических единиц в литературном языке и речи диаспоры, лексика и фразеология в их связи с внеязыковой действительностью); словообразовательная система кабардино-черкесского языка и ее сравнение с речью черкесской диаспоры в Турции (модели словообразования, словообразовательные ряды); современные языковые ситуации в Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской Республиках и Республике Адыгея в аспекте языковой политики, а также прогнозирование развития кабардино-черкесского языка и речи диаспоры в Турции в условиях разных типов двуязычия.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- дать социолингвистическую характеристику основных тенденций диаспоральных процессов;
- выявить и исследовать механизмы сохранения адыгских языков в турецкой диаспоре в исторической перспективе;
- проанализировать современные формы существования кабардино-черкесского языка в черкесской (адыгской) диаспоре и рассмотреть способы его сохранения;
- изучить историю и современное состояние кабардино-черкесского языка в метрополии (в Российской Федерации);
- рассмотреть фonomорфологические особенности речи диаспоры и языка метрополии в сравнительном аспекте (в том числе чередование гласных и согласных звуков независимо от влияния других звуков, а также в контексте полногласия в речи диаспоры и в кубано-зеленчукском говоре кабардино-черкесского языка в метрополии);

- изучить грамматические показатели кабардино-черкесского языка и речи диаспоры в сравнительном аспекте (на примерах исследования грамматических показателей утверждения и отрицания, множественного числа, особенностей употребления различных аффиксов, огласованности-неогласованности личных показателей глаголов);
- провести сравнительный анализ речи диаспоры с литературным кабардино-черкесским языком на примере лексических единиц с семантическими трансформациями;
- охарактеризовать интеркаляцию как результат межъязыковой коммуникации в речи диаспоры и языке метрополии;
- определить особенности трансформации фразеологизмов в речи кабардино-черкесской диаспоры (на примерах фразеологизмов с частичной трансформацией, грамматической и семантико-структурной трансформациями);
- охарактеризовать лексическую стилистику кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры;
- рассмотреть лексические средства утверждения и отрицания в кабардино-черкесской речи диаспоры в стилистическом аспекте;
- изучить и описать синонимичные фразеологические единицы в речи диаспоры с точки зрения их стилистической специфики;
- рассмотреть категории обращения как основу коммуникативной практики в речи черкесской диаспоры Турции, черкесских репатриантов и литературном кабардино-черкесском языке Российской Федерации.

Научная новизна работы заключается в нескольких аспектах:

1. Впервые в отечественном языкознании функциональная парадигма кабардино-черкесского языка в условиях черкесской (адыгской) диаспоры в Турции стала предметом детального комплексного исследования. Для этого языковая ситуация и тенденции развития кабардино-черкесского языка в диаспоре и на исторической родине были подвергнуты диахроническому и синхроническому анализу, выявлены и детально проанализированы грамматические изоглоссы в языке черкесской диаспоры в Турции и кабардино-чер-

кесском языке в Российской Федерации, рассмотрены лексико-фразеологические изоглоссы в речи диаспоры и выявлены их стилистические особенности по сравнению с кабардино-черкесским языком РФ.

2. Современные теории диаспороведения (транснационализм, гибридная идентичность, «воображаемые сообщества») комплексно применены к социолингвистическому анализу особенностей функционирования кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры в Турции, что позволило выявить специфику его функционирования как маркера этнокультурной идентичности в условиях изоляции и иноязычного влияния. Впервые на обширном полевом и историческом материале системно описаны архаичные и инновационные черты речи диаспоры на всех уровнях языка (в фонетике, лексике, грамматике, фразеологии), а также прослежена эволюция механизмов сохранения языка от первых попыток создания письменности до современных цифровых практик в сравнении с метрополией, что позволяет создать целостную картину трансформации языковой системы кабардино-черкесского языка за пределами исторической родины.

3. На обширном полевом материале проведён комплексный сопоставительный анализ фономорфологических и грамматических особенностей речи черкесской диаспоры в Турции с литературным кабардино-черкесским языком, его диалектами и говорами в метрополии (в Российской Федерации). Выявлены и системно описаны как устойчивые архаичные черты (регулярное сохранение палатализованных смычных, полногласия, показателей множественного числа *-hэ*, отрицания *-Iым* и утверждения *-с*), так и специфические инновации и отклонения от нормы (несогласованность личных аффиксов, утрата превербов, смешение падежных формантов и т.п.), что позволяет реконструировать ранние этапы становления грамматической системы кабардино-черкесского языка и ввести в научный оборот ценный материал по исчезающим идиомам.

4. Выявлены, систематизированы и классифицированы специфические семантические трансформации лексем в речи черкесской диаспоры Турции,

отсутствующие в кабардино-черкесском литературном языке метрополии. В работе также впервые проведен детальный анализ интеркаляций с их разделением на чистые и модифицированные типы, а также разработана типология трансформаций фразеологических единиц (частичная, грамматическая, семантико-структурная), что дало возможность ввести в научный оборот новые данные о механизмах формирования кабардино-черкесского языка в условиях длительной изоляции от языка метрополии и интенсивных межъязыковых контактов в языковой среде Турции.

5. Осуществлён комплексный анализ стилистики устной речи представителей черкесской диаспоры в Турции в сопоставлении с кабардино-черкесским литературным языком и разговорной речью метрополии, что позволило системно описать ранее неизученные лексико-фонетические архаизмы, семантические сдвиги и пласт заимствований в речи диаспоры. Впервые выявлены и классифицированы синонимические ряды фразеологических единиц (включая незафиксированные в кабардино-черкесском литературном языке обороты) и лексические формы утверждения /отрицания с учётом билингвального контекста их употребления в условиях диаспоры, а также проведён сопоставительный анализ системы обращений в условиях их употребления в диаспоре по сравнению с кабардино-черкесским литературным языком в России, что показало особенности процесса консервации некоторых архаичных этикетных форм при параллельной и одновременной активной адаптации тюркизмов в условиях диаспоры. В научный оборот введён обширный полевой материал, который является источником для реконструкции более ранних этапов развития адыгских языков (кабардино-черкесского и адыгейского) и раскрывает механизмы языковой эволюции в условиях длительной изоляции и межъязыковых контактов носителей кабардино-черкесского языка за пределами Российской Федерации.

Гипотеза исследования. В основе диссертационного исследования лежит предположение о том, что функциональная парадигма кабардино-черкесского языка в условиях черкесской диаспоры в Турции представляет собой модель ограниченного функционирования ее речи, в которой архаиза-

ция и массированное заимствование выступают как две взаимосвязанные стороны адаптации к иноязычному окружению страны проживания, а стилистическая вариативность и несформированность письменной нормы усиливают уязвимость языка перед ассимиляционными процессами.

Теоретическая значимость исследования. Изучение речи диаспоры является важным вкладом в развитие фундаментальных разделов языкознания и смежных гуманитарных дисциплин. На материале взаимодействия кабардино-черкесского и турецкого языков уточняются механизмы грамматической и лексической интеркаляции, переключения кодов и схожих признаков в условиях длительного билингвизма.

Данное исследование помогает по-новому представить понятие «функция языка» в условиях диаспоры. Традиционно в лингвистике выделяют такие функции языка, как коммуникативная (общение), когнитивная (мышление), кумулятивная (накопление и передача знаний) и другие. Однако эта схема разрабатывалась применительно к языкам, которые функционируют в моноэтнической среде – там, где на нём говорит большинство населения. В диаспоре, особенно в турецкой, предстает иная картина. На материале черкесской диаспоры в Турции можно наблюдать, как базовые функции языка трансформируются под давлением ассимиляции; как возникают вторичные, замещающие функции – например, язык становится не столько средством повседневного общения, сколько символом принадлежности к этносу (маркер идентичности), используется в обрядах или в фольклорных стереотипных выражениях; как соотносятся утилитарное (практическое) и символическое использование языка, когда возникает угроза его постепенной утраты.

Следовательно, теоретическая значимость работы обусловлена тем, что полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на то, что такое «языковая личность» (то есть человек, говорящий на определённом языке и мыслящий через него). На примере речи диаспоры видно, как формируется этническая картина мира – то есть особое восприятие действительности, характерное для носителей данного языка и культуры.

Практическая значимость. Изучение функциональной парадигмы речи диаспоры в Турции играет важную роль в осмыслении языковых и этнокультурных процессов, протекающих как на современном Ближнем Востоке, так и, в определенной степени, на российском Кавказе. Полученные данные позволяют глубже понять механизмы сохранения и трансформации этнической идентичности черкесов в иноязычной среде, а также на примере их речи выявить универсальные закономерности функционирования миноритарных языков в диаспоре. Результаты исследования могут быть использованы: а) при дальнейшем изучении межъязыковой коммуникации адыгов (как в диаспоре, так и на исторической родине); б) в научных работах не только по языкознанию, но и в исследованиях по смежным наукам, в частности по истории, этнографии, антропологии адыгов, а также других народов Северного Кавказа; в) при разработке стратегий сохранения и возрождения адыгских языков в зарубежных странах, включая создание учебных материалов для школ и онлайн-курсов; г) в практике межкультурного взаимодействия и языкового планирования, в том числе для государственных и общественных организаций, занимающихся поддержкой соотечественников за рубежом; д) при подготовке лекционных курсов, учебников и учебных пособий по филологии народов российского Кавказа, а также по социалингвистике и контактологии; е) в цифровой гуманитаристике – для создания речевых корпусов, лингвистических баз данных и документации исчезающих языковых явлений.

Методы исследования. Решение исследовательских задач, направленных на изучение функциональной парадигмы кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры, осуществлялось на основе комплексного применения следующих методов: описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, метод обобщения и систематизации, метод лингвокультурологического анализа, методы сбора полевого материала и интервьюирования, концептуальный анализ, метода анализа визуальных источников. *Описательный метод* обеспечил первичную систематизацию эмпирического материала, извлечённого из собранных в 90-е гг. XX в. полевых материалов сотрудниками

КБИГИ, полевых материалов автора, фоноархива ИГИ КБНЦ РАН, визуальных источников на кабардино-черкесском языке. *Сравнительно-сопоставительный* метод использовался в ходе исследования для выявления сходств и расхождений между речью диаспоры, языком метрополии и литературной нормой на всех уровнях языковой системы. Метод *обобщения и систематизации* позволил выявить устойчивые закономерности формирования функциональной парадигмы кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры. Метод *лингвокультурологического анализа* применялся для экспликации лингвистических коннотаций, закреплённых за языковыми знаками в диаспоре и литературном кабардино-черкесском языке.

Метод *сбора полевого материала и интервьюирования* выступал в качестве способа анализа эмпирической базы исследования, обеспечив непосредственную фиксацию устной речи носителей кабардино-черкесского языка в диаспоре с помощью анкетирования, глубинного и полуструктурированного интервью, а также включённого наблюдения за речевым поведением представителей разных поколений. Это позволило сформировать репрезентативный корпус аутентичных данных, отражающих реальное функционирование языковых единиц и категорий на лексико-семантическом, фразеологическом, стилистическом и коммуникативном уровнях, и выявить как архаичные черты, так и инновационные процессы, обусловленные изоляцией и межъязыковыми контактами. *Концептуальный анализ* применялся в ходе исследования в качестве ключевого метода анализа содержательных характеристик концептов – ключевых лингвистических единиц функциональной парадигмы кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры. Метод *анализа визуальных источников* применялся для выявления и интерпретации этнокультурной семантики, закреплённой в графических и предметных репрезентациях языковых единиц и категорий (телепередач, аудио-, видеовизуальных источников), что позволило верифицировать данные о степени сохранности архаичных форм, особенностях обращений и функционировании кабардино-черкесского языка в визуальном пространстве (данных, доступных в информационной телекоммуникационной сети Интернет) черкесской диаспоры в Турции.

Комплексное применение описательного, сравнительно-сопоставительного, обобщающего, лингвокультурологического, полевого, концептуального и визуального методов позволило сформировать многомерную, эмпирически верифицированную картину функциональной парадигмы кабардино-черкесского языка в условиях черкесской диаспоры в Турции, соединив систематизацию языкового материала, выявление устойчивых закономерностей и культурных коннотаций, анализ ключевых концептов и непосредственную фиксацию живой речи разновозрастных носителей с интерпретацией визуальных репрезентаций языковых категорий.

Источниками материала послужили: полевые материалы, собранные сотрудниками КБИГИ в 90-е годы XX в., полевые материалы автора, собранные в разное время посредством личного общения через различные мессенджеры, визуальные источники (телеканал «Adiga TV», интервью с представителями диаспоры в Турции на кабардино-черкесском языке, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет); лексикографические издания (толковые словари, словарь синонимов, переводные словари, терминологические словари); фразеологический фонд литературного кабардино-черкесского языка и кабардино-черкесской речи диаспоры; художественные произведения кабардинских и черкесских авторов; художественные и публицистические издания представителей диаспоры в Турции на кабардино-черкесском языке; монографические издания по диалектам и говорам кабардино-черкесского языка в метрополии.

Материалом исследования послужила кабардино-черкесская речь более ста респондентов разных возрастов, проживающих на территории Турции (Стамбул, Узун-Яйла, Кайсери), в которых отражены основные особенности речи диаспоры: фонетические, грамматические, лексические, морфологические и стилистические; паремиологические и фразеологические единицы; историзмы и неологизмы, не зафиксированные в современном литературном кабардино-черкесском языке; гибридные словообразования, художественные и публицистические тексты, написанные как представителями диаспоры, так и жителями метрополии, а также результаты транскрипции аудио- и видеоза-

писей, лингвистический анализ которых позволил выявить степень сохранения представителями диаспоры родного языка.

Достоверность результатов исследования обеспечивается тщательным отбором и критическим анализом лингвистических источников, глубоким теоретическим обоснованием положений, выдвигаемых в диссертации. Работа построена на принципах и методах исследования особенностей функционирования кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры в Турции как сложной системы взаимосвязанных элементов на разных уровнях (грамматика, лексика и фразеология, стилистика), что отражает его историческое и современное состояние. Исследование основано на системном использовании методов и приемов типологических, ареальных и фонетических исследований (сравнительный метод и компаративистика, генетическое родство языков, лингвистическая реконструкция) строя адыгских языков (в метрополии и диаспоре) на примере фonomорфологии, грамматики, а также – на анализе устойчивых лексических единиц, выраженных в ключевых концептах носителей кабардино-черкесского языка в диаспоре. Это позволило существенно повысить достоверность результатов, отражающих особенности функционирования кабардино-черкесского языка в турецкой диаспоре в рамках ее функциональной парадигмы. Репрезентативность эмпирической базы диссертации обеспечивается использованием результатов научных исследований, самостоятельно полученных соискателем в период с 2007 по 2026 гг. и апробированных в научных публикациях (индивидуальных и коллективных монографиях, статья в научных периодических изданиях и материалах научных мероприятий).

Положения, выносимые на защиту:

1. Функциональная парадигма кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры в Турции характеризуется редукцией его коммуникативной сферы до его преимущественно символической роли как маркера этнической идентичности зарубежных черкесов (адыгов) при одновременной консервации некоторых архаичных элементов в фонетике, грамматике и лексике. Длительная изоляция представителей черкесской диаспоры от соотечественников в мет-

рополии, отсутствие собственной письменной традиции и интенсивные межъязыковые контакты в стране проживания привели к складыванию специфичной формы устно-разговорной речи на базе кабардино-черкесского языка с высокой степенью вариативности, активной интеркаляцией и множественными семантико-структурными трансформациями различных лексических единиц. Трансформация кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры протекала на фоне доминирования государственного языка страны проживания (турецкого языка) во всех институциональных сферах и отсутствия целенаправленной языковой политики. В настоящее время функционирование кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры поддерживается на фоне институционализации его преподавания как родного языка в образовательных учреждениях и системного документирования угасающих форм речи диаспоры (в прессе, литературе, образовании и т.п.). При этом сама речь черкесов диаспоры представляет исключительную ценность для исследования исторической грамматики, лексики, фразеологии, стилистики и диалектологии адыгских языков.

2. На фоне сохранения архаичных черт на всех уровнях языка речевая практика черкесской диаспоры в Турции испытывает сильное влияние турецкого, что приводит к иноязычным вкраплениям, частичной трансформацией фразеологии и структурно-семантическими сдвигами. Всё это приводит к прогрессирующей утрате языка в молодёжной среде. Сопоставление диаспорной речи с литературным кабардино-черкесским языком в России показывает её критическую уязвимость и диктует необходимость системных мер – документирования, кодификации и интеграции в транснациональные образовательные и медийные проекты, способные обеспечить языковую преемственность.

3. Речь черкесской диаспоры в Турции представляет собой специфичный вариант кабардино-черкесского языка, законсервировавший некоторые архаичные черты, утраченные литературной нормой в метрополии. Это выражается в устойчивом сохранении палатализованных согласных (*ç', κ', чI'*), полногласия, аффикса множественного числа *-hэ*, а также архаичных форм утверждения и отрицания (*-с, -Iым*), которые на исторической родине сохра-

нились лишь в периферийных диалектах и речи старшего поколения. Одновременно с этим в речи диаспоры наблюдаются инновационные отклонения от литературной нормы в грамматике: смещение функций формантов *-р* и *-м*, вариативность аффикса *-у//уэ*, афереза направительных превербов и неогласованность личных аффиксов, что свидетельствует об активных процессах морфологической редукции и упрощения грамматической системы в условиях длительного изолированного функционирования без письменной традиции и институциональной поддержки. Фономорфологический и грамматический строй речи диаспоры отражает как исконное состояние кабардино-черкесского языка, так и последствия языковых контактов с иноязычным окружением в стране проживания, что в совокупности определяет уникальность и уязвимость данного идиома в рамках функциональной парадигмы языка.

4. В современных условиях фразеологическая система речи черкесской диаспоры в Турции, сохраняя ядерную (основную) семантику, подвергается частичным грамматическим и семантико-структурным трансформациям, что отражает как консервацию архаичных черт кабардино-черкесского языка, так и вытеснение из обихода устойчивых оборотов под влиянием иноязычного окружения и при отсутствии нормативного регулирования. В совокупности, выявленные и охарактеризованные в ходе исследования лексико-семантические, фразеологические и интеркаляционные процессы отражают переход речи диаспоры из изначально полноценного средства общения в преимущественно символический маркер этнической идентичности.

5. Стилистика речи черкесской диаспоры в Турции характеризуется, с одной стороны, консервацией архаичных фонетических явлений (палатализация, ларингальный *h* как показатель множественности, употребление *с* вместо *щ* в копуле), лексико-семантических трансформаций и устойчивых фразеологических рядов с компонентами *гу*, *псэ*, *псальэ*, сохраняющих этнокультурный код; с другой – активной интеркаляцией из турецкого языка, охватывающей не только знаменательную лексику, но и дискурсивные маркеры (*та-*

би, эвет, яни) и формы обращения (аби, тейзэ), что отчасти отражает билингвальный характер коммуникации. Система утверждения и отрицания также демонстрирует сосуществование исконных лексем (хъэуэ, нтIэ) и заимствованных эквивалентов (yok, hayır), причём у молодого поколения доминируют тюркизмы, указывая на постепенный языковой сдвиг. Вместе с тем традиционные этикетные формулы обращения через термины родства (си къуэши, си шыпхъу, тхъэмадэ) остаются устойчивым маркером идентичности, а их архаичные формы кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры функционально более нагружены, чем в метрополии, где под влиянием русского языка распространились новые формы обращения на Вы, по имени и отчеству и уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Апробация исследования и публикации по теме диссертации. Концептуальные основы, научные положения и выводы диссертационного исследования были представлены профессиональному сообществу на следующих конгрессах, форумах, конференциях и семинарах: XI Конгресс антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.); V международная научная конференция памяти выдающегося кавказоведа П.К. Услара (1816–1875) (г. Махачкала, 02 – 03 июня 2016 г.); Международная научная конференция «Кавказская филология: история и перспективы» к 90-летию со дня рождения М.А. Кумахова (г. Нальчик, 19 октября 2018 г.); Всероссийская научно-практическая конференция школьников, студентов, аспирантов и молодых ученых «Шаг в науку – 2022» (г. Нальчик, 8 февраля 2022 г.); Восьмой международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» (с. Кабардинка, г. Геленджик, 22–25 сентября 2022 г.); XV Конгресс антропологов и этнологов России (г. Санкт-Петербург, 26–30 июня 2023 г.); Круглый стол «Родной язык как средство сохранения культурного наследия, истории и традиций народов Кабардино-Балкарской Республики (в рамках реализации Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных

ценностей)» (г. Нальчик, общественная палата, 15 апреля 2025 г.); XVI Конгресс антропологов и этнологов России (Пермь, 02–06 июля 2025 г.); XII Международный форум историков-кавказоведов «Народы Кавказа в XVIII–XIX вв.: История, политика, культура», посвященный 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, 80-летию со дня рождения первого президента Абхазии, академика В.Г. Ардзинба, 100-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (г. Сухум, Абхазии, 1 октября 2025 г.); Международная научно-практическая конференция Россия и народы Закавказья в контексте русско-турецких войн XVIII – начала XX вв. (г. Ставрополь, 23–25 октября 2025 г.) и др.

В диссертацию вошли результаты, полученные в ходе работы над научно-исследовательскими проектами сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН:

- 1) КЫЩОКЪУЭ АЛИМ И БЗЭМ И ПСАЛЪАЛЪЭ (Словарь языка Алима Кешокова) / науч. ред. Б.Ч. Бижоев. – Нальчик: Фрегат, 2022. – 1021–1053 с. (2, 79 п.л.);
- 2) АДЫГЭБЗЭ СИНОНИМХЭМ Я ПСАЛЪАЛЪЭ (Словарь синонимов кабардино-черкесского языка): Синоним гупхэу 3400-м щигъу итщ / науч. ред. Р.Х. Дзуганова. – Нальчик: Принт Центр, 2020. – С. 12–174; 879–880 (13,14 п.л.);
- 3) АДЫГЭ (КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭС) ГРАММАТИКЭ (Кабардино-черкесская грамматика) / науч. ред. Б.Ч. Бижоев. – Нальчик: Принт Центр, 2023. – С. 9–40; 51–87 (5,47 п.л.);
- 4) «АДЫГЭБЗЭ» (Кабардино-черкесский язык. В 2-х т. Т. II / науч. ред. Б.Ч. Бижоев. – Нальчик: Принт Центр, 2026. – С. 234–278; 439–487 (5,97 п.л.).

Ряд положений диссертационного исследования прошел обсуждение на заседаниях сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, а также в рамках научных мероприятий, организованных данным сектором и институтом.

Основные положения диссертации отражены в 55 научных работах. Общий объем опубликованных соискателем по теме диссертации работ составляет 56,36 п.л., в том числе: 23 статьи в изданиях, рекомендованных

Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ, общим объемом 11,92 п.л. (доля соискателя – 10,7 п.л.), включая 7 статей в изданиях К2, рекомендованных ВАК, опубликованных после 01.09.2023, общим объемом 4,54 п.л. (доля соискателя – 4,14 п.л.); а также 3 статьи, опубликованные в журналах, индексируемых в международных базах, общим объемом 1,91 п.л. (доля соискателя – 0,97 п.л.); 1 монография объемом 7,9 п.л.; главы в коллективных монографиях и словарные статьи в словарях (доля соискателя в которых составляет 27,37 п.л.).

Совокупность публикаций автора включает исследования, раскрывающие различные аспекты заявленной темы, среди которых особо выделяется монография «Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции» (Нальчик, 2014) [Абазова, 2014].

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав (включающих 13 параграфов), заключения, библиографического списка и списка сокращений, что обеспечивает последовательное и аргументированное изложение материала.

Во **Введении** представлены актуальность темы, степень ее научной разработанности, цель и конкретные задачи, объект и предмет, материал и источники исследования, определена научная новизна работы, обоснована ее теоретическая и практическая значимость, предложены методы и гипотеза исследования, доказана степень достоверности результатов диссертации и их апробация, обоснованы положения, выносимые на защиту.

Первая глава «**Языковая ситуация и тенденции развития языка в диаспоре и на исторической родине (диахронический и синхронический анализ)**» направлена на комплексный сопоставительный анализ функциональной парадигмы кабардино-черкесского языка в черкесской (адыгской) диаспоре и в метрополии, охватывающий исторические и современные социолингвистические процессы, механизмы сохранения и современные формы существования языка с целью выявления ключевых факторов его уязвимости и жизнеспособности: выявлены основные тенденции диаспоральных процес-

сов и дана комплексная социолингвистическая характеристика языковой ситуации черкесской диаспоры в Турции (1.1. Основные тенденции диаспоральных процессов и их социолингвистическая характеристика); проведен комплексный анализ исторически обусловленных социальных, институциональных и внутриязыковых механизмов, обеспечивающих сохранение и передачу кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры в Турции (1.2. Механизмы сохранения языка в диаспоре в исторической перспективе); выявлено современное состояние и ключевые факторы уязвимости кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры в Турции (1.3. Современная форма существования языка в черкесской (адыгской) диаспоре и способы его сохранения); предложен комплексный анализ исторического становления литературного кабардино-черкесского языка в России, развития письменной традиции и системы образования (1.4. Кабардино-черкесский язык в метрополии: история и современность).

Вторая глава **«Кабардино-черкесский язык диаспоры и язык метрополии: фономорфологические и грамматические изоглоссы»** направлена на комплексный сравнительный анализ фономорфологических и грамматических особенностей черкесской речи диаспоры в Турции и кабардино-черкесского литературного языка в метрополии для выявления структурных расхождений, обусловленных длительной изоляцией от языка метрополии и иноязычным влиянием: анализируется чередование гласных и согласных звуков независимо от влияния других звуков и полногласие в речи диаспоры и кубано-зеленчукском говоре кабардино-черкесского языка (2.1. Фономорфологические особенности речи диаспоры и языка метрополии в сравнительном аспекте); изучены грамматические показатели утверждения и отрицания, грамматический маркер множественного числа, выявлены особенности употребления различных аффиксов и огласованность-неогласованность личных показателей глаголов (2.2. Грамматические характеристики кабардино-черкесского языка и речи диаспоры в сравнительном аспекте).

Третья глава **«Лексико-фразеологические изоглоссы в речи диаспоры»** направлена на комплексный сравнительный анализ лексико-семантических и фразеологических изменений в речи черкесской диаспоры Турции, охватывающий семантические трансформации исконных лексем относительно литературной нормы кабардино-черкесского языка в метрополии, механизмы и типы интеркаляции как результата межъязыковой коммуникации, а также виды структурно-семантических и грамматических трансформаций фразеологических единиц в условиях изолированного развития и интенсивного иноязычного окружения: выявлены и систематизированы лексемы с семантическими трансформациями в речи черкесской диаспоры Турции (3.1. Слова с семантическими трансформациями в речи диаспоры (сравнительный анализ с литературным кабардино-черкесским языком); проведены сравнительный анализ и типологизация иноязычных вкраплений (интеркаляция) в речи черкесской диаспоры в Турции и кабардино-черкесском языке в России (3.2. Интеркаляция как результат межъязыковой коммуникации в речи диаспоры и в языке метрополии); изучены фразеологизмы с частичной трансформацией, фразеологические единицы с грамматической трансформацией и фразеологизмы с семантико-структурной трансформацией (3.3. Трансформация фразеологизмов в речи кабардино-черкесской диаспоры).

Четвертая глава **«Стилистические особенности речи диаспоры»** посвящена выявлению и системному описанию стилистического своеобразия речи черкесской диаспоры в Турции через анализ лексической стилистики, лексических средств утверждения и отрицания, фразеологической синонимии и системы обращений в сопоставлении с кабардино-черкесским литературным языком на исторической родине для определения механизмов сохранения архаики и инноваций в условиях изоляции и интенсивных межъязыковых контактов в стране проживания, что позволило выявить и систематизировать стилистически маркированные лексические пласты речи черкесской диаспоры в Турции (архаизмы, неологизмы, семантические трансформации и иноязычные заимствования) (4.1. Лексическая стилистика); исследовать специ-

фику функционирования и стилистического своеобразие лексических средств утверждения и отрицания в речи диаспоры в Турции; (4.2. Лексические средства утверждения и отрицания в кабардино-черкесской речи диаспоры как стилистическая особенность); выявить, систематизировать и провести лингвокультурологический анализ синонимичных фразеологических единиц в речи черкесской диаспоры как стилистического приёма, раскрывающего механизмы семантического варьирования (4.3. Синонимичные фразеологические единицы в речи диаспоры как стилистический прием); проведен сопоставительный анализ традиционных и заимствованных форм обращения в речи диаспоры, репатриантов и кабардино-черкесском литературном языке (4.4. Обращения как основа коммуникативной практики (речь диаспоры, репатриантов и литературный язык)).

В **Заключении** обобщены результаты проведенного исследования и определены его перспективы.

Общий объем диссертационного исследования составляет 331 страницу; объем основного текста – 286 страниц. Список использованной литературы включает 448 наименований (библиографический список – 358 наименований (на иностранных языках – 11), словарей и справочников – 16, художественных и т.п. источников – 48, интернет-ресурсов – 18, фоноархив – 8).

Глава 1. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА В ДИАСПОРЕ И НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И СИНХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

1.1. Основные тенденции диаспоральных процессов и их социолингвистическая характеристика

Теоретические разработки в области исследования диаспор (диаспороведение) представляют собой действенный инструментарий для анализа социолингвистической ситуации в черкесской (адыгской) диаспоре за рубежом. Разработки теоретиков диаспоры дают возможность выявить как общие тенденции динамики языковой ситуации в странах проживания черкесских диаспорантов, так и определить специфичные черты их речи и некоторые отличия от универсальных диаспоральных процессов. Вопросы теории диаспоры привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Так, например, в отечественном диаспороведении теоретические вопросы исследования феномена диаспоры затрагивались в трудах В.И. Дятлова [Дятлов, 1999], П.Л. Кима Юань-фу [Ким Юань-фу, 1993], С.А. Арутюнова [Арутюнов, 2000; 2018], В.А. Тишкова [Тишков, 2000; 2003а; 2003б; 2011; 2025], М.А. Аствацатуровой [Аствацатурова, 2000; 2002; 2003; 2018; Тохтабеева, Аствацатурова, 2015], Е.И. Пивовара [Пивовар, 2021], А.В. Бедрика [Бедрик, Чикарова, 2024] и др. В целом, теория диаспор позволяет сформировать общие представления, на фоне которых можно локализовать и детально исследовать специфику черкесского случая: от механизмов сохранения этнокультурной идентичности за пределами исторической родины и языка, как одного из основных ее маркеров, до нового этапа языкового ренессанса под влиянием современных транснациональных связей. В этом плане для исследования особенностей трансформации речи черкесов, проживающих за пределами России, применимы такие теоретические основы, как осмысление

диаспор в контексте концепций «воображаемых сообществ» и коллективной памяти, теорий транснационализма и «гибридной идентичности» и т.п.

Для черкесского населения, проживающего за рубежом, язык, фольклор и нарративы об исторической родине стали основными маркерами их этнокультурной идентичности. Теория диаспоры объясняет, почему даже при сильной языковой ассимиляции (когда, например, в Турции турецкий язык доминирует в публичной и часто домашней сферах), проживающее за пределами исторической родины длительное время почти в полной мере сохраняют этническое самосознание и язык. В этом плане социолингвистические практики – не просто общение, а форма поддержания этой общности.

Термин «диаспора» имеет множество определений. В общем плане диаспора является одной из разновидностей транснациональных сообществ – глобализированных групп людей, дисперсно проживающих в разных странах мира, но сохраняющих культурные и национальные связи с одной или несколькими странами, являющимися для них местами исхода (исторической родиной). Формируясь под влиянием глобализации, они обусловлены миграцией и межгосударственными экономическими, культурными и социальными процессами. Диаспора, таким образом, представляет собой сложную и многогранную общность, чья идентичность формируется на стыке различных культур и пространств. При исследовании диаспор необходимо учитывать всю полноту проявления отмеченных выше факторов: от материальных аспектов, таких как миграция и экономические связи, до нематериальных, таких как сохранение языка метрополии, культурной памяти, коллективной идентичности и поддержание транснациональных социальных сетей. Только комплексный подход позволит в полной мере оценить всю сложность и значимость этого явления в современном мире. При этом социолингвистическая характеристика черкесской диаспоры невозможна без учета накопленного исследовательского опыта в теоретическом диаспороведении.

Научно-аналитическое осмысление феномена диаспоры началось лишь с конца 60-х гг. XX в. в рамках миграционных исследований. С 1968 г. это по-

нятие получило распространение сначала в США, а затем и в Европе для описания этнических групп, рассеянных по разным территориям. Хотя сам термин «диаспора» известен с давних времен его семантика постоянно менялась в зависимости от исторических условий его применения. Греческий термин «диаспора» имеет свои истоки в протоиндоевропейском корне *spr-*, который лег в основу древнегреческого глагола *diaspeirein* [Карташова, 2024: 65]. Изначально это слово описывало процесс распространения семян от материнского растения, что является фундаментальным механизмом репродукции организма. У античных писателей это понятие служило в качестве нейтрального обозначения процесса перемещения и конкретно указывало на греческие поселения, рассредоточенные по побережью Средиземного моря. Впоследствии этот термин стал ассоциироваться с процессом расселения еврейских общин. С течением времени его значение претерпело трансформацию, приобретая коннотации коллективной травмы и изгнания, когда индивид испытывал тоску по родине, проживая вдали от нее [Карташова, 2024: 65]. В контексте современной эпохи российские, греческие и китайские группы, расселившиеся за пределами своих национальных государств, стали классифицироваться как диаспоры. Параллельно с этим процессы колонизации и трансатлантической миграции привели к тому, что и другие группы населения начали относиться к категории диаспор. Таким образом, понятие «диаспора», несмотря на древние корни и изначально нейтральное значение, в современном научном дискурсе, начиная с конца 1960-х гг., стало использоваться для описания этнических групп, рассеянных по разным территориям (как правило, за пределами исторической родины), приобретая зачастую новые коннотации, связанные с коллективной травмой и изгнанием.

В начале 1990-х гг. в академической среде наблюдалось существенное повышение исследовательского интереса к феномену диаспоры. Это было связано, с одной стороны, с количественным и качественным ростом диаспор, сформировавшихся в результате трудовой миграции (включая турецкую в Германии, арабскую и африканскую во Франции, индийскую в Великобритании и т.п.), а с другой – возникновением новых диаспор вследствие политических

трансформаций, таких как распад СССР и Югославии и др. В настоящее время формирование диаспор продолжается под влиянием различных факторов.

Масштабирование публикационной активности по данной проблематике способствовало формированию общего исследовательского поля и, как следствие, появлению специализированных научных изданий. К числу таких можно отнести и такие научные журналы, как: «Diaspora», издававшееся с начала 1990-х гг. на базе Оксфордского университета (Англия); русскоязычная версия журнала «Диаспоры», выходившая с конца 1990-х гг. до середины 2010-х гг. Кроме того, в разных странах также публикуются специализированные журналы по проблемам диаспор: например, «Постсоветский материк» на базе АНО «Институт стран СНГ» в России; «Turkish Journal of Diaspora Studies» – в Турции; «Mongolian Diaspora. Journal of Mongolian History and Culture» – в Монголии; «Journal of African Diaspora Archaeology and Heritage» – в США и др.

Как отмечалось, с течением времени менялась семантика термина «диаспора», происходило его наполнение новыми смыслами, уточнялось значение. Так, если в конце 1990-х гг. данный термин обладал широким спектром значений, зачастую интерпретируясь как синоним понятий «эмиграция» или «национальное меньшинство» [Дятлов, 1999], то позже его смысловое наполнение расширилось, включив аспекты сохранения диаспорантами своей этнокультурной идентичности, способности к интеграции в принимающее общество [Дятлов, 1999: 10–11], влияние «метрополий» на «положение диаспор (защита их прав и интересов, оказание помощи и т.п.)» [Брубейкер, 2000] и т.п. По сути, со временем термин «диаспора» перестал быть просто обозначением группы людей, живущих за пределами исторической родины, и стал охватывать более сложные социокультурные (сохранение языка и культуры) и политические (связь с исторической родиной, проблемы репатриации) аспекты их существования.

Современные исследования диаспор подчеркивают их включенность в транснациональные сети, которые охватывают как страны проживания, так и страны происхождения. В отличие от прежних подходов, фокусировавшихся

исключительно на принимающей стране, новые концепции диаспороведения признают возможность одновременной идентификации диаспорантов с несколькими национальными сообществами даже при физическом проживании только в одной из них. Диаспоры вступают не только в двусторонние связи со страной пребывания и страной происхождения, но и формируют многогранные системы взаимоотношений между собой, охватывающие одно или несколько национальных государств. Ряд современных исследователей акцентирует внимание на значимости укрепления связей и упрощения взаимодействия диаспоры с государством исхода (метрополией). В настоящее время в таком взаимодействии особое значение придается развитию многосторонних отношений. Кроме того, диаспора играет ключевую роль в формализации и закреплении возникающих общественных организаций. Поэтому при исследовании особенностей трансформации речи представителей черкесской диаспоры за рубежом следует учитывать, что современный подход к изучению диаспор подчеркивает их глобальную включенность, многомерность идентичности и способность формировать сложные транснациональные связи, выходящие за рамки традиционного бинарного представления «страна происхождения – страна проживания».

Такие динамичные и многоуровневые транснациональные сети дают возможность современным диаспорам выступать не просто как пассивные реципиенты этнокультурных и языковых влияний, но и как активные агенты, формирующие новые культурные и социальные пространства. В современном мире диаспоры часто становятся катализаторами культурного обмена и взаимопонимания между народами, преодолевая географические и политические барьеры. Их способность поддерживать и развивать свою этнокультурную идентичность, одновременно приспосабливаясь к новым условиям, является важным фактором их устойчивости и адаптивности. В целом, анализ теоретических разработок в области диаспороведения показывает, что в числе основных тенденций этнолингвистических процессов в условиях диаспоры исследователи выделяют проблемы языковой ассимиляции; интернационали-

зацию лексики в речи диаспоры; поиски диаспоральной идентичности; дисперсность расселения диаспорантов в странах проживания; сложный этнический состав некоторых глобальных диаспор, их деление на множество самостоятельных субэтнических групп, в которых язык имел свои диалекты и говоры; увеличение числа смешанных браков между представителями диаспор и коренным населением в принимающих странах; стремительная урбанизация; глобализация; появление «цифровой диаспоры»; формирование и трансформация диалектных систем; влияние образовательных систем; языковая политика и законодательство принимающих стран и т.п.

Таким образом, изучение черкесской диаспоры в этом контексте открывает дополнительные возможности для углубленного понимания современной языковой ситуации в условиях глобализации и конструирования идентичности.

Не менее значимым фактором трансформации языка в условиях диаспоры иногда выступает сложный этнический состав некоторых глобальных диаспор, их деление на несколько самостоятельных субэтнических групп, каждая из которых имеет свои диалекты и говоры. В таких случаях, помимо внешних языковых влияний, происходит активное взаимодействие и взаимопроникновение внутри самой диаспоральной общности. Это может привести к формированию специфичных языковых черт, трансформации лексики и грамматических структур, а также к появлению новых форм выражения мыслей, отражающих многослойную идентичность ее носителей. Поэтому в условиях диаспоры зачастую происходит формирование новых и трансформация действующих диалектных систем. В изоляции или в условиях ограниченного контакта с носителями языка в метрополии, а также под влиянием языков принимающих стран, в диаспорах могут возникать новые диалектные формы, отличающиеся от исходных. Эти изменения могут касаться как фонетики и грамматики, так и лексики, отражая специфику жизни и взаимодействия внутри диаспорального сообщества.

Увеличение числа смешанных браков между представителями диаспор и коренным населением в принимающих странах приводят к формированию но-

вых языковых практик, где элементы родного языка диаспорантов смешиваются с языком принимающей страны (принимающего общества), что зачастую может приводить к появлению своеобразных гибридных речевых форм. В результате языковая картина в диаспоре приобретает большую динамичность и выразительность, выражая адаптацию к речевым практикам принимающей страны.

В условиях стремительной урбанизации носители диалектов или говоров, переезжая в крупные населенные пункты, сталкиваются с необходимостью адаптации к новой языковой (шире – коммуникативной) среде. Этот процесс запускает сложную трансформацию речи, которая затрагивает фонетику, лексику и традиционные практики общения внутри диаспоры. Как правило, в этих условиях происходит упрощение фонетической системы, ускорение трансформации лексического массива, потеря диалектом эмоциональной насыщенности и трансформации его в более утилитарный код общения.

Глобализация также оказывает существенное влияние на трансформацию коммуникативных практик диаспор. С одной стороны, прогресс в области транспорта, включая авиацию, высокоскоростные поезда и автомобили, значительно облегчает мобильность, позволяя мигрантам совершать частые визиты на историческую родину. С другой стороны, развитие телевидения и Интернета открыло возможности для синхронной, онлайн-коммуникации, обеспечивая постоянное участие в жизни страны исхода в различных сферах: от деловой и политической до культурной. По сути, глобализация существенно меняет ландшафт существования диаспор, постепенно преобразуя их из изолированных этнических анклавов в активных участников глобального информационного пространства. Традиционные формы коммуникации (например, местные газеты, религиозные собрания и т.п.) уступают место виртуальным формам взаимодействия. В этом плане социальные сети, мессенджеры и специализированные онлайн-платформы позволяют диаспорам создавать транснациональные сети. Полагаем, что глобализация не влечет за собой исчезновение диаспор, а лишь переформатирует их. Коммуникативные практики становятся более гибкими, многоканальными и транснациональными.

Диаспоры со временем становятся сетевыми сообществами, способными реагировать на любые изменения в мире, при этом сохраняя уникальную этнокультурную специфику через новые, цифровые формы взаимодействия.

В свою очередь, глобализация влечет за собой появление «цифровой диаспоры», в данном случае – виртуального сообщества, условной социальной группы мигрантов (зачастую проживающих в разных странах), чьи коммуникации и социальные связи преимущественно формируются и поддерживаются посредством информационно-коммуникационных технологий, в частности, через цифровые платформы. В медиапространстве имеются «больше преимуществ, которые способствуют интеграции и межкультурному взаимодействию» [Каменева и др., 2022] диаспоры и метрополии.

Кроме того, в принимающих странах система образования, а также наличие или отсутствие школ с преподаванием на родном для диаспоры языке, оказывают существенное влияние на уровень владения языком и его дальнейшее функционирование.

Не менее значимыми детерминантами трансформации языков диаспор выступают языковая политика и нормативно-правовая база принимающих государств, а также государственная стратегия по отношению к языковым меньшинствам. Существенное значение имеют наличие или отсутствие правовых механизмов, способствующих сохранению лингвистического разнообразия при наличии государственного языка, а также общественное восприятие языков диаспор.

Рассмотренные теоретические подходы можно применить и для исследования языковой ситуации черкесов в условиях зарубежной диаспоры. Следует также учитывать, что аспекты ее функционирования привлекали внимание исследователей разных социально-гуманитарных направлений.

Это открывает дополнительные перспективы для комплексного исследования языковой ситуации в кавказских диаспорах с опорой на междисциплинарный подход. Подобная многоаспектность изучения позволяет глубже понять динамику сохранения и трансформации языка, его роль в формирова-

нии этнокультурной идентичности, а также механизмы адаптации и интеграции диаспорантов в новой социокультурной среде. Материалы для изучения языковой ситуации в диаспорах других народов Кавказа содержат значительный эвристический потенциал для дальнейшего выявления общих закономерностей и специфических особенностей развития у них речевых процессов за пределами исторической родины.

Вместе с тем, на этом фоне усиливается и интерес исследователей к вопросам языковой ситуации в местах расселения представителей черкесской диаспоры за рубежом. Так, некоторые аспекты функционирования языка черкесов в диаспоре затрагиваются исследователями при изучении вопросов методики преподавания черкесского языка как иностранного за рубежом [Гогунокова, 2024; Танашева, Гогунокова, 2025], изучения общих проблем сохранения языка в условиях диаспоры в настоящее время [Коцев, 2018; Алтын, 2017; Дзасежева, Кумыкова, 2026], в том числе и в отдельных странах проживания представителей диаспоры (например, в Иордании [Хот, Исхакат, 2010], Израиле [Бородина, Комаха, Рыжов, 2023]), а также – методологии сохранения языкового наследия с помощью литературных текстов в условиях диаспоры [Хачемизова, 2025], художественного наследия адыгской диаспоры как части национальной литературы [Шовгенова, 2019] и др. Предпринимаются попытки создания трёхязычных учебных словарей (турецко-русско-кабардино-черкесского и русско-турецко-кабардино-черкесского) [Абазов, Танашева, 2016]. Кроме того, ставятся проблемы исследования дезассимиляционных процессов и конструирования «черкесской диаспоры» в современной Турции [Иванова, 2013]. В настоящее время усиливается интерес исследователей к таким актуальным направлениям познания, как анализ роли средств массовой информации и цифровых технологий в поддержании языковой идентичности как в диаспоре, так и метрополии, включая изучение влияния онлайн-платформ на формирование языковых норм и распространение диалектных особенностей. Особое внимание уделяется также социолингвистическим аспектам двуязычия и многоязычия у зарубежных черкесов среди молодого поколения, обращается

внимание и на некоторые факторы, способствующие или препятствующие передаче родного языка от старших поколений к младшим.

Актуальным для значительной части исследователей зарубежной черкесской диаспоры являются проблемы языковой ассимиляции ее представителей. Эти проблемы выражаются в том, что в большинстве случаев отмечается отрицательная динамика владения родным языком представителями диаспор и перенимание официального языка стран-проживания. Действительно, «первое, что подвергается процессу аккультурации, является родной язык. Осваивая язык принимающего общества, человек осваивает принятые в этом обществе нормы поведения, язык, культуру, что ускоряет адаптацию. Постепенно национальные языки становятся функционально неравнозначными доминирующему языку, менее престижными, поскольку возникает необходимость в освоении языков, что зачастую объясняет многоязычие такой этнической общности» [Биткеева, 2009: 454–455].

В числе основных факторов, которые влияют на эти процессы, чаще выделяются последствия национальной политики стран проживания, запреты на преподавание родных языков в учебных заведениях, отсутствие национальной письменности у представителей некоторых диаспор и др. В этом плане следует учитывать факторы, которые способствуют передаче языка метрополии в диаспоре, и которые препятствуют этому. В числе способствующих факторов можно указать погружение в языковую среду метрополии (замкнутое автономное проживание в диаспоре), внутрисемейное бытовое общение на родном языке, участие в культурно-досуговых мероприятиях, государственная поддержка страны проживания. В числе препятствующих – доминирование языка принимающей страны во всех сферах общественной жизни (образовании, работе, медиа, культуре); недостаточная институциональная поддержка языка метрополии в условиях диаспоры; ассимиляция, стремление избежать дискриминации и желание полностью интегрироваться в новое общество; внутренние семейные факторы и т.п.

В настоящее время в контексте межкультурного взаимодействия интернационализация языков выступает как общезыковая закономерность, охватывающая все уровни языковой системы и речевую практику. Данный эффект становится более выраженным в условиях глобальной интернационализации, когда наблюдается доминирующее влияние английского языка как языка метрополии и языка майоритета диаспоры. В современных условиях переход от однополярного мира к многополярному может привести к утрате доминирования английского языка как языка международного общения и к усилению международной роли других языков – китайского, русского. Кроме того, постепенная интернационализация языковых явлений происходит в условиях взаимовлияния (интерференции) и слияния (интеграции) с языками окружения. «Непосредственное взаимодействие языков в условиях двуязычия неизбежно приводит к притоку заимствований из языка майоритета, что в большей или меньшей степени отражается как в устной, так и письменной форме речи» [Мартинкова, 2016]. Таким образом, в обстановке двуязычия процесс языковой интернационализации, будучи сложным и многогранным, выступает лишь одним из направлений общей интернационализации.

Не менее важными при сохранении родного языка являются поиски диаспоральной идентичности. В условиях удаленности от родины диаспора стремится сохранить свою культуру, которая иначе могла бы утратиться. В то время как на исторической родине язык и культура как маркеры этнокультурной идентичности могут быть менее значимы. А для диаспоры, живущей среди чужой культуры, они становятся важными для поддержания своей идентичности. Поэтому диаспора, как правило, более консервативна, чем метрополия, отдавая приоритет сохранению прошлого и традиций, а не внедрению нового. Кроме того, традиционная «двухуровневая» национальная идентичность, включавшая в себя понятия «малой родины» и государства, также претерпевает трансформацию. На смену ей приходят более сложные, гибридные формы самосознания, такие как, например, «турецкие черкесы», обладающие тройной идентичностью (черкесская, турецкая и специфическая «турецко-

черкесская»). Помимо этого, наблюдается рост транснациональных идентичностей, например, ощущение себя «европейцем» или «азиатом». Однако, с другой стороны, прогресс в области средств массовой информации и глобальной сети Интернет способствует упрощению поддержания социальных и культурных связей диаспоры и метрополии. Это, в свою очередь, создает благоприятные условия для более легкого формирования и сохранения диаспоральной идентичности, что особенно актуально для народов, вынужденных покинуть свои исторические родины в прошлом.

Не менее важным фактором, влияющим на этнолингвистические процессы в диаспоре, является дисперсность расселения некоторых ее отдельных групп в странах проживания. Это зачастую приводит к ослаблению языковых контактов между носителями и, как следствие, к замедлению или даже прекращению передачи языка следующим поколениям. Отсутствие компактных языковых анклавов или ограниченное взаимодействие с другими представителями своей этнической группы в повседневной жизни могут способствовать более быстрой ассимиляции и переходу на язык страны пребывания.

В настоящее время черкесская зарубежная диаспора функционирует стационарными ареалами в Турции, Сирии, Иордании, Израиле и других странах. Следует отметить, что более поздние волны миграции черкесов привели к появлению значительно меньших общин в США, Франции и Германии. Так как проблема признания носителей адыгских языков за рубежом в качестве диаспоры теснейшим образом связана с их количеством. В связи с этим не вызывает сомнения признание диаспоры черкесского (адыгского) населения Турции, Сирии и Иордании. Немногочисленные представители адыгского этноса на территории ФРГ и США, которые, как известно, иммигрировали туда из Турции и Сирии в поисках работы и представляют вторичную иммиграцию. Несмотря на то, что черкесы (адыги) дисперсно проживают по всему миру, современные условия способствуют сокращению дистанции между диаспорой и метрополией.

Таким образом, с течением времени смысловое наполнение термина «диаспора» менялось от обозначения субэтнической группы, проживавшей за пределами исторической родины, до сложного транснационального образования, обладающего самосознанием, стремлением к сохранению языка и культуры, устойчивыми связями с соотечественниками в метрополии (стране исхода). Эти связи проявляются как в материальных аспектах (миграция, экономические отношения), так и в нематериальных (язык, культура, идентичность, социальные сети). Для полного понимания диаспоры необходим комплексный подход, учитывающий все эти проявления. В последние десятилетия повышение исследовательского интереса к разным аспектам функционирования диаспор связано с целым комплексом глобальных социально-политических, научно-технологических и академических факторов. Диаспоры перестали восприниматься как периферийный феномен, трансформировавшись в значимый объект научного изучения для понимания более широких процессов нацстроительства, выстраивания глобальных сетей и преобразования в сфере языка и культуры в первой четверти XXI в. В этих условиях под влиянием целого ряда экзогенных и эндогенных факторов менялись языки диаспор, оставаясь при этом важным маркером этнокультурной идентичности диаспорантов. Все это дополнительно актуализирует необходимость комплексного исследования языковой ситуации у черкесского населения в Турции и функциональной парадигмы кабардино-черкесского языка за пределами исторической родины.

1.2. Механизмы сохранения языка в диаспоре в исторической перспективе

Язык – один из главных памятников народа, который является хранителем его истории и культуры. «Вряд ли стоило заниматься историей языка (в частности, историко-сравнительным языкознанием), если бы история языка не являлась бы правдивым свидетелем истории культуры народа, с одной стороны, истории человеческой мысли, с другой [Чикобава, 1974: 45]».

Миграции стали одним из основных факторов трансформации языка у черкесского (адыгского) этнического социума. В 60-е гг. XIX в. на завершающем этапе Кавказской войны большая часть черкесского народа переселилась в Османскую империю. В настоящее время нет точных сведений о численности черкесской диаспоры за рубежом. Наиболее репрезентативные сведения, отчасти поддающиеся верификации, принадлежат исследователям диаспоры А.В. Кушхабиеву и С.Г. Кудаевой. Они полагают, что в настоящее время в Турции их проживает свыше 3-х миллионов человек [Кушхабиев, 2007: 3; Кудаева, 2022: 18].

На сохранение языка и культуры в диаспоре в определенной мере повлияла форма расселения черкесов в Османской империи. Они селились компактно, моноэтническими анклавами. Исследователи отмечают, что там преобладали поселения, образованные отдельными черкесскими субэтническими группами [Кушхабиев, 2007: 236]. Доля смешанных поселений выходцев в Северного Кавказа была незначительной, состояла из различных субэтносов адыгов, при этом соблюдался принцип расселения по семейным группам. По имеющимся данным, в XIX в. этнические группы адыгов стали проживать на разных территориях Турции: абадзехи – большей частью в Самсуне, Токате, Синопе, Баликесире; шапсуги – в Самсуне, Баликесире, Болу, Айдинс, Сакарии; убыхи – в Баликесире, Болу, Сахарин, Самсуне; бжедуги – в Чанак-кале и в Бите (пригород Чанак-кале); хатукаевцы – в Кайсери; махошевцы – в Самсуне и его пригороде Алачаме; кабардинцы – в Кайсери, Токате и Сивасе; бесленеевцы – в Кёруме, Амасии. В Стамбуле стали проживать представители всех этнических групп адыгов [Багов, 1993: 232].

На основе исторических данных, представленных в работе Мухсина Субаши «Прошлое и настоящее Кайсери» (1986), восстановлены черкесские населенные пункты вилайета Кайсери, где проживали около 40 тысяч мухаджиров. Носители кабардино-черкесского языка жили в кабардинских деревнях, где помимо официального турецкого наименования имелось и неофициальное – кабардинское. Например, *Къылышбийхъэблэ* (440 человек) на,

официально назывался Киличмехмет; *Аслъэнхъэблэ* (435 человек) – Карабогаз; *Мэкэрхъэблэ* (509 человек) – Юкарикарабогаз; *Хъуэстхъэблэ* (381 человек) – Ашагикарагёз; *Къуэтхъэлей* (396 человек) – Гебелек; *Жамботей* (181 человек) – Ашагиборандере; *Елъыхъуей* (1240 человек) – Юкариборандере; *Щэныбей* (169 человек) – Эскияссыпинар; *Жэрыцтей* (270 человек) – Яглипинар; *Къунашей* (159 человек) – Халитбейорен; *Мэчэней* (322 человек) – Ашагикизилчевлик; *Лыгъурхъэблэ* (124 человек) – Аламесджит; *ЛъыцІэжхъэблэ* (221 человек) – Юкарикизилчевлик; *ХъэпацІей* (125 человек) – Ташолук; *Бешкъэзакъхъэблэ* (464 человек) – Хильмие; *Жаныкъуей* (169 человек) – Енияссипинар; *КІурашынхъэблэ* (236 человек) – Тахтакопру; *ХъэтІохъуцъыкъуей ЦыкІу* (212 человек) – Учпинар; *ХъэтІохъуцъыкъуейжъ* (465 человек) – Яхъябей; *Къундэтей* (348 человек) – Ореншехир; *Астемырей* (266 человек) – Шерефийе; *ШыкІэбахъуей* (247 человек) – Кирбагалык; *Щхъэлыкъуэ* (256 человек) – Саджаяги; *Тэхъухъэблэ* (117 человек) – Ташлигеджит; *Сасыкъхъэблэ* (147 человек) – Киркпинар; *Къундетей* (497 человек) – Каракую; *Жамботей ЦыкІу* (451 человек) – Похренк; *Къундетей* и *Мэртэзей* (237 человек) – Карахалка; *Къундетей* (261 человек) – Марашли; *Къундетей* (504 человек) – Узунпинар; *Къундетей* (372 человек) – Дикилитащ; *Анзорей* (383 человек) – Кафтангиен; *Мударей* (666 человек) – Метие; *Бабыгъуей* (197 человек) – Ашагихююк; *ХъэпІцей* (114 человек) – Чамурлу; *Къуэгъулькъуей* (205 человек) – Тилкихююк; *Анзорей* (196 человек) – Пазарсу; *Жамырзей* (315 человек) – Хейрие; *Мэргъуцей* (202 человек) – Юкарибейчайир; *Жыгеикъуэхъэблэ* (197 человек) – Киркгечит» [Хафице, 2020: 22].

Адыгейский язык был распространен в хатукаевских деревнях. Здесь, в отличие от кабардинских деревень, собственное наречение названия деревни восстановлено не у всех, в большинстве случаев фигурируют турецкие наименования. Например, «Кайнар (1001), Капаклипинар (вместе с адыгами живут турки), адыгов – 231; Малаккой (731); Бесерек (376); Кавак (209); Чукурюрт (177); *Лакъхъэлэ* (287) – Терсакан; *Хъэусей* (370) – Инлиорен; Черкессогутлу (162); *Ныбэрнэкъуей* (148) – Джинлиорен; *Хъэжыисхъэкъ къуажэ* (200) – Демирджиорен; *Хъытхъэблэ* (95) – Айгормез; *Дыгъужхъэблэ* (108) –

Деведереси; *Пэтсей* (314) – Акорен; Кушчулар или Черкескушчу (152); Пазарорен (1405). А также отмечена одна абадзехская деревня – Панли, где проживали 583 человека [Хафице, 2020: 22].

Как и хатукаевские, некоторые абазинские деревни имели собственное наименование наряду с турецкими. Например, «*Исмелкыт* (438 человек) – Бююкпотуклу; *Исмелкыт* (339 человек) – Енитопуклу; *Ло кьуажэ* (475 человек) – Алтикесек; *Башылбий* (348 человек) – Казанджик; *Сидкыт* (42 человек) – Енияпан; Караджаорен (418 человек); Демирбога (92 человек); Тавладере (129 человек), Эгрисогют (64 человек)» [Хафице, 2020: 22]. Полагаем, что во многом благодаря компактному проживанию за долгие годы черкесам в диаспоре удалось сохранить коллективную память, язык, культуру, несмотря на отсутствие долгое время связи с исторической родиной.

За более полутора вековую историю представители зарубежной черкесской (адыгской) диаспоры сохранили свой язык, что вполне подтверждает существующие теории о динамике этнокультурной и этноязыковой идентичности части народа, проживающего за пределами исторической родины. Например, А. Биткеева отмечает, что «этническое и, в частности, этноязыковое самосознание как его основополагающий компонент может сохраняться продолжительное время у многочисленной этнической группы, проживающей компактно» [Биткеева, 2018: 78]. В контексте этнолингвистических исследований социальные условия существования этноса (численность, урбанизационный статус и характер расселения) являются ключевыми маркерами, модулирующими интенсивность языковых контактов и уровень лингвистической витальности. Показатели компактности или, напротив, дисперсности расселения влияют на образование в речи фонетических, лексических, морфологических и стилистических особенностей. Следовательно, в условиях консолидированного проживания наблюдается консервация этнических маркеров, тогда как при дисперсном расселении активизируются механизмы языковой интерференции и лексической субституции. Таким образом, пространственная организация этноса опосредует переход от количественных (демо-

графических) характеристик к качественным трансформациям языкового сознания.

В этой связи эмпирически верифицируется, что характер расселения этноса задает не только степень лингвистической витальности, но и саму модель сохранения этнокультурного наследия. Если компактный ареал проживания обеспечивает самовоспроизводство этничности за счет повседневной коммуникативной практики, то в условиях территориальной дисперсности и инокультурного окружения возникает необходимость в искусственной компенсаторной поддержке языка. Данную дифференциацию точно подмечает И.В. Залитайло: «При этом, в одних случаях, она самопроизводна... в других, сохранение языка и других основ культуры ведется с привлечением дополнительных средств...» [Залитайло, 2004: 75].

Последствия миграционных процессов качественно отразились на таком важнейшем средстве социальной коммуникации как язык, что подтверждается результатами сравнительного анализа современного состояния речи представителей черкесской диаспоры за рубежом и литературного языка на исторической родине. Языковые изменения были связаны прежде всего с активным освоением представителями диаспоры языка местного населения. Для сохранения этнической идентичности и недопущения ассимиляции с коренным населением черкесам необходима была государственная поддержка, создание условий для развития, изучения родного языка на законодательном уровне, финансирование государственных программ, направленных на сохранение и развитие адыгских языков в диаспоре, возможность создания письменности на родных языках и использование в официальных сферах общения наряду с государственными языками стран проживания диаспоры. Для сохранения языка в иноязычной среде важно общение родителей с детьми на родном языке, преемственность в использовании языков, языковая установка в семье. Но, как отмечают историки, у представителей диаспоры для сохранения и развития родных языков не были в достаточной степени соблюдены вышеперечисленные механизмы [Кушхабиев, 2007; Топчу, 2017; Ионов, 2019; Кудаева, 2022].

Первые попытки институционализации механизмов сохранения родного языка в условиях диаспоры стали предприниматься на рубеже XIX–XX вв. Еще в 1897 г. в Османской империи был создан адыгский алфавит на арабской графической основе Ахмедом Джавид-пашой (1840-1916) [Алтын, 2017: 9].

На государственном же уровне впервые после переселения у черкесов в диаспоре возможность обучения на родном языке появилась лишь в начале XX в. М. Топчу (Папшу) отмечал, что «культурно-просветительская деятельность представителей черкесской диаспоры началась в период Второй Конституции (II Мешрутиет) после победы младотурецкой революции 1908 г.» [Топчу, 2017: 147]. В результате этих преобразований население республики получило возможность создавать общества и школы для представителей национальных меньшинств, издания газет на родных языках и т.п. [Топчу, 2017: 147]. Эти события повлекли за собой череду попыток создания письменности на родных языках для представителей северокавказских диаспор. Сразу же после революции 1908 г. было основано Черкесское общество единения и взаимопомощи / ЧОЕВ («Çerkes İttihad ve Teavün Cemiyeti»), которое разработало национальную письменность, основанную на модифицированной арабице, с целью просвещения черкесов, проживающих как в диаспоре, так и на исторической родине [Алтын, 2017: 9]. ЧОЕВ было создано в Стамбуле. Его целью было сохранение языка, культуры, обычаев черкесов с помощью различных обществ. Оно также учредило в Стамбуле «среднюю «черкесскую образцовую школу», преподавание в которой велось на черкесском (адыгском) языке» [Адыги, 2023: 133]. С 1911 по 1914 гг. ЧОЕВ выпускало газету «Гъуазэ» (на черкесском языке, алфавит на арабской графической основе) [Березгов, 2000: 14]. ЧОЕВ функционировало до 1923 г.

В 1910 г. в Стамбуле была открыта черкесская школа («Çerkes Teavün Mektebi»), в которой помимо обязательной государственной программы преподавали черкесский язык, для чего использовался алфавит на основе арабской графики [Топчу, 2017: 148]. М. Топчу назвал эту школу первым образовательным учреждением в истории диаспоры [Топчу, 2017: 148].

Кроме того, начало XX в. отмечено неоднократными попытками создания алфавита на черкесском языке. В 1909 г. турецкий черкес доктор М. Пчегатлуков составил алфавит на арабской графической основе и подготовил букварь на черкесском языке, в 1910 г. он же подготовил букварь на латинской графической основе. В 1910 г. египетский черкес М.-К. Хуажев издал «черкесский букварь» [КЧЯ. Т. I., 2006: 14]. В 1912 г. А.П. Халук-бей предложил еще один алфавит черкесского языка на латинской графической основе [Цибенко, Погуляева, 2022: 57]. Примерно к этому же времени относится и попытка отставного дипломата Шамсаддин-паши составить унифицированный алфавит для всех выходцев с Северного Кавказа, то есть для всех бытовавших тогда языков выходцев из северо-кавказского ареала [Цибенко, Погуляева, 2022: 56].

В 1918 г. в Стамбуле при активном участии адыгских женщин было создано «Общество взаимопомощи черкесских женщин» («Çerkes Kadınları Teavün Cemiyeti») [Березгов, 2000: 15]. Общество не только открыло Образцовую женскую школу («Çerkes Kız Numune Mektebi») в Стамбуле в 1920 г., но и выпускало журнал «Ди анэ» на турецком и адыгском языках [Березгов, 2000: 15]. В школе обучались языку на латинице, рисованию, музыке, гимнастике, театральной деятельности [Arslan, 2008: 199]. Деятельность обоих объединений вплоть до их прекращения была ориентирована на сохранение национальной идентичности и развитие институтов взаимопомощи среди черкесов.

Были попытки создания письменности и на языках других кавказских народов, проживавших тогда на территории Турции. Например, в 1919 г. «Мустафа Бутба (ум. в 1946) издал в Стамбуле абхазский букварь также на основе арабской графики» [Алтын, 2017: 9]. Однако события Первой мировой войны сдерживали процессы развития письменности на черкесском языке за рубежом, а после провозглашения Турецкой Республики в 1923 г. эта деятельность и вовсе была прекращена [Бадерхан, 1993: 319].

Итак, в конце 1900–910-х гг. в Турции неоднократно предпринимались попытки разработать письменность на адыгских языках на различных графических основах, что рассматривалось как ключевой механизм его сохранения.

Как бы то ни было, формирование языка посредством создания письменности оказало существенное влияние на современное восприятие адыгских языков – и, как следствие, черкесской (адыгской) этничности как в России, так и в Турции [Цибенко, Погуляева, 2022: 57].

В сентябре 1923 г. турецкое правительство ликвидировало ЧОЕВ и закрыло черкесские школы. Предприняты попытки переименования черкесских названий населенных пунктов на турецкие, наложены запреты на публичное использование родного языка, ношение национальной одежды и т.п. [Чочиев, 2016: 198].

После 1923 г. различные организации такого порядка начали создаваться в Сирии, Иордании, Израиле. Так, в 1927 г. выпускник Сорбонского университета Амин Самгуг с группой единомышленников создал в Кунейтре «Черкесское общество образования и единения» («Адыгэ гъэсэн зыныгъэ хасэ») [Кушхабиев, 2007: 144]. В 1948 г. в Дамаске было основано «Черкесское благотворительное общество» («Адыгэ фӀыцӀэ хасэ»), которое сыграло важную роль в жизни черкесского населения Сирии. Общество обладало полномочиями обращения в органы государственной власти страны, поддержания официальных связей с черкесскими организациями в других странах [Адыги, 2023: 143].

Во второй половине 1920-х – начале 1930 гг. в Сирии осуществлялся выпуск брошюр и школьных учебников на черкесском (кабардинском и адыгейском) языке с использованием алфавита на латинской графической основе. В 1927–1932 гг. издавалась газета «Марж» («Marj»). В 1932 г. в Кунейтре была открыта черкесская десятилетняя школа, в которой, помимо прочего, преподавался черкесский язык [Кушхабиев, 2007: 144–145].

В 1932 г. в Иордании создали «Черкесское благотворительное общество» («Адыгэ фӀыцӀэ хасэ»), основной задачей которого было оказание всесторонней помощи черкесским семьям; организация работы по изучению черкесского языка, истории, обычаев [Кушхабиев, 2007: 178].

В 1934 г. в Турции вышел закон, предписывающий этническим меньшинствам замену национальных фамилий на турецкие [Кушхабиев, 2007: 115].

Очередные попытки институционализации языка черкесов в Турции были предприняты лишь в середине XX в. Так, в 1952 г. было учреждено «Кавказское культурное общество» («Kafkas Kültür Derneği»), где подавляющее большинство составляли черкесы (адыги), но оно не является этнонационалистическим [Цибенко, 2022: 365].

С 1962 г. в Сирии при «Черкесском благотворительном обществе» издавался журнал «Новости культуры» [Кушхабиев, 2007: 178].

В 1971 г. в Иордании был основан «Женский отдел» («Цыхубз хасэ»), который оказывал помощь черкесским женщинам с трудоустройством. Здесь с 1974 г. работала частная образовательная 12-летняя школа имени принца Хамзы Ибн Аль-Хусейна, где, помимо общеобразовательных предметов, ученики изучали родной язык (кабардинский) по учебникам, которые поступали из Кабардино-Балкарии [там же].

Жители Кфар-Камы и Рихании (Израиль) сохранили родной язык (адыгейский, преимущественно шапсугский и абадзехский диалекты) благодаря тому, что с 1976 г. в школьную программу ввели изучение адыгейского языка [Кушхабиев, 2007: 182].

В 1980-е гг. в Иордании (Амман) было издано несколько учебников по черкесскому языку, черкесско-арабский разговорник и словарь («Япэ адыгэбзэ-хьэрышыбзэ зэрызэбгъэщІэн псэлъальэ». Амман, 1988; «Япэ адыгэ-хьэрып псэлъальэ». Амман, 1988) [Кушхабиев, 2007: 178].

В 1980-е гг. большой вклад в сохранении языка черкесов в диаспоре внесла издаваемая в Турции серия брошюр Сефера Берзегэ «Документальные материалы из жизни кавказцев на чужбине» (Анкара, 1985, 1987, 1989) [Березгов, 2000: 14].

В 1990 г. переселенцы из черкесских, преимущественно кабардинских, селений района Узун-Яйла, создали одну из массовых северокавказских организаций в Стамбуле – «Узуняйлинское Кавказское общество культуры и вза-

имопомощи. Ежемесячный информационный бюллетень» («Uzunyayla Kafkas Kültük ve Yardımlaşma Derneği. Aylık Bultenidir»). Общество реализовывало курсы черкесского (кабардинского) языка. Их посещали группы детей два раза в неделю. В апреле 1993 г. было образовано объединение (от 12 организаций) «Кавказское общество» [Адыги, 2023: 136].

В израильской черкесской среде институциональная поддержка языка и культуры осуществлялась в начале 1990-х: в 1991 г. в Кфар-Каме возникло общество «Нафна» для сохранения традиций и связей с Кавказом, а в 1993 г. правительство Израиля учредило в Рихании Черкесский институт по изучению кавказских народов, занявшийся изучением адыгейского языка, историей и переподготовкой школьных преподавателей.

В 1995 г. в Стамбуле учредили одну из многочисленных по составу организацию – «Кавказский фонд культуры, образования и социальной помощи» («Kafkas Kültür Eğitim ve Sosyal Ygrdim Vakfi»), основной целью которой была объединение северокавказских диаспор в Турции. В Фонде проводят культурно-просветительскую работу, курсы по обучению детей черкесскому (кабардинскому) языку.

С 1997 г. в Сирии издавался журнал «Эльбрус» на арабском языке. В Дамаске также издан учебник чтения для детей «Си щыпэ еджэ» («Моё первое чтение») [Адыги, 2023: 143].

Диаспоральные институты черкесов Турции демонстрируют последовательную эволюцию в начале 2000-х г. Первым этапом стал выпуск с 2002 г. ежемесячного журнала-бюллетеня при «Узуняйлинском Кавказском обществе культуры и взаимопомощи», тематика которого охватывала историко-культурные сюжеты северокавказских народов и современную региональную повестку. Вторым этапом стало создание в декабре 2003 года «Федерации кавказских обществ» («Kaf-Fed»), которая консолидировала 45 организаций и обзавелась собственным периодическим изданием «Нарт» [Кушхабиев, 2007: 106, 123].

Следует отметить, что в разное время были выработаны и практиковались различные механизмы сохранения языка: создание курсов, проектов для обучения черкесскому языку; учреждение общественных организаций, издание газет и т.д. Кроме того, как считает Б.Ч. Бижоев, языковая ситуация в диаспоре особенно усугубилась на рубеже XX–XXI вв. в связи со стремительной урбанизацией в странах проживания черкесской диаспоры [Бижоев, 2005: 15–16].

В рамках этой модели все попытки институциональной поддержки языка в иноэтничном окружении расцениваются автором как заведомо недостаточные, и единственной альтернативой ассимиляции провозглашается репатриация – возвращение на исконную этническую территорию [Бижоев, 2000: 206]. С этим утверждением можно согласиться, однако лишь при условии, что репатриация рассматривается не как единственно возможная, а как одна из потенциальных мер в рамках системной языковой политики. Как подчеркивают С.К. Башиева, М.З. Улаков и Ф.М. Хамдохова, «обязательными компонентами (любой) языковой политики должны быть меры, направленные на сохранения языков как культурной ценности, на защиту культурной национальной самобытности народа» [Башиева и др., 2016: 13]. Исходя из этого положения, спектр таких мер не ограничивается репатриацией, а может включать различные институциональные механизмы поддержки языка.

За все время существования черкесской диаспоры за рубежом ее-представители предпринимали различные меры для сохранения и развития родного языка. Но под влиянием вышеперечисленных факторов до сих пор в диаспоре нет единой письменности, что осложняет ситуацию с обучением родным языкам по книгам из исторической родины. Ведь в диаспоре язык – это один из основных факторов сохранения этнического самосознания, это наследие, которое живет, переходя из поколения в поколения, поэтому изучение языка нужно начинать с детства, в семье, а далее в учебных заведениях. На сохранение языка еще влияет сфера употребления: в диаспоре на родном языке на данный момент могут общаться лишь в общественных органи-

ях, но так как не все посетители владеют родным языком, чаще доминирует турецкий язык, но с лексическими вкраплениями из адыгских языков.

Таким образом, важным экстралингвистическим фактором, влияющим на языковую ситуацию не только за рубежом, но и на исторической родине, являются агенты первичной социализации: семья, детский сад, школа и т.д., которые должны участвовать в языковом строительстве. Существует множество механизмов сохранения языка, из которых наиболее эффективными являются придание ему юридического статуса (принятие законов в странах проживания черкесов, разрешающих официально изучать родной язык), решение экономических, социальных задач (налаживание выпусков учебников и учебных пособий на родных языках; реализация социальных программ, направленных на сохранение языковых и поведенческих норм, этнокультурных реалий вне исторической родины).

1.3. Современная форма существования языка в черкесской (адыгской) диаспоре и способы его сохранения

Речь черкесской (адыгской) диаспоры уникальна: с одной стороны, там сохранились историзмы и архаизмы, которые не употребляются в современных адыгских языках на исторической родине, а с другой – на собственной языковой базе отдельные слова подверглись семантической трансформации, которые употребляются исключительно в условиях диаспоры. Теоретическое осмысление феномена языка диаспоры предполагает рассмотрение его на нескольких уровнях. На описательном уровне Е.И. Костанди фиксирует его «пограничное» положение, проявляющееся в сочетании очевидных и скрытых языковых особенностей, пересекающихся с неязыковыми средствами [Костанди, 2015: 148]. На уровне механизмов формирования С.К. Башиева объясняет это положение воздействием среды, которая аккумулирует культурные и языковые ценности разных народов, детерминирует когнитивную деятельность и формирует у билингвальной личности адаптивные доминан-

ты, устойчивые к смене окружения [Башиева, 2014: 152]. Наконец, на уровне системного анализа А.Н. Биткеева предлагает конкретные измеримые параметры, определяющие степень языковой витальности: демографическая мощность, компактность расселения и длительность проживания вне родины, функциональный и структурный уровень развития языка, коммуникативная мощность, символическая нагрузка (этническая самоидентификация) и конфессиональный фактор [Биткеева, 2018: 59].

Контактирование неблизкородственных языков приобретает в современном мире все большие масштабы и сопровождается специфическими лингвистическими процессами, которые достигают особой интенсивности в иммигрантских диаспорах; примером такого феномена является черкесская диаспора в Турции, Сирии, Иордании и др. странах. По словам А. Калмык (Сирия), «...соплеменники сохранили адыгскую душу. Им оставалось вдохнуть её в чужой язык и развивать с нами, что они и сделали успешно» [Адыгэ псалъэ 1992, 19 окт.].

В черкесских анклавах за пределами исторической родины адыгский язык долгое время функционировал как единственное средство внутригрупповой коммуникации, причем научное членение его диалектного состава в тот период отсутствовало. До середины XX в. преобладание моноэтнических форм расселения обуславливало активные диалектные контакты, результатом которых стало взаимовлияние и смешение говоров. Ситуация кардинально изменилась с включением диаспоры в иноязычное окружение: этническая культура стала восприниматься как маркер идентичности, требующий целенаправленной охраны. Однако языковая политика стран реципиентов, как правило, не предусматривала мер поддержки миноритарных языков, что привело к сужению сфер функционирования адыгского языка и усилению ассимиляционных процессов. В этих условиях наблюдается «выравнивание диалектных черт и образование некоего общего диаспорного койне. Это во многом и облегчает взаимопонимание представителей разных диалектных и язы-

ковых систем. Отчасти этим объясняется стремление диаспоры к созданию единого языка» [КЧЯ, Т. I. 2006: 34].

Для более глубокого понимания современных форм существования кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры следует обратить внимание и на изучение особенностей его трансформации в исторической ретроспективе. Это даст возможность выявить основные изменения в их речи на всех уровнях. Такое исследование возможно лишь с опорой на работы по данной проблеме Ж. Дюмезиля [Dumézil, 1932; 1965], К. Пари [Paris, 1974], А.Е. Кибрика [Кибрик, 1972], М.А. Кумахова [Кумахов, 1981], М. Хёлиг [Хелиг, 1993], Х.Т. Таова [Таов, 1997; 2005], Б.Ч. Бижоева [Бижоев, 2000], Ионова З. Х.-М. [Ионов, 2017; 2018; 2019; 2022], М.М. Паштовой [Паштова 2016; 2020] и др.; а также на основе анализа широкого круга источников, включающих полевые материалы, газетные публикации, фонотеки и фоноархивы научных учреждений, в которых хранятся записи речи представителей диаспоры, собранные в разное время и т.д.

Анализ источников и научной литературы показывает, что основным фактором трансформации и появления новых форм кабардино-черкесского языка является массовая миграция черкесов за рубеж, которая началась на завершающем этапе Кавказской войны (мухаджирство). С этого времени язык менялся в условиях постоянных контактов черкесов с представителями тюркоязычного и арабоязычного населения Османской империи, ее этнической политики. Эти же тенденции функционирования языка в условиях диаспоры сохранились после распада Османской империи и продолжают проявляться до настоящего времени.

В современной исследовательской практике ученые предпринимают попытки определения численности представителей черкесской диаспоры в Турции, владеющих родным языком. Так, результаты исследования, проведенного в 2020 г. турецкими исследователями М.İ. Özekmekçi и Н.В. Nekimoğlu и охватившего черкесскую молодежь г. Кайсери, где сосредоточена одна из крупнейших черкесских диаспор в Турции, выявили отрицательную динамику во владе-

нии черкесским языком. Только 32,6 % опрошенных ими респондентов в возрасте от 18 до 36 лет продемонстрировали свободное владение родным черкесским языком. Еще 31,3 % способны понимать устную речь, но испытывали трудности с ее воспроизведением, а 17,6 % не владели черкесским языком вовсе [Özekmekçi, Nekimoğlu 2020; Цит. по: Хасанов 2021: 214–220]. По данным черкесской газеты «Jineps», ссылающейся на Ассоциацию адыгского языка, лишь 4 % молодых черкесов в возрасте от 15 до 35 лет по всей Турции владеют родным языком [Latin müfredat protesto edildi... 2021: 214].

Исследование речи черкесов (адыгов) в диаспоральных условиях позволяет зафиксировать территориально маркированные варианты бытования литературных кабардино-черкесского и адыгейского языков, в которых консервируются архаичные языковые элементы. Данное наблюдение коррелирует с более общей закономерностью, выделяемой З.Х.-М. Ионовым применительно к социалингвистической ситуации в диаспоре: с одной стороны, фиксируется тенденция к консервации языковой формы, вынесенной с исторической родины, с другой – интенсивное ассимилирующее давление со стороны языков окружения [Ионов, 2019: 117]. Иными словами, архаизация и консервация выступают реакцией на внешнее языковое воздействие.

Изучая функционирование черкесского (адыгского) языка в Турции, у респондентов, проживающих в разных регионах страны, были выявлены схожие фонетические и лексические особенности, отличные от литературного кабардино-черкесского языка на исторической родине, но до сих пор функционирующие в его диалектах и говорах.

Лингвистический анализ речи респондентов показал, что речь черкесской диаспоры за рубежом претерпевает изменения на всех уровнях языка: в звуковом строе, лексике, морфологии, синтаксисе, словообразовании. Так, например, фонетические изменения: *г'анэ* – *джанэ* «рубашка», *ад'игэ* – *адыгэ* «адыг, черкес», *г'эд* – *джэд* «курица», *кэнг'эш* – *чэнджэщ* «совет», *тыркучIэ мэпсалъэ* – *тыркубзэкIэ мэпсалъэ* «на турецком языке разговаривает», *чIапсэ* – *кIапсэ* «веревка», *яшэк'ас* – *яшэчащ* «терпели», *нэхъыщIэһэр* –

нэхүцлэхэр «младшие», *къяужэһэр* – *къяужэхэр* «села», *шлалэһэр* – *шлалэхэр* «молодые люди», *ицлэлым* – *ицлэкъым* «не знает», *лыцыхъулым* – *къыцыхъукъым* «не происходит»; *силэс* – *силэц* «имеется», *мацлэс* – *мацлэц* «мало», *ш'хьэгъусэ* – *ицхьэгъусэ* «супруга», *ш'итI* – *ицитI* «двести», *ш'иш'* – *ишиц* «триста», *къаишэжаиш'* – *къаишэжаиц* «привезли», *жъэц* – *жэц* «ночь», *а гъым* – *а гъэм* «в тот год», *зэзамызэ* – *зэзэмызэ* «иногда» и др.

Лексико-семантические изменения: *унэцлэ* в значении «род» вместо *лъэпкъ*, *мацлэ* в значении «трудно» вместо *гугъу*, *ин* в значении «старший» вместо *нэхъыжъ* и т.д.; словообразование: *гъуэиш* вместо *сагъыз* «жвачка», образуется от *жъэгъуаишэн* – то есть «жевать»; *еһэцлыхун хуес* в значении «нужно научить» вместо *егъэцлэн хуеиц*, вместо *егъэцлэн*; *зэпхырыкълэбжэ* в значении «внутренняя дверь» вместо *клуэцлрыкълэбжэ*; *пэгъуэкI* в значении «ответ» *жэуап*, *гу* в значении «машина» вместо *машынэ*; *зегъэклуэн* в значении «проводить» вместо *егъэклуэклын*, *хъэулей* в значении «лишний» вместо *лей*, *ицлыхъэн* в значении «поступать» вместо *ицлэтысхъэн* и др.

Фразеологические особенности: *ицхъэ махуэ ицлын* в значении «обрести счастливую старость» вместо *жъыицхъэ махуэ хъун*, *сигу хэлъс* в значении «думаю, намереваюсь» вместо *сигу илъиц*, *ил къызэрихъчлэ* в значении «из всех сил» вместо *и къару къызэрихъкIэ* и др.

В речи черкесской (адыгской) диаспоры в Турции прослеживается большой пласт иноязычной лексики как результат постоянных контактов с населением страны проживания, которая имеет в большинстве случаев эквивалент в кабардино-черкесском литературном языке. Например: *яни* в значении «то есть» вместо *нэгъуэицлу жыпIэмэ*; *таби* в значении «конечно» вместо *дауикI*, *ишэч хэмылгу*; *дахъа* в значении «еще» вместо *иджыри*; *алы'хъ смэлэды'къ* в значении «до свиданья (уходящий)» вместо «*узынишэу фыицым*», *биймэ'м* в значении «не знаю» вместо «*ицлэркъым*», *иштэ* в значении «сейчас» вместо *иджыпсту*; *мэктэб* в значении «школа» вместо *еджанIэ*. Иноязычная лексика больше всего присутствует в речи молодежи, что является свидетельством стремительного перехода представителей черкесской диаспо-

ры на государственный язык страны проживания или на тот язык, который доминирует в конкретной местности. Складывается ситуация, когда «старшее поколение еще владеет черкесским языком, а среди молодежи он, как фактор выражения этнической идентичности, стремительно теряет свои позиции» [Абазова, 2014: 15]. К тому же такая ситуация осложняется еще и тем, что в этих условиях дети подвергаются ассимиляции и забывают родную речь, проводя значительное время в окружении иноязычных сверстников.

Лингвистический анализ кабардино-черкесской речи представителей диаспоры показал, что в современной черкесской (адыгской) диаспоре в Турции функционируют два адыгских языка: кабардинский (то есть кабардино-черкесский язык) или как в диаспоре говорят «къэбэрдей псэлъэкIэ» и адыгейский, но оба с присущими им фонетическими, лексическими, морфологическими и синтаксическими особенностями. Диахронический и синхронический срезы речи диаспоральных групп в различных анклавах демонстрируют наличие диалектных единиц внутри наречий. З.Х.-М. Ионов констатирует, что отрыв кабардино-черкесского языка от основного ареала его функционирования и специфические социокультурные условия его использования ведут к формированию локального варианта общенародного языка [Ионов, 2017: 31]. Особую значимость в этом контексте приобретает вопрос о статусе речи черкесов анклава Узун-Яйла (Турция, вилайет Кайсери): квалифицировать ли ее как наречие или как диалект? В своем исследовании автор склоняется к тому, что речь жителей указанных поселений демонстрирует отчетливую тенденцию к обособлению от диалектного континуума кабардинского варианта адыгского языка [Ионов, 2019: 121]. Не вызывает сомнения, что перспективные полевые исследования живой речи отдельных анклавов способны обогатить представления о диалектной стратификации и выявить новые диалектные формы как кабардино-черкесского, так и адыгейского языков в условиях диаспоры.

Язык в диаспоре существует в большей степени в устной форме, в письменной используются различные графические основы: арабская, латини-

ца и кириллица (начали использовать относительно недавно, предпочитая арабскую графику и латиницу). В последние годы в диаспоре начали выпускать книги, написанные кириллицей. Важным критерием, по которому речь всей диаспоры относится к этой форме, является то, что с течением времени ей удалось сохранить основные черты языка-источника, но в то же время произошли изменения на всех уровнях языковой системы.

Изучение форм существования языка в диаспоре позволяет определить не только механизмы его сохранения, но и дальнейшие перспективы существования. Ключевую роль в этом процессе играет государственная языковая политика принимающих стран. Так с 2004 г. в Турции разрешили этническим меньшинствам преподавать родной язык в учебных заведениях, использовать его в средствах массовой информации. Каждую неделю по четвергам транслируются передачи на кабардинском языке с турецкими субтитрами [Алтын, 2017: 10].

В 2012 г. в турецкое правительство ввело в образовательные программы государственных школ уроки родного языка по выбору учащихся. С 2012/2013 учебного года началось преподавание черкесского языка [Топчу, 2017: 151]. Однако в нормативных документах родные языки обозначаются как «живые языки и диалекты» [Топчу, 2017: 151]. С этого времени наблюдается увеличение количества школ и обучающихся, выбравших для изучения в качестве дополнительного черкесский язык. Так, в 2015/2016 учебном году, по информации КАФФЕД, только в Кайсери открылись 16 классов (211 учащихся) [Топчу, 2017: 151]. Кроме того, черкесский язык изучается студентами высших учебных заведений. С 2013 г. в университете г. Дюздже изучают черкесский язык и литературу [Алтын, 2017: 10].

Черкесские диаспоранты в Турции, а также репатрианты из числа черкесской диаспоры, издавали книги как на турецком, так и на кабардино-черкесском языке с использованием кириллицы. Так, в 2005 году в Анкаре вышла книга Бера Хикмета «Адыгэбзэ (макыбзэ)» (в русском переводе – «Структура и работа звуковых систем в черкесском языке») [Бер, 2005].

Репатриант из Сирии Аднан Калмыков, проживающий в Нальчике (КБР) с 1977 года, издал несколько книг на кабардино-черкесском языке. В 2008 году вышел его сборник стихов «Езыр си щІасэщ, ещхьхэр си жагъуэгъущ. Усэхэр» (Он мне мил, а подобные ему – враги) [Къалмыкъ, 2008] с аудиоверсией, чтобы все могли прослушать стихи, даже если не умеют читать на кириллице. А в 2017 году в Нальчике вышли его сборник стихов «Дауэ?» (Как?) [Къалмыкъ, 2017а], книга рассказов и пьес «Синэ кыщыкІуамахуэм» (В тот день, когда пришла Сина) [Къалмыкъ, 2017б] и сценарий нартского эпоса «Нарт» [Къалмыкъ, 2017в] – все на кабардино-черкесском языке.

Шокул Илхан (Илхан Айдемир) в 2009 г. в Стамбуле издал книгу «Адыгбзэ зызогъащІэ – Adigese öğreniyorum», для изучения адыгского языка в черкесской диаспоре Турции [Щокъул, 2009].

В 2014 г. в Нальчике вышла книга Абаза Ибрагима, репатрианта из Турции, в соавторстве с А. Абазовым «Абазэ шы лъэпкъхэм и тхыдэ напэкІуэцІхэр» на кабардино-черкесском языке [Абазэ И., Абазэ А. 2014]. В 2017 г. в Анкаре Абаза Ибрагим выпустил книгу на кабардино-черкесском языке «ХамэщІым ди натІэ хъуар», где описывается жизнь черкесов на чужбине [Абазэ 2017]. В 2017 г. в Анкаре вышла книга Тегъулан Екуба «Гъуазэрытхэ» [Екьуб, 2017].

В 2018 г. в Анкаре вышел поэтический сборник Турхана Евтыха «Гум и пыткІуафэхэр», состоящий из 67 стихотворений и цикла четверостиший (36), написанный на хатукайском диалекте [Евтых, 2018]. В стихах автор ностальгирует по далекой родине, которую полюбил по воспоминаниям старших и книгам. В сборнике автор размышляет о судьбе родного языка и культуры, об их месте в современном мире.

В 2019 г. в Нальчике вышла книга этнического черкеса из Турции Хъуажь Фахьри «Уэрамэ сыт ебгъэщІэнт?» («Если бы, ты был автором, как бы поступили твои герои?»). Автор хорошо владел кабардинским языком, несколько

лет жил в г. Нальчике (Россия). В книге собраны короткие, легко читаемые рассказы о вероисповедании, бытовые сюжеты и рассказы [Хъуажь, 2019].

В 2020 г. в Стамбуле вышла на кабардинском языке книга Маргуш Везира «Хэхэс адыгэгум щызэщІэхъэхэр» [Маргъущ, 2020].

Для сохранения, развития языка в диаспоре большую работу проводит Токъмакъ Айдын. В 2021 г. на кабардинском языке он издал книгу «ЩІы Уэ Псы Бзэ ди бзэ адыгэбзэ» [Токъмакъ, 2021], в 2023 г. в Анкаре вышла на кабардинском языке его вторая книга «ФІэщхъуныгъэм и бзэ ди бзэ адыгэбзэ», где описывается сила языка, дается этимология некоторых слов [Токъмакъ, 2023]. В 2025 г. в Анкаре вышла его третья книга на турецком языке «Doğanın Dili Çerkesçe» [Токъмакъ, 2025].

В 2024 г. Е. Гогунокова и Т. Танашева выпустили в Турции практический учебник черкесского языка для носителей турецкого языка – «Bzerabze» «Бзэрабзэ» на турецком языке. Эта книга представляет собой комплексную работу, подготовленную на основе Европейского языкового портфолио (уровень владения языком) и посвящённый кабардинскому диалекту адыгского языка, и по своему содержанию и объёму восполняет важную нехватку в преподавании черкесского языка [Gogunokova, Tanaşeva, 2024].

В 2024 г. в Стамбуле на черкесском языке были опубликованы книги Назара Хамита Юксела «КІуцэ псыхъэ макІуэ» и «КІуцэ Іэгъэбэгукъещып» для обучения языку детей раннего возраста. Книга иллюстрирована и содержит QR-код, через который можно послушать аудиоверсию помещённых в ней текстов и узнать их значения на турецком и английском языках [Нэзэр, 2024а; 2024б.].

В 2025 г. на черкесском и турецком языках вышла книга ЩІэжокъуэ Зафэр Сюрер «Къызэпсалъэ си бзэкІэ – İki Dil Bir Yürek» («Поговори на моем языке – два языка, одно сердце»), которая составлена после смерти преподавателя Шеджоко Зафера Сюрера, в течение многих лет преподававшего родной язык в Турции [ЩІэжокъуэ, 2025].

В настоящее время в диаспоре функционируют большое количество организаций, где детей обучают национальным танцам, языку. Основные из них ÇERKES-FED/ ÇERKES DERNEKLERI FEDERASYONu (Федерация черкесских ассоциаций); Kafkas dernekleri federasyonu (KAFFED- Федерация кавказских обществ), Bir-kaf federasyonu (Birleşik Kafkas Dernekleri Federasyonu – Объединенная федерация кавказских обществ); Uluslararası Kafkas Derneği (Международная ассоциация «Кавказ»). В современной диаспоре в Турции выходит ежемесячный журнал «Jıners» на турецком языке (используют латиницу) о черкесах и на кабардинском – «Жьынэпс» (используют кириллицу), где печатаются еще и произведения осетинских и чеченских писателей.

Так, черкесы предпринимали многочисленные попытки создания письменности для разных адыгских языков: адыгейского или кабардино-черкесского в России (СССР), общеадыгского (адыго-абхазо-абазинского, общекавказского, убыхского) в Турции. Это дает возможность классифицировать их по разным основаниям: на диалекты и говоры. Кроме того, некоторые современные исследователи связывают с историей создания письменности важные этапы черкесского национального строительства как на исторической родине, так и в условиях диаспоры. Кроме того, в современной историографии и этнолингвистике прослеживается тенденция увязывать историю формирования письменности с ключевыми этапами черкесского национального строительства как в пределах исторической родины, так и в диаспоре. Так, В.В. Цибенко и Е.В. Погуляева обращают внимание на то, что «в условиях взаимодействия с российским и турецким (османским) обществом черкесы неизменно приступали к выработке собственной письменности, однако в зависимости от условий проживания и социально-политической обстановки они выбирали разные алфавиты, воспринимавшиеся как культурная ориентация» [Цибенко, Погуляева, 2022: 57–58]. Они полагают, что «первые попытки создания письменности, в России к тому же имевшие во многом внешний характер, заложили основу для последующего вариативного развития черкес-

ского национализма, которое отражается и на уровне владения родными языками черкесов на Кавказе и в диаспоре и коммуникации между российскими и турецкими черкесами» [Цибенко, Погуляева, 2022: 57–58].

Однако исследование показывает, что в настоящее время вышеперечисленных мер недостаточно для сохранения и развития языка в условиях диаспоры. Черкесский (адыгский) язык, представленный в Турции, получил признание ЮНЕСКО как один из языков, находящихся под угрозой исчезновения, и был включен в Атлас исчезающих языков мира [Anadili Günlü 2021; Цит. по: Хасанов, 2021: 214]. Большинство представителей черкесской диаспоры в возрасте старше 40 лет не владеют или плохо владеют родным языком. В большинстве случаев внутри семьи и на бытовом уровне черкесы диаспоры общаются на государственных языках стран проживания. Тогда как общение на родном языке внутри семьи – один из главных механизмов сохранения родного языка.

Проблематика сохранения и развития языка в условиях диаспоры требует постоянного пересмотра подходов и поиск адекватных решений ведется научным сообществом на протяжении длительного времени. Так, одним из механизмов сохранения языка в диаспоре Х.И. Баков считает поддержку со стороны исторической родины, а именно «создание облегченных учебников для широких масс по адыгским языкам (адыгейскому и кабардино-черкесскому)», с билингвальными примерами турецкий – черкесский, арабский – черкесский, чтобы все могли освоить; создание учебников в соответствии с программами начальной и средней школы, где использован черкесский язык и государственный язык стран проживания диаспоры. Также ученый отмечает, что «только совместные усилия государств и общественных организаций смогут помочь сохранить родную словесность и уникальную культуру черкесов» [Баков, 2011: 8–9].

Незначительный прогресс в изучении родного языка черкесской диаспоры в Турции ученый-адыговед З.Х.-М. Ионов связывает с государственной политикой на международном уровне, когда членство в международных ор-

ганизациях во многом зависит от качества внутренней политики в отношении национальных меньшинств [Ионов, 2022: 92].

Однако в современных условиях можно выделить и другие механизмы сохранения языка. С появлением и развитием новых информационных технологий некоторые формы существования языка перемещаются в виртуальное пространство (интернет). Оно «является не только важным фактором сохранения единого этнокультурного пространства, но и воссоединения разделенных в историческом прошлом народов» [Культурбаева, 2007]. С появлением различных соцсетей у черкесской молодежи, проживающей во всем мире, появилось больше возможностей пообщаться с соотечественниками. Также в сети интернет есть обучающие курсы (например, «ТелеStudio», sknews.ru/lang/adyg.php, Сэр-сэру адыгэбзэ зызогъащІэ. Kendi kendime Çerkesçe öğreniyorum [<https://www.youtube.com/@kendikendimecerkesceogr>] и др.), которые дают возможность значительно повысить уровень владения кабардино-черкесским литературным языком. В 2025 г. также выпустили корпус из 100 тысяч предложений на кабардинском и балкарском языках, который разработан для дополнения федерального сервиса «Яндекс. Переводчик». «Этот уникальный проект уже презентован в ряде учебных заведений. Он реализуется в рамках Международного десятилетия языков коренных народов, объявленного в 2022 г. Генеральной Ассамблеей ООН. В нашей стране работа ведется по плану, утвержденному правительством России», говорится в сообщении главы Кабардино-Балкарской Республики Кокова К.В. [<https://www.goloskavkaza.com>].

Следует особо отметить, что в настоящее время в Кабардино-Балкарской Республике проживает большое количество черкесских репатриантов, среди которых в основном выходцы из Турции и Сирии. В различных высших учебных заведениях республики обучаются более 500 черкесов из разных стран. Проживая на исторической родине, по рассказам самих студентов, они лучше осваивают родной и русский языки, учат алфавит, становятся билингвами, то есть кроме тюркизмов и арабизмов представители диаспоры

начинают употреблять еще и русизмы. Следовательно, межъязыковая коммуникация репатриантов и автохтонов способствуют приобщению к обиходно-разговорной речи жителей исторической родины и литературной форме кабардино-черкесского национального языка.

Таким образом, учитывая вышеупомянутые механизмы, представители черкесской диаспоры за более чем 150 лет, не имея письменности и литературного языка, на сегодняшний момент смогли сохранить свой язык (речь) с отдельными архаичными элементами, на котором они общаются между собой и передают из поколения в поколения традиции, обряды, культуру и т.д.

1.4. Кабардино-черкесский язык в метрополии: история и современность

С течением времени механизмы сохранения и формы существования языка менялись в зависимости от исторических, географических, политических, этнокультурных условий и обстоятельств. Исторически сохранение языка в большей мере было связано с устной традицией. Передача знаний, историй и обычаев из поколения в поколение через устное слово была основным способом поддержания языковой преемственности. Однако с течением времени в числе основных механизмов сохранения и развития языка стали появляться такие, как создание алфавитов и стандартизация, формирование национальных литературных языков, деятельность научно-исследовательских и образовательных организаций. При этом важно учитывать, что все эти институциональные усилия опираются на более глубокие языковые и культурные основания. Как отмечал В.В. Виноградов: «На формирование национального литературного языка, кроме отношения его к предшествующей истории развития письменно-литературной речи, оказывали влияние структурные особенности и объем социальных функций разговорного койне...» [Виноградов, 1967: 46].

В настоящее время важное значение имеет государственная языковая политика и законодательное закрепление статуса языков, государственная

поддержка и финансирование языковых программ, поддержка языкового разнообразия в многонациональных странах и т.п. В этом плане исследование исторических и современных форм существования кабардино-черкесского языка в Российской Федерации может выступать своего рода основой для последующего выявления динамики языкового развития, его особенностей и отличий от языка и речи черкесов в зарубежной диаспоре.

Адыгские языки относятся к младописьменным языкам, «в связи с этим адыгское языкознание располагает единичными письменными памятниками прошлых веков – эпиграфическими надписями» [Балкаров, 1970: 176–177]. Ранние этапы языкового состояния зафиксированы в фрагментарных записях путешественников, ученых, военных, к которым относятся первые записи кабардинских слов немецким врачом Дрешером (материалы немецко-кабардинского – осетинского словаря, опубликованные Н. Витсенем в 1705 г.) [Апажев, Пшукова, 2004: 4]; «Словарь русско-черкесский или адигский, с краткою грамматикой сего последнего языка» – основополагающий труд кавказоведа Леонтия Люлье, изданный в Одессе в 1846 г., где предпринята первая попытка систематизации адыгской лексики и основ грамматики, он был одобрен Санкт-Петербургской академией [Люлье, 1846]; «Кабардинская азбука» Казий Атажукина, [Атажукин, 1865]; первая научная грамматика кабардинского языка, составленная Л.Г. Лопатинским на русской графической основе «Русско-кабардинский словарь с указателем и краткою грамматикою» [Лопатинский, 1890] и др. И.А. Гильденштедт, П.С. Паллас, К.Ю. Клапрот, А.М. Шегрен активно участвовали в изучении Кавказа, собирали материалы для «Сравнительных словарей всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» (1787) и «Сравнительные словари всех языков и наречий, по азбучному порядку расположений» (1790–1791) [Гильденштедт, 2002: 311–374].

При этом следует учитывать, что адыгский народ издавна представлял собой совокупность субэтнических групп, проживавших на обширной территории Центрального и Северо-Западного Кавказа. В.К. Гарданов писал, что «в XVIII в. от берегов Черного моря на Восток до Лабы примерно на 150 км.,

затем при переходе из бассейна Кубани в бассейн Терека эти земли сильно сужались, чтобы опять расшириться на территории Большой Кабарды до 100 с лишним километров проживало 18 этнических групп адыгов» [Гарданов, 1967: 19–20]. К XIX в. он относит процесс консолидации адыгских этнических групп, что вело к уменьшению этнической раздробленности. К наиболее значительным группам адыгского народа, проживавшим на Кавказе в первой половине XIX в., он относил кабардинцев, бесленеевцев, темиргоевцев, бжедугов, хатукаевцев, махошевцев, мамхеговцев, адамиевцев, которые в значительной мере объединяются с темиргоевцами, а абадзехи с нутухайцами и шапсугами [Гарданов 1967: 19–20].

Другой формой сохранения и существования адыгского языка в России в имперский период выступают попытки создания письменности на родном языке и ее графической основы – алфавита. До революции были предприняты первые попытки создания алфавита адыгского языка с использованием арабицы, кириллицы и латиницы, которые не увенчались успехом. В 1829 г. работник Петербургского университета И. Грацилевский создал кабардинский алфавит на русскоязычной графике [Урыс 2000: 2003]. В Российской империи кириллица часто служила графической основой для создания алфавитов языков коренных народов ее окраин по понятным причинам. И это соответствовало целям создания адыгского алфавита – распространить среди адыгов грамотность как на адыгском, так и на русском языках и интегрировать их в российскую среду [Цибенко, Погуляева 2022: 56]. Шора Бекмурзин Ногмов в 1832–1835 гг. составил кабардинскую азбуку сначала на русской графической основе, а затем на арабской. Большую роль в изучении кабардинского языка и создании его азбуки сыграл П.К. Услар. Вместе с Умаром Берсеем, преподававшим с 1849 г. черкесский язык в Ставропольской гимназии, он составил в 1862 г. кабардинский алфавит на русской графической основе. Сам же У.Х. Берсей еще в 1853 г. представил свою азбуку черкесского языка в Российскую Академию наук, которая ее одобрила. 14 марта 1853 г.

«Букварь черкесского языка» на арабской графике был напечатан в Тифлисе [intercircass.org/?p=346]. Он состоял из алфавита, 4 уроков, 12 басен и рассказов [Берсей, 1853]. Дидактический материал «Букваря черкесского языка» У.Х. Берсея имеет большую научную ценность и влияет на развитие образования [Психомасова, 2024: 204].

В 1865 г. Кази Атажукин издал азбуку кабардинского языка на русской графической основе, а также алфавит абхазского языка, которые были составлены П.К. Усларом. В 1890 г. русский ученый-кавказовед Л.Г. Лопатинский составил еще один кабардинский букварь.

В советское время продолжились попытки создания алфавита языков разных групп адыгского народа. «В 1924 г. кабардинцы получили свою национальную письменность. За годы Советской власти Кабарда превратилась в республику сплошной грамотности: повсеместно осуществлено семилетнее образование и вводится всеобщее среднее образование» [ГКЧЛЯ, 1957: 4].

Борукаев Тута Магомедович, основоположник нового этапа развития лингвистического адыгovedения, первым в то время взялся за составление терминологии кабардинского языка. В 1930 г. Т.М. Борукаев издал учебник «Япэ лъэбакъуэ, къэбэрдей Iэлыфбей» (Первый шаг, кабардинский букварь), где впервые были четко разграничены разряды кабардино-черкесских местоимений [Борыкъуей, 1930: 73–76]. А.К. Шагиров отмечает, что в 1935 г. кабардинская письменность с латинской графической основы была переведена на русскую. Алфавит на русской графической основе был составлен Т. Борукаевым. Последние изменения в кабардинскую графику были внесены в 1939 г. специальной комиссией под научным руководством Н.Ф. Яковлева [КЧЯ Т. 1, 2006: 15]. А.К. Шагиров считает, что переход на кириллицу «привел к значительному ускорению дела издания книг и газет на кабардинском языке и к облегчению усвоения русского языка кабардинцами» [Шагиров, 1957: 236].

В советское время помимо создания алфавита и появления письменности на родном языке формы сохранения национального языка приобретают

институциональную основу. Язык становится объектом научного исследования и деятельности научно-исследовательских организаций (образованный в 1926 г. Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт; появившийся в 1932 г. Кабардино-Балкарский педагогический институт – правопродшественник Кабардино-Балкарского государственного университета; образованный в 1950 г. Институт языкознания АН СССР и т.п.). В научном плане в изучении фонетики, лексики, морфологии первые шаги были предприняты в 20-х гг. XX в. Н.Ф. Яковлевым в работах «Материалы для кабардинского словаря» изучил структуры адыгских слов, природы морфем [Яковлев, 1927], «Грамматика кабардино-черкесского языка» [Яковлев, 1938], «Грамматика литературного кабардино-черкесского языка» [Яковлев, 1948] были впервые описаны морфология, синтаксис, полисемия, омонимия, антонимия и синонимия. В 1940 г. вышла «Грамматика кабардинского языка» Г. Турчанинова и М. Цагова [Турчанинов, Цагов, 1940], в 1941 г. вышла «Грамматика адыгейского литературного языка» Н.Ф. Яковлева и Д. Ашхамафа [Яковлев, Ашхамаф, 1941]. В 1956 и 1958 гг. были опубликованы «Филологические труды» Ш.Б. Ногма в 2-х томах [Ногма, 1956; 1958]; в 1953, 1966 и 1974 гг. Г.В. Рогава опубликовал работы по исследованию фонетики и фонологии адыгских (черкесских) языков [Рогава, 1963; 1966; 1974]; монографии по фонетике адыгских языков Б.Х. Балкаровым изданы в 1967 и 1970 гг. [Балкаров, 1967; 1970]. Значительный вклад в развитие адыгских языков внес М.А. Кумахов, результаты его научных работ отражены в монографических изданиях [Кумахов, 1964; 1971; 1981; 1989] и др. Научные изыскания ученых-адыгovedов стали фундаментом формирования литературного кабардино-черкесского и адыгейского языков. Установленные грамматические, орфографические, лексические, синтаксические нормы литературного языка соблюдаются в настоящее время во всех сферах функционирования языка. В Кабардино-Балкарской Республике и Карачаево-Черкесской Республике литератур-

ные языки (кабардино-черкесский и карачаево-балкарский) изучаются во всех учебных заведениях.

Необходимо отметить, что как в настоящее время, так и в прошлом адыгский язык представлял собой собирательное понятие, объединяющее языки, диалекты и говоры разных групп адыгского народа. Так, Н.Т. Гишев сравнивал язык с деревом: «общий адыгский язык» имеет множество корней – это абадзехский, бжедугский, бесленейский, кабардинский, темиргойский, шапсугский. Кроме них, к общеадыгскому языку относились диалекты и говоры жанеевцев, натухаевцев, хатукаевцев, мамхеговцев, адамиевцев, егерухаевцев, махошевцев. Он называл эти «корни» местными языками. При появлении письменности «общенародного адыгского языка» у наиболее отдалённых друг от друга групп – верхних (кабардинцев, бесленеевцев, черкесов) и нижних (абадзехов, бжедугов, темиргойцев, шапсугов) – образовалось два литературных языка со своими нормативными правилами. По его мнению, для «верхнего адыгского» – кабардино-черкесского языка – основой стал баксанский диалект Большой Кабарды; в основу литературного языка «нижних адыгов» лёг темиргойский (чемгуйский) диалект [Гишев, 2017: 15].

В ранний советский период появилась необходимость проведения научной классификации языков адыгского народа с дифференциацией их на языки, диалекты и говоры. Так, еще в 1928 г. Н.Ф. Яковлев в кабардинском языке выделил «два наречия: терско-кабардинское, на котором говорят кабардинцы, живущие в пределах Кабардино-Балкарии, и кубано-кабардинские, на котором говорят кабардинцы, проживающие на территории Адыгеи и Карачаево-Черкесии. Речь бесленеевцев рассматривал как «промежуточное» звено между кабардинским и адыгейским» [Яковлев, 1928: 119]. В отличие от Н.Ф. Яковлева, Г.Ф. Турчанинов отметил, что «наряду с диалектами и говорами в кабардинском языке налицо целый ряд говоров, т.е. разноместных, преимущественно звуковых различий» [Турчанинов, 1946 б: 259]. О классификации языка на диалекты и говоры Д.А. Ашхамаф писал: «Кабардинский язык

распадается в настоящее время на три основные разновидности: кабардинский, на котором говорят в Кабардинской АССР, черкесско-кабардинский или кубано-кабардинский, на котором говорят кабардинцы (черкесы) Черкесской области, и адыгейско-кабардинский, на котором говорит население четырех аулов Адыгейской области: Уляп, Кошехабль, Хозь» [Ашхамаф, 1939: 7].

Научное деление кабардино-черкесского языка на диалекты и говоры началось во второй половине XX в., «именно этот период является началом фронтального подхода и всестороннего их освещения с охватом всех уровней языковой системы» [Хежева, 2023: 3537]. Большой вклад в изучение, классификацию кабардино-черкесских диалектов и говоров внес М.А. Кумахов. В статье «К вопросу о классификации адыгских диалектов» [Кумахов, 1957] он выделил диалекты Большой Кабарды, бесленеевский, кубанский и моздокский, а также малкинский, малокабардинский и черкесский говоры. С тех пор в России выделяют два литературных языка: кабардино-черкесский и адыгейский, определен и их диалектный континуум. Несмотря на то, что диалекты являются фундаментом литературных языков, диалекты и говоры обладают собственной фонетической и лексической системами, которые в отдельных сегментах существенно отличаются от соответствующих систем литературных языков.

В поздний советский период усилилось внимание исследователей к проблемам сохранения национальных языков малых народов страны, в том числе и кабардино-черкесского. Например, С.И. Аккиева считает, что «к 80-м гг. [XX в.] сложились неблагоприятные условия для дальнейшего функционирования языков коренных этносов (кабардинского и балкарского)». По её мнению, «эти языки практически не использовались в общественно-политической сфере, в сфере материального производства, весьма ограничено они употреблялись в сфере обслуживания, в области высшего и среднего образования, в сфере информации и массовой коммуникации» [Аккиева, 1997: 10–11]. Но при этом в Кабардино-Балкарской Республике отмечалась

высокая степень владения родными языками. Лишь во второй половине 80-х гг. XX в. интерес к фольклору, истории, языкам стал возрастать.

В современный (постсоветский) период в условиях глобализации, цифровизации и постоянных миграций многие языки сталкиваются с угрозами структурных трансформаций или становятся на грань исчезновения. В этих условиях сфера применения родных языков сокращалась. Это способствовало ускорению утраты национальной самоидентичности народов нашей страны и угрозой для равномерного развития мировой культуры [Гишев, 2013: 11]. Однако, несмотря на угрозы, государства вырабатывают механизмы и стратегии, позволяющие сохранять и развивать языки (в том числе и коренных малочисленных народов) даже в самых сложных условиях. В современной России функционирует ряд механизмов сохранения и развития языков, в том числе и кабардино-черкесского. В их числе: реализация государственной политики по сохранению и развитию национальных языков и институциональная поддержка, образование и просвещение на родных языках, цифровизация и медиа, продвижение культурных и общественных инициатив и т.п.

Государственная языковая политика в Российской Федерации реализуется на двух взаимосвязанных уровнях – федеральном и региональном. Её нормативно-правовую основу составляют Конституция РФ, Федеральный закон «О языках народов РФ» (1991) и Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (2005). Основным законом страны, принятый 12 декабря 1993 г., устанавливает статус языков, функционирующих на территории РФ: государственный язык РФ, республиканские государственные языки и родные языки. Русский язык в многонациональной России является государственным языком всей страны и для всех граждан вне зависимости от этнической идентичности, обеспечивая социальную адаптированность, профессиональную конкурентоспособность, возможности для получения высшего образования и приобщения к российским и мировым культурным ценностям. Принцип равноправия и самоопределения народов, заложенный в основу фе-

деративного устройства РФ, реализуется в закреплении за республиками права устанавливать свои государственные языки, используемые в органах государственной власти и местного самоуправления [Биткеева, 2021: 217].

В соответствии с указанными федеральными нормами Закон КБР «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» от 16.01.1995 г. № 1-РЗ (с изменениями) устанавливает кабардинский, балкарский и русский языки государственными на территории республики. Они функционируют равноправно во всех сферах государственной деятельности, а республика гарантирует их сохранение, развитие и право граждан на обучение на родном языке.

Как отмечает А. Биткеева, современная языковая политика в РФ предполагает сочетание общегосударственной функциональной доминанты – русского языка и 36 функциональных доминант республиканского значения в субъектах федерации. Исходя из особенностей языкового законодательства и наличия функциональных доминант в территориально-государственных образованиях, исследователь выделяет следующие типы языковой политики: 1) однокомпонентная модель – языковая политика с разными формами существования русского языка; 2) двухкомпонентная модель – языковая политика с двумя доминантами (русский язык + республиканский государственный язык); 3) трёхкомпонентная модель – языковая политика с тремя доминантами (русский язык + два республиканских государственных языка); 4) многокомпонентная модель – языковая политика с четырьмя, пятью и более доминантами (например, русский язык + 14 языков Дагестана); 5) дифференциальная модель – языковая политика в области функционирования языков малочисленных народов, а также мигрантских языковых общностей [Биткеева, 2021: 219]. Кабардино-Балкарская Республика в данной типологии относится к трёхкомпонентной модели.

Вместе с тем, как подчёркивает А.М. Камбачоков, в настоящее время критически важными условиями сохранения и дальнейшего развития языков народов КБР являются: активное противодействие деструктивному влиянию

глобализационных процессов; разработка и реализация единой «охранительной» государственной языковой политики; а также минимизация необоснованного вмешательства в естественные процессы языкового развития [Камбачоков, 2023: 47]. Кроме того, учёный считает, что для предотвращения быстрого исчезновения этноса критически важно на федеральном уровне принять комплекс мер по реформированию регионального образования. Это включает предоставление национальным республикам права на обучение на родном языке, придание национальным языкам официального социального статуса для их использования в различных сферах, а также увеличение учебных часов, выделяемых на изучение родных языков и литератур в образовательных учреждениях [Камбачоков, 2023: 44].

Таким образом, в многонациональном государстве языковая политика представляет собой систему целенаправленных управленческих решений, реализуемых органами власти, которые призваны регулировать языковые, социальные и этнические процессы. К числу её приоритетных задач относятся обеспечение межнационального согласия на региональном уровне, формирование в обществе установок толерантного сознания и взаимного культурного признания, а также сохранение и развитие языков народов. Сферы практической реализации языковой политики охватывают образовательную систему, научно-исследовательскую деятельность и медийное пространство, через которые осуществляется институциональное воздействие на языковую ситуацию.

28 декабря 1994 г. был принят Закон «О языках народов КБР», определяющий преимущественное развитие кабардинского и балкарского языков как государственных языков Кабардино-Балкарской Республики. Кабардинский язык был принят в качестве государственного в Кабардино-Балкарской Республике (наряду с балкарским и русским). Данный закон дает право жителям КБР изучать родной язык, получать образование, общаться в общественных местах. Согласно закону «О языках народов КБР», осуществляется в

республике процесс преподавания национальных языков, и в соответствии с Законом КБР «Об образовании (в ред. Закона КБР от 17.12.2013 г. № 83–РЗ), в которых утверждается, что «обучение детей родному языку является долгом родителей». С.К. Башиева и др. отмечают, что важное значение «имеют гарантированное в ФЗ «О языках народов Российской Федерации» языковое равноправие, равные права на сохранение родного языка, на свободу выбора образования; создание условий для полноценного развития национальных языков, процессор двуязычия, многоязычия на всей территории страны как национального достояния Российского государства» [Башиева и др., 2016: 75].

Приоритетным направлением государственной языковой политики выступает расширение сфер употребления языков титульных этносов. Не менее значимым условием является обеспечение так называемой пространственной доступности языка – его реального присутствия во всех сегментах общественной жизни. Для этого необходимо, чтобы родной язык был представлен в информационном поле: на вывесках, в официальных объявлениях, в печатных СМИ, на радио и телевидении. Помимо этого, требуется целенаправленно создавать благоприятную коммуникативную среду, в которой использование родного языка в производственных коллективах, общественном транспорте и иных публичных местах воспринималось бы как естественная норма. Формирование такой всеобъемлющей языковой экосистемы, где национальный язык становится повседневным средством общения, по сути, является решающим фактором его сохранения и дальнейшего развития [Биткеева, 2021: 223]. Важную роль в этом процессе играют также культурно-просветительские инициативы, приуроченные к знаковым событиям языковой истории – праздники, памятные даты и тематические мероприятия. Ярким примером служит учреждённый в 2000 г. «День адыгского языка и письменности», отмечаемый 14 марта в честь выхода «Букваря черкесского языка» У. Берсея, который наглядно демонстрирует значимость языка для этнической идентичности адыгского народа.

В современной России продолжается укрепление нормативно-правовой базы, направленной на сохранение языков. В числе механизмов сохранения и развития языков коренных народов можно назвать ряд таких нормативно-правовых актов, как: Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 г. [Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 г.]; Указ Президента Российской Федерации № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г.» [Указ Президента РФ № 858 от 25 ноября 2025 г.] от 25 ноября 2025 г. и т.п. Кроме того, правовую основу для сохранения языков малых народов РФ составляют Закон РФ № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. [Федеральный закон № 53-ФЗ от 01.06.2005 г.], Указ Президента РФ № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» от 11.07.2025 г. [Указ Президента РФ № 474 от 11.07.2025 г.] и др.

В числе современных механизмов существования языков важна их институциональная поддержка – создание институтов исследования языков, поддержка образования на родных языках и т.п. На функционирование кабардино-черкесского литературного языка на исторической родине оказывает влияние деятельность таких государственных учреждений науки и высшего образования, как: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации, Институт языкознания РАН и т.п.

В определенной мере в их числе можно перечислить и такие общественные организации, как Адыгская международная академия наук, Международная черкесская ассоциация и т.п. Их деятельность в качестве одного из механизмов сохранения и развития кабардино-черкесского языка в России выражается в подготовке научных академических изданий (монографии, академиче-

ские грамматики, толковые, синонимические, переводные словари, учебники для школ и вузов и т.п.). На базе этих организаций выпущены такие фундаментальные научные труды, как: «Грамматика кабардино-черкесского языка» (М., 1970); Турчанинов Г.Ф., Цагов М. «Грамматика кабардинского языка». Т. I. (М.–Л., 1940), Яковлев Н.Ф. «Грамматика литературного кабардино-черкесского языка» (М.–Л., 1948), «Адыгэбзэ псалъалъэ» / Словарь кабардино-черкесского языка (М., 1999); Кабардино-черкесский язык в двух томах (Нальчик, 2006); Адыгэ синонимхэм я псалъалъэ / Словарь синонимов кабардино-черкесского языка (Нальчик, 2020); Большой русско-кабардино-черкесский словарь (Нальчик, 2021); Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) грамматикэ / Кабардино-черкесская грамматика (Нальчик, 2023). 2026 году в г. Нальчике вышел двухтомник «Адыгэбзэ» на кабардино-черкесском литературном языке, куда вошли главы, посвященные лексикологии, фразеологии, лексикографии, диалектологии, стилистике и культурологии [Адыгэбзэ. Т. I., 2026; Адыгэбзэ. Т. II., 2026].

В постсоветский период этнополитические изменения в Кабардино-Балкарской Республике значительно повлияли на восприятие обществом кабардинского языка. С этого времени наблюдается заметный рост числа публикаций, включая печатные издания, учебную, научную и научно-популярную литературу. Особое внимание уделяется подготовке и изданию разного рода лексикографических источников, а также разработке и выпуску учебников по широкому спектру дисциплин на национальных языках [Аккиева, 1997: 12]. Важное значение для сохранения и развития кабардино-черкесского языка имеет его преподавание в общеобразовательных учреждениях. Изучение кабардино-черкесского языка в системе общего образования Российской Федерации осуществляется преимущественно в Кабардино-Балкарской Республике и Карачаево-Черкесской Республике. Ограниченное преподавание данного языка также наблюдается в Краснодарском крае и Республике Северная Осетия. В настоящее время практически во всех школах на территории КБР кабардино-черкесский язык преподается в средних школах с 1 по

11 класс в качестве дисциплины вариативной части образовательных программ. В образовательных учреждениях высшего профессионального образования Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики кабардино-черкесский язык представлен в учебных планах как отдельная дисциплина. Его использование в качестве языка обучения ограничено рамками историко-филологических образовательных программ (в рамках направления национальной филологии, специализации «кабардинский язык и литература») и направления педагогики и начального образования (по специальности «учитель родного языка в начальных классах»).

В числе просветительских проектов можно отметить деятельность Министерства по делам национальностей и общественным проектам КБР по популяризации и обучению кабардино-черкесскому языку жителей зарубежных стран. Например, с 13 мая по 3 августа 2025 г. Министерство организовало ежегодное дистанционное обучение русскому и кабардино-черкесскому языку для представителей адыгской диаспоры в Германии, Турции, Иордании. Общая численность слушателей составила 235 человек.

Одной из важных форм существования языка в современных условиях является цифровизация информационного пространства и деятельность организаций медиа-сферы. В этом плане важны: создание контента на языке в интернете, разработка цифровых языковых технологий (создание электронных словарей, переводчиков на основе нейросетей, систем распознавания речи и синтеза речи на языке). При этом сохраняет актуальность и деятельность средств массовой информации на кабардино-черкесском языке (функционирование радиостанций, телеканалов, газет и журналов на родном языке), что обеспечивает его постоянное присутствие в информационном поле.

Одним из современных механизмов сохранения и развития кабардино-черкесского языка в России является разработка специальных программ для нейросетей. Например, с 2024 г. в КБР реализуется проект общественной организации «Черкесский ренессанс» на субсидию Министерства по делам национальностей и общественным проектам КБР «Нейросеть как инструмент

межнационального общения» для учителей родных языков (кабардинского и балкарского) [В Кабардино-Балкарии представили...]. Также этой организацией реализуется проект «Кабардинский язык для Яндекс. Переводчика» [Группа «Черкесский ренессанс». Пост от 30.12.2024 г.]. В начале 2025 г. министр по делам национальностей и общественным проектам КБР А. Курашинов доложил Главе КБР К.В. Кокову о том, что «в систему Яндекс-переводчика внесено по 100 тысяч предложений на кабардинском и балкарском языках» [В систему Яндекс-переводчика внесено по 100 тысяч...].

Не менее важным механизмом сохранения языка является государственная поддержка СМИ на родных языках, путем издания официальных газет. В КБР на кабардинском языке издается общественно-политическая газета «Адыгэ псалъэ», в которой публикуются новости региона и материалы по истории и культуре кабардинцев на кабардино-черкесском языке. Газета выходит 3 раза в неделю тиражом около 1500 экз. [Официальный сайт газеты «Адыгэ псалъэ»]. Ее предшественниками были кабардиноязычные издания «Ленин гъуэгу» (с 1931 по 1934 гг.), «Социалистическэ Къэбэрдей-Балъкъэр» (с 1934 по 1942 гг.), «Советскэ Къэбэрдей-Балъкъэрим папщӀэ» (с 1942 по 1944 гг.), «Къэбэрдей пэж» (с 1944 по 1957 гг.) и снова «Ленин гъуэгу» (с 1957 по 1992 гг.) [Средства массовой информации... 2006]. С 1958 г. по настоящее время в Нальчике на кабардино-черкесском языке выпускается литературно-художественный общественно-политический журнал «Ӏуащхьэмахуэ». С 1982 г. издается ежемесячный иллюстрированный литературно-художественный журнал для детей на кабардино-черкесском языке «Нур» [Официальный сайт ежемесячного журнала для детей «Нур»].

Поддержка языков в эфире радио осуществляется через программу «Вести. Кабардино-Балкария» [Официальный сайт радио «Вести. КБР»], а также через различные передачи (в том числе авторские) на радио «Кабардино-Балкария» (99,5 FM) [Официальная группа радио «Вести. КБР» в Вконтакте]. На телевидении поддержка реализуется через программу «Итоги на

кабардинском языке» на телеканале «1 КБР» [Официальный сайт программы «Итоги на кабардинском языке»].

Таким образом, формы существования и механизмы сохранения кабардино-черкесского языка в России исторически менялись от устной традиции к письменности, стандартизации, научным исследованиям и государственной политике, и эти процессы активно продолжаются в условиях современных вызовов. В настоящее время в условиях меняющейся государственной политики, глобализации и цифровизации усиливается реализация комплекса мер по сохранению кабардино-черкесского языка, включающих нормативно-правовое регулирование, институциональную поддержку, науку, образование и культурно-просветительские инициативы. При этом такая динамика форм существования кабардино-черкесского языка на исторической родине с учетом того, что на эти формы в диаспоре влияли схожие факторы, имеет следствием появление существенных различий между ними в настоящее время.

Выводы к главе 1

В современном мире изучение диаспор, диаспоральных процессов – одна из актуальных проблем не только лингвистики, но большинства социально-гуманитарных дисциплин. Проведённый диахронический и синхронический анализ исследований в области диаспороведения применительно к черкесской (адыгской) диаспоре позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Термин «диаспора» с течением времени претерпел значительные изменения: от нейтрального обозначения расселения до современного сложносоставного определения, значение которого охватывает целые этнические группы, сохраняющие этнокультурную идентичность, язык, память и связи с исторической родиной. Для черкесской диаспоры язык, фольклор и нарративы об исторической родине являются ключевыми маркерами их этнокультурной идентичности, что объясняет длительное сохранение этнического самосознания даже при сильной языковой ассимиляции в принимающих странах.

2. Основные факторы, влияющие на трансформацию речи диаспорантов: доминирование государственного языка страны проживания; дисперсность расселения; взаимодействие диалектов и говоров; увеличение числа смешанных браков, порождающих гибридные речевые практики; урбанизация, глобализация и цифровизация; образовательная и языковая политика принимающих государств.

3. Основная часть черкесской диаспоры проживает в Турции, Сирии, Иордании; в США и Европе она представлена вторичной иммиграцией из Турции и Сирии. В настоящее время средства связи и транспорта сокращают дистанцию между диаспорой и метрополией, создавая условия для языкового ренессанса и укрепления идентичности. Отмечается рост интереса исследователей к черкесской диаспоре, включая вопросы преподавания родного языка как иностранного, создания трёхязычных словарей, анализа цифровых платформ и передачи языка молодому поколению.

4. События 60-х гг. XIX в., завершение Кавказской войны и массовый исход черкесов из Российской империи в Османскую привели к территориальному разобщению черкесов с исторической родиной. Это предопределило длительное развитие языка в условиях диаспоры – в иноэтнической и иноязычной среде. Первоначально компактное расселение черкесов на новых местах проживания способствовало сохранению родного языка. Однако впоследствии разрозненное развитие языка в диаспоре и метрополии привело к их языковой дивергенции.

5. в условиях диаспоры родной язык наряду с коллективной памятью, фольклором стал главным инструментом сохранения этнического самосознания. Компактность расселения, численность этнической группы и опора на традиции в системе регулирования внутри этнических общественных отношений – определяющие факторы долгосрочного сохранения языка даже при отсутствии до определенного времени связей с исторической родиной.

6. с конца XIX – начала XX века в Османской империи стали предприниматься первые попытки создания письменности на арабской и латинской графиче-

ческой основе (Ахмед Джавид-паша, М. Пчегатлуков, М.-К. Хуажев и др.), открываться черкесские школы и различные общественные организации. В 1920–1930-е гг. произошли ликвидация черкесских образовательных учреждений в Турции, запрет публичного использования родного языка, смена фамилий. С середины XX – начала XXI в. возобновилась деятельность культурных обществ. Несмотря на неоднократные попытки разработки алфавитов на арабской, латинской и кириллической основах, в диаспоре до настоящего времени не сложилась унифицированная письменная система, что осложняет обучение родному языку по учебникам, поступающим из России (Кабардино-Балкарии, Адыгеи).

7. В настоящее время наиболее эффективными механизмами сохранения кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры являются: придание родному языку официального статуса на уровне законодательства стран проживания; создание системы непрерывного языкового образования: семья → детский сад → школа (как, например, в израильских черкесских поселениях Кфар-Кама и Рихания); издание учебников, словарей, художественной литературы и периодики на родном языке (с учётом единой графической основы, желательно кириллической, ориентированной на метрополию); активное использование цифровых платформ и социальных сетей для поддержания транснациональных языковых контактов.

8. Современная речь черкесов диаспоры характеризуется сочетанием противоположных тенденций: с одной стороны, архаизация (сохранение историзмов и архаизмов, утраченных на исторической родине), с другой – семантическая трансформация собственно адыгской лексики и активное заимствование из языков окружения (турецкого, арабского).

9. Представителям диаспоры с 2004 г. в Турции разрешено преподавание этнических языков в школах по выбору, с 2012/2013 учебного года введены уроки черкесского языка в качестве факультатива. Появились общественные организации, издаются журналы, выпущены учебники и художественная литература, функционируют дистанционные курсы и цифровые ресурсы (обучающие каналы, корпус кабардинского языка для «Яндекс.

Переводчика»). Однако этих мер недостаточно: внутрисемейное общение на родном языке остаётся минимальным, старшее поколение утрачивает язык, а молодёжь переходит на турецкий.

10. В речи диаспоры на фонетическом уровне фиксируются замены звуков (*ǵIanə* → *джанэ*, *adIigə* → *адыгэ*), на лексическом – семантические сдвиги (*унэцIэ* в значении «род» вместо *лъэпкъ*, *мащIэ* в значении «трудно» вместо *зугъу*). Значительный пласт иноязычной лексики (тюркизмы, арабизмы) проникает во все сферы, наиболее интенсивно в речь молодёжи.

11. Для сохранения языка в диаспоре роль метрополии и репатриации значима. Поддержка из Кабардино-Балкарии и Адыгеи (издание учебников, приём репатриантов, обучение черкесской молодёжи в вузах Северного Кавказа) способствует оживлению языка. Более 500 черкесов из разных стран обучаются в высших учебных заведениях КБР, что повышает их билингвальную компетенцию и служит каналом распространения литературной нормы кабардино-черкесского языка.

12. С 1860 г. на исторической родине кабардино-черкесский язык прошёл несколько этапов: от бытования в виде устной формы и диалектного многообразия, фиксируемого в единичных записях путешественников (XVIII–XIX вв.), до создания письменности на разных графических основах (арабица, латиница, кириллица) и формирования литературного языка. Ключевым моментом становления литературного языка стал советский период, когда была создана фундаментальная грамматика, разработана терминология, а язык получил государственную поддержку через систему образования, научно-исследовательские институты и издательскую деятельность. В КБР кабардинский язык, а в Карачаево-Черкесии – черкесский язык получили статус государственных языков (наряду с балкарским и русским), что обеспечило их преподавание в школах, присутствие в СМИ (газеты, радио, телевидение, журналы) и использование в официальной сфере.

13. На исторической родине, несмотря на наличие прочной институциональной базы, язык сталкивается с вызовами глобализации, урбанизации,

сокращения сферы бытового употребления и давления русского языка как доминантного. Для сохранения языка государство и общество разрабатывают новые механизмы: цифровизацию языкового контента, создание нейросетевых переводчиков, дистанционное обучение диаспоры, расширение нормативно-правовой базы (Указы Президента РФ 2022, 2025 гг. об основах государственной языковой политики). В диаспоре, напротив, отсутствие системной поддержки, ассимиляционные процессы и старение поколения носителей ведут к критическому снижению числа владеющих родным языком. Как показывает диахронический и синхронический анализ, языковая ситуация у адыгов (черкесов) характеризуется устойчивой дивергенцией между диаспорными и метропольными вариантами, обусловленной историческими событиями и различиями в языковой политике.

Глава 2. КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИЙ ЯЗЫК ДИАСПОРЫ И ЯЗЫК МЕТРОПОЛИИ: ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

2.1. Фономорфологические особенности речи диаспоры и языка метрополии в сравнительном аспекте

Обращаясь к проблеме фонетических трансформаций, следует отметить, что изменения гласных в кабардино-черкесском языке были отмечены в работах первой половины XX в. Чередование гласных в корне в зависимости от наличия суффиксов было описано Т.Н. Борукаевым в «Грамматике кабардино-черкесского языка»: автор указывает на соответствие твердого гласного *a* мягкому гласному *э* и приводит примеры: *джанэ* – *джэнэжсь* («рубашка – старая рубашка»), *къамэ* – *къэмэишхуэ* («кинжал – большой кинжал») [Борукаев, 1932: 7]. О возможности чередования гласных *ы* и *э*, близких по артикуляции, писали Г.Ф. Турчанинов и М. Цагов [Турчанинов, Цагов, 1940]. Неустойчивость кратких гласных в адыгейском языке отметили Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф, указав, что они могут появляться и исчезать как в конце, так и в середине слова [Яковлев, Ашхамаф, 1941: 209]. Позднее вопрос об изменении гласных был затронут также в «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка» (1957) [ГКЧЛЯ, 1957].

В 1959 г. Ш.Б. Ногма, описывая числительное *цэ* «сто», отметил фонетические изменения гласных: *цэ* «сто», *ципл* «четыреста», и т.д. [Ногма, 1959: 66].

В 1970 г. вышла монографическая работа Б.Х. Балкарова, где более детально описываются изменения гласных [Балкаров, 1970]. Морфонологическим явлениям в различных частях речи посвящены монографии М.А. Кумахова [Кумахов, 1981; 1984; 1989]. В западнокавказских языках М.А. Кумахов отмечает чередование гласных фонем в составе морфа и уточняет, что «изменение гласных с грамматической точки зрения могут быть релевантными и иррелевантными: *дэн* «шить», *дын* «шить что-нибудь»; *кӀуэн* «идти», *кӀуын* «пройти» – имеет функциональное значение внутренней флексии; *нэ* «глаз», *ын* «его глаз», *гуы*

«сердце», *ыгу* «его сердце» – фонетическое явление, лишенное грамматической функции» [Кумахов, 1981: 229]. Морфонологическим явлениям посвящена монография Х.Ш. Урусова «Морфемика адыгских языков», где подробно изучены интерфиксация, усечение, наложение морфов, чередование гласных в морфах, чередование согласных префиксов [Урусов, 1980]. Автор отмечает, что «в адыгских языках изменение фонемного состава экспонентов корневых и аффиксальных морфов происходит за счет чередования гласных фонем *э, ы, а*, консонантные же фонемы в них сохраняются: *мазэ – мэээцIэ* «луна – новолуние», *ды – сод* «сшей – шью», *сокIуэ – сыкIуаиц* «иду – я ходил» [Урусов, 1980: 27].

Аблаутные чередования в сфере словопроизводства в кабардино-черкесском языке изучены Р.Х. Дзугановой. Автор отмечает, что «важнейшей предпосылкой морфонологического анализа является определение границ одного морфонологического ряда. Чтобы описать морфонологию какого-либо языка, следует выявить фонологические различия в строении морфем разных классов; установить пределы и характер варьирования означающих у морфов одной морфемы» [Дзуганова, 2005: 200].

Все вышеперечисленные работы послужили основой для сравнительного изучения фonomорфологических особенностей речи черкесской диаспоры в Турции. Так, сравнительный анализ кабардино-черкесского языка в метрополии на предмет речевых особенностей и речи диаспоры позволяет выявить некоторые морфонологические явления, которые по сей день сохранились в разговорной речи представителей метрополии. Процессы альтернации или чередований как гласных, так и согласных фонем зафиксированы не только в речи диаспоры за рубежом, но и в разговорной речи жителей исторической родины. Чередование гласных и согласных наблюдается в морфемах различных типов – как в корневых (лексических), так и в аффиксальных (словоизменительных и словообразовательных).

Согласно теории Бодуэна де Куртене, который перемену звуков делил на две категории: 1) перемена звуков независимо от влияния других звуков; 2) перемена звуков под влиянием других звуков [Бодуэн, 1963: 83], нами также выделены звукоотношения, происходящие независимо от влияния других звуков.

2.1.1 Чередования гласных звуков независимо от влияния других звуков

В речи черкесской диаспоры в Турции, в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка отмечается звукосоотношение гласных независимо от предыдущего и последующего звуков чаще в корнях и суффиксах. Приведем примеры звукосоотношения гласных в сравнительном аспекте:

А : Э

Редкий случай перехода долгого гласного звука *a* в краткий гласный *э*: *Игы зэницІэу псори уигу къэчІым, ау узэпсалъэу къэппсалъым езыр-езырурэ къальху* (Токмакъ А.) («Так не все сразу получается вспомнить, но в беседе само по себе рождается»). *ЗэницІэу* вместо *заницІэу*. Такое звукосоотношение отмечено в абадзехском диалекте адыгейского языка: *былымэхуэ* вместо *былыммахуэ* «пастух», *мэкъэ гъэІун* вместо *макъэ гъэІун* «издавать звук», *азфэгу* вместо *азыфэгу* «между нами» [Кумахова, 1959: 195].

Э : А

Звукосоотношение краткого гласного звука *э* с долгим гласным *a* – частое явление не только в речи диаспоры, но и в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. Например, в речи диаспоры: *Сыт мыр щІыщыптІагъэр жаІыу къыщызэутиІым: «Сыадыгэси щыстІагъэнус фацэ» – яжесІас* (Акбай И.) («Когда меня спросили, почему я это надеваю, я ответил: «Я адыг, потому надену черкеску»). *ЩыстІагъэнус фацэ* вместо *щыстІэгъэнуц фацэ* «надену черкеску»; *Пц’эдгыжъым и Іуохур цух’а нэужь, зэзамызэ сабиһэр къаишэри шыколхэр цыІэс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071] («Есть специализированные школы, куда иногда отводят детей по утрам, после домашних дел»). *Зэзамызэ* вместо *зэзэмызэ*.

В диалектах и говорах жителей метрополии также отмечается употребление долгого гласного звука *a* вместо краткого – *э*: баксанский диалект: *куабжэ* вместо *куэбжэ* «ворота» [Мамрешев, 1959б: 36]; в кубанском диалекте, как отмечает М.А. Кумахов, «замена гласного *э* долгим гласным *a* – наиболее распространенное явление: *хъаку* – *хъэку* «печь», *тхъакІумакІыхь* –

тхьэкIумэкIыхь «заяц», *пиIыхьанIэ* – *пицIыхьэпIэ* «сон», *Iахьуэ* – *Iэхьуэ* «пастух» [Кумахов, 1969: 199]; терские говоры: *зарыз* вместо *зэрыз* «по одному», *чIартIоф* вместо *кIэртIоф* «картофель» [Куашева, 1969: 122]; кубано-зеленчукские говоры: *лъамыж* вместо *лъэмыж* «мост», *шант* вместо *шэнт* «стул» [Багов, 1969: 38]; малкинский говор: *гуас* /*гуаиш*’ вместо *гуэиц* «сарай», *жаиш* /*жас*’ вместо «ночь», в именах собственных *Башир* вместо *Бэшир* [Шагиров, 1969: 300]. Звукосоотношение *э:а* наблюдается и в современной речи моздокских адыгов: *барызей* – *бэрэжьей* «среда», «бузина»; *зарыз* – *зэрыз(э)* «по одному», *лапс* – *лэпс* «бульон» [Афаунова, 2024 а: 37].

Э : Ы

Переход краткого гласного звука *э* в иррациональный *ы* отмечается практически в речи у всех респондентов в диаспоре. Например: *Сэ насыпыр сиIыти*, а *Рахьми дыцзригъэцIыхуам усцIыхуат жызоIэ* (Ярум Г.) («Мое счастье, что тогда Рахми нас познакомил»). *СиIыти* вместо *сиIэти* «есть»; *Янэ-ядэр къэбзэльабзу къэбэрдеибзэчIэ псалъэу*, я *сабиhэм къэбэрдеибзэри къагурымыIуу ахуэдэ Iэджи диIыс дэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071] («Много у нас таких семей, в которых родители чисто разговаривают на кабардино-черкесском языке, а их дети кабардинского языка не понимают»). *ДиIыс* вместо *диIэц* «имеется, есть»; *ЗэшыпхьуипI дохьу*, *зы дэльху диIыс* (Льостэн Г.) («Нас четыре сестры и у нас один брат»). *ДиIыс* вместо *диIэц* «есть, имеется»; *Мыбы Анталэм си дэльхумрэ си шыпхьумрэ цыIыси*, *абы сицыIыну сыкъэкIуас ы-ы-ы* (БанэщIэж-Хьэшыкьуэ Э.) («Здесь в Анталии живут мой брат и сестра, приехала погостить у них»). *ЩыIыси* вместо *щыIэци* «находятся, живут», *сыщыIыну* вместо *сыщыIэну* «чтобы побыть здесь».

Соотношение краткого гласного звука *э* с иррациональным *ы* отмечается во всех диалектах и говорах, что указывает на архаичность первого из них; вторая же форма утвердилась в качестве нормы литературного языка. Например: *иIын* – *иIэн* «иметь», *ахуэдыуэ* – *ахуэдэуэ* «так», *зыхэт* – *зэхэт* «вместе стоящий» [Мамрешев, 1959б: 36]; *едэIуын* – *едэIуэн* «слушать», *лIыщIыгьуэ* – *лIэщIыгьуэ* «век», *хуымэбжьымэ* – *хуэмэбжьымэ* «влияние»,

«дух»; *зыкъымынэ* – *зыкъэмынэ* «все до одного» [Багов, 1968: 58]; *щылыщ* – *щылэщ* «находится, имеется», *сынолъылу* – *сынолъэлу* «прошу», *зызылыр* – *жызылэр* «тот, который говорит» [Куашева, 1969: 121]; *зэ* – *зы* «один», *псэ* – *псы* «вода» [Афаунова, 2024б: 36].

З.Ю. Кумахова, сравнивая абадзехский диалект с литературным кабардино-черкесским языком, отмечает «замену краткого гласного э кратким гласным ы в многосложных словах» и приводит в качестве примера *псыемыблэж* вместо *псэемыблэж* «усердный, самоотверженный», *шьылэныгъ* вместо *шьэлэныгъ* «терпение»; а также в двусложных словах типа *ллыблан* вместо *ллэблан* «сильный мужчина», *лэучыцI* вместо *лэучэцI* «дичь» [Кумахова, 1959: 193–194]. Такая особенность абадзехского диалекта, по мнению исследователя, сближает абадзехский диалект с литературным кабардино-черкесским языком и его диалектами [Кумахова, 1959].

И : Ы

Звукосоотношение долгого гласного звука *и* с иррациональным гласным среднего ряда верхнего подъема *ы* также отмечается в речи диаспоры. Например: *Дыжагъуэ мэхъури, куэдыр адыгэр адыгэ хэкум псэулым* (Шурдум Г.) («Нам обидно, что многие адыги (черкесы) не проживают на исторической родине»). *Дыжагъуэ мэхъури* вместо *ди жагъуэ мэхъур* «нам становится обидно». *СыщыцIыхъэм и шыхъурас жары кызагъэлыагъури сыбгъэдыхъас, нэхъыжъми, нэхъыцIэми* (Ярум Г.) («Когда заходила, мне показали его сестер, и я подошла и к старшей, и к младшей»). *Жары* вместо *жаIэри* «сказали». Кроме соотношения *и:ы* в слове *жары* происходит выпадение слога *Iэ*, то есть синкопа. Предполагается, респондент намеренно сокращает слово для упрощения произношения.

Случай употребления гласного звука *ы* вместо литературного *и* зафиксирован только в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского литературного языка: *кыуыкыIа* – *кыиуыкIашъ* «убил», *кыишьтэри* – *кыишьтэри* «взял их» [Балкаров, 1969: 83].

Ы: И

Употребление долгого гласного звука *и* вместо иррационального *ы* частое явление в речи представителей диаспоры независимо от пола и возраста. Например, ср.: *Ад'иґэбзэр, дянэ-дядэр ад'иґэбзэкІэ псалъэти, дыкъызэралъхуу иґІэддзэри ад'иґэбзэкІэ дыпсэла, тыркубзэм нэхьрэ нэхьыфІу ад'иґэбзэр дыиґыкІуху дыпсэла* (Щэныбэ КІу.-Дж.) («Черкесский язык мы выучили благодаря родителям, которые разговаривали на нем, с рождения мы заговорили на этом языке и знали его намного лучше, чем турецкий язык»). *Ад'иґэбзэр* вместо *адыґэбзэр* «кабардино-черкесский язык». *Дэри Къайсэр епх'ау зиґуэр къуажэм сыиґыпсэуас* (Гусер З.) («Мы жили в каком-то селе недалеко от Кайсери»). *Зиґуэр* вместо *зыґуэр* «каком-то». *Си бґир згъэузыжас* (Акбай И.) («Я повредил себе спину»). *Бґир* вместо *бгыр*. *Хъэнтхъупс тІэкІу кыитхуехь* (Ярум Г.) («Немного супа приносит»). *Кыитхуехь* вместо *кыытхуехь* «приносит». *Уи лэжыгъэм иґысту пенсэм уиґиІэс* (Алаш Н.) («Ты сейчас на пенсии»). *УиґиІэс* вместо *уиґыІэиґ* «находишься». В данном примере замена гласного звука приводит к изменению семантики: *уиґиІэс(иґ)* имеет значение «там у тебя есть (имеется)». *Бынииґ сыІыс* (ы:и, ы:э). (Хьэгъундокъуэ Я.) («У меня трое детей»). *СыІыс* вместо *сиІэиґ* «есть».

Звукосоотношение *ы:и* отмечено в абадзехском диалекте после ларингального абруптива *Іь*: *гумэІьиґу* вместо *гумэкІыґу* – «беспокойство», *Іьимаф* вместо *кІымаф* – «зима», *лъэІьин* вместо *лъэкІын* – «мочь» [Кумахова, 1972: 67]. А также в слове *нип* – «флаг» в Старо-Хумаринском ауле вместо *нип* [Багов, 1968: 62].

В кабардино-черкесской речи диаспоры в Турции отмечены единичные случаи чередования гласных звуков: *и:э, о:ы, е:ы, э:е*.

Чередование иррационального гласного звука *и* с кратким гласным *э* в речи диаспоры наблюдается лишь у одного информатора, звукосоответствие происходит в личных местоимениях. Вместо *дидей* «наш» употребляет *дэдей*, например: *Ар чІасэ дыдэ мыхъуу, а уэрэдыр лъэпкъым и утыку ислъхъэжыфу иґытмэ, аһэр дэдей къэзыгъэса нэхьыжъһэм я псэр тынышжыну си гугъэс*

(Къущхъэ Д.) («Пока не стало поздно, если смогу представить эту песню нашим старшим, которые донесли до нас, думаю их души успокоятся»). Данное явление не нашло отражение в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка, следует предположить, что речь идет о фонетическом отклонении при произношении гласного звука *и*.

Звукосоответствие гласного звука *о* с гласным *ы* отмечается в глагольной лексеме: *Ди нэхъыжънэм папцӀэчӀэ «Дотэ» жраӀауэ къыпцӀэчӀынс жызоӀэри ари дыццӀозогъу* (Токмакъ А.) («К нашим старшим они, наверное, обращались Дота (Уважаемый, достопочтимый), поэтому и я прибавляю [к имени]»). *ДыццӀозогъу* вместо *дыццӀызогъу* «добавляю».

Чередование гласных *ы:е*: *БжысӀакъэ мыр абы хуэзауэ къыпцӀэчӀынс, Хьэгъундокъуэ ИслӀам хуэзагъэнс жери, гушыӀас* (Хьэгъундокъуэ Я.) («Говорил же, он, наверное, встретился с ним, с Исламом Хагундоковым, шутит»). *БжысӀакъэ* вместо *бжесӀакъэ* «говорил». В кубано-зеленчукском говоре и в черкесской литературе данное звукосоответствие нашло отражение только в слове *жъэмый* вместо *жъэмей* «неразговорчивый», «молчаливый» [Багов, 1969: 37].

2.1.2 Чередования согласных звуков независимо от влияния других звуков

В современной речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции, как и в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка, сохранились некоторые отклонения от литературного языка в области консонантов. Наиболее характерной особенностью является чередование и смягчение согласных, выпадение согласных и гласных, наращение.

Самое распространенное чередование не только в речи диаспоры, но и в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка – это сохранение заднеязычных смычных *г', к', чӀ'* вместо переднеязычных шипящих аффрикат *дж, ч, кӀ*.

Примеры употребления г', к', чӀ' как в диаспоре, так и в метрополии.

ДЖ : Г'

Переход *дж* в *г'* наблюдается в разных частях слова. Часто в начале слова: *Г'эри тӀэкӀу къытрахыу* (Февзие С.) («Немножко фасоли собирали»).

Г'эри вместо *джэри* «фасоль». *Г'эдыгур* *зыщигъэхути кыистрин* *Іэрти щІэчІэт щІыбым* (Тохъу Н.) («Он скидывал с себя шубку и, укрыв ею меня, выходил на улицу»). *Г'эдыгур* вместо *джэдыгу* «шуба». *Г'алэу, къэтэджу тхъэмышчІыу псэууэ дотхъэж* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Падая, поднимаясь, живем бедно, радуясь жизни»). *Г'алэу* вместо *джалэу* «падая». *НетІи жыпІас /иштэ/ г'ылахъстэней, къэбэрдей я псалъэр зыщхъэщедз жыфІэри, ау ар зи щІэІым яни* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Ты только что сказал, что речь терских отличается от кабардинских, но я об этом ничего не знаю»). *Г'ылахъстэней* вместо *джылахъстэней* «терские».

Переход *дж* в *г'* в середине слова. *Ниг'и дэ парт Іуохур нэгъабэ мыхъу абы инэ ы-ы-ы дыхыхъас, духуас партыр* (Щоджэн Ф.) («Партийное дело мы начали еще в позапрошлом году, до этого э-э, мы создали партию»). *Ниг'и* вместо *иджы* «теперь». *Даһэуэ тиІырэ игы, мы сымаг'эр къокІуэри мы-быһэм (кровать) хэгъуальхъэ, мыхэм зыгуэрых'эр ы-ы-ы тотлхъэ гум и машинэм и компьютерыкІэ гум зэрыл'ажъэмкІэ кыдохутэ* (Шурдум Г.) («Как мы делаем, больной приходит, мы укладываем его на кровать, на грудь кладем что-то и по компьютеру смотрим (досл. определяем) работу сердца»). *Сымаг'эр* вместо *сымаджэр* «больной». *ИтІанэ си адэшыпхъум и лЫр сымаг'э хъури Истамбул сымаджэщым куэдрэ щІэлгын хуей хъуас* (Щоджэн Э.) («Потом муж моей тети заболел и ему долго пришлось лежать в больнице в Стамбуле»). *Сымаг'э хъури* вместо *сымаджэ хъури* «заболел». *Иг'ырчІэ инэрей щІэдзэгъуу, уи уищІэһэм зы гупым хуэзэу жыІапхъэһэр жысІас* (Токъмакъ А.) («Для начала необходимо дать ответы на некоторые твои вопросы»). *Иг'ырчІэ* вместо *иджыкІэ* «пока», «все еще».

О наличии вторичных шипящих аффрикат *дж*, *ч*, *чІь* в абадзехском диалекте, бытующем у черкесской диаспоры Турции (в частности, в трёх сёлах близ города Гексун), сообщается в работе Моники Хелиг: «Ср.: лит. адыг. яз. *лъэгунджъ* абадз. диал. *лъэгунж* «колено»; *мачъэ* – *маиэ* «бежит»; *пчъэ* – *пиэ* «дверь»; *баджэ* – *бажъэ* «лиса»; *лъэмыдж* – *лъэмыжъ* «мост»; *чыжъэ* –

шыыжъэ «далеко»; *чІымаф* – *шІымаф* «зима» [Хелиг, 1993: 359]. В фольклорных текстах, собранных в Узун-Яйле, Паштова М.М. также выделяет палатализованные согласные как основная «фонологическая отличительная черта местного говора» и приводит примеры: «палатализованные согласные [гъ] (*г'эд*, *г'атэ* вместо лит. *джэд*, *джатэ*), [кь] (*к'эт*, *к'ысэ* вместо *чэт*, *чысэ*), [кІь] (*кІ'апсэ*, *къамышыкІ'* вместо *чІапсэ*, *къамышычІ*), [хь] (*х'эку*, *х'абзэ*), [й] (*адыйагъэ*, *жый*, *бэйын* вместо лит. *адыгагъэ*, *жыг*, *бэдын*) [Паштова, 2016: 98].

В метрополии, в частности в баксанском диалекте, чаще в речи пожилых людей отмечены звукосоответствия *дж:г'*, а также параллельное употребление как *г'*, так и *дж:* *г'анэ* – *джанэ* «рубашка», *гэдычІэ* – *джэдыкІэ* «яйцо» [Мамрешев, 1969: 250]. В материалах по диалекту моздокских кабардинцев Г.Ф. Турчанинов обнаруживает также наличие палатализованных согласных, отмечая, что «замена *г* звуком *дж* встречается чаще, чем замена *кІ* звуком *чІ*. Замена *к* звуком *ч*, то, так как наличие слов с этими звуками в кабардинском языке весьма незначительно, сказать что-либо в отношении частоты замены звука *к* звуком *ч* совершенно невозможно» [Турчанинов, 1946а: 221]. Процесс аффрикации также не завершился и в терском говоре: *г'эд* /*джэд* «курица», *г'атэ* /*джатэ* «сабля», *г'абэ* /*джабэ* «бок» [Куашева, 1969: 128–129]. В кубанском диалекте М.А. Кумахов отмечает, что «за исключением бабугейского говора, процесс аффрикации палатализованных *гь*, *кь*, *кІь* в основном окончен. Палатализованные *гь*, *кь*, *кІь* встречаются в единичных словах: *пигъэджыжъ*, *пигъэдгъыжъ* «завтра утром», *лъэкІын*, *лъэкІьын* «мочь», *чэнджэишъ*, *кьнгъэишъ* «совет» [Кумахов, 1969: 195].

КІ: ЧІ

Употребление палатализованной *чІ* вместо аффрикаты *кІ* как в начале слова, так и в конце отмечается в речи диаспоры. Например, в начале слова: *Адрей лэкһэр уэ щыпхуэфІым*, *зыгуэрэ къыбоджри щыбогъахуэ*, *чІэроткІу* (Щоджэн Э.) («Другими красками ты не сможешь покрасить, нужно приглашать определенного человека, так как капает»). *ЧІэроткІу* вместо *кІэроткІу* «капает». *Псалъэм и пэри и чІэри хъуэхъус жызыІари араІэ?* (Къущхъэ І.)

(«Он же говорил, что любой разговор начинается и завершается пожеланиями (буквально – тостом)?»). *ЧІэри* вместо *кІэри* «конец». *Инэм чІэртІоф сым халхъэһэт, ау игы аһэри халхъэжІым, унэм и /бахъчэм/, яни зыгуэр тІэкІу халхъэмэ халхъэ, ауэ Узун-Яйлэ и щІэһэм халхъэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075]. «Раньше сажали картофель, сейчас и этого не делают, дома и /в огороде /, если что-то и сажают, то сажают, как и сейчас в Узун-Яйле». *ЧІэртІоф* вместо *кІэртІоф* «картофель».

Палатализованной *чІ* вместо аффрикаты *кІ* в конце слова: *ИужьчІэ зы диск кьыдэзгъэчІас, абы (зэхуэсхъэсахэм) кьыхэсынычІыурэ* (Къущхъэ Д.) («Потом выпустил один диск, сделав выборку из собранных (песен)»). *ИужьчІэ* вместо *иужькІэ* «потом», *кьыдэзгъэчІас* вместо *кьыдэзгъэкІаш* «выпустил», *кьыхэсынычІыурэ* вместо *кьыхэсыныкІыурэ* «выбирая». *Куэду си гуанэ хъуас, куэду сигу ирихъас ныцхъэбзрей физыхэтычІэр* (Токъмакъ Б.) («Сегодняшний вечер меня приятно удивил, мне понравились ваши взаимоотношения»). *ФизыхэтычІэр* вместо *фи зэхэтыкІэр* «ваши взаимоотношения». *ЩэчІыр топ-топыуэ кьыцэхути дэрбзэрыр унэм къаш'эти ар зы мазэчІэ щыІыуэ си кІуэцІым щыстІагъэнур, си щІыІум щыстІагъэнур, си щІыбым кьы-дальхъэнур, аһэр схуидти* (Щоджэн Э.). («Ткань покупала рулонами, приглашали портниху и она, пребывая у нас в течение месяца, нижнюю одежду, верхнюю одежду, накидку на спину – все это мне шила»). *ЩэчІыр* вместо *щэкІыр* «ткань», *мазэчІэ* вместо *мазэкІэ* «в течение месяца». *Ин дыхъа иужьчІэ зи тхуащІыжаІымэ (хъэцытэ)* (Жырышты Ф.) («Как повзрослели, нам уже не готовили («Хацита» – название блюда)»). *ИужьчІэ* вместо *иужькІэ* «потом».

Примеры взаимозамещения *кІ:чІ* наблюдаются и в разговорной речи адыгов метрополии. К.Т. Мамрешев в баксанском диалекте отмечает, что звук *чІ* один из самых употребительных. «Из учтённого количества случаев употребления фонемы *к'І/чІ* только в 11 случаях сохраняется *кІ*. Во всех остальных 917 случаях произносится *чІ*. *УчІытэ – укІытэ* «стыд, совесть», *чІапсэ – кІапсэ* «веревка», *щчІэ – щкІэ* «теленок», *чІасэ – кІасэ* «поздний», и т.д. [Мамрешев, 1959 б: 9–10]. Аффрикатизация *кІ//чІ* отмечается также в моздок-

ском диалекте «*мывэчІэ – мывэкІэ* (камнем), *лъакъуэчІэ – лъакъуэкІэ* (ногами), *чІапэ – кІапэ* (курдюк, конец чего-л.)» [Куашева, 1969: 129].

Ч : К

В речи представителей кабардино-черкесской диаспоры за рубежом отмечается употребление заднеязычного взрывного палатализованного **к'** вместо глухой шипящей аффрикаты **ч**. Например: *Уэ сэ слъагъум ар пхуэ-шэк'ынуІым жиІас* (Щоджэн Э.) («Я вижу, ты такое не стерпишь сказал»). *Пхуэшэк'ынуІым* вместо *пхуэшэчынукуьым* «не стерпишь». *Абыми Іуэхуми хэтыхунчІэ игъусас. Бомбэр и чІэтІиһэр зэтиудри куэд ишэкас* (Февзие С.) («И тогда он был с ним. Бомба разорвала его кишки, многое ему пришлось пройти (букв. терпеть)»). *Ишэкас* вместо *ишэчащ* «терпел». *Яшэкас шы-нагъуэ куэд* (Къущхъэ Д.) («Они много страшного терпели»). *Яшэкас* вместо *яшэчащ* «терпели». *Шэнт, пхэмбгъуһэр зэралэ лэкры къыщІэзгъэчІт, гур зэралэ лэкры къыщІэзгъэчІт, машинэ зралэр, кхъухълъатэр зэралэ лэкры къыщІэзгъэчІт* (Щоджэн Э.) («Я выпускала краску для покраски стульев, досок, повозки, машин, самолетов»). *Лэкры* вместо *лэчыр* «краска». *К'эзууэ жэшыым яхъумэт, нэху щыхункІэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1077] («Они по очереди сторожили до утра»). *К'эзууэ* вместо *чэзууэ* «по очереди».

Употребление палатализованного звука **ч** вместо **к** наблюдается в бесленеевском диалекте: *къэзу– чэзу* «очередь», *къы – чы* «хворост», *къэ – чэ* «селезенка» [Балкаров, 1969: 81]; в кубанском диалекте: *кыцэ – чыцэ* «кустарник», *къэкэн, къэкьэн – къэчэн* «трещать» [Кумахов, 1969: 197]. В баксанском диалекте отмечается параллельное употребление **ч** и **к'**. Как отмечает К.Т. Мамрешев, «из учтенных 513 случаев в 486 случаях произносится ч, а в остальных 27 случаях все еще встречается параллельное произношение пережитого сохранившегося заднеязычного взрывного палатализованного **к'**. Такое количество соотношения случаев употребления **ч** и **к'** как варианты фонемы **к'/ч**, убедительно говорит о том, что в баксанском диалекте процесс аффрикатизации заднеязычного **к'** завершился» [Мамрешев, 1959 б: 8]. Сравнительный анализ речи черкесской диаспоры за рубежом с диалектами и говорами кабардино-черкесского языка показал, что процесс перехода палата-

лизованных заднеязычных смычных *ɟ'*, *к'*, *кI'* в аффрикаты *дж*, *ч*, *кI* до сих пор не завершен, хотя литературный кабардино-черкесский язык узаконил аффрикатное произношение (*дж*, *ч*, *кI* вместо *ɟ'*, *к'*, *кI'*).

Б : П

Звукосоответствие губно-губного смычного *б* глухой придыхательной губно-губной смычной *п* представляет собой частое явление в речи диаспоры. Переход *б:п* у разных респондентов наблюдается в одних и тех же словах. Например: *Езыми сэри пээрым сыкIуэнс, сыщахуэнс, сыкъэкIуэжынс жери пээрым кьищэхуаһэми тIэкIур дилъхъау, тIэкIур димылъхъау щIым тIысауэ дэтехуас* (Ярум Г.) («Она решила пойти на базар что-то купить и вернуться, но когда мы пришли, она уже сидела на полу, что-то успела положить (в холодильник), остальные продукты лежали на полу»). *Пээрым* вместо *бэээр* «базар». *Ы-ы-ы унэһэм андж трабзэ* (Щоджэн Э.) («Да-да, крыши домов покрывают стеклом»). *Андж* вместо *абдж*. *Андей щысурэ зэшыпхъухэри андей щригъэшас* (Тохъу Н.) («Живя там, отдал сестер замуж»). *Андей* вместо *абдей* «там». *Сэ къуажэм зы тхъэмахуэ, тхъэмахуитI сыщыкIуэм дыдейһэм мэли, жэми псори зрахуэт апы щыгъуэм* (БанэщIэж-Хъэшыкъуэ Э.) («Тогда, когда я на неделю, на две недели уезжал в село, наши разводили барашек, коров»). *Апыщыгъуэм* вместо *абы щыгъуэм* «тогда».

В исследованиях по диалектам и говорам кабардино-черкесского языка не отмечается звукосоответствие *б:п*, хотя в разговорной речи старшего поколения иногда встречается параллельное употребление обоих звуков. В литературном кабардино-черкесском языке в личных показателях глаголов в настоящем и прошедшем временах наблюдается чередование *б:п*: *боуцI – пцIащ* «ты делаешь – ты сделал».

Самое распространенное фонетическое явление в речи диаспоры – это переход глухого свистяще-шипящего спиранта *щ* в глухой свистящий спирант *с*. «По многочисленности фонетических вариантов в речи зарубежных кабардинцев копула-суффикс – *щ* не имеет аналогов [Бижоев, 2000: 208]. По произношению – *с*, – *щ*, – *ш* в копуле респонденты делятся на четыре группы: *первая*

группа параллельно использует – с и – иц; вторая группа в копуле одновременно употребляет варианты – и и – с'; третья группа – иц, с', и; четвертая группа в копуле всегда использует – с вместо – иц. В диаспоре, независимо от возраста и гендерной принадлежности, большая часть использует в копуле – с. Примеры перехода – иц в – с. *Сэ си ицИр Муратс, сыкъэбардес, Узун-Яйлэ дыкъыкIас* (Щоджэн М.) («Меня зовут Мурат, кабардинец, приехал из Узун-Яйлы»). *Муратс* вместо *Муратиц* «Я Мурат», *сыкъэбардейс* вместо *сыкъэбардейиц* «кабардинец», *дыкъыкIас* вместо *дыкъыкIаиц* «приехали». *Си ицIалэ нэхьицИр сбгъэдэсс* (Кбудей Н.) («Мой младший сын живет со мной»). *Сбгъэдэсс* вместо *збгъэдэсиц* «живет со мной». *Ау абы яужьчи, адыгэ ицIыхубз х'асэм и тхъэмадэ къуэдзэ сыицыхуам укъэкIуас, дазэрыльэгъуас, нэIуасэ дызхуэхуас, ныбжъэгъу дызхуэхуас* (Ярум Г.) («После этого, когда меня избрали помощником тамады хасы, ты приезжала, виделись, лучше узнали друг друга, стали друзьями»). *УкъэкIуас* вместо *укъэкIуаиц* «приехала», *нэIуасэ дызхуэхуас* вместо *нэIуасэ дызэхуэхуаиц* «узнали друг друга», *ныбжъэгъу дызхуэхуас* вместо *ныбжъэгъу дызэхуэхуаиц* «стали друзьями». *Цыхум зы Iуэху иицIэчIэ и Iуэхур фIыу иицIэн хуес.* (Щоджэн Э.) («Если человек занимается одним делом, то он это дело должен делать хорошо»). *ИицIэн хуес* вместо *ицIэн хуейиц* «должен делать». *Сэ си адэхуэрас ар Пелуаныр и ицИр Ислъамт, ар ицIыхум имыльэгъуауэ и фIэиц мыхъуну лъэицу зыгуэрэт, зэрыжаIэмчIэ сэ* (Хъэгъудокбъуэ Я.) («Это мой дедушка – тот богатырь, звали его Ислам, он обладал невиданной неимоверной силой, как рассказывают»). *Си адэхуэрас* вместо *си адэхуэраиц* «мой дедушка». *Сэ Дэгъуэ саишыис, си адэр Зухъэб, си ныбжъыр илгъэс тIоуиши'мэхъу, си ицИр Нихъэт, си къуажэм адыгэчIэ Хэусей, тыркучIэ Иноран* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075]. («Я из рода Договых, мой отец Зуhab, мне шестьдесят лет, меня зовут Нихат, мое село на кабардинском называется Хаусей, на турецком Иноран»). *Саишыис* вместо *саишыициц* «принадлежу, отношусь (к роду)». *Мы гъаицIэм и кIуэицIым иицIыхъырас къыпхуэнэнур* (Балькъэр Д.) («В этой жизни у тебя останется только то, что ты сделаешь сам»). *ИицIыхъырас* вместо *ицIыхъраиц* «что ты сделаешь».

В 1946 г. Г.Ф. Турчанинов в статье «Материалы по диалекту моздокских кабардинцев» отмечал замену *щ* моздокским *сь* «во всех положениях и во всех категориях слов. Замена литературного *ш* свистящим *с* наблюдается очень редко и, кажется, только у окабардинившихся осетин» [Турчанинов, 1946а]. Автор приводит следующие примеры: *сылуытсь* – *сылутищ* «я нахожусь», *сэпсэуась* – *сыпсэуащ* «я жил», *сьылэсь* – *щылэщ* «есть», *арась* – *аращ* «это было», *къэхъуась* – *къэхъуащ* «настало» [Турчанинов, 1946а: 217–218].

К.Т. Мамрешев отмечает, что «употребление *с* вместо *щ* особенно характерно для жителей Баксанского района КБР. Наиболее четко это прослеживается в языке жителей с. Баксаненка, Кишпека, Дугулубгея, Исламея, Второго Чегема. Из этих селений речь жителей Баксаненка характеризуется наиболее широким охватом всех возрастов этим процессом». Далее он пишет, что «в речи жителей г. Чегема I и с. Чегема II (КБР) отмечается сравнительная устойчивость шипяще-свистящих спирантов. Более того, процесс перехода *щ* в *с* здесь имеет место только в речи женщин. В этом отношении чегемский говор ближе стоит к литературному языку, в отличие от говоров баксанского диалекта» [Мамрешев, 1959 б: 16]. Замена шипяще-свистящего *щ* в литературном языке свистящим спирантом *с* также было выявлено и в малкинском говоре в «глаголах утвердительной формы изъянительного наклонения, когда *щ* выступает в качестве аффикса утверждения и когда этому аффиксу предшествует краткое гласное или согласный: ш'ытс – щытщ «стоит», к'уаһэс – к'уахэщ «они пошли», згъэк'уэнс – згъэк'уэнщ «я его отправлю» [Шагиров, 1969: 296].

Звукосоответствие *щ:с* в копуле в метрополии активно употребляется в современной речи представителей города Баксана и с. Баксаненок.

Щ : Ш'

Звукосоответствие глухого свистяще-шипящего спиранта *щ* с мягким глухим шипящим спирантом *ш'* – одно из распространенных не только в диаспоре, но и в разговорной речи старшего поколения. Чередование *щ/ш'* в начале слова. Примеры: *Гу къуэпсхэр и ш'ытыч'эр нэхъ куэд мэхъу, къэбжыгъэр нэхъ куэд* (Шурдум Г.) («Строение сердечных клапанов слож-

ное, их больше»). *Ш'ытычІэр* вместо *щытыкІэр* «строение». *Нэгъабэ иштэ а хэхыныгъэм дыхыхъас парламентор ш'ых'ахым ы-ы-ы* (Щоджэн Ф.) («В прошлом году участвовали в выборах парламентариев»). *Ш'ых'ахым* вместо *щыхахым* «когда выбирали». *Хамэ къэралым ш'ыІэ адигэһэм щывмыгъэгъуицэ* (Къардэн Н.) («Не забывайте адыгов, живущих за рубежом»). *Ш'ыІэ* вместо *щыІэ* «находиться». *Абы (Хэкум) ш'ыиш' зыгуэрэ мыбы къыкІуэмэ аһэри си гуапэс* (Щоджэн Н.) («Мне очень приятно, когда кто-то приезжает к нам (с Родины)»). *Ш'ыиш'* вместо *щыиш'* «принадлежать, относиться». *Армырмэ гугъуехъыишхуэ си'эчалым, терминһэр сызэрыцІыкІурэ зэхэсхати ш'иблым ш'игъу термин итс* (Къущхъэ І.) («Мне было не так тяжело, так как термины я слышал с детства, их более семисот»). *Ш'иблым ш'игъут* вместо *щиблым щигъу* «более семисот».

Звукосоответствие *щ:ш'* в середине и в конце слова. Примеры: *Сэ мазэ ипэ мыр си'ыгъуишэри (телефон) унэм къэзгъэнас* (Ярум Г.) («Месяц назад я дома забыла (телефон)»). *Си'ыгъуиш'эри* вместо *щыгъуишэри* «забыла». *Ныбжъыр хэкІуэтаси пицІэрэ, абы цхъэи тІэкІу сыжеин хуес жэш'ым* (Февзие С.) («Я уже в преклонном возрасте, поэтому ночью мне надо немного поспать»). *Жэш'ым* вместо *жэщым* «ночью». *Зыр сэ зи къызэуицІаһэххэІым си'эжын жиІу, уэ къокэнджэш'аиц жери зиу къэгубжъас* (Щоджэн Э.) («Она разозлилась на то, что посоветовались со мной, а не с ней, по поводу моего переезда к ним»). *Къокэнджэш'аиц* вместо *къочэнджэщаиц* «посоветовались». *Бжэм нэс сыкъ-игъэсыжти мыр мэжэлІас, тІэкІу вгъаишэ жиІэти игъээжти езыр хъэицІэш'ым цІыхъэжт* (Тохъу Н.) («Проводил до двери и со словами, что она проголодалась, что ее нужно накормить, сам возвращался в кунацкую»). *ХъэицІэш'ым* вместо *хъэицІэщым* «в кунацкую». *Пиш'эдгыжъым укътэдджри (ж)гэишыр даурэ хъуами умыицІэу жэш' мэхъу* (Балькъэр Д.) («Утром встаешь и незаметно наступает ночь»). *Пиш'эдгыжъым* вместо *пицэдджыжъым* «утром». *Фэ дауэ фыиш'ыт, уи ихъэгъусэм куэду сэлам куэд ет?* (Къэрабэ М.) (Вы как поживаете, передайте привет супругу?). *Дауэ фыиш'ыт* вместо *дауэ фыищыт* «как поживаете». *Игы фи псалъэ дахэһэм сигу иприхъачІэ, сигу къэчІраиш*

жысІынухъэр [[Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Теперь, после того как мне понравились ваши красивые слова, я буду говорить, что придет в голову»)]. *Сигу къэчІраиш* вместо *сигу къэкІраиц* «что придет в голову».

Замена шипяще-свистящих согласных мягким шипящим *ш'* отмечается и в метрополии в монографиях по изучению некоторых диалектов и говоров. В баксанском диалекте, как отмечает К.Т. Мамрешев, употребление мягкого шипящего *ш'* в слове *жэш'* – результат прогрессивной ассимиляции, то есть в кабардинском литературном языке шипяще-свистящий спирант *иц* под влиянием предшествующего шипящего спиранта *жс* переходит в шипящий спирант *ш'* *жэиц* → *жэш'*. Также исследователь баксанского диалекта утверждает, что «сравнение с адыгейским языком дает основание считать, что баксанский *ш'* в слове *жэш'* «ночь» более древний звук, совпадающий с адыгейским мягким шипящим спирантом *ш'*» [Мамрешев, 1959б: 21]. О том, что первичные шипящие согласные характерны для всех адыгейских диалектов, кроме шапсугского, пишет Б.Х. Балкаров, он тоже отмечает, что «они сохранились и в некоторых кабардинских диалектах, в частности в бесленеевском» [Балкаров, 1970: 263]. В бесленеевском диалекте шипящие спиранты *шь* и *иш* отвечают литературному шипяще-свистящему фрикативу *шь*: *шьы* – *ишьы* «три», *ишэн* – *ишьэн* «продавать», *шапхъэ* – *ишьапхъэ* «мера, мерка» [Балкаров, 1969: 80].

В кубано-зеленчукском говоре в речи «жителей Хабеза, Хумаринского, Адыге-Хабля, Инжиджишхо в некоторых словах отмечается мягкий шипящий спирант *иш*, которому в литературном языке соответствует свистяще-шипящий спирант *иц*: *ишблэ* – *ицблэ* «гром», *жэш* – *жэиц* «ночь», *ицэдеймышчІэ* – *ицэдеймышчІэ* «послезавтра» [Багов, 1969: 28]. А.К. Шагиров, изучая малкинский говор, выявил в письменных работах учеников замену литературных *жс* и *иц* шипящими *жс'* и *иш'*. Данный переход автор объясняет как «отражение существующей в их речи фонетической закономерности» и близостью данных звуков при произношении. Примеры: *Жэш'хэр кІэицІ хъуаиц* («Ночи стали короткими») [Шагиров, 1969: 294–295].

ХЭ : h

Кабардино-черкесскому литературному аффиксу множественного числа *хэ* соответствует придыхательный спирант *h*. Данная замена отмечается в баксанском, бесленеевском, кубанском, моздокском диалектах, а также в терских говорах. Отмечается, что *h* не был исторически в адыгских языках, его предшественником был спирант *х*, который и ныне функционирует в кубано-зеленчукских и некоторых других говорах кабардино-черкесского языка [Багов, 1968: 48]. А.П. Багов также отмечает, что переход *х* в *h* стал возможным в аффиксе – *хэ* еще и потому, что – *хэ* как аффикс множественного числа теряет свое значение. Форма множественного числа в литературном языке стала «избыточной грамматической формой» [Багов, 1968: 49]. С мнением А.П. Багова не соглашаются Т.Х. Куашева, М.А. Кумахов и К.Т. Мамрешев, они считают, что ларингальный спирант *h*, который в литературном языке перешел в средненебный спирант *х*, первичный. Ученые также это объясняют тем, что ларингальный спирант *h* в суффиксе множественного числа сохранился преимущественно в речи старшего поколения.

В окончании множественного числа ларингальный спирант *h* «в речи старшего поколения отмечается во всех селах баксанского диалекта, в речи же молодого поколения (преимущественно школьного возраста), ларингальный спирант *h* и средненебный *х* употребляются параллельно» [Мамрешев, 1959б: 26]. Данное явление исследователь связывает с влиянием кабардинского письма. Приводит примеры звукосоответствия: *цIалэhэр* – *цIалэхэр* «молодые люди», *аhэр* – *ахэр* «они», *еджакIуэhэр* – *еджакIуэхэр* «учащиеся» и т.д. [Там же].

В бесленеевском диалекте Б.Х. Балкаров отмечает наличие «междусвязочного спиранта *h*, звучащий, почти как придыхание. Он выступает в суффиксе множественного числа: *тхыльhэр* «книги», *дэhэр* «орехи», *Iэhэр* «руки», *уынэhэр* «дома» [Балкаров, 1969: 81].

Т.Х. Куашева пишет: «звукосоответствие *х*: *h* в терских говорах отмечается только в окончаниях множественного числа имени и глагола, независимо от его фонетического положения в слове: *цIыхуhэр* – *цIыхухэр* «люди», *уыдзhэр* – *удзхэр* «травы», *мэлажэhэр* – *мэлажэхэр* «работают», *йоджэhэр*

– *йоджэхэр* «учатся». Она считает, что «рассмотренное звукосоответствие роднит терские говоры с бесленеевским диалектом» [Куашева, 1969: 124].

В речи диаспоры также сохранился как показатель множественного числа ларинагальный спирант *h* вместо литературного *хэ*. Следует отметить, что на речь диаспоры не повлиял письменный язык, следовательно у них сохранилась ранняя форма выражения множественного числа. Примеры звукосоответствия *h*:*хэ*: *Мыпхуэдиз ильэс хъуауэ мы цIынальэм дьдэсси ад'игэһэр къызэрацIыхур ы-ы-ы цIыху цэныфIэһэс, цIыхуфIэһэс, ы-ы-ы цIыхум зэран ирахэкIынIым жары а(п)хуэдус дыкъызэрацIыхур* (Щоджэн Ф.) («Адыги длительное время проживают в этой местности, нас знают как воспитанных, добродушных, не причиняющих вред другим людям»). *Ад'игэһэр* вместо *адыгэхэр* «адыги», *цэныфIэһэс* вместо *цэныфIэхэц* «воспитанные», *цIыхуфIэһэс* вместо *цIыхуфIэхэц* «хорошие люди». *Бахъче х'асэм сыкъэкIуас, уэрэдһэр къызжаIэ* (Тыркъ Н.) («Пришел в Бахче хасу, мне песни поют»). *Уэрэдһэр* вместо *уэрэдхэр* «песни». *Си адэр Къудейс, сэри Къудейһэ сранхъус, си дэлъхум зым и цIэр Хъэлмухъэмэдс, зым ицIэр Iэниуарс* (Къудей Н.) («Мой отец Кудаев, я тоже дочь Кудаевых, моего брата зовут Халмухамед, другого зовут Аниуар»). *Къудейһэ* вместо *Къудейхэ* «Кудаевы». *Сэ къэфакIуэһэм я цыгъынһэр яхузоцI* (Лъостэн Г.) («Я шью костюмы танцорам»). *КъэфакIуэһэм* вместо *къэфакIуэхэм* «танцорам». *Сэ си бынһэр къыцIэсиар ядэшхуэһэр, янэшхуэһэр дэнэ цыпсэуами зрагъацIэ жысIэри* (Рафит) («Я привез своих детей, чтобы они знали, где жили их дедушки и бабушки»). *Бынһэр* вместо *бынхэр* «дети», *ядэшхуэһэр* вместо *ядэшхуэхэр* «дедушки», *янэшхуэһэр* вместо *янэшхуэхэр* «бабушки». *КIуэ абыи хъер къичIаһэс хъарзынэу фIыгъуэ къыпычIаһэс, унэһэм дыцылэжъаһэс, интернетчIэ зыпытицIэурэ дьлэжъаһэс* (Къуцхъэ I.) («В этом тоже есть свои плюсы, дома работали, связывались по интернету и работали»). *Унэһэм дыцылэжъаһэс* вместо *унэхэм дыцылэжъахэц* «дома работали». *КIуаһэр къэкIуэжас, здэкIуа уеагъуэр куэду ягу ирихъу, куэду фIыу даһэхъэцIас, даг'элъэпIас жары яу, ы-ы-ы* (Щоджэн Э.) («Те, кто поехал, вернулись, им

очень понравилось, их хорошо приняли, отнеслись к ним с уважением»).

Клуаһэр вместо *клуахэр* «кто поехал».

Одним из самых распространенных звукосоответствий в речи диаспоры и в метрополии является переход фарингального абруптива *къ* в ларингальный абруптив *І*. В баксанском диалекте, как отмечает К.Т. Мамрешев, «независимо от их возраста и пола, переход *къ* в *І* наблюдается систематически. У представителей старшего поколения мужского пола отмечается смешанное употребление *къ* и *І* как параллельные варианты одной фонемы *къ/І*. *ЛажьэІым* – *лажьэкъым* «не работает», *щытІым* – *щыткъым* «не стоит», *мащІэІым* вместо *мащІэкъым* «не мало». А также примеры с *къ*→*І*, когда *къ* выступает в суффиксе отрицательно-вопросительной формы: *къэкІуаІэ* – *къэкІуакъэ* «не пришел ли?», *щІалэІэ* – *щІалэкъэ* «не молод ли?», *къеджаІэ* – *къеджакъэ* «не читал ли?» [Мамрешев, 1959 б: 13–14].

Г.Ф. Турчанинов в связи с трансформацией литературного заднеязычного смычного *къ* в моздокском диалекте пишет: «Широко использована в языке моздокских кабардинцев замена литературного заднеязычного смычного *къ* глубокогортанным взрывом типа арабского «хамза», обозначаемым в графике через *І*. Явление замены наблюдается в определенной позиции, а именно в отрицании *къым//Іым//Іэм* и в вопросительно-сомнительной форме на *къэ//Іэ*: *сылэжээфырІым* – *сылэжээфыркъым* «я не могу работать», *сыкІуаІым* – *сыкІуакъым* «я не ездил», *къыщІырагъэсырІым* – *къыщІырагъэшыркъым* «не разрешают вывозить», *хъуртыІэ* – *хъуртэкъэ?* «не могло ли?», *арІэ* – *аркъэ* «так ведь» [Турчанинов, 1946а: 220–221].

В терских говорах переход «*къ/І*» наблюдается в суффиксе отрицания и в окончании подтвердительного и подтвердительно-вопросительного предложений. Например, *седжаІым* – *седжакъым* «я не прочитал», *плээгъуаІэ* – *плээгъуакъэ* «ты разве не видел», *пицІалэ* – *пицІакъэ* «ты разве не сделал» [Куашева, 1969: 125].

В кубано-зеленчукских говорах тоже отмечено звукосоответствие: «*І* : *къ*» в отрицательной и подтвердительно-вопросительных морфемах имеем фарингальный абруптив *къ*, а в литературном языке в этих аффиксах выступает ларингальный (межсвязочный) абруптив *І*: в говорах *кІуэ-къым* или *кІуэ-къэ*, в

языке *кӀуэ-Іым* или *кӀуэ-Іэ*». Согласно П.М. Багову, ларингальный *І* представляет собой рефлекс *къ* [Багов, 1968: 49–50]. Однако, как подчёркивает А.К. Шагиров, эти звуки не тождественны по артикуляционным и акустическим параметрам: «согласный *І* по фонетическому качеству слабее *къІ*. Кроме того, *І* лишен присущего *къІ* оттенка «взрослости, солидности»» [Шагиров, 2004: 49].

В речи диаспоры переход фарингального абруптива *къ* в ларингальный абруптив *І* наблюдается в суффиксе отрицания. Например: *Ди анэ, ди адэм щызэдгъэцІа хъуас, тыркубзэр тицІаІым школым дыкӀуэхучІэ, телевизорым куэдэ зрихъуэчІас* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071]. («Мать и отец научили [родному кабардино-черкесскому языку], до школы не владели турецким языком, телевидение многое поменяло»). *ТицІаІым* вместо *тицІакъым* «не владели». *Псори дыхъарзынэс, зэран диІыІым, псори донсо* (Къэрабэ М.) («Все хорошо, все живы, здоровы, ничего плохого у нас нет»). *ДиІыІым* вместо *диІэкъым* «у нас нет». *Апхуэдэ дэ тпэгъунэгъу дыдэу щыІэуэ цІыхухъу щыІыжІым мыбы* (Щоджэн Ф.) («Таких близких нам родственников из мужчин здесь не осталось»). *ЩыІыжІым* вместо *щыІэжкъым* «не осталось». *Ар жызыІэфын нысэрэ, ар жызыІэфын анэрэ бгъуэтынІым* (Щоджэн Э.) («Не найти ни матери, ни снохи, которые могли бы такое сказать»). *БгъуэтынІым* вместо *бгъуэтынкъым* «не сыскать», «не найти». *Адыгагъэ зехъэныр тыниІым* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Быть человеческим, благородным, учтивым сложно»). *ТыниІым* вместо *тыникъым* «нелегко», «сложно».

В речи представителей диаспоры отмечается переход фарингального абруптива *къ* в ларингальный абруптив *І* в суффиксе отрицательно-вопросительной, вопросительной формах: *ИрикъунІэ ар, си къуэи?* (Къущхъэ І.) («Этого же достаточно, брат?»). *ИрикъунІэ* вместо *ирикъункъэ* «этого достаточно»; *ЕтӀуанэри мыпхуэдизу уцыгъыным укӀуэжтэІэ, сэ уэ къанэ ныбжесІа жери абыи апхуэдэ зыгуэру зыкъысхуеи* (Щоджэн Э.) («И вторая, раз уж так собиралась плакать, уехала бы обратно, я разве сказала тебе остаться, говоря, и она со мной как-то себя ведет»). *УкӀуэжтэІэ* вместо *укӀуэжтэкъэ* «уехала бы». *Игы ар зэзэмызэ мыбы къызоупцІхъэр, абыкІэ нэхъыфІтэІэ мыбыкІэ нэхъ?* (Щэныбэ

Б.) («Теперь меня иногда спрашивают, не лучше ли было там, чем здесь»).

НэхьыфIтэIэ вместо *нэхьыфIтэкъэ* «не лучше ли было?».

Были зафиксированы редкие случаи звукосоответствия *къ:I* в начале и в середине слов. *Мыбы IакIуэ гукъуэпсх'эр мацIэ дьдэс, дэ мыр дымыцIа сту куэд иIэ* (Шурдум Г.) («Сюда подходит мало сердечных клапанов, сколько всего здесь, чего мы не знали»). *IакIуэ* вместо *къакIуэ* «подходит». *Мазэ IэсхункIэ зыхуэс диIыс абыми зээмызэ миным цынэс цыIэс абы IакIуэр...* (Шыкъ М.) («Мы собираемся каждый месяц, иногда число собравшихся достигает до тысячи»). (*Мазэ*) *IэсхункIэ* вместо (*мазэ*) *къэсыхункIэ* «каждый месяц». ...*Зэрыдухуэ лъандэ(рэ) сыIокIуэ. Адыг'агъэм теухуауэ зыгуэрэIэ зээгъэцIэну сыхуес, тхьэразэ Iыпхухъу* (Пщыгъупщ Н.) («...С момента создания, хожу сюда. Хочу что-то узнать (выучить) про адыгство (Адыгагъэ – основа этнического самосознания адыгов), спасибо»). *Тхьэразэ Iыпхухъу* вместо *тхьэр арэзы къыпхухъу* досл. «Пусть бог будет тобой доволен», употребляется в значении «благодарю», «спасибо». *Ди къуажэIэр зыIэмынэ цIыр хъейс абыми цIыху куэд хэлIас ди благъэ куэд, ди гъунэгъу куэд лIас* (Февзие С.) («Во всех наших селах без исключения произошло землетрясение, погибло много наших родственников, соседей»). *Уей, уиIыр зыIэмынэ пшамэ, зы узыфэ къоуэлIамэ пхуримыкъуну, мыбы хуцхъуэр ахуэдизу лъапIэс, нэхьыбэр пэлъэшIым* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071] («Уалахи, даже если продать всё имущество, на лекарство не хватит – оно здесь слишком дорогое, если человек заболевает, большинство не справляется»). *УиIэр зыIэмынэ пшамэ пхуримыкъуну...* вместо *УиIэр зыкъэмынэ пшамэ пхуримыкъуну...* «Даже если продашь все свое имущество, тебе не хватит...». *ЗыIэмынэ* вместо *зыкъэмынэ* «все без исключения», «все».

В речи диаспоры и в диалектах и говорах на исторической родине были зафиксированы единичные случаи замены одного звука другим в одном и том же слове различными респондентами. Например, переход *н:р* : *Зэрар диIэIым, псори фIыц* (Щоджэн Ф.) («Ничего плохого нет, все хорошо»). *Мыр зыми зэрар иритыныуэ зыгуэрэIым, къыкIуэIэу я хэкужъыр ялъэгъужу, зэпыцIэжауэ зэрыдгъэIагъун хуес* (Хьэгъундокъуэ Я.) («Это никому не принесет вреда, мы

хотим, чтобы они [представители диаспоры] могли приезжать на свою историческую родину, чтобы была связь с нею»). *Зэрар* вместо *зэран* *имыІэн* «вред».

В кубано-зеленчукском говоре кабардино-черкесского языка П.М. Багов отмечает звукосоответствие *н:р* в слове *зэрар* – *зэран* «вред», как и в диаспоре [Багов, 1968: 52].

В речи нескольких респондентов было выявлено звукосоответствие *н:п* в препозиции в послелого *пэмыщІ* вместо *нэмыщІ* в значении «кроме»: *Абы пэмыщІ, дэ мы х'эхыгъуэм теухуауэ Исамбул щыхъэрым тхъэмадэ хэхыгъуэм теухуауэ зэ дэхъэ дыхыхъэжынус* (Щоджэн Ф.) («Кроме того, в этой стране мы еще раз будем баллотироваться на выборах главы Стамбула»). *ФІы дыдэу зэригъаишхэм пэмыщІ, зэрыхузэфІэкІкІи игъасэрт* [ЩІэжокъуэ, 2025: 31] («Кроме того, что хорошо кормил, по возможности еще и воспитывал»). *Лъэпкъыр лъэпкъ зыщІыр дэтхэнэ зыри щымыгъуныцэу аһэр игу илгынырс, апхуэдэу кыдылгытэри, адыгэ лъэпкъым а щыгъуэ махуэм кыщедгъэкІуэкІ гуузыр дунем пэмыщІ зы лъэпкъым и цхъэм кърикІуакъым* (Хъэгъундокъуэ Я.) («Мы считаем, что нацию делает нацией сохранение памяти о прошлом, чувства, которые мы адыги испытываем в день скорби, кроме нас, в мире никто не испытал»). *Иг'ы ди къэралым езым я Іуохум пэмыщІ, щІалэ цІыкІуһэр згъэлажъэну щІэздзас* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Кроме той работы, которую я делаю для страны, я открыл своё дело, где работают молодые парни»).

Звукосоответствие абруптивного ларингального смычного *І* лабиализованному абруптивному ларингальному смычному *Іу* отмечается в слове *жыдоІуэ* вместо *жыдоІэ* «говорим». *Игы мы гу къуэпсым аторосклероз жыдоІуэ* (Шурдум Г.). «Сейчас этот сердечный клапан называем атеросклерозом». *НмІэ къызжуІуэт, жысІаиш* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Я сказал, говори мне»). Такое звукосоответствие в терском говоре выделяет Т.Х. Куашева, она отмечает, что «в малокобардинском говоре на месте литературного кабардинского нелабиализованного ларингального *І* отмечается лабиализованный *Іу* в слове *жыІуэ* «говори», «скажи». По мнению ученого, в кабардинском языке данный корень включал лабиализованный согласный *Іу*:

малокаб.: *жыІуэ*, адыгейское *къэІу*, кабардинское *жыІэ* в значении «говори» [Куашева, 1969: 129].

Особенностям глагола *жыІэн* «говорить» посвящены специальные статьи Г.Ф. Турчанинова, который отмечает, что «корень глагола *жыІэ-н* «говорить» восходит к слову *Іэ* «рука», а префикс *жы*, как видно по его диалектной форме – *жъы* в том же глаголе *жъы-Іэн* «говорить», происходит от слова *жъэ*» [Турчанинов, 1940: 99]. Данный анализ Г.В. Рогава считает лишенным научного основания. Ученый соглашается с мнением Ж. Дюмезиля, который «в кабардинской основе *жыІэ* элемент *жы* выделяет в качестве преверба, а *Іэ* увязывает с нижнеадыгейской основой *Іуэ* (*къІуэ*) и убыхской *къІа* «говорить»» [Дюмезиль, 1932: 49]. Продолжая предположения Ж. Дюмезиля, Г.В. Рогава пишет, что «Дюмезиль правильно увязывает *Іэ* кабардинской глагольной основы *жыІэ* с адыгейской основой *Іуэ* и убыхской *къІа* «говорить». Для кабардинской основы *Іэ* исходной является *Іуэ* → *Іэ*. *Іуэ* сохранилось в слове *жыІуэн* в терском говоре, а также в глаголах *маІуэ* – *адакъэр маІуэ* «петух поет», *иреІуэкІ* «намекает» [Рогава, 1959: 363].

Следовательно, словоформа *жыІуэ* – это общеадыгская форма глагола *жыІэн* «говорить», которая сохранилась в речи диаспоры и в терском говоре кабардино-черкесского языка.

В разговорной речи представителей диаспоры были выявлены также единичные случаи звукосоответствия согласных, которые отсутствуют в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. Например, звукосоответствие звонкого свистящего спиранта *з* звонкому шипящему спиранту *ж* в слове *зысІас* вместо *жысІащ* «сказала»: *ИтІанэ сэ мыбы сыщылажъэнуІым зысІас* (Щоджэн Э.) («Тогда я сказала, что не буду здесь работать»). *ТэкІунитІэ мащІэу сыкІуэтауэ сигу къэчІыжри къэсщтэнуІым зысІас*, *яу мыр илъэситху инэ диІэтэІым зысІас* (Яурум Г.) («Чуть пройдя, вспомнила, что забыла [телефон дома], но сказала, что лет пять назад жили без него, не буду возвращаться»). *Уэ, даурэ зысІыну*, *уэ глобалу зы цІыху ухъуфынс* (Арымбек А.) («Ты, как сказать, сможешь стать глобальным человеком»). *Сэры сымэжэлас*, *Іэмэ зысІэри* *зэ сыкъэкІуэжри*, *ныгыпсту не сэ зы ихыныфІ*

пхуэщIынс жиIэри мрамысэ ищIри (БанэщIэж-Хьэшыкъуэ Э.) («Я сказала, что тоже проголодалась, сказав, что сейчас вкусную еду приготовит, приготовила мамалыгу»). *Яу зысIас, сыту псалъэ дахэ мы уэ жыпIар* (Къущхьэ I.) («Я сказал: «Какие же красивые слова ты произнес»).

Отмечается редкий случай звукосоответствия звонкого заднеязычного спيرانта *гъ* краткому гласному верхнего подъема – *ы*: *Гуэгущым къышыри-шам Iей быэпIыщIэн хуейIым, аhэр шыщIыкIум дей (гуэгущ) Iей ухуэсакъын хуейс* (Жарышты Ф.) («Когда у индюшки вылупляются индюшата, нельзя им дать переохладиться, в этот период их нужно беречь»).

Звукозамещение показателя множественного числа глухого среднеязычного спيرانта *х* глухим придыхательным ларингальным спирантом *хь* выявлено в речи нескольких респондентов. *Дэ ди благъэхьэм щыщ цIыху пщыкIуэ лIас* (Февзие С.) («Из наших родственников одиннадцать человек умерло»). *Благъэхьэм* вместо *благъэхэм* «родственники». *Мыбдей дызбгъэдэсу дыщысынус зэшыпхъухьэр, зыщIыпIи дыкIуэнуIым* (Тохъу Н.) («Мы, сестры, будем жить здесь вместе, никуда не уедем»). *Зэшыпхъухьэр* вместо *зэшыпхъухэр* «сестры»; *А Бердым ипхъухьэм и бынhэрас щыIыр* (Щоджэн Ф.) («Дети дочерей Берда там находятся»). *И пхъухьэм* вместо *ипхъухэм* «дочери»; *Игы къэху сабихьэри ара(щ), янэ-ядэр адыгэ пэжу щытми унэм щыпсэлъэжхьэIым* (Акбай И.) («Нынешние дети так же, даже если родители адыги, дома на своем языке не разговаривают»). *Сабихьэри* вместо *сабийхэри* «дети».

2.1.3. Полногласие в речи диаспоры и кубано-зеленчукском говоре кабардино-черкесского языка

Сравнительный анализ речи черкесской диаспоры с литературным кабардино-черкесским языком показал сохранение в диаспоре полногласия. В метрополии только в кубано-зеленчукских говорах в глаголах, в редких случаях в именах отмечается сохранение полногласия. Полногласные основы обнаруживаются у жителей Абзакта и Первомайского Карачаево-Черкесской республики в личных аффиксах глагола. П. М. Багов отмечает: «Полногласие

в говорах служит препятствием к появлению в отдельных словах звуковых комплексов и комбинаторных изменений. *ІэштІым* (М. Зеленчук и др.) вм. литер. *ІэштІым* «кулак», *ІэфэракъІэ* вместо *ІэфракІэ* «локоть», *гуэрэ* вместо *гуэр* «что-то», «кто-то», *дыхъынус* (Первом.), вместо *тхъынуш* «понесем», *хьэрыф* (Старо-Хумар.), вместо литер. *хьэрф* «буква» [Багов, 1968: 63].

В речи диаспоры также сохранились полногласные архаичные формы в отдельных словах. В них сохраняется иррациональный гласный *ы*, который в современном литературном языке из-за отсутствия функциональной нагрузки не употребляется. Полногласные формы сохранились в личных аффиксах глаголов: *Зыуэрэд сытха*, *щІалэгъуалэхэр жаІэу зыхызохир* (Акбай И.) («Я написал одну песню, слышу, как ее молодежь поет»). *Сытха* вместо *стха* «написал». *Мыбы дэс си ныбжьэгъухэр, си нэхъыжьхэр, сы шыхъухэр сыльагъуну сыкъэкІуас* (Токмакъ Б.) («Приехал увидаться с живущими здесь моими друзьями, с моими старшими, с моими сестрами»). *Сыльагъуну* вместо *сльагъуну* «увидаться». *Сэ Артык сыцІыхужырІым* (Февзие С.) («Я не помню Артыка»). *СыцІыхужырІым* вместо *сцІыхужкъым* «не помню». *Ар дыгъэхъуну яужь дитын хуейІым* (Щоджэн Э.) («Мы не должны стараться, чтобы это получилось»). *Дыгъэхъуну* вместо *дгъэхъуну* «стараться, чтобы получилось». *КІуэти унэр хьурейуэ кыкІухъырти, унэр хьурейуэ къэсплъыхъыныси сэ хьыбар фэстынс зы зэрищымыІэр жиІэрти* (Тохъу Н.) («Ходил туда и обходил дом вокруг, я оглянусь и сообщу вам, что никого нет, говоря»). *Къэсплъыхъыныси* вместо *къэсплъыхъыници* «оглянусь».

Таким образом, сравнительный анализ речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции и кабардино-черкесского литературного языка, диалектов и говоров кабардино-черкесского языка в метрополии показал, что в диаспоре законсервировались архаичные формы в произношении и употреблении как согласных, так и гласных. Сохранение таких форм не только в речи диаспоры, но и в современной разговорной речи представителей диалектов и говоров кабардино-черкесского языка свидетельствуют о том, что и в диаспоре, и на

исторической родине до сих пор сохранились некоторые архаичные явления. Вышеперечисленные особенности в фonomорфологии вызваны как внутренними, так и внешними факторами развития языка, а также средой функционирования языка.

2.2. Грамматические характеристики кабардино-черкесского языка и речи диаспоры в сравнительном аспекте

В современном мире национальные языки играют большую роль, поэтому велика значимость изучения их грамматики, освоение которой формирует мышление, развивает речь и повышает грамотность носителя языка. Грамматика кабардино-черкесского языка уникальна по сложности и разнообразию морфем. Грамматика – фундамент языкознания, центральными частями которого являются словообразование, морфология и синтаксис. Кабардино-черкесский язык богат аффиксами, выражающими различные грамматические характеристики языка. В изучении грамматических изоглосс в речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом большую роль сыграли фундаментальные научные труды Ш.Б. Ногмова [Ногма, 1956; 1958], Л.Г. Лопатинского [Лопатинский, 1890], Т.М. Борукаева [Борукаев, 1932], Н.Ф. Яковлева [Яковлев, 1948], Г.Ф. Турчанинова и М. Цагова [Турчанинов, Цагов, 1940], «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка» 1957 г. [ГКЧЛЯ, 1957], «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка» 1970 г. [ГКЧЛЯ, 1970], «Кабардино-черкесский язык» 2006 г. Т. 1 [КЧЯ, 2006], Кабардино-черкесская грамматика (на кабардино-черкесском языке) 2023 г. [АГ, 2023].

Пространственное и временное разобщение между представителями диаспоры за рубежом и жителями метрополии привело к значительным расхождениям в грамматическом строе. «Язык диаспоры, находясь «между» языком, речевым и коммуникативным узусом, нормами того же языка, функционирующего в метрополии, и узусом и нормами основного, например, государственного языка своей страны, неизбежно существует в погра-

ничной ситуации» [Костанди, 2015: 140]. Сохранение в речи диаспоры более ранних грамматических форм и параллельное употребление в речи единичных представителей диаспоры грамматических аффиксов свидетельствует о сохранении исторически сложившихся грамматических аффиксов, которые на исторической родине до сих пор функционируют в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка метрополии. Самыми распространенными грамматическими особенностями являются суффиксы утверждения и отрицания, показатели определенности и неопределенности, наличие или отсутствие личных аффиксов глаголов.

2.2.1. Грамматические показатели утверждения и отрицания

Образование утверждения и отрицания с помощью грамматических показателей в речи представителей диаспоры за рубежом имеет свою специфику, отражающую реалии функционирования кабардино-черкесского языка в диаспоре. Сравнительный анализ литературного кабардино-черкесского языка в метрополии и речи представителей диаспоры позволяет установить наличие архаичных форм, которые восходят к общеадыгским языковым нормам, а также показывает степень их ассимиляции в условиях изолированного развития, иноязычного окружения, отсутствия письменности.

Теоретическую базу исследования грамматических показателей утверждения и отрицания составляют научные работы, концепции, идеи М.А. Кумахова [Кумахов, 1964; 1971], И.Н. Бродского [Бродский, 1973], А.И. Бахарева [Бахарев, 1980], В.В. Виноградова [Виноградов, 1986], Е.А. Реферовской [Реферовская, 1989], Б.Ч. Бижоева [Бижоев, 2000; 2020], Б.А. Мантыевой [Мантыева, 2006], А.А. Калининой [Калинина, 2008; 2011], Н.Т. Гишева [Гишев, 2003; 2008], Л.М. Попковой [Попкова, 2009], Б. Григорьевой [Григорьева, 2010], Н.Г. Шериевой [Шериева, 2014], Е.С. Штерниной [Штернина, 2015], М.Х. Токмаковой [Токмакова, 2017], А.Н. Беляева [Беляев, 2023] и др., в которых разработаны общие проблемы грамматики и лексики.

А.А. Калинина считает, что базовым признаком любой грамматической категории является наличие формальных способов ее выражения [Калинина, 2008: 117]. В словаре лингвистических терминов «утверждение – это положительная форма речи; высказывание, содержание которого представляется носителем языка как соответствующее действительности (в том числе и аналогии русского «да» в речи других народов)» [Ахманова, 1966: 490]. При этом утверждение – это не просто выражение, повествующее том, что есть на самом деле, но и оценка речи адресата и адресанта. А отрицание характеризуется как «связь, устанавливаемая между элементами высказывания, реально не существует (мыслится в речи как реально не существующая)» [Ахманова, 1966: 291].

В кабардино-черкесском языке «глаголы являются одним из морфологических средств выражения отношения говорящего к реальности высказывания, они могут выражать различный характер отнесения содержания высказывания к действительности, как утверждение или отрицание факта действительности, предположение, желание и т.д.» [Хежева, 2015: 57–58].

Формы утверждения в кабардино-черкесском литературном языке передают финитными глаголами, которые выражают определенное, основное, независимое от другого глагола действия. В «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка» финитные глаголы в утвердительной форме имеют окончание *-р* и копулу-суффикс *-щ*: *ар макІуэр* (тот идет), *абы ар ешэр* (тот ведет его), отмечается, что в такие конструкции чаще всего окончание *-р* опускается: *ар макІуэ* (тот идет); *ар щытщ* (тот стоит), *абы ар ишащ* (тот повел его) [ГКЧЛЯ, 1957: 98–99]. Далее в грамматике отмечается, что инфинитная форма глаголов, выражающая «действие неопределенное, добавочное, зависимое по отношению к основному действию, выраженному финитной формой, может образовать отрицательную форму при помощи суффикса *-къым* (состоящего из подтвердительно-вопросительной частицы *къэ* и частицы отрицания *м*). Например: *щакІуэм щыхъыр иукІакъым* (охотник не убил оленя); *Еблагъэ зи бэм и бын мэжалІэкъым* (у кого много гостей, того дети не голодают). А отрицательная форма образуется при помощи префикса *мы-*:

Гур мыплъэмэ нэр плъэркъым (Если сердце не почует – глаз не видит) [ГКЧЛЯ, 1957: 100]. По мнению Н.Т. Гишева, «использование отрицательной частицы *м* в составе отрицательного суффикса *-къым* в кабардинском языке имеет, по-видимому, прямое отношение к суффиксальному отрицанию и в абхазском языке. Однако суффиксальное отрицание в этих языках, видимо, образовалось позже префиксального и после дифференциации этих языков» [Гишев, 2008: 238].

В современном кабардино-черкесском языке на «референтной территории» основными маркерами выражения утверждения выступают различные морфемы. Для времен изъявительного наклонения характерен суффикс утвердительности *щ*. Ср., например: *сыщылъщ* «я лежу», *ущылъщ* «ты лежишь», *щылъщ* «он лежит». Отмечается, что «суффикс *щ* в современном литературном языке явление новое, которое утвердилось не во всех кабардинских диалектах. Ср., например: куб. *сыщыс*, бел. *сышьыс* «я сижу», куб. *ущыс*, бел. *ушьыс* «ты сидишь». В непереходных статических глаголах, в отличие от непереходных динамических, независимо от строения основы субъект 3-го лица регулярно выражается нулевым аффиксом. Ср.: *макӀуэ* «он идет», но *щысщ* «он сидит»» [КЧЯ, 2006: 208]. Также особенностью «кабардино-черкесского литературного языка является синхронное употребление отрицательной морфемы *-мы* и *-къым* в составе сказуемого, при котором происходит снятие отрицания и возникает категорическое утверждение с разными оттенками: *Ар щӀалэ мыгъэсакъым* букв.: «Он парень не невоспитанный» (в значении воспитанный); *Ар емыджакъым* букв.: «Он не неученый» (в значении ученый). *Сэ сыхабзэмыщӀэкъым* букв.: «Я не незнающий обычаев» (в значении знающий)» [КЧЯ, 2006: 227].

Наличие суффикса утвердительности *-щ* в кабардино-черкесском языке З.Р. Хежева называет «особенностью изъявительного наклонения». Далее автор отмечает, что «именно финитные глаголы в положительной форме имеют окончание *-щ*: *ар щытищ* (он стоит)» [Хежева, 2015: 74]. «Помимо аффикса *-щ*, утвердительность в кабардино-черкесском предложении может выражать-

ся при помощи суффикса *-т*, сочетающегося со сказуемым в форме прошедшего времени, выражая прошедшее несовершенное время» [Камбачоков, 1997: 42].

Как показывают фундаментальные исследования, основными способами выражения утверждения и отрицания являются грамматические средства, то есть утвердительные и отрицательные аффиксы. В лингвистике отрицание рассматривается как категория, которая отражает не только явления действительности, но и отношения самих вещей. Отрицание является «одним из важных средств познания мира самого человека, а также это необходимая стадия развития к новым знаниям» [Мантыева, 2006]. Отрицание в языке также выражает отсутствие какого-либо предмета, явления, действия, состояния, которое может быть показано различными грамматическими и лексическими средствами.

Грамматическое отрицание является предметом изучения не только лингвистики, но и философии. В философии отрицание – это связь двух последовательных состояний развивающегося объекта, а в лингвистике – это высказывание, которое выражает отрицание чего-то, то есть реально не существующего или отсутствующего. В качестве основных способов выражения отрицания В.В. Виноградов выделял грамматический, лексический и интонационно-синтаксический [Виноградов, 1986]. Эти способы и были использованы для изучения категории отрицания в речи кабардино-черкесской диаспоры.

Анализ эмпирического материала позволил выявить более архаичные грамматические формы выражения утверждения и отрицания в речи диаспоры за рубежом, которые в современной разговорной речи жителей метрополии встречаются у представителей старшего поколения, а также сохранились в некоторых диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. При этом грамматическая и лексическая формы выражения утверждения и отрицания в

речи кабардино-черкесской диаспоры отличаются от языка жителей метрополии.

В речи более 80 % респондентов представителей диаспоры законсервировались архаичные формы выражения утверждения и отрицания, которые до сих пор частично сохранились в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка на исторической родине. Далее приведены конкретные примеры выражения утверждения и отрицания по отдельности в речи диаспоры в сравнительном освещении с литературным кабардино-черкесским языком, а также отмечены в каких современных диалектах и говорах кабардино-черкесского языка сохранились те или иные формы выражения утверждения и отрицания.

Грамматически в литературном языке утверждение чаще всего выражается с помощью копулы-суффикса *-щ*. В речи представителей диаспоры шипяще-свистящему спиранту *-щ* – в копуле соответствует свистящий спирант *-с*. Например: *Зыр уэуейс, зыр бгъэтIыльынус, зыр лъэпкъым щхъэчIэ бгъэхъарджэнус, зыр псапэ-гуапэ ирипщIэнус жаIэ* (Ярум Г.). («Одна часть твоя, другую часть нужно отложить, третья – для народа, а остальная часть на пожертвования»). *Сэ си дэлъхум и кхъэр здэш'ыIэм сыщыIынус, нэмышщIыпIэ сыщыпсэужыфынуIым абы адэчIэ жиIыу* (Щоджэн Э.) («Я буду там, где находится могила моего брата, в другом месте я не смогу больше жить, говоря»). *Бзэр пIэщIэчIмэ, хабзэри пIэщIэх, тхыбзэри пIэщIэх, псори пIэщIэх, гузэвэгъуэишхуэу диIыс* (Къущхъэ Д.). («С утратой языка утрачиваются и обычаи, и письменность, все утрачивается, это большое горе для нас»). *Янэ-ядэр къэбзэлъабзу къэбэрдеибзэчIэ псалъэу, я сабиhэм къэбэрдеибзэри къагурымыIуу ахуэдэ Iэджи диIыс дэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071] («У нас есть много таких, когда родители хорошо разговаривают на кабардинском, а дети даже не понимают языка»). *Сэ сытекIуэмэ Iэнэр сэ къэзгъэхъэнус, уэ утекIуэмэ Iэнэр уэ къэбгъэхъэнус жери* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1073] («Если я одержу победу, я ставлю, накрываю стол, а если ты побеждаешь, ты ставишь стол, сказав»). *Лъэпкъыр лъэпкъ зыщIыр дэтхэнэ зыри щымыгъуицэу аhэр*

игу илгынырс (Хьэгъундокъуэ Я.) («Народ становится народом благодаря тому, что не забывает свое прошлое»).

Замена шипяще-свистящего *иц* мягким свистящим спирантом *с'* в копуле было широко распространено в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. В метрополии в современном баксанском диалекте кабардино-черкесского языка представители всех возрастов, чаще всего женского пола (мужчины редко употребляют), г.о. Баксан, Баксанёнок, Кишпек, Дугулбгей (КБР) в разговорной речи в качестве утвердительного маркера произносят копулу-суффикс *-с*. А в разговорной речи переход в копуле *-иц* в *с'* жителей г. Чегем I и с. Чегем II (КБР) отмечается только в речи женщин. Следовательно, устная речь жителей Чегема ближе к литературному языку, в отличие баксанского диалекта и речи представителей диаспоры [Мамрешев 1959б: 16]. В современном моздокском диалекте также отмечается сохранение суффикса утверждения в копуле *-с/сь* вместо литературного *-иц*: *дэзэхэссь* – *дызэхэсиц* (живем вместе), *дэпсэуась* – *дыпсэуаиц* (жили), *дэхъуась* – *дыхъуаиц* (стали), *дызэхэкIась* – *дызэхэкIаиц* (отделились), *дыкIуась* – *дыкIуаиц* (пошли), *дыкъэкIуась* – *дыкъэкIуаиц* (пришли) [Афаунова, 2024 а: 105].

В речи лескенских кабардинцев Б.К. Утижев также отмечал замену *иц* на *с* в суффиксе утверждения и привел такие примеры, как: *с'ытас'* вместо *ицытаиц* «простоял», *сыкIуас'* вместо *сыкIуаиц* «пошел», *къылъэгъуас'* вместо *къылъэгъуаиц* «его увидел» [Утижев, 1981: 109]. Замена шипяще-свистящего *иц* в литературном языке свистящим спирантом *с* в глаголах утвердительной формы изъявительного наклонения, когда *иц* выступает в качестве аффикса утверждения и когда этому аффиксу предшествует краткое гласное или согласный: *и'ытс* – *ицытиц* (стоит), *сеплъынс* – *сеплъыниц* (я посмотрю), *ар сымаджэс* – *ар сымаджэиц* (он болен)» отмечается и в малкинском говоре кабардино-черкесского языка [Шагиров, 1969: 296]. «Замена звука *-иц* моздокским *сь* наблюдается также во всех положениях и во всех категориях слов. Например: *сыIуытсь* – я нахожусь у вместо *сыIуытиц*; *сэпсэуась* – я жил вместо *сыпсэуаиц*; *тырасэнсь* – посеят вместо *тырасэниц* и др.» [Турчанинов, 1946 а: 219-220].

В литературном языке, согласно нормам языка, употребляется копула-суффикс *-иц* в значении утверждения, например: *Мис, мы иджыпсту мыбдежым ицыхэр къаицти, гъэри ицІыри я зэхуэдэу губгъуэм итиц* [Хьэх, 2013: 51] («Вот, если сейчас взять всех сидящих здесь, они круглый год работают в поле»). *Зэрыакъылэгъур къикІыу, дохутырым и ицхъэр ицІри бжэмкІэ къикІуэтыжаиц, ицІэкІыжыну* [КІэрэф, 2009: 20] («Показывая свою солидарность, доктор кивнул головой и направился к двери, чтобы выйти»). *Абы иужькІэ сабийхэм иныкъуэм икІуолыр хыфІадзэри колхозым хыхъаиц, къэна зыицплІыр я гъунэгъу къуажэм лъэсу кІуэуэ ицІадзаиц* [МафІэдз, 2014: 4] («После этого дети частично бросили школу и вступили в колхоз, а оставшиеся начали ходить пешком в соседнее село (в школу)»).

Некоторые респонденты в качестве суффикса утверждения употребляют мягкий шипящий глухой спирант *-и* вместо утвердительной копулы – *иц*. Например: *Ди адэ, ди тхъэмадэ диһэицІари лъапІэи* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Все, чему нас научили отец, старшие, нам очень дорого»). *Зэкъуэиитху дохъу – ицыр ицІалэи*, *тІур хъыг'эбзу* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Нас пятеро: три мальчика и две девочки»). *Тыркуһэри дунем апхуэдэу къыфІэлІычІыу илъэс иитхучІэ псэуаһэи* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Турки, будучи уважаемыми во всем мире, жили пятьсот лет»). *Абы иыи зыгуэрэ мыбы къыкІуэмэ аһэри си гуапэи* (Щоджэн Н.) («Когда кто-то оттуда приезжает, мне очень приятно»). *Си адэ-къуэишым Іейу ицыгуфІычІыну зыгуэрырэ, угуІэну зыгуэрырэ ныбжесІынуи жиІас* (Щоджэн Э.) («Дядя (по отцу) сказал, что у него есть две новости для меня: от одной очень обрадуюсь, а другая сильно огорчит»).

Грамматически утверждение в речи диаспоры, как и в литературном кабардино-черкесском языке, выражается суффиксом *-т*. Например, в речи диаспоры: *Мыхуэдэу дах'аицэу моһэр, мыһэр, ди нэгъу къыицІэдгъэхъэ дахагъэу хъуар дгъэлъапІэу, дгъэлъагъэу, апхуэдэу дрипсальэт, ау Х'экур сымти тицІэтэІым* (Токъмакъ А.) («Мы себе представляли родину, где все очень красиво, об этом разговаривали, возвышая, но не знали, как выглядит наша

Родина»). *Сянэ-сядэр адигэбзэчІэ псалъэт, ау ди къуажэр си цхъэгъусэм и къуажэм хуэдү псори адигэтэІым* (Гусер З.) («Мои родители разговаривали на кабардинском, но в нашем селе, как в селе супруга, жили не только кабардинцы»). *Дэ ди къуажэҺэр зэгъунэгъутэІым, тыркум яхэст* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Наши села располагались далеко друг от друга, жили среди турков»). *Трэм ирагъэтІэҺэнурэ Анкъэрэ шиэнут и къуэр* (Тохъу Н.) («Сына посадит на поезд и отвезет в Анкару»).

В литературном кабардино-черкесском языке тоже отмечается выражение утверждения суффиксом *-т*: *Зэрыуэлбанэм цхъэкІэ лэжъыгъэм тІэкІу нэхъ пасэу къыпэрыкІыжат дыгъуэпшыхъ цІыхубзхэр* [Журт, 1987: 4] («Вчера из-за дождя женщины пораньше ушли с работы»). *Илъэсиблыр къэзыуххэр иджыкІэ колхозым учетчик хъурт е бугальтырым и дэІэпыкъуэгъуу, Іэпыдзлэпыдзу кІэнтІорым цІагъэтІысхъэрт* [МафІэдз, 2014: 2] («Те, кто заканчивал семь классов, становились учетчиками в колхозе или помощниками бухгалтеров в конторе»).

В речи диаспоры отмечается нулевой аффикс, то есть отсутствие суффикса утвердительности: *НемІэ си къуэши нэхъыжъым сыщепсалъэм сигу къэчІа[ц]* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Только что, когда разговаривал со старшим братом, об этом подумал»). *Иужьрей илъэс зытхухым Самсун къалэм къыщызэІуаха[ц]* музей (Къущхъэ Д.) («За последние пять-шесть лет в городе Самсуне открыли музей»). *Къайсэр жары зы къалэ цІыкІу гуэр цыІэс абы епхауэ адигэ къуажэ сыкъыщальхуа[ц]* (Хъэгъундокъуэ Я.). («Есть небольшой городок, который называют Кайсери, я родился в селе рядом с ним»). *ЖыпІам хуэдиз хъуа[ц]* Нериси, Кубани инышхуэ хъуа[ц] (Къэрабэ М.) («Нерис уже столько лет, сколько ты и говорила, Кубан тоже стал большим»). *КъэкІуауэ [ЩоджэцІыкІу Іэдэм], сэри гъуэгъуэпшыгъуэ сыхуэхъуа[ц]* (Токъмакъ А.) («Когда он [Адам Шогенцуков] приехал, я стал его проводником»). *Сэ си цІэр Мэмэт[ц], Сыныхъуэхэ сарей[ц]* (Шынахъуэ М.) («Меня зовут Мамат, принадлежу к роду Шинаховых»).

Отсутствие суффикса утвердительности отмечается и исследователями диалектов и говоров, так, например, в кубано-зеленчукских говорах «сыкІуа вместо *сыкІуащ* «пошел», *жысІа* вместо *жысІащ* «сказал» [Багов, 1969: 40]. Для бесленеевского диалекта тоже характерно отсутствие суффикса утвердительности. По мнению Б.Х. Балкарова, «отсутствие суффикса сближает формы изменений динамических и статических глаголов» [Балкаров, 1970: 87], далее автор отмечает, что «отсутствие специального морфологического показателя утвердительного наклонения в диалекте сближает формы утвердительности и вопросительного наклонения в прошедших временах, кроме имперфекта, и различаются они только интонацией: *гъа* (звал), *гъа* (звал?)» [Балкаров, 1969: 88]. В современной разговорной речи жителей метрополии данное явление наблюдается часто. Например: *ЕджанІэм сыкІуа[щ]* («Пошел на учебу»). *Синьбжьэгъум я дей сригъэблэгъа[щ]* («Друг пригласил к себе домой») и др.

Расхождения с литературным кабардино-черкесским языком в образовании утверждения отмечается и в малкинском говоре. «Наличие или отсутствие суффикса *-щ* (в говоре *-ш'*, *-с*) зависит от фонетических условий. Суффикс *-ш'*, *-с* наличествует тогда, когда перед ним стоит согласный или какой-нибудь гласный, за исключением долгого *а*, в положении же после долгого *а* суффикс утверждения отпадает: *сыкІуэгъа'* «пошел», *сыш'ытыгъа'* «стоял». Удлинение *а* образует утвердительную интонацию, заменяющую суффикс утверждения *-щ* (*-ш'*, *-с*)» [Шагиров, 1969: 305-306].

В речи представителей диаспоры отмечены единичные случаи грамматической формы обозначения утверждения, не встречающиеся ни в литературном кабардино-черкесском языке, ни в его диалектах и говорах. Например, употребление суффикса *-уэ* в копуле вместо *-т*: *Тыркум щыпсэу адыгэу хъуар япэм, дыщыщІалэһэм ы-ы-ы, тІэкІуи ди щхъэм а зэманым жьы щызетицу къыщІэ-чІынути, гъуэгур къызэІуахмэ, къэдгъэзэжын ди гугъэуэ (ди гугъэуэ вместо ди гугъэм)* (Къущхъэ Д.) («Раньше все адыги, проживающие в Турции, когда были молоды, думали, что все обратно вернуться, как только откроют дорогу»).

В речи двух информаторов выявлено употребление суффикса *-м/мэ* для выражения утверждения вместо суффикса-копулы *-иц*: *АдыгэбзэчІэ псалъэхэти нэхъыбэрэ къызгурылуэчІэр адыгэбзэр фІыти алфабэр сыхъэт ныкъуэчІэ зэзгъэицІам псори* (Безыр З.) («Большинство разговаривало на кабардинском, а я быстро схватывал, поэтому алфавит смог выучить за полчаса»). *Унагъуэм бзэр къыицомыгъэубыдэу ицымэ, бзэр нІэицІэчІмэ* (Къущхъэ Д.) («Если не привить язык дома, язык полностью утратится»). Такое явление отмечено К.Т. Мамрешевым и в баксанском диалекте в метрополии для выражения клятвенно-утвердительного наклонения: *Уэлэхъи, ар зицІысыр белджылыуэ къэсицІамэ (вместо къэсицІам) иджы* (– «Клянусь богом, я теперь узнал точно, что это такое»). Местная форма *-мэ* употребляется также, когда это форма утрачивает оттенок клятвы и остается со значением простого утверждения. *«Куэд дэмычІуэ а слъагъум укъыицригъэтхъынмэ» – жиІаиц морякым.* – («Скоро этот, кого я вижу, выведет тебя из терпения, – сказал моряк») [Мамрешев, 1969: 265–266].

Следовательно, основным грамматическим способом обозначения утверждения как в речи диаспоры, так и в литературном языке является копула-суффикс *-иц/с*.

Отрицание, как и утверждение, в кабардино-черкесском литературном языке и речи диаспоры чаще всего выражается грамматическими способами. Сравнительный анализ речи диаспоры и современного кабардино-черкесского литературного языка, его диалектов и говоров показал значительные расхождения в обозначении отрицания.

Исследование показало, что грамматическая форма выражения категории отрицания в речи диаспоры имеет свои особенности. В современном кабардино-черкесском литературном языке превалирует грамматическое отрицание, которое выражается морфемами: *мы-*, *-къым/Іым*.

Морфема *мы-* не только в литературном языке является средством выражения отрицания, но и в речи диаспоры выступает как один из основных способов выражения отрицания. Приставка *мы-* образует глагольное и именное отрицание. Эта морфема является единым аффиксом для всех адыгских

языков, который выражает и частичное, и общее отрицание предложения. Для выражения грамматической формы отрицания в кабардино-черкесском языке также часто употребляют суффикс *-къым*, с помощью которого образуют чаще глагольное, иногда и именное отрицание. Морфема *-къым* в литературном языке выражает общее отрицание, в отличие от морфемы *мы-*. О том, что в адыгских языках отрицательная форма в финитных и инфинитных образованиях представлена по-разному, писал и А.К. Шагиров, который отмечал, что «в финитных отрицание выражается суффиксом *-кълым*, которому в динамических глаголах предшествует суффикс *-р*, в инфинитных – префиксом *мы-*: *сышъыс-кълым* – (не сижу), *сышъыса-кълым* (я не сидел), *сышъысыну-кълым* (не буду сидеть); *сыкIвэ-р-кълым* (не иду, не хожу), *абы мы-лъэIвэ-н хвэзэфIэчIыркълым* (он не может не просить)» [Шагиров, 2004: 133]. В современном кабардино-черкесском литературном языке «префикс отрицания *-м* употребляется преимущественно с инфинитными формами, а суффикс отрицания *-къым* – с финитными формами» [Хежева, 2015: 51]. Б.Ч. Бижоев тоже отмечает, что «выбор того или иного способа отрицания теснейшим образом связан со статусом глагольной лексемы и зависит от ее финитности и инфинитности. В основном отрицание образуется с помощью префикса *мы-* и суффикса *-къым*. Наряду с ними важное место в выражении отрицания занимают и другие аффиксы: *-нишэ*, *-джэ*, *-гуэ*, *-пцIэ*, отрицательные частицы *хъэуэ*, *аIэ*, отрицательные местоимения» [Бижоев, 2020: 95].

Одним из способов выражения отрицания и в литературном кабардино-черкесском языке, и в речи диаспоры за рубежом является префикс *мы-*. Например, в речи диаспоры: *Араси адыгэбзэр сэрчIэ сымыгъэкIуэдын цхъэкIэ, ди хабзэр сымыгъэкIуэдын цхъэкIэ сэ мыбы ишыну зыгуэр ишыну согугъэр* (Акбай И.) («Чтобы не потерять язык, обычаи, традиции, думаю взять в жены отсюда (с Кабардино-Балкарии)»). *Абы лъандэрэ солажьэ цхъэчIэ куэд активу, семызэшу, сыIуохур фIыуэ солъагъу, игыри сол'ажьэ* (Шурдум Г.) («С тех пор работаю активно умом, не уставая работаю по сей день, свою работу люблю»). *Тхъэм жиIэм игы нэужьчIэ къэна ди гъацIэр зэгъусууэ махуэфIхэр*

тлѡагъуу, гукъеуэ хэмыту, махуэфлѡмчлэ дызэхуэзэу, дызэрылѡагъуу (Яурум Г.) («Даст Всевышний, оставшуюся жизнь проживем вместе так, чтобы было много хороших дней, не было огорчений, встречались по хорошим поводам, любили друг друга»). *Сэ дунем лэкым теухуау сымыщлэ щылылым* (Щоджэн Э.) («В мире нет ничего, чего бы я и не знала о краске»). *Хьэщлэщ зимыла дахэ-дахэу унагъуэ щылылым мыбы* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Здесь практически нет семей, у которых не было гостевого дома»). *Хамэ къэралым ш'ылэ адынгэнэм щывмыгъэгъуицэ* (Къардэн Н.) («Не забывайте об адыгах за рубежом»).

В художественной литературе много примеров с аффиксом отрицания -*мы*. Например: *Лыхэми Темир и жагъуэ ямыщлын цхьэклэ къуэм и ныкъуса-ныгъэхэм гу лъамытафэ зытрагъауэрт* [Къаныкъуэ, 2024: 36] («Мужчины тоже, чтобы не обидеть Темира, делали вид, что не замечают его недостатки»). *Кхъылэ, умыклуэж, ныжэбэризем зыри къэхъункъым, – же лэ Лацэ цэху дьдэу, и гур цыхубз мыщлалэжым зэрыщлэузыр и псалгъэхэм кыххэцу* [Журт, 1987: 4] («Пожалуйста, не уходи, из-за одной ночи ничего не случится, – говорит Ляца очень тихо, ее слова были наполнены сочувствием к немолодой женщине»). *Дисэ и унэм гъуэлъынлэ лъэпкъ щлэмыту, псори унэ лъэгум зэрилъыр зымыщлэ жылэм дэстэкъым* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 7] («Все жители села знали, что в доме Дисы нет кровати и что все спят на полу»).

Самым распространенным суффиксом отрицания в литературном кабардино-черкесском языке является -*къым*, чему в речи диаспоры соответствует -*лым*. Например: *Сэ абы имыгъуу зыгуэр ицлау, хуэмыфаицэу зыгуэр игъэлъэгъуау слъэгъуалым* (Февзие С.) («Я не видел, чтобы он что-то делал не к месту, не подобающе»). *Ау сэ зы анэ уилыси жилас, дунейм абы хуэдэу лъанлэу зы цыхубз къалгъуалым жилас* (Щоджэн Э.) («Но у тебя такая мать, – сказала [она], – дороже которой не сыскать во всем мире»). *Къэклуэным теухуау жызмылэу, ниги слъэгъуам теухуау жысылынс нэхь инэ, ы-ы-ы дытхъэмыщлэу дыкъэнас: адыгэбзэ дыпсалгъэфлым, х'абзэ тэмэму тицлэлым* (Щоджэн Н.) («Сначала я скажу не о будущем, а о том, что сам видел, да-да, мы оказались в удрученном положении: не можем разговаривать на кабар-

динском, обычаи знаем плохо»). *ХэптIэмэ къэчIынус, Iэмэ хэтIэн ягу къэчIаIым дыдеhэм* (Тохъу Н.) («Если посадить, вырастет, но нашим не пришло в голову посадить»). *Адыгэ, адыгагъэр, хабзэр гъэкIуэдын хуеиIым* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1077] («Нельзя терять адыгский этикет, обычаи»). *Щыхъэрэм дыщыпсэуфынуIым, куем дыщыпсэунуи жары куем къэкIуаhэс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1079] («Они сказали, что не смогут жить в городе и поселились в селах»). Приведенные примеры из речи диаспоры наглядно демонстрируют устойчивость данной морфологической особенности за пределами исторической родины. Однако на исторической родине черкесов переход фарингального абруптива *къ* в ларингальный абруптив *I* в некоторых диалектах и говорах кабардино-черкесского языка не завершен. Чаще всего *-Iым* употребляют жители Баксанского района КБР как при отрицании, так и при отрицательно-вопросительной форме, а также в некоторых говорах в суффиксе отрицания [Абазова, 2014].

Появление ларингальных «смычногортанных согласных *I* и *-Iу*» Б.Х. Балкаров связывает с разрушением четверичной системой согласных. «Исходными звуками для них являются фарингальные абруптивы *кIъ* и *кIъу*, которые сохраняются в убыхском языке и шапсугском диалекте» [Балкаров, 1964: 115]. В суффиксе отрицания и формах наклонений отмечается переход *къ* в *I*: *кIуакъым* – *кIуаIым* «не пошел», *итхакъым* – *итхаIым* «не написал», *кIуакъэ* – *кIуаIэ* «не пошел?», *еджакъэ* – *еджаIэ* «не прочитал?» [Балкаров, 1964: 118].

Еще в 40-х гг. XX в. отмечалось, что «в языке моздокских кабардинцев замена литературного заднеязычного смычного *къ* глубокогогортанным взрывом типа арабского «хамза», обозначаемый в графике через *I* в определенной позиции, а именно в отрицании *къым// Iым//Iэм* и в вопросительно-сомнительной форме на *къэ // Iэ*» [Турчанинов, 1946а: 220].

О переходе в разговорной речи вторичного *къI* в *I* писал также А.К. Шагиров: «Он характерен для негативного суффикса *-къIым* и аффиксов наклонений *-къIэ*, *-ркъIэ*: *шъIэсIым* (*шъIэсIэм*) вместо *шъIэскъIым* – «нет его

(в помещении)», *уыкIвалIэ?* Вместо *уыкIвакыIэ* – «ты не ходил?» – по его мнению – согласный *I* по фонетическому качеству слабее *кыI*, *I* лишен присущего *кыI* оттенка «взрослости, солидности», поэтому в перспективе он не видит замену нынешних форм с вариантами на *I*» [Шагиров, 2004: 49]. О наличии «ларингального *I* в продуктивных глагольных морфемах отрицательном аффиксе *-кыIы* и вопросительно-императивном аффиксе *-кыIэ* писал М.А. Кумахов, сравнивая: *кIуакыIым* ← *кIуаIым* (он) не ходил, *йыкIуакыIэ* ← *йыкIуаIэ?* (ты не ходил?). По мнению ученого, такое явление связано со свободным варьированием абруптива *кыI* и ларингала *I* [Кумахов, 1981: 148].

Различия в диалектах обнаруживаются и в использовании аффикса отрицания *-кыым*. Входящий в его состав заднеязычный согласный звук *кы* в моздокском диалекте заменяется ларингальным смычным *I*. Такое же замещение происходит в вопросительном аффиксе *-кыэ*: мозд. лит. рус. *йааIым* – *йаIэкыым* (у них нет), *псоутэIым* – *псэутэкыым* (не жили) *кыыдэптырIэ* – *кыыдэптыркыэ* (дашь?) *араIэ* – *аракыэ* (да же?) Т. Х. Куашева в своей работе показывает схему перехода фарингального *кыI* в ларингальный *I* в праадыгском языке: *щыIэм* ← *щыкыIэм*. Языковед полагает, что «абруптивный *кы* является вторичным звуком, восходящим к полуабруптивному (полунадгортанному) звуку» [Куашева, 1969: 125]. В языке бесленеевцев хоть и встречается такое произношение (бесл. *арых'уIым* – лит. *арыхэуэкыым* «не просто так», бесл. *гузавэзIэIым* – лит. *гузавэхэкыым* «не беспокоятся»), в большинстве случаев используется литературное звучание: *фIэлгыжыкыым* (не висит), *йахуетэкыым* (больше уже не нужен), *дыджстэкыым* (не изучали), *йаджесIэкыым* (я им не говорю) [Афаунова, 2025: 69–70].

В литературном языке для выражения «подтвердительно-вопросительного» значения используется аффикс *-кыэ*, который присоединяясь к вопросительной форме сказуемого, придает вопросу подтвердительный характер: *лажыэркыэ* (работает?), *феджэнуэкыэ* (будете заниматься?)» [ГКЧЛЯ, 1957: 164]. В речи диаспоры повсеместно используется *-Iэ* вместо литературного *-кыэ*. Например, ср.:

Речь диаспоры	Лит. каб-черк. яз.	Перевод
<i>нэхъыфIтэIэ?</i>	<i>нэхъыфIтэкъэ?</i>	«не лучше было бы?»
<i>ууеIэ?</i>	<i>ууейкъэ?</i>	«не твое?»
<i>къэкIуаIэ?</i>	<i>къэкIуакъэ?</i>	«не пришел?»
<i>пиупиIэ?</i>	<i>пиупиIкъэ</i>	«не режет?»
<i>укIуэжтэIэ?</i>	<i>укIуэжтэкъэ?</i>	«почему тогда не пошла?»
<i>жаIэIэ?</i>	<i>жаIэкъэ?</i>	«не говорят?»
<i>(хабзэ) дахэдыдэтэIэ?</i>	<i>дахэдытэкъэ?</i>	«красивый же обычай был?»
<i>щыIэIэ?</i>	<i>щыIэкъэ?</i>	«есть же?»
<i>ныбжесIэнтэIэ?</i>	<i>ныбжесIэнтэкъэ?</i>	«сказала бы?»
<i>ирикъунIэ?</i>	<i>ирикъункъэ?</i>	«достаточно?» [ПМА]

Употребление в речи диаспоры ларингального абруптива *I*, как и в некоторых диалектах и говорах адыгских языков, свидетельствует о том, что это архаичная форма, то есть *-Iым* – это первичная форма отрицательной морфемы. Употребление в повседневной разговорной речи *-Iым* свидетельствует о том, что переход ларингального абруптива *I* в абруптив *къ* в суффиксе отрицания *-къым* // *-Iым* «не» и суффиксе отрицательно-утвердительно-вопросительной формы *-къэ* // *-Iэ* еще не завершился. На исторической родине *-Iым* // *-къым* как грамматическое средство отрицания являются синонимами независимо от возраста или пола по настоящее время: *тэмэму лажьэIым* вместо *тэмэму лажьэкъым* «нормально не работает» и т.д. Переход же ларингального абруптива *I* в абруптив *къ* в составе суффикса отрицания *-къым* – это новообразование в литературном кабардино-черкесском языке.

Таким образом, анализ речи представителей диаспоры и языка метрополии свидетельствует о том, что в диаспоре и в некоторых диалектах и говорах сохранился общеадыгский грамматический способ выражения утверждения и отрицания. Инновационные явления, которые повлияли на развитие литературного языка на референтной территории, не были характерны для носителей некоторых диалектов и говоров, а также речи черкесской диаспоры, в которых законсервировались архаические формы утвердительных и отрица-

тельных морфем. Дальнейшее исследование особенностей функционирования речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом позволит глубже изучить современное состояние речи и определить степень трансформации речи.

2.2.2. Грамматический показатель множественного числа

В кабардино-черкесском языке, как и во многих других языках, множественное число образуется суффиксальным способом. Суффиксом множественного числа в современном литературном кабардино-черкесском языке является *-хэ*, который в разговорной речи иногда произносится как *-һэ*. О неустойчивости спиранта *x* во многих языках писал Б.А. Серебренников, который, цитируя А. Мейе, который отмечал, что *x* менее напряженнее, чем *sh*, поэтому легко редуцируется в *h* [Серебренников, 1974: 94]. В лингвистической литературе по вопросу аффикса множественного числа *-хэ/-һэ* в адыгских языках существуют различные мнения.

М.А. Кумахов отмечал, что переход общеадыгского среднеязычного спиранта *x* в ларингальный *h* имеет широкое распространение в диалектах и приводит примеры, сравнивая бесленеевский, баксанский и кубанский диалекты: *ўынэһэр* (→*ўынэхэр*) «дома», *цІыхуһэр* (*цІыхухэр*) «люди», *лЫһэр* (*лЫхэр*) «мужчины». Данное фонетическое изменение ученый связывает с тем, что «среднеязычный спирант *x* дает ларингальный *h* лишь в морфеме множественного числа, обладающей высокой частотностью употребления» [Кумахов, 1981: 205]. П.М. Багов считает, что «среднеязычный спирант *x* в морфеме *-хэ* является более архаичной фонемой, нежели ларингальный *h*. В реконструируемой праадыгской фонетической системе нет ларингального спиранта *h* и нет дефективного ряда, в котором он мог бы занять место» [Багов, 1969: 30]. Не все ученые согласны с таким суждением, большинство считает ларингальный *h* первичным, а *x(хэ)* в аффиксе множественного числа вторичным.

М.Л. Апажев, соглашаясь с мнением Т.Х. Куашевой, М.А. Кумахова, К.Т. Мамрешева и других ученых, отмечает, что «из двух вариантов суффикса множественного числа имен и глагола *-һэ* и *-хэ* *-һэ* древнее, а *хэ* – вторичное

явление..., учитывая закон сингармонизма согласных, можно предположить такое направление исторического развития суф. мн. ч. $\varepsilon \leftarrow a \leftarrow p\varepsilon \leftarrow x\varepsilon$, а не наоборот: $\varepsilon \rightarrow a \rightarrow p\varepsilon \rightarrow x\varepsilon$ » [Апажев, 1964: 56]. Множественное число «требуется после себя падежно-определяющего форманта: *мышьэ* (медведь, медведья), *мышьэ-хэ-р* (медведи, медведей), *мышьэ-хэ-м* (медведи, медведей, медведям, медведях). Суффикс множественного числа -хэ выступает и в виде -*һэ*, который в живой речи обладает большой частотностью употребления, согласный *һ* по фонетическому качеству слабее *х*..., в кабардинском литературном языке отдано предпочтение варианту -хэ» [Шагиров, 2004: 74]. Наличие *һ* в современной речи некоторых диалектов и говоров можно объяснить, ссылаясь на утверждение Г.В. Рогава, который отмечал, что в адыгских языках исторически «было четыре латерала: *I'* – звонкий, *I'* – придыхательный, *I* – абруптивный и четвертый – придыхательный латерал. В адыгейском языке придыхательный латерал заменился среднеязычным спирантом *х'* в суффиксе множественного числа -*х'ӕ* – *wӕпӕ*- *х'ӕ-г* «дома», так и слабым ларингальным спирантом *һ̃* – *wӕпӕ*- *һ̃ӕ-г*» [Рогава, 1974: 75]. Интересный подход к описанию морфемы множественного числа находим в исследованиях голландского лингвиста А. Койперса. В работе «Phonem and Morphem in Kabardian (Eastern Adyghe)» (1960) ученый, как и Н.Ф. Яковлев, морфемой множественного числа отмечает -*һэ*.

С помощью суффикса -хэ образуется множественное число 3 лица «прямого» объекта, которое не характерно для разговорной речи. «Более употребительна глагольная форма безобъектного -хэ, ср.: например, *лӕым шыхэр йыгъэпсчӕшъ* и *лӕым шэхэр йыгъэпсчӕа-хэ-шъ* – «мужчина выкупал лошадей»» [Шагиров, 2004: 138]. В адыгейском языке также «множественное значение фиксируется в определяемом слове аффиксами -хэмэ, -хэм, -мэ, а в определяющем – притяжательным префиксом *а-||я-*, например: *ахэм амакъэ* «их голоса», *бзылъфыгъэхэм язекӕуакӕ* «походка женщин», *Айвазхэм яшъхӕл* «мельница Айвазовых», *чъыгымэ яныбжъыкъу* «тени деревьев», *Дэгу-жъыекъомэ яныу* «старуха Дагужиевых», *лӕшӕгъухэм яхъишъ* «история ве-

ков»» [Гишев, 2008: 135]. Б.М. Карданов отмечает, что иногда в кабардинском языке подлежащее и сказуемое не согласуются во множественном числе. Автор аргументирует это явление универсальностью аффикса -хэ как в литературном языке, так и в живой речи [Карданов, 1957: 74]. Но А.М. Камбачоков не соглашается с утверждением Б.М. Карданова, считая, что «отсутствие в главных членах предложения показателя множественного числа не отражается на лексическом значении слова, которым оно выражено, и не нарушает коммуникативной законченности предложения» [Камбачоков, 1997: 23].

Сравнительный анализ речи представителей диаспоры с литературным кабардино-черкесским языком показал различия в употреблении суффикса множественного числа. Как отмечено выше, и в литературном кабардино-черкесском языке, и в литературном адыгейском языке аффиксом множественного числа является суффикс -хэ, чему в речи представителей диаспоры и в некоторых диалектах и говорах кабардино-черкесского языка соответствует – һэ. Например, в речи диаспоры имена во множественном числе: *Ди унагъуэм къэбэрдеибзэс, нобэм къэсаси, а ди цІыкІуһэр тыркубзэс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («В нашей семье по сей день разговариваем на кабардинском, а наши дети – на турецком»). *Мыдэ дэсым нэхъыбэр къэбэрдес, Узун-Яйлэ исым, къуажэһэм плыщІ хуэдизыр къэбэрдес, къэнарас Іабзэхти, хэаткъуеити абазэти зыІэмынэр зэрыхъури, абыһэм зыІэмынэу къэбэрдеибзэр ящІэ, дэ абы я бзэр тицІэрІым* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071] («Большинство из тех, кто проживает здесь, кабардинцы, в Узун-Яйле до сорока сел – кабардинцы, оставшиеся абадзехи, хатукаевцы, абазины – все они без исключения знают кабардинский, но мы их язык не знаем»). *Зи бл'агъагъэ зыхуаІуу зыщІытІэ идей къыциубыдІым, ау куэду фІу зэрылъагъуу, зымрэ зымрэ и хэтыр ямыкъутэу ахуэду псэуаһэс.* (Щоджэн Ф.) («Нигде не написано, что они связаны родственной связью, но всегда жили уважая, почитая, любя друг друга»). *Ди щытычІэһэр, ди гупсысэчІэһэр, ди цІэныгъэһэр, ди унагъуэм теухуау ди гупсысэкІэһэр куэду зэцхъу апхуэдэси* (Ярум Г.) («Наш образ жизни, наше мышление, наши умения, наши мысли о семье во

многом схожи»). *Мыпхуэдиэ илэс хуауэ мы цынальэм дьдэсси ад'игэһэр кызырацыхур ы-ы-ы цыху цэныфлэһэс, цыхуфлэһэс, ы-ы-ы цыхум зэран ираһэцыхым жары ахуэдус дыкызырацыхур* (Банэщлэж-Хышыкыуэ Э.) («Мы много лет живем на этой земле, и нас знают как воспитанных, добрых, безвредных»).

В речи представителей диаспоры нередки случаи замены суффикса множественного числа -хэ на -хьэ, где в суффиксе глухой среднеязычный спира́нт х переходит в глухой придыхательный ларингальный спира́нт хь. Например: *Игы фи псалэ дахэһэм сигу цыхьачлэ, сигу кьэчлэраш жысцы-нухьэр* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («После того, как мне понравились ваши красивые слова, я скажу все, что мне придет на ум»). *Мис ара дэ ипэ дьдэ ахуэдэ хьыбархьэр цызэдгьэцлар, ау нэхьыбу тегьэцларлэ сцыхыну́р мис мыбы ди лыжэ фызыжэһэм жацыу кьэгьуэгурыкыуаһэрас* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1077] («Вот так мы впервые запомнили эти рассказы, но я больше буду опираться на рассказы наших дедушек и бабушек»). *Тыркум цыпсэум зыми апхуэдэ школ дицакьым, драгьэджацым, драгьэтхалым, сытми янэ-ядэр псалэ́мэ кьуажэ́м нэхь дэсахэм ахьэм зрагьэцлар, ау мы горэдышхуэм дэсхьэм куэдым яцыхуцым, сэ синыбжэ́гьухьэри ара* (Акбай И.) («В Турции не было таких школ (где обучали кабардинскому языку), нас не учили читать, писать, но если родители говорили на родном языке, то сельские жители лучше знали родной язык, но многие из тех, кто живет в больших городах, не знают язык, как и мои друзья»). *Ди Узун-Яйлэ цыц адыгэһэм абзэх, шапсыгь, хьэтыкыуей, кьэбэрдей, жытлэу псалэ́фэ цычлэ цхьэхуэ зилэхьэр псори тыншу зэгурыуэн паницлэ зрахьа бзэр тыркубзэс* (Токмакь А.) («Адыги с Узун-Яйлы: абдзехи, шапсуги, хатукаевцы, кабардинцы, которые по-разному разговаривают, чтобы легче понять друг друга, общаются на турецком языке»). *А Бердым ипхухьэм и бынһэрас цыцыр* (Щоджэн Ферсис) («Дети дочерей Берда здесь находятся»). Как показывает полевой материал, многие респонденты параллельно используют хь:h в аффиксе множественного числа.

Множественное число глаголов: *Дэ ди яужьым кьыдэкIуэ илъэсипцI – илъэс тIоуцIым адыгэбзэ яцIэжчэIым дахэ-дахэу* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Предшествующее поколение, которое младше нас на десять-двадцать лет, практически не знает кабардинского языка»). *Дэ ди адыгэһэр мыр Тыркум дызырыс кьэралыгьуэм дыкьызэрацIыхури дьтечIынIым жары ы-ы-ы цэныфIэу цыIэһэс мыбы* (Щоджэн Ф.) («Наших адыгов в Турции знают как воспитанных, и они стремятся следовать этому»). *Араси, игы куэдусэ нэхрэ нэхь Iэджэ флъэгьуаһэс, ау сэ сызэрегупсысыр, си акьыл зэрыхуэцIэр нобэ сыздынэсар анхуэдэс* (Февзие С.) («Итак, вы видели больше, чем я, но это то, к чему я пришел и знаю сегодня»). *Зэ дэхьэ кьопсэлъэну хуеһэс* (Щоджэн Э.) («Они еще раз хотят с тобой поговорить»). *Игы сэри ахуэдусэ зэхэсхас ипэм, тхыль куэд диIэс жаIэ адигэбзэ ы-ы Тыркум дэсһэр тхыльым итхыфIым, егэфIым адреи хамэ кьэралһэм дэсһэри анхуэдэси ара кьыицIэчIынс ди лажьэр* (Щоджэн Н.) («Я тоже раньше слышал об этом, что есть очень много книг на кабардинском, но люди, проживающие как в Турции, так и в других странах, не умеют читать и писать, наверное, проблема в этом»). *Игы ди Узун-Яйлэм мэгъэгъэмахуэм сыщыкIуэжам, мыпхуэдууэ кьуажэм дэсһэр дызыхуэсати куэд кьыджаIауэ, сэри куэд сигу кьинэжаIым* (Льостэн Г.) («Этим летом, когда я поехала в Узун-Яйлу, собрались жители села, они много рассказывали, но я мало что запомнила»).

Отклонения в образовании множественного числа отмечаются и в различных диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. Таов Х.Т. считает, что переход среднеязычного спيرانта *x* в ларингал *h* в кабардино-черкесских диалектах и говорах позиционной фонетической особенностью. «На переход *x > h* накладываются строгие морфологические ограничения, так как возможен только в морфеме множественного числа. Ср. *а-хэ-’р > а-һя-р* «они», *фыз-хэ-р > фыз-һэ-р* «женщины» [Таов, 1997: 19]. В современном бесленеевском и моздокском диалектах А.А. Афаунова и Н.Г. Шериева фиксируют наличие ларингального придыхательного согласного *h* во множественном

числе, отмечая, что в моздокском он встречается чаще, чем в бесленеевском.

Авторы приводят следующие примеры:

<i>мозд.</i>	<i>лит.</i>	<i>рус.</i>
сабиһэм	сабийхэм	детям
йанэһэр	йа анэхэр	их мамы
уынэцІэхэм	у[ы]нэцІэхэм	фамилии
<i>бесл.</i>	<i>лит.</i>	<i>рус.</i>
ди сабиһэри	ди сабийхэри	наши дети
датэһэр	датэхэр	даты

[Афаунова, Шериева, 2025: 68].

В бесленеевском диалекте *-h*, в качестве суффикса множественного числа может выступать как в именах, так и в глаголах: *тхыльһэр* – *тхыльхэр* «книги», *дэһэр* – *дэхэр* «орехи», *Іэхэр* – *Іэхэр* «руки», *уынэһэр* – *унэхэр* «дома», *кІуаһэ* – *кІуахэр* «которые пошли», *дэхьаһэ* – *дэхьахэр* «которые вошли» [Шериева, 2024: 48].

Замена суффикса множественного числа *-хэ* на ларингальный *-h* частое явление в современной разговорной речи представителей баксанского диалекта. Еще в 50-х годах XX века К.Т. Мамрешев отмечал особенности образования множественного числа носителями баксанского диалекта. «В окончании множественного числа ларингальный спирант систематически употребляется в речи старшего поколения всех сел исследуемого лингвистического района. В речи молодого поколения ларингальный спирант *h* и средненебный *x* употребляются параллельно», такое произношение ученый аргументирует влиянием кабардинского письма на речь молодого поколения и приводит примеры: *баиһэр* – *баихэр* «палки», *еджакІуэһэр* – *еджакІуэхэр* «учащиеся», *лажьэһэр* – *лажьэхэр* «работающие», *макІуэһэр* – *макІуэхэр* «идут», *маи-хэһэр* – *маихэхэр* «кушают» [Мамрешев, 1959 б: 26]. Как показывает полевой материал, собранный нами (М.М.) в 2023–2025 гг., в речи всех представите-

лей баксанского диалекта активно функционирует ларингальный спирант *h* в аффиксе множественного числа. Например:

<i>бакс.</i>	<i>лит.</i>	<i>русск.</i>
<i>сабийһэр</i>	<i>сабийхэр</i>	«дети»
<i>махуэһэр</i>	<i>махуэхэр</i>	«дни»
<i>лэжсьыгьэһэр</i>	<i>лэжсьыгьэхэр</i>	«работы»
<i>тльэгьуаһэр</i>	<i>тльэгьуахэр</i>	«что видели»

В терских говорах наличие ларингального *h* наиболее характерен в окончаниях множественного числа имени и глагола «независимо от его фонетического положения в слове: *бынһэри* – *бынхэри* (дети), *жылэһэр* – *жылэхэр* (семена), *уыдзһэр* – *уыдзхэр* (травы), *мэлажьэһэр* – *мэлажьэхэр* (работают), *йоджэһэр* – *йоджэхэр* (учатся), *йопльһэри* – *йопльхэри* (смотрят)» [Куашева, 1954; 1969: 124].

В малкинском говоре в указательных и возвратном местоимениях множественного числа отмечено наличие ларингального *h*: «*аһэм, моһэм, мыһэм, езыһэм* вместо *ахэм, мохэм, мыхэм, езыхэм (они)*» [Шагиров, 1969: 303].

В литературном кабардино-черкесском языке выделяется «форма репрезентативного множества» [Кумахов, 1971:24]: 1) сочетание личных имен с морфемой множественного числа *-хэ*: «форма множественного числа указывает на множество лиц, одним из представителей которых является лицо, обозначенное личным именем: *Анзорхэ я унэ* «дом Анзоровых», то есть «дом, который принадлежит семье Анзоровых»; 2) сочетание личных имен с элементом *сымэ* [Бижоев, 2005а: 19-20]. «Личное имя или фамилия (или оба вместе) + *сымэ* указывают на группу лиц, среди которых находится названное лицо, например: *Псыр Хьэсани сымэ къашащ* (Щ.І.) «Воду привезли Хасанш и другие» [Жилетежев, 2009: 66].

В произведениях национальных авторов часто встречаются формы репрезентативного множества, образованные как с помощью суффикса множественного числа *-хэ*, который присоединяется к имени, обозначая субъекта и

членов его семьи, так и посредством элемента *сымэ*, который в сочетании с именем обозначает субъект и других: *Муридхэ я кьуажэ Къызбрунымрэ мы кьуажэмрэ зэрызэпэжсыжсьэр а тIум яку дэж псы закьуэрт, итIани иджы фIэкIа ар кьыдыхьатэкьым Софятхэ я кьуажэм* [ЩоджэнцIыкIу, 1962: 172] («Село Кызбурун, в котором проживала семья Мурида, и это село отделяла друг от друга лишь протекающая между ними река, но только в этот единственный раз ему довелось заехать в село Софят»). *Хьэсэнхэ я хьэ гьуабжэжсьырат* [КхьуэIуфэ, 1977: 75] («Это была серая собака семьи Хасана»). *Фаризэт **сымэ** клуб пцIантIэм щыдыхьэжсам, митингыр яухат* [Журт, 1987: 6] («Когда Фаризат с другими зашла во двор, митинг уже закончился»). *ХьэзрэIул **сымэ** мафIэгум иригьэтIысхьа нэужь, Бэхьид военкомым деж иунэтIащ* [ШэджыхьэщIэ, 1987: 76] («После того, как посадил Хазраиля с другими в поезд, Бахид направился к военкому»). *Уэнджырокьуэ **сымэ** арэзы кьудейуэ кьэнакьым, атIэ щэжсьэну зэманым щIэупицIащ, замыгьэгувэмэ, нэхь трагьакIуэу* [МафIэдз, 1992: 54] («Уонджероко и остальные не только остались довольны, но и спросили о времени отправления, желая не задерживаться»).

В речи диаспоры показатель множественного числа *сымэ* сочетается с существительным, что является отклонением от нормы употребления в литературном языке, где по грамматическим нормам *сымэ* связана только с личными именами и не изменяется. Например: *Хьыджэбзым и анэ **сымэ** Анкьэрэ дэсхэти анхуэду зэпымычу махуэ кьэс кьысхуIуихыурэ кьызэпсалъэт* (Яурум Г.) («У девушки мама и другие (родственники) проживали в Анкаре, поэтому каждый день с ней созванивались»). *Сэ ипэм си анэ **сымэ** я псэучIэр сицIэтэIыми сэ сьзэрыпсом хуэду псори анхуэду сфIэщIт зысIас...* (Щоджэн Э.) («Я раньше не знала, как живут моя мама и другие (девочка росла с тетей), казалось, что все живут так (в достатке), как и я сказала»). *Ди анэм **сымэ** жаIыуэ кьыджаIыжа* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Я слышала от мамы и других об этом»).

Итак, вышеизложенные исследования свидетельствуют о том, что ларингальный спирант *h* является первичным, а *x* новообразованием, установившемся с появлением письменности. Следовательно, этим и объясняется широкий диапазон употребления ларингального *h* в современной речи как в диаспоре, так и в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка.

2.2.3. Особенности употребления различных аффиксов

Аффиксы -р, -м

В адыгском языкознании существует различные мнения о функциональной нагрузке аффиксов *-р* и *-м*. О грамматических функциях *р* и *м* впервые написал Умар Берсей. Он отмечал, что *р* и *м* сочетают функции падежей и определенности и неопределенности. Однако отмечал, что от их роли в предложении и глагола-сказуемого зависит выбор формы *р* или *м* [Берсей, 1853: 35]. Упоминания об определенности и неопределенности имен в адыгских языках находим у Ш.Б. Ногма [Ногма, 1958], который неопределенность обозначал членом *зы* в препозиции, а определенность – *р* в конце имени. Жорж Дюмезиль наличие определительного артикля отмечает в абхазском, убыхском и черкесском (адыгском) языках. В абадзехском диалекте адыгейского языка выделяет определенный артикль «а-»: *a-nex dexəps'as't-r* «самая красивая девушка», а в черкесском языке выделяет суффикс *-р* для выражения определенности [Dumézil, 1932: 35]. Г.Ф. Турчанинов и М. Цагов тоже форманты *-р* и *-м* выделяют как показатели определенности, то есть как «изменяемую часть имени» [Турчанинов, Цагов, 1940: 51]. А.К. Шагиров формы именительного и эргативного падежей связывал с глаголом и отмечал, что «обычно не бывает таких случаев, когда *-р* и *-м* выступали бы только со значением падежного окончания или только с определительным значением» [Шагиров, 1953: 82]. В «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка» отмечается, что «эргативный падеж является многозначным падежом, т.е. он концентрирует в себе несколько значений, соответствующих несколь-

ким падежам других языков. ...Имя существительное в эргативном падеже может соответствовать родительному приименному русского языка: *фызым и босцей* (платье женщины)); существительное в эргативном падеже может обозначать предмет, с которым сравнивают: *Щалэм и джанэр уэсым нэхрэ нэх хужьыц* – «Рубашка парня белее снега» [ГКЧЛЯ, 1957: 48].

Г.В. Рогава считает, что «в адыгейском и кабардинском языках имена в именительном падеже не могут быть взяты в качестве словарной формы, поскольку суффикс именительного падежа *-р* имеет основную функцию определенности» [Рогава, 1963: 30]. Х.Т. Таов в монографии «Склонение в адыгских языках в сравнительном аспекте» пишет и об определенной функции аффиксов *-р* и *-м*. Он считает, что «аффикс *-р* не всегда выполняет функции показателя падежа и определенности. При склонении собственных имен и указательных местоимений формант *-р* выполняет исключительно функцию показателя именительного падежа... Только падежным формантом следует считать и *-р*, фигурирующий в сочетаниях: указательные местоимения + имя (*а ма-хуэ-р* «тот день»; *мы чысэр* «этот кисет»))» [Таов, 1967: 12].

По мнению М.А. Кумахова, «морфемы *-р* и *-м* в существительных выражают одновременно и функцию определенности, и функцию падежа», то есть в одних случаях *-р* и *-м* показатели определенности, а в других – функцию падежа. Но «в собственных именах, а также в существительных, обозначающих предметы единственные в своем роде (адыг. *ты-гъэ*, каб. *дыгъэ* «солнце», общеадыг. *мазэ* «луна»), грамматическая категория определенности-неопределенности не характерна для существительных отвлеченных типа *ллыгъэ* «мужество», *лъэгагъ* «высота», *зэшъыгъуэ*, *зэшыгъуэ* «скука», а также во множественном числе имен существительных категория определенности-неопределенности отсутствует». Функции *-р* и *-м* (определительности или падежа) «обусловлены грамматическими и лексико-семантическими факторами» [Кумахов, 1971: 37]. Следовательно, согласно концепции М.А. Кумахова, совмещение определенности и падежа с формантами *-р* и *-м* недопустимо,

они могут быть артиклями определенности или неопределенности, или же обозначать функцию падежа.

Функции формантов *-р* и *-м* в адыгских языках также были затронуты в научных работах У.С. Зекоха, он пишет, что «категория определенности-неопределенности, на которой базируется выделение типов склонения в адыгейском, — это категория грамматическая, а не лексико-грамматическая, вследствие чего в этом языке тип склонения образуют не слова, а разные их состояния» [Зекох, 1969: 69]. К.Д. Дондуа отмечал, что в «черкесских» языках «неопределенность выражается нулевым признаком, определенность же двумя различными признаками — суффиксами *-р* и *-м* [Дондуа, 1975: 140]. Т.Х. Халбад посвятил монографию определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках, по его мнению «определенные артикли *-р* и *-м*... выражают категорию падежа», сравнивая с абхазским языком отмечает, что «и для абхазо-адыгских артиклей выражение категории определенности и характеристика имени существительного как части речи общее» [Халбад, 1975: 29]. П.М. Багов отмечает, что «имена существительные в неопределенной и определенной формах в прямом падеже с союзным аффиксом *-рэ* выступают в предложении в качестве субъекта действия при непереходном глаголе-предикате — приводит пример, где отсутствует морфема *-м* — *мышэ-рэ дыгъужь-рэ гъуэгъу техъащ* и *мышэм-рэ дыгъужьым-рэ гъуэгъу техъащ* «медведь и волк отправились в путь» [ГКЧЛЯ, 1970: 77].

А.К. Шагиров *-р* и *-м* считает аффиксами определенности, которые служат одновременно и падежными показателями. «При безобъектном непереходном глаголе и глаголе с косвенным объектом *-р* оформляет имя субъекта (*хъэшъІэ-р мэжей* — «гость спит»; *фызыр сабийм йодэхашъІэ* — «женщина ласкает ребенка»), при переходном глаголе — имя объекта (*лЫжъым шчІэ-р егъаишхэ* — «старик кормит теленка»). Формант же *-м* выступает как падежное окончание имен переходного субъекта и косвенного объекта» [Шагиров, 2004: 67].

По мнению Н.Т. Гишева, «в адыгских языках имена во многих случаях используются в качестве субъектов или объектов без падежных окончаний..., хотя легко можно определить по контексту, с каким падежом имеем дело. Если же при непереходном глаголе субъектом выступает неоформленное имя, допустим *кIалэ* «парень», то при его оформлении обязательно принимает участие формант абсолютного падежа *-р* (*кIалэ-р къэкIуагъ* «парень пришел»), но никогда не появится формант эргатива *-м* и, наоборот, если же при переходном глаголе субъектом выступает неоформленное имя, то при его оформлении обязательно принимает участие формант эргативного падежа *-м* (*кIалэ-м къыхъыгъ* «парень принес»), но никогда не появится формант абсолютного падежа *-р*» [Гишев, 2008: 60–61]. В адыгском предложении все имена, с формантом или без, выступают в функции определенного падежа.

В современном кабардино-черкесском языке аффиксы *-р* и *-м* могут выполнять функции падежей (именительного и эргативного), а в контексте употребление *-р* или *-м* зависит от глагола-сказуемого. «Подлежащее в кабардино-черкесском языке может стоять в форме либо именительного, либо эргативного падежа. Это зависит от характера семантики глагола, выступающего в предложении в роли сказуемого. Сказуемое, выраженное переходным глаголом, требует при себе постановки подлежащего в форме эргативного падежа... а непереходный глагол, ... подлежащего в форме именительного падежа» [Камбачоков, 1997: 79].

Сопоставительный анализ современного литературного кабардино-черкесского языка с современной речью представителей черкесской диаспоры в Турции показал некоторые отклонения от норм литературного языка в употреблении формантов *-р* и *-м*. В речи некоторых респондентов отмечается появление форманта *-р* вместо *-м* и наоборот. Например: *Нэхъыбэ ипэм теухуау тхыльһэр* (*р* вместо *м*) *дегэн дыхуес* (Щоджэн Н.) («Мы должны читать побольше книг о прошлом»). *А си адэ шыпхъум си адэчIэ куэду нэрыгъти... аһэр абы и гузавэгъуэр дихыфыну, абы и гур игъэцэбэnumэ, дэтхэнэр хуейми*

ирехъ жиӀас (Щоджэн Э.) («Моя тетя (по отцу) очень сильно была привязана к моему отцу (после его смерти), (мама) сказала, если он (она) помогут унять боль утраты, пусть забирает кого хочет»). В данном примере наблюдается нарушение в употреблении подлежащего *адэ шыпхъум*, который стоит в эргативном падеже, хотя по нормам грамматики должно было стоять в именительном падеже *адэ шыпхъур* «тетя (сестра отца)», а местоимение *аһэр*, наоборот, стоит и именительном, вместо эргативного падежа *аһэм* «они».

Употребление субъекта в эргативном падеже вместо именительного при непереходном глаголе отмечается чаще. Например: *Си анэм адигэбзэчӀэ мэпсалъэ* (Айшэнур А.) («Моя мама разговаривает на кабардинском»). *Игы бизнес яцӀыну, унверстетэм щеджэнууэ цӀалэгъуалэм дэчӀс абыми къалэхэм Іапхъуаһэс* (Хьэгъундокъуэ Я.) («Сейчас молодежь переехала в город, чтобы учиться в университете, заняться бизнесом»).

Отклонение от литературного кабардино-черкесского языка также отмечается в употреблении подлежащего и дополнения в эргативном падеже. «Подлежащее, выражая субъект действия, производителя действия или носителя состояния, связано со сказуемым двойной, взаимонаправленной подчинительной синтаксической связью: управлением и согласованием» [Камбачоков, 1997: 79]. Когда субъект употребляется в эргативном падеже, объект должен стоять в именительном падеже при переходном глаголе-сказуемом. Это правило нарушается в речи диаспоры, например: *Абы хьыджэбзымрэ цӀалэмрэ зрегъэпсалъэ, хьэтиякӀуэм джэгу́м зрегъакӀуэр* (Акбай И.) («Хатияко руководит танцами, дает возможность парню девушке пообщаться между собой»). *Уи унагъуэм иштэ уи бзэм пхъумэн хуес, зэбгъэцӀэн хуес* (Айшэнур А.) («В семье нужно сохранить свой язык, выучить его»). *Мыбы сык-ыщыкӀуэм си къуэи нэхьыцӀэмрэ си унакӀуэщымырэ къыздэсиауэ ар игы благъэ, Іыхьлы, ди унакӀуэщӀэм къакӀухь, зэрольагъуһэ, зэроцӀыхуһэ, ипэцӀи къэкӀуаһэм* (Хьэгъундокъуэ Я.). («Когда сюда ехал, взял с собой своего младшего брата и одного родственника, они ходят по родственникам, видят-

ся, знакомятся, они и раньше приезжали»). *Адигэм зым зым пцІэ зэрыхуицІ псалъэр «тхъэразэ къыпхухъус»* (Къущхъэ І.) («Адыги выражают почтение один другому словом «тхъэразэ къыпхухъу» (пусть Всевышний будет доволен тобой)»). В приведенных примерах появление форманта -м в дополнениях является ошибкой, так как ни объект, ни субъект одновременно не могут стоять в одном падеже. Такое отклонение от нормы является следствием отсутствия письменности, из-за чего язык развивался в устной форме.

Анализ лингвистического материала показал единичный случай в речи черкесской диаспоры за рубежом – отсутствие формантов -р и -м перед повторяющимся союзным суффиксом -рэ.. -рэ, которые несут грамматическую функцию. Например: *Си дэльху[м]рэ си анэ[м]рэ езы тІур зэгъусу псэуу есаси, аһэр нэхъ зэтохуэ* (Щоджэн Э.). («Моя мама с братом лучше понимают друг друга, они привыкли жить вместе»). Перед повторяющимся суффиксом -рэ..-рэ отсутствует формант -м, который является показателем эргативного падежа.

В литературном кабардино-черкесском языке «в падеже на -м оформляется имя переходного субъекта и имя косвенного объекта: *лІыжъы-м шчІэр егъаишхэ* – «старик кормит теленка», *шъІалэр радио-м йодаІвэ* – «юноша слушает радио», по мнению А.К. Шагирова, указанные синтаксические функции являются основными для м-падежа. Термины «эргативный» и «косвенный» в отдельности не охватывают эти функции; требуется их объединение в термин «эргативно-косвенный» [Шагиров, 2004: 68–69]. В речи диаспоры отмечаются случаи отсутствия форманта косвенного объекта -м. Например: *Ещанэрей[м] солэжъ* (Токъмакъ А.). («Работаю над третьей (книгой)»). *Яу ар сысейІым, шІалэ[м] ейс* (Молэ Б.). («Это не мой, это принадлежит сыну»).

Опущение форманта -м наблюдается и в словах, которые в контексте выражают обстоятельство места: ...*ІлъэситІ япэ мыр гу уз зІлэхэм цхъэчІэ мыр хуцхъуэ хъуну зыгуэрэс жаІау зы методоложим яужъ ситс, сэ Туркие[м] илъэс пщыкІутху лъандэрэ* (Шурдум Г.). («Я пятнадцать лет в Турции

занимаюсь лечением сердца, два года работаю по своей методике по лечению людей с больным сердцем»).

Анализ речи диаспоры показал употребление наращения формантов *-р* и *-м*, которые в контексте противоречат грамматическим нормам литературного кабардино-черкесского языка. В грамматике в подобных синтаксических конструкциях данные лексемы оформляются нулевым аффиксом. Например: *А къуажэһэм Узун-Яйлэ и уыхын!э дыдэм Мэрашлы жары зы къуажэ гуэрым и!ыс* (Щоджэн Э.). («На границе с Узун-Яйлой расположено одно село, которое называют Марашлы»). *Си къуэм нэхъыжъым и ц!эр Саатинс, адри т!ур си нэхъыц!эси зым и ц!эр Сэфэрс, зым и ц!эр Ахьмэдс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Моего старшего сына зовут Саатин, двое помладше, одного зовут Сафер, другого зовут Ахмед»). *Блэч!а гъэм ебланэ мазэм лъэпкъыр зэхуэс езгъэц!ас сэ ет!уанэу* (Безыр З.) («В прошлом году в июле месяце я устроил второй по счету сход рода»). *Ы!-ы- дэр пхъэчыч доуэ* (Щоджэн М.) («Да, да, мы играем на трещотке»). *Абы адигагъэр зетхъэу дыпсэуным ицхъач!э ди хабзэри, ди бзэри т!ыгъыным хуес* (Къущхъэ Д.) («Чтобы жить, сохраняя адыгский этикет, нам нужно сохранить обычай, язык»). Как показывает материал, наращение *-р* и *-м* отмечается в местоимениях, существительных и глаголах. Можно предположить, что таким образом информаторы выделяли в контексте данные слова.

В литературном языке формант *-р* при субъекте переходного глагола не употребляется, и формант *-м* при субъекте непереходного глагола также не появляется. Но в речи черкесской диаспоры такие отклонения от нормы языка встречаются у отдельных информаторов. Например: *Мэктэбым щеджэ-нуһэр дадо!эпыкъу* (Елкъэн И.) («Помогаем тем, кто будет учиться в школе»). *Сэ сызэрегупсысым, мы дунейм уцызмыгъуэтам, адреи дунейм дыщызэхуэзэну п!эрэ жызо!э* (Ярум Г.) («Я думаю, что если бы в этом мире мы не встретились, то в ином мире встретились бы»). *Псалъэжъһэм – гупсыси псалъэ, зыплъыхыи т!ыс, мыбычи нэхъыбэу зетхъэр ящыц зыц*

(Токмакъ А.) («Здесь больше используем пословицу «Прежде чем что-то сказать, подумай, прежде чем сесть, оглянись вокруг»»).

Следовательно, форманты *-р* и *-м* в контексте выполняют различные грамматические функции, выбор зависит от роли слова в предложении и глагола-сказуемого. Но, как показывает анализируемый лингвистический материал речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции, употребление *-р* и *-м* не всегда совпадает с нормами грамматики литературного языка.

Аффикс у//уэ

В кабардино-черкесском языке аффикс *у//уэ* выполняет различные функции и имеют несколько значений. Мнения ученых-адыгovedов разнятся по выполняемым функциям исследуемых элементов. Л. Люлье [Люлье, 1846], Л.Г. Лопатинский [Лопатинский, 1890], А.К. Шагиров [Шагиров, 1953] *-у//уэ//эу* рассматривают как словообразовательный элемент, а Х.У. Эльбердов [Эльбердов, 1959; 1963] исследуемые аффиксы отмечает как формоизменяющие, но Г.Ф. Турчанинов [Турчанинов, 1940], Н.Ф. Яковлев [Яковлев, 1948], Б.Х. Балкаров [Балкаров, 1950], Г.В. Рогава [Рогава, 1956] и др. *-у//уэ//эу* рассматривают как словоизменяющие и словообразовательные аффиксы. Впервые данные аффиксы встречаются у Люлье в русско-черкесском словаре, он выделил лишь словообразовательную функцию и обозначил как <о> [Люлье, 1846: 26]. Б.Х. Балкаров отмечает, что *уэ//у* «окончание превратительного падежа, которое, выражая различные значения данного падежа, выступает и как словообразовательный суффикс, с помощью которого образуется целая категория качественных наречий, и как самостоятельная часть речи – деепричастие. Всё многообразие значений и функций его восходит генетически к его первоначальному материально-превратительному значению» [Балкаров, 1950: 103].

В современном кабардино-черкесском языке З.Т. Хашхожева выделяет различные функции исследуемых морфем, она отмечает, что «аффикс *-у//уэ//эу* выполняет словообразовательные, формообразующие и словоизменяющие функции», выступая «как формант обстоятельного падежа: *тхылъу*

«книга»; деепричастный суффикс: *кIуауэ* «пойдя»; как суффикс наречия: *дахэу* «красиво», в составе определительного сочетания – в качестве выделительного форманта, усиливающего признак определяемого компонента: *ФIыцIэ-у кIэ езгъэдащ*. «Черной юбку я сшила». Присутствует в сказуемом: *Ар къэкIуауэ зэхэсхащ* «Я слышал, что он приехал»; выступает с частицей *пIэрэ, ли*: *Дохутырыр Линэу пIэрэ?* «Не Лина ли доктор?»; – с вспомогательными словами *аращ* «так и есть», *къыщIэкIын* «наверно» и др.: *Фэ мыIэрысэр къыпычыжсын фухауэ къыщIэкIынищ* «Вы, видимо, закончили сбор яблок» [Хашхожева, 2025: 274].

Как и в современном кабардино-черкесском литературном языке, в речи диаспоры *-у//уэ* выполняют и словообразовательные, и формообразующие, и словоизменительные функции. Но в контексте некоторых респондентов отмечается употребление *-уэ* вместо *-у* и наоборот. Ведь выбор *-уэ/у* «определяется строением основы, к которой они присоединяются: в односложных основах с вокалическим исходом используется *-уэ* (*сэ-уэ* «в качестве ножа», *псы-уэ* «в качестве воды»), а *-у* характерен для многосложных основ (*мазэ-у* «как луна»). Однако данные варианты часто взаимозаменяют друг друга, например: *сэ-у // сэ-уэ* «в качестве ножа», *мазэ-у // мазэ-уэ* «как луна» и т.д. [Бижоев, 2019: 58].

Примеры отклонения в употреблении *-у//уэ* в речи кабардино-черкесской диаспоры: *Мыбы адигэу, дэр нэхьрэ нэхьыфIыуэ, нэхь гъуэгуфIхэр ы-ы-ы дагъэлъагъуну зыгуэрhэр утыкум къыхъэмэ, зи аhэм япэ дищыну яужь дихъэнтэIым, яужь диувэнти аhэм дащIыгъууэ а гъуэгур дагъэлъагъуну гъуэ-гу захуэм дьтетынт дэ* (Щоджэн Ф.) («Здесь из адыгов, если кто-то выдвинется (на должность какую-то) и он окажется лучше нас и сможет стать примером, то мы не будем стараться его обогнать, наоборот, будем следовать за ним в правильном направлении»). *Сэр нэхьрэ бзэмкIэ Iэзэуэ, ди нэхьыжь, пенсэм хэсIыжауэ егъэджакIуэуэ, сэ зы гуп сщIас* (Безыр З.) («Я создал группу с нашим уважаемым старшим, который уже на пенсии и лучше меня знает язык»). *Ари куэду д'ахэуэ мэпсалъэ* (Ярум Г.) («Он тоже очень красиво разго-

варивает»). *Андей дежью (такси) дыщытыуэ полис ныбжсьэгъум и зы ныбжсьэгъу кьегуэуащ* (Къущхьэ I.) («Когда мы стояли с другом полицейским и ждали (такси), его окликнул другой полицейский»). *О, Iэгъу, нобэ уи закъуэуэ жиIау. Дау хъун Iэу, си закъуэуэ, алыхьыр си гъусэIэ.* (Къущхьэ I.). («О-у, ты сегодня один? Я не одни, со мной же Аллах»). *Ныбжью илэс пщыкIутху, пщыкIуххэм ситиу сэ Анкъэра адыгэ хасэм «ЩIакIуэ» ицIэуэ кьыдагъэчIа журналым ит адыгэбзэ алфавитым слъагъури сэр-сэру зэзгъэщIас* (Безыр З.) («В возрасте пятнадцати-шестнадцати лет в журнале «ЩIакIуэ», который издавался в Анкаре, в адыгской хасе, я увидел алфавит и сам выучил»). *Иджы а илэсхьэм хуэзэуэ Истамбул аргуэру хасэ щаухуат* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («В эти годы в Истамбуле еще раз создали хаса»). *Абы Батырбэк ицIэуэ зы кьуэ кьыицIэхъуас* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1076] («У него родился сын по имени Батырбек»).

Нарушение употребления -у//уэ было отмечено и исследователями диалектов и говоров кабардино-черкесского языка. К.Т. Мамрешев в баксанском диалекте кабардинского языка отмечает такое явление и приводит примеры, когда принцип огласованности -у//уэ отклоняется от литературной нормы. «...Форма уэ – пишет К.Т. Мамрешев – представлена в речи баксанцев широко, независимо от количества или характера слогов в слове. Диалектная форма уэ характерна также для наречий от качественных прилагательных: *Пщэдджыжь уэсэпсыр гуакIуэуэ ицIыIэтыIэщ.* (Утренняя роса приятно прохладна)» [Мамрешев, 1969: 262].

Следовательно, -у//уэ в кабардино-черкесском языке является полифункциональным аффиксом, но выбор морфемы зависит от основы слова. Как показал исследуемый лингвистический материал, в речи диаспоры не всегда учитывается строение основы. Употребление многосложных основ с аффиксом -уэ вместо -у является отклонением от литературной нормы.

2.2.4. Огласованность-неогласованность личных показателей глаголов

Особенности употребления некоторых превербов в речи диаспоры

В адыгских языках широко развита система превербов. «Состав превербов адыгских языков очень пестрый. Они образуют сложную систему, в которой представлены превербы, выражающие направление действия, локализацию действия и состояния. Для этих превербов выражение направления действия и локализации действия или состояния является их грамматическим значением» [Чкадуа, 2012: 35].

В употреблении превербов в речи кабардино-черкесской диаспоры и литературным языком наблюдается расхождение. Наибольшее отклонение от нормы отмечается с превербом *къэ-*. «Общеадыгский преверб *къэ-* употребляется с основами как динамических, так и статических глаголов. С помощью этого преверба образуются глагольные основы, которые обозначают направление к говорящему (оттуда сюда). Например: адыг.-каб. *къэ-кIуэн* «идти сюда», *къэ-сын* «прибыть сюда», каб. *къэ-жэн* «бежать сюда» [Кумахов, 1964: 190]. О значениях превербов *къэ//къы* подробно писали Г.В. Рогава и З.И. Керашева, они отмечали, что преверб *къэ-* выражает «приближение действия к говорящему или собеседнику: *Пчыхъаишхъэ пшъэшъэжъыхэр садэжъ къэ-кIоцтых* – «Сегодня вечером ко мне придут девушки»; приближения действия к субъекту с оттенком версии в пользу субъекта: *Асхъад Iаби тхылъыпIэу тхъаматэм къ-ыцэигъэр къ-ыIихыгъ* – «Асхад протянул руку (туда) и взял (сюда к себе) листок бумаги, который ему протянул (по направлению к нему) председатель» [Рогава, Керашева, 2021: 125].

В литературном кабардино-черкесском языке преверб *къэ-* от имени образует «глагольную основу, которая обозначает направление действия к говорящему, например: *Iуэху* «дело», *къызоIуэху* «сообщаю, передаю сюда», *къоIуэху* «сообщаешь, передаешь сюда», *къеIуэху* «сообщает, передает сюда». В динамических глаголах преверб *къэ-* может не выражать направительного значения. Ср. *къэнэн* «оставаться где-либо»; *къэхъун* «возникать, вырасти».

С основами статических глаголов преверб *къэ-* имеет конкретно-локальное значение, например: *къыщысын* «сидеть рядом, со стороны»; *къыщытын* «стоять рядом, со стороны»; *къыщылъын* «лежать рядом со стороны». Ср. также динамический глагол *къэтIысын* «сесть рядом, поблизости» [КЧЯ, Т. I, 2006: 200]. А также «направительный преверб *къэ-*, сочетаясь с глаголами движения, показывает направление «сюда», а суффикс *-с* дополняет, поясняет «до какого места, где и в каком именно месте действие завершается». Такие модели имеют свободное выступление без суффикса *-с*. Ср.: *къэ-пысы-сы-н* «доползти сюда до какого-л. места, предела», но *къэ-пысы-н* «ползти сюда»; *къэ-хъэ-сы-н* «донести что-л. до этого-л. места (сюда)» и *къэ-хъы-н* «нести что-л. сюда» и др.» [Дзуганова, 2017: 109].

Следовательно, преверб *къэ-* в литературном языке многогранен, он выполняет смысловую нагрузку, а его отсутствие делает смысл слова неполной, но в контексте становится понятно значение выражаемой мысли. Сравнительный анализ лингвистического материала речи диаспоры с литературным кабардино-черкесским языком показал некоторые расхождения в употреблении исследуемого преверба *къэ-*. В речи большого количества респондентов отмечается отсутствие преверба *къэ-//къы-*, который по нормам языка должен быть. Например: *Арапыбзэм къыхэчIыу [къы]ыхъай тыркубзэм къыхэчIыу [къы]ыхъаи хэтс* (Къущхъэ I.) («Что-то (слова) вошел (в язык) из арабского языка, а что-то из турецкого языка»). На этом примере мы видим, как в одном случае автор употребляет *къы-* (*къыхэчIыу* – «выйти»), а глагол *ыхъэн* «войти» без преверба, хотя в контексте подразумевается направление из одного языка в другой, то есть *къыхыхъэн*. *Лисэри Къайсэр [къы]ызух'ас* (Щоджэн Э.) («Лицей закончила в Кайсери»). *Гуэдз, арпэ, аос мартым дей хыдолъхъэри мазитI-мазищ мэхъури [къы]хыдохыж* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1079]. («Пшеницу, ячмень, овес сажаем в марте, через два-три месяца собираем (букв. извлекаем)»). *Игы сэ илъэсиплIым сэ си гъусэу лэжъау, унверстетыр [къы]яух'ау, куэд дохъу, аһэм тыркуыбзэ, ингылыбзэ [къы]хэчIау псалъэ куэд*

къапсэль дыщыгушыІэчІэ (Къэрабэ М.) («Со мной уже в течение четырех лет работают много (ребят), которые закончили университет, но в речи употребляют много слов из турецкого и английского языков»).

В своём исследовании Б.Ч. Бижоев тоже отметил как отсутствие преверба направления *къэ-*, так и случаи смешивания различных превербов в речи «зарубежных кабардинцев», называя такое явление частым и приводит примеры: «*лlo хъур* вм. *лlo къэхъур* (что получается), *мыраиц хъуар* вместо *мыраиц къэхъуар* (вот что случилось)», а также случаи одновременного использования превербов *къэ-* «сюда» и *нэ* – «туда», которые в литературном языке выражают противоположные явления: «*къынэсахъэс* вместо *къэсахэц* (прибыли), *къынэзгъэсыну* вместо *къэзгъэсынуц* (довезу, доведу сюда)» [Бижоев, 2000: 212].

Аналогичное явление зафиксировано и в некоторых диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. К.Т. Мамрешев пишет о том, что в баксанском диалекте опускается направительный преверб *къэ-*, в отличие от литературного языка, в котором он сохраняется. «Чаще данное явление встречается в речи жителей Старой Крепости и Кызбруна III, но оно может быть отмечено у отдельных индивидов и в Кызбруне II. *Щалэгъуалэм уэиш нэужьым бгыцхъэмэ уэрэдхэр цыхадзэ* (ср. лит. *къыцыхадзэ* «начинают», букв.: «начинают сюда, к нам»). – Молодежь после дождя на вершине холма песни начинает». *Мы жьыгъжъмэ деж цыспэплъэ* (ср. лит. *къыцыспэплъэ* «жди меня (отсюда)»). – «Возле этого старого дерева ты меня жди (отсюда)». По мнению исследователя, «отпадение преверба *къы-*... – явление более новое, отражающее путь внутреннего развития кабардинского языка» [Мамрешев, 1969: 262].

Отсутствие направительного преверба *къэ-*, когда он есть в литературном языке, и наоборот, наличие, когда в литературном он отсутствует, выявлено М.А. Кумаховым и в кубанском диалекте, он приводит такие примеры: «*УкъышъыкІуакІэ тІэкІу къышъыс*. – Раз пришел, немного посиди». Кодрэ гупшъыса [*къэ*]хъуар имышІэу. – «не зная о том, что случилось, он долго думал». Языковед отмечает, что подобные отклонения от литературного кабар-

дино-черкесского языка часто встречаются в диалекте [Кумахов, 1969: 223]. Расхождение в употреблении преверба *къэ-* между литературным языком и моздокским говором отмечает Т.Х. Куашева. Разнобой «между моздокским говором и литературным языком выражается в том, что преверб *къэ-* в моздокском говоре употребляется в тех случаях, где он отсутствует в литературном языке и, наоборот, где в литературном языке он присутствует – отсутствует в говоре: *Сыт хъуа? Хъуар арась* – *Сыт къэхъуа? Къэхъуар арац* («Что случилось? Случилось то»)) [Куашева, 1969: 142].

В речи некоторых представителей кабардино-черкесской диаспоры отсутствует префикс *щы-* в значении «направления». Например: *Туркиеми, Джорданми, Суриеми, Америкэм кIуауэ [що]мэпсэу адыгэхэр* (Шурдым Г.) («Адыги живут и в Турции, Иордании, Сирии, Америке»). *Сэ хэкум сы[щы]кIуам сеплъас ды хабзэм теухуау, ди псэучIэм теухуау куэд зэпрычIым* (Щоджэн Н.) («Когда поехал на Родину, посмотрел на их обычаи, как они живут, насколько различаются»). *Мыр сэ лъэс пщыкIуэтху лъандэрэ Туркием [щы]соуцIэ* (Шурдым Г.) («Этим я в Турции занимаюсь уже пятнадцать лет»). В данных примерах опущен преверб *щы*, который указывает на конкретное место. Такое явление Г.Ф. Турчанинов отмечал в моздокском диалекте: «*къэс-кIухъац* – я бродил, скитался, вместо *къыпщыскIухъац*; *сызэрыльазьэр* – я кем там работающий вместо *сызэрыщылажьэр*» [Турчанинов, 1946а: 229].

Особенности употребления некоторых личных префиксов в речи диаспоры

Расхождение между литературным кабардино-черкесским языком и речью кабардино-черкесской диаспоры отмечается также в неогласованности некоторых глаголов префиксом *къэ-/къы-*, то есть наблюдается афереza. «Префикс *къэ-* выступает как компонент, необходимый для построения парадигматичных рядов» [КЧЯ, 2006: 168], его отсутствие искажает смысл, так как личные формы глагола возможны только с помощью преверба *къэ-/къы*. Примеры отпадения/выпадения *къэ-/къы-*: **[Къы]***ЯгуроIуэ, нэхъыпщIэ цIыкIум*

зытIэкIуи зрехъэ, нэхъ унверстетым бизнесым хыхъа нэужьчIэ адрер зрахъэурэ-зрахъэурэ зы тIэкIу яIэщIочI, ди жагъуэ зэрыхъунси. (Хьэгъун-докъуэ Я.) («Младший сын немного говорит и понимает, но после поступления в университет и занятия бизнесом постепенно забрасывает язык – к нашему сожалению»). *ЯгуроIуэн* «понимать» вместо *къыгурыIуэн* «он понимает». *Зыгуэр ищIэnumэ ищIэт, сыгъуэгыну [къы]фIэщIти, къакIуурэ къысчIэлъыплът* (Тохъу Н.) («Если нужно что-то делать, делал, но ему казалось, что я буду плакать, поэтому время от времени посматривал не плачу ли я»). *ФIэщIын* «казаться» вместо *къыфIэщIын* «ему казалось». *Абы щыгъуэ у[къы]щытIыхуам нобэм дыкъэсыну зичI сигугъаIым* (Ярум Г.) («Тогда, когда мы тебя узнали, даже и не подумали, что наше знакомство продолжится до сегодняшнего дня»). *УщытIыхуам* «когда с тобой познакомились» вместо *укъыщытIыхуам* «когда мы с тобой познакомились». В литературном языке глаголы с префиксом *къэ-* проявляют особенности в распределении личных аффиксов, а его отсутствие меняет смысл.

В кабардино-черкесской речи диаспоры нередки случаи неогласованности личными аффиксами. В кабардино-черкесском литературном языке категория лица в глаголе выражается определенными личными аффиксами. «Путем присоединения к своей основе личных префиксов и расположения этих префиксов в определенном порядке глагол в кабардино-черкесском языке выражает отношение обозначаемого действия к лицам – 1-му, 2-му, 3-му. Эти личные префиксы показывают, что субъектом или объектом обозначаемого глаголом действия является 1-е и 2-е или 3-е лицо» [ГКЧЛЯ, 1957: 108]. Отклонение от литературного языка наблюдается и в отсутствии личных аффиксов в речи диаспоры, которые легко восстанавливаются в контексте. Например: *Шэ Нальчик унверстэм [сы]недгъэблэгъати, абы мыбы теухуау сынсэлъас* (Шурдым Г.) («Три раза приезжала в Нальчикский университет, там выступала по этой теме»). *Недгъэблэгъати* «он приезжал» вместо *сынеблэгъати* «я приезжала», отсутствует префикс 1 лица единственного числа.

Ухуеймэ аһэри Сиуас кьалэ нрекӀуи, абы [ды]щыпсэунс псори [ды]зэгъуэсу (Щоджэн Э.) («Если хочешь, пусть они тоже поедут в город Сивас, там все будем жить вместе»). Зэгъуэсу «вместе» вместо **дызэгъусэу** «мы все вместе», отсутствует префикс множественного числа 1-го лица **ды-** «мы». *Мыр хъун хуейӀым, мыр лӀо цӀэхъуар зо [зы]щызгъэтчӀим щызгъуэ мы экзаминыр щыӀутхам зыгуэрэ кьыхэтиэнэу ӀутхаӀым* (Щоджэн Э.) («Когда я строго сказала, почему так случилось, так не должно было случиться, мне сказали, что они назначили экзамен не для того, чтобы кого-то принять...»). *ЗызгъэтчӀиин* «быть строгим» вместо **зыщызгъэтчӀийм** «когда я приняла строгий вид», отсутствует личный префикс 1-го лица единственного числа **зы-** «я». *Гугъуехьыпхуэ сехъауэ жы[с]ӀынӀым* (Къущхъэ I.) («Я бы не сказала, что было очень тяжело»). Отсутствует префикс 1-го лица единственного числа **с-** «я». *Гъуэгур жыжъэт, зытӀэкӀу гугъу [с]ехъас* (Токъмакъ А.) («Дорога дальняя, немного тяжеловато было мне»). *Гугъу ехъын* «ему было тяжело» вместо *гъугъу сехъас* «мне было тяжело», здесь вместо префикса 1-го лица единственного числа **с-**, употреблен префикс 3-го лица единственного числа **е-**.

Нарушение принципа огласованности-неогласованности выявлено Б.Ч. Бижоевым: «Дэ, пцӀэрэ, ӀэлъэцӀ дытемылъу куэбжэпэм дыуу ядаӀым.. – «Нам, знаешь, не позволялось выходить со двора без платка на голове» [Бижоев, 2000: 212]: **дытемылъу** вм. **ттемылъу**», отмечает наличие иррационального **ы** вместо нулевого гласного. Он также выявил в речи диаспоры, проживающей в различных странах, смешение превербов и привел такие примеры: «*игы нэсыхун* вместо *иджы кьэс(ыхунчӀэ)* «до сих пор», *къэкӀуахъэс* вместо *нэкӀуахэц* «ездили к вам», *тегъэкӀын* вместо *дэгъэчӀын* «пропустить», *зыфӀэигъуэр* вместо *цӀыфӀэигъуэр* «почему он считает необходимым»» [Бижоев, 2000: 212-213].

Итак, функционирование кабардино-черкесского языка в течение длительного периода в иноязычной среде привело к различным лингвистическим

отклонениям от литературного кабардино-черкесского языка, в частности личных аффиксов.

Таким образом, в речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции отмечаются грамматические особенности, которые отличаются от грамматики литературного кабардино-черкесского языка, но некоторые из них еще сохранились в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. Как в диаспоре, так и на исторической родине в отдельных диалектах и говорах законсервировались грамматические показатели утверждения и отрицания: копула-суффикс *щ* → *с*, *къым* → *лым*, а также грамматический показатель множественного числа *хэ* → *һэ*. В речи диаспоры отмечаются отклонения в употреблении аффиксов *-р*, *-м*, *-у//уэ*, неогласованность глаголов превербными, которые несут смысловую нагрузку.

Анализ лингвистического материала показал, что язык представителей старшего поколения в диаспоре хранит наиболее традиционные, древние и архаичные явления, тогда как язык представителей младшего поколения более подвержен языковым изменениям, что порождает интенсивные процессы языкового варьирования на разных уровнях. Более того, в речи одного и того же информатора в зависимости от речевой ситуации отмечаются как архаичные формы, так и нововведения, принятые литературным языком.

Выводы к главе 2

Проведённое сопоставительное исследование речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции (на материале полевых записей, устной речи информантов разного возраста и пола) с литературным кабардино-черкесским языком, а также с диалектами и говорами кабардино-черкесского языка на исторической родине позволяет сделать следующие выводы:

1. Фонетическая система разговорной кабардино-черкесской речи диаспоры сохранила архаичные черты, вместо которых в литературном языке закрепились новые формы, но частично сохранились в разговорной речи носителей диалектов и говоров метрополии. Это касается как вокализма, так и консонантизма.

2. В речи диаспоры в области гласных выявлены устойчивые чередования, не зависящие от фонетического окружения: *a* // *э* (*заницIэу* → *зэницIэу*), *э* // *a* (*зэээмызэ* → *зээамызэ*), *э* // *ы* (*диIэиц* → *диIыс*, *ицIэиц* → *ицIыс*), *и* // *ы* (*ди жагъуэ* → *ды жагъуэ*), *ы* // *и* (*адыгэбзэ* → *ад'игэбзэ*, *зыгуэр* → *зигуэр*), а также отмечены единичные случаи чередования некоторых гласных: *и* // *э*, *о* // *ы*, *е* // *ы*, *э* // *е*.

3. В отличие от литературного языка, в речи диаспоры особую значимость имеет полногласие, то есть сохранение иррационального гласного *ы* в личных аффиксах глаголов и именах, которое в метрополии ныне встречается только в кубано-зеленчукских говорах. Это свидетельствует об архаичности речи диаспоры, законсервировавшей более древние фонетические нормы.

4. Некоторые различия фонетической системы речи диаспоры и литературного кабардино-черкесского языка отмечаются и в области консонантизма, в особенности незавершённость аффрикатизации палатализованных заднеязычных смычных: *г'*, *к'*, *чI'* (*г'анэ*, *г'эд*, *чI'эртIоф*) вместо литературных *дж*, *ч*, *кI* (*джанэ*, *джэд*, *кIэртIоф*). Этот процесс в диаспоре и в ряде диалектов (баксанском, бесленеевском, кубанском, терском) ещё не завершён, тогда как литературный язык узаконил аффрикатное произношение. Переход *иц* → *с* в копуле-суффиксе утверждения (-иц → -с): *къэбэрдейс*, *нэIуасэ дызхуэхъуас* – явление, широко распространённое в диаспоре и в баксанском, моздокском, малкинском говорах. Переход *иц* → *иш'* в разных позициях (*жэиш'*, *иш'ыIэ*, *хъэицIэиш'*) – сохранение первичного шипящего спираанта, характерного также для бесленеевского диалекта и кубано-зеленчукских говоров. Замена *хэ* → *h* в аффиксе множественного числа (*адыгэhэр*, *унэhэм*) – архаичная форма, не испытывавшая влияния письменности, в метрополии она сохранилась преимущественно в речи старшего поколения и в отдельных говорах. Переход *къ* → *I* в чаще всего в суффиксах отрицания и вопросительно-сомнительной формы (*тицIаIым*, *ицIыжIым*, *ирикъунIэ?*, *нэхъыфIтэIэ?*) – процесс, широко представленный в некоторых диалектах метрополии и в речи диаспоры, где он систематичен. А также переходы *б* → *п* (*бэзэр* → *пэзэр*), *х* → *хь* в показателе множественного числа (*благъэхъэм*), *н* → *р* (*зэран* → *зэрар*), *н* → *п* в послело-

ге *пэмышI* (вместо *нэмышI*) – некоторые из них (н→р) фиксируются и в кубано-зеленчукских говорах, другие являются специфическими для диаспоры.

5. Большая часть выявленных фонетических особенностей кабардино-черкесской речи диаспоры совпадает с чертами, зафиксированными в диалектах и говорах метрополии (баксанском, бесленеевском, кубанском, терских, моздокском, малкинском). Это подтверждает, что язык диаспоры сохранил ранние диалектные формы, которые на исторической родине под влиянием литературной нормы постепенно утрачиваются, но в устной речи старшего поколения и в некоторых локальных говорах ещё сохраняются.

6. Фонетические трансформации также затрагивают грамматические показатели (аффиксы утверждения, отрицания, множественного числа), что свидетельствует о глубине и системности изменений, имеющих важное значение для диахронической фонологии адыгских языков, так как речь диаспоры выступает как своеобразный естественный «лингвистический архив», сохранивший фонетические явления, не зафиксированные в письменных памятниках и утрачиваемые в литературном языке.

7. В речи диаспоры законсервировались грамматические формы, которые в литературном языке были вытеснены инновациями, но частично сохранились в диалектах и говорах метрополии. К наиболее показательным явлениям относятся: утвердительная копула-суффикс *-с* (вместо литературного *-иц*) *къэбэрдейс, сыкъэкIуас*. Данная форма широко представлена в некоторых диалектах и говорах кабардино-черкесского языка в метрополии. Сохранение архаичного варианта суффикса отрицания: ларингальный абруптив *I* вместо фарингального *къ*, который также сохранился в баксанском и моздокском диалектах и в терском говоре. Показатель множественного числа: суффикс *-һэ* (вместо литературного *-хэ*) – *адыгэһэр, унэһэм, кIуаһэ*. В диаспоре, не испытавшей влияния литературной нормы, сохранилась древняя форма.

8. В кабардино-черкесской речи диаспоры отмечаются отклонения в употреблении падежно-определятельных формантов *-р* и *-м*. В речи диаспоры зафиксированы случаи: замены *-р* на *-м* при субъекте непереходного глагола (*си анэм мэпсалъэ* вместо *си анэр мэпсалъэ*) и наоборот, отсутствия форманта *-м* перед союзным суффиксом *-рэ..-рэ*; опущения *-м* при косвенном объекте и об-

стоятельстве места; наращения *-р* и *-м* в позициях, где по нормам литературного языка требуется нулевой аффикс. Такое варьирование свидетельствует о нарушении строгой грамматической нормы, при котором «субъект в эргативном падеже – переходный глагол, субъект в именительном падеже – непереходный глагол». В диаспоре выявлена вариативность аффикса *-у//*-уэ независимо от строения основы (в литературном языке для многосложных основ предпочтителен *-у*, для односложных с вокалическим исходом – *-уэ*). Такое отклонение от литературной нормы фиксируется также в баксанском диалекте (К.Т. Мамрешев) и расценивается как нарушение принципа огласованности.

9. В речи диаспоры отмечается редукция превербов и личных аффиксов. Чаще всего опускается направительный преверб *къэ-/къы-* (*хыхъай* вместо *къыхыхъай*, *ягуроӀуэ* вместо *къыгурыӀуэ*), что искажает семантику направления «сюда». Аналогичное явление отмечено в баксанском, кубанском и моздокском диалектах (К.Т. Мамрешев, М.А. Кумахов, Г.Ф. Турчанинов). Также зафиксировано отсутствие личных префиксов 1-го лица единственного и множественного числа (*кӀуачӀэ* вместо *сыкӀуачӀэ*, *зэгъуэсу* вместо *дызэгъусэу*), что ведёт к неогласованности субъекта и сказуемого. В речи диаспоры в условиях длительной изоляции, отсутствия пиьменности и доминирования турецкого языка сохранились ранние (общеадыгские) формы выражения утверждения, отрицания, множественного числа, а также падежно-определятельных отношений. Многие из этих черт сохранились до сих пор в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка метрополии, что подтверждает их архаичную природу.

Глава 3. ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ В РЕЧИ ДИАСПОРЫ

3.1. Слова с семантическими трансформациями в речи диаспоры (сравнительный анализ с литературным кабардино-черкесским языком)

Словарный состав любого языка больше всего подвержен изменениям: «вся система форм существования языка, так и статус национального литературного языка не остаются стабильными, они меняются в связи с изменениями, происходящими в истории самого народа» [ОЯ, 1970: 533]. В некоторых случаях происходит перенос значений, то есть семантические преобразования, вызванные как внешними, так и внутрисистемными факторами. А.Р. Лурия считает, что каждое слово образует «целую сложную систему связей, являясь центром целой семантической сети, актуализирует определенные семантические поля, которые характеризуют важный аспект психологической структуры слова» [Лурия, 1979: 91]. С другой стороны, «лексическая единица может стать квазисимволом или квазиэталоном только вследствие ее переосмысления, трансформации лексического значения на первом этапе символизации. При этом, конечно же, наблюдается как изменение семантической структуры слова, так и изменение употребления слова, то есть процесса функционирования лексической единицы» [Красовская, 2020: 143].

Вопросы семантики, сочетания слов в предложении были затронуты в работах А.К. Шагирова [Шагиров, 1962], Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1967], Л.В. Щербы [Щерба, 1974], А.А. Уфимцевой [Уфимцева, 1988], А.А. Реформатского [Реформатский, 1996], В.В. Виноградова [Виноградов, 1999], М.Л. Апажева [Апажев, 2000; 2004], И.М. Кобозевой [Кобозева, 2000], М.А. Кронгауза [Кронгауз, 2007], М.В. Москалевой [Москалева, 2007], Л.Г. Ефановой [Ефанова, 2012], В.Н. Шапошникова [Шапошников, 2012], Ю.В. Дорофеева [Дорофеев, 2020], О.А. Сизовой [Сизова, 2022] и др. В современном языкознании для многих семантика – это «особый компонент полного описания языка, который мыслится как формальное устройство, моделирующее языковое пове-

дение людей. Чтобы составить себе представление о модели языка в целом и о ее семантическом компоненте в особенности, необходимо уяснить, из каких умений складывается тот феномен, который называется «языковое поведение», «владение языком» [Тиллосева, 2020: 8]. Под значением слов понимается «способность слова не только замещать или представлять предметы, не только возбуждать ассоциации, но и актуализировать предметы, вникать глубже в свойства предметов, абстрагировать и обобщать их признаки» [Лурия, 1979: 42]. Изменение семантики, как утверждает Алешкевич С.С., связано с двумя формами и выделяет «наивный ассоциатизм и смещение с отдельных слов на более широкие единицы, так называемые «ассоциативные поля», до которых они простираются» [Алешкевич, 2021: 231].

Перенос или смещение, трансформация значения могут быть вызваны как лингвистическими причинами, так и внутренними закономерностями развития языка, которые способствуют изменению семантики слов. И.А. Цыбикова подразделяет на «изменения лингвистического и изменения экстралингвистического характера, в зависимости от характера семантических процессов», происхождение которых связывает с «влиянием исторических и культурных изменений в обществе» [Цыбикова, 2003: 3].

Для выделения лексико-семантической системы языка необходимо исследовать словарный состав «во всем комплексе их многообразных проявлений» [Апажев, Пшукова, 2004: 22]. В речевой деятельности очень важно учитывать законы сочетания слов, как писал Л.В. Щерба, «при говорении мы часто употребляем формы, которые никогда не слыхали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями..., сочетаем слова ... по определенным законам сочетания», подразумевая «правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [Щерба, 1974: 24]. «Слово, его формы в их отношении к формам других слов либо к целой конструкции предстают как средоточие разных грамматических значений и несут в себе целый комплекс разнонаправленных грамматических свойств. ... Взаимодействия слов как лексической

единицы и грамматических законов языка – это вся широкая сфера связей грамматики с лексической семантикой» [Грамматика, 1980: 9].

Образование общих понятий «на базе обобщения более конкретных понятий или отдельных признаков тех или иных предметов» А.К. Шагиров считает одним из интересных семантических явлений в лексике адыгских языков [Шагиров, 1962: 37].

Формы слов, их семантика, взаимодействия слов в речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом имеют свою специфику. Сравнительный анализ кабардино-черкесского литературного языка и речи диаспоры показал некоторые расхождения в семантике, вызванные отсутствием долгого времени контакта с носителями языка на исторической родине и развитием языка на собственной языковой базе.

В разговорной речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции отмечается пласт лексики, семантически отличающийся от литературного языка, т.е. существует определенный лексический пласт с семантическими трансформациями, присущими только речи диаспоры. Обе формы встречаются в литературном языке, но с другой семантикой, то есть употребляют в другой речевой ситуации, нежели в диаспоре. Значение слов в речи представителей диаспоры мы определяли по контексту, в которых они встретились.

Семантические трансформации вызваны и обусловлены, в первую очередь, отсутствием контактов с жителями метрополии, во-вторых, обособленным развитием и функционированием языка только в рамках одной формы существования – в форме устной речи. Это может быть связано со сложностью лексической системы языка в общем, и, как отмечает М.Л. Апажев, с формированием «национальной самобытности кабардино-черкесского и ближайшего родственного адыгейского языков, проявляющейся в афористичности и лаконичности» выражений [Апажев, 2000: 188].

Сравнительный анализ речи диаспоры с литературным языком показал, как одно и то же слово употребляется с разной семантикой, то есть в диаспоре некоторые слова в контексте употребляют, основываясь на действиях по смеж-

ности и контрасту, а в литературном языке каждое слово имеет одно или несколько устоявшихся лексических значений, кодифицированных в словарях. Сравнивая семантику одного и того же слова в диаспоре и литературном языке метрополии (примеры из художественной литературы национальных авторов), мы выделили значительное количество лексем с семантическими трансформациями, которые далее расположили в алфавитном порядке.

АНАПХЪЭ (анапхъэри) в значении «мачеха», вместо *анэнэпІэс. Уэри фІыу уилъагъуну, и анапхъэри фІыу илъагъуу, спори фІыу илъагъуу, цІыхур фІыу илъагъуу пхуэзгъэсэнс* (Щоджэн Э.) («Я ее воспитаю так, чтобы она и тебя (маму) любила, и мачеху любила, чтобы всех любила, чтобы людей любила»). В «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка» отмечается, что «суффикс *-пхъэ* образует от основ существительных новые слова для выражения какой-либо цели или же обозначающие инструмент, средство труда, например: жылапхъэ «семенной фонд», бзыпхъэ «выкройка». Присоединяется к основе слова с аффиксом *-а*» [ГКЧЛЯ, 1957: 58]. В литературном языке лексема *анапхъэ* отсутствует, можно утверждать, что данная лексема представляет собой инновацию в рамках речи диаспоры. В литературном кабардино-черкесском функционирует лексема, образованная стяжением двух корней: *фызыпхъэ*: фыз «женщина» + пхъэ «подобный» – «женоподобный», следовательно, слово *анапхъэ* тоже состоит из двух частей: *анэ* «мать» + *пхъэ* «подобный, предназначенный, годный», то есть подобный матери. Например: *Нысанпхъэри ди хъэзырыхэщ* [Хъэкъун, 1974: 166]. («Девушка, подходящая в качестве невесты, имеется»). *Лунэрэ Мэржанри Алыхъым шыкур хуащІ, Бусенэ игури мээзгъэж; ауэ бынитІыр Іэнкуниц: дауэ къытхуцтыну пІэрэ анэнэпІэсыр?* [Нало, 2014: 411]. («Луна и Маржан благодарят Аллаха, Бусена тоже успокаивается, но дети в растерянности: как к нам будет относиться мачеха?»).

ГЪУЕИН (сыгъуеят) в значении «плакать», в литературном кабардино-черкесском языке – *гъын*. *Былгъур хъэнтхъунс дефэнус цыжсиІым Іейу си жагъуэ хъури сыгъуеят сэ* (БанэщІэж-Хъэшыхъуэ Э.). («Когда сказала, что будем пить суп из булгура, мне стало очень обидно, и я плакала»). *Хъэлыуэрэ*

мрамысэрэ цхъа тІо сыгъуеяуэ сощІэж (Жарышты Ф.) («Я помню, как два раза плакала из-за халвы и мамалыги»). Лексема *гъуеин* в литературном языке употребляется только в значении «блеять», но в речи диаспоры часто встречается в значении *гъын* «плакать». Примеры употребления *гъуеин* и *гъын* в литературном кабардино-черкесском языке: *Астемыр и гур тІэкІу къызэфІэнат, ауэ модрей гъыхэр игъэудэІуну и ужь итт* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 193] («Астемир сам немного был расстроен, но пытался успокоить плачущих»). *Зызо-плъыхъри зыри слъагъуркъым, гуэзнэчым гъуейуэ ит мэлхэмрэ ахэр къэзухъуреихъ мэлыхъуэхэмрэ къинэмышІауэ* [Къашыргъэ, 1957: 264] («Оглядываюсь вокруг и никого не вижу, кроме блеющих баранов в загонах, огороженных плетнем, и окружающих чабанов»).

З.Х.-М Ионов лексему *гъуеин* в значении «плакать» в речи диаспоры не относит к семантическим трансформациям, считая «фонетическим вариантом слова *гъуэгын* «плакать», как первичный заднеязычный палатализованный звук *г'*, который перешел в современном кабардино-черкесском языке в звонкий *г*, а затем – в аффрикату *дж*. Ср.: лит. *джанэ*, диасп. *г'анэ* «рубашка», лит. *джэгу*, диасп. *г'эгу* «танцы, вечеринка». В слове *гъуеин* имеем звонкий палатализованный звук *г'*, который затем подвергся еще большей палатализации и перешел в звук, близкий к *й*: *гъуэгын* перешел в *гъуэйын*, затем в *гъуеин*, во всех формах имеет значение «плакать». Ср.: *адыгэ* (лит.) – *адыг'э* (малкинский говор) – *адыйэ* (Узун-Яйла)» [Ионов, 2019: 120]. Учитывая мнение Х.З.-М. Ионова о том, что *гъуеин* и *гъуэгъын* являются фонетическими вариантами одного и того же слова в значении «громко плакать, реветь», отмечаем, что в современном кабардино-черкесском языке обе идиомы имеют разную семантику. Частотность употребления *гъуеин* в речи респондентов разных возрастов свидетельствует об устойчивом закреплении в их речи исследуемой лексемы. Сравнивая с литературным кабардино-черкесским языком, можно сказать, что лексема *гъуеин* законсервировалась в литературном кабардино-черкесском языке только в значении «блеять», плакать – «гъын», сильно плакать – «гъуэгын», оплакивать кого-то «гъеин». А в диаспоре *гъын*, *гъуэгын*,

гъеин – маркируют лексемой *гъуеин* «плакать». Можно утверждать, что *гъуеин* как синоним литературному *гъын* «плакать» является уникальным образованием, присущим речи диаспоры, возможность его кодификации как одного из значений лексемы *гъуеин* зависит от интенсивности влияния носителей речи диаспоры на язык метрополии, т.е. насколько сами носители языка будут употреблять данную лексему в указанном значении в своей речевой практике.

ЕГЪЭЦЫХУН (едмыгъэцыхуну) в значении «научить», вместо *егъэцIэн*. *Пи'ынэ зыцIэ диIыжмыгъуэIым ар едмыгъэцыхуну зыгуэрhэ илъэс зыбгъуицI нэужьым ар ягъуэтыжынуIым* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071] («У нас уже почти не осталось тех, кто умеет играть на гармошке; если мы не научим молодёжь в течение десяти лет, то потом уже не научим»). *Данхуэду зекIуэнуми, дахуэду яцIэнуми ядогъэцыху* (Елкъан И.). («Мы учим тому, как жить и как поступать»). *Дэ ди цIэблэм адыгэбзэр сьт дьмыцIэми едгъэцыхуфIым* (Хъэгъундокъуэ Я.). («Как бы мы ни старались, не можем научить подрастающее поколение языку»). В литературном языке *егъэцыхун* в значении «познакомить с кем-л.», *егъэцIэн* – «научить кого-л.». Например: *НысацIэр ди анэм деж сиэници езгъэцыхуиц, ди адэ унэжь щедгъэкIуэкIыиц хъэгъуэлIыгъуэр, жиIэу арат (Инал) зьтрицIыхъар* [КIыщокъуэ, Т. 3, 2005: 573]. («Он (Инал) решил отвести невесту к матери, познакомиться с ней, а свадьбу провести в отчем доме»). *Бзэр адэ-анэм сагъэцIаици, / Сэ яхузоцIыр тIуми фIыцIэ, / Ауэ си жагъуэ мэхъу зы закъуэ –/ Си быным си бзэр зэримыцIэр* [КIыщокъуэ, 1967: 237] («Языку меня научили родители, / За это я их благодарю, / Но меня расстраивает одно – Мои дети не знают языка»). Можно утверждать, что лексема *егъэцыхун* (едмыгъэцыхуну) в значении «научить» функционально и семантически ограничена рамками речи диаспоры, однако стоит отметить, что и в художественной литературе черкесских авторов иногда встречается с таким значением, хотя её вхождение в литературный кабардино-черкесский язык зависит от возможности её дальнейшей словарной кодификации.

ЕПЛЪЫН ПІАЛЪЭ (еплъ пІальэм), в значении «уделить время», вместо *зэман хухэхын*. Уэ *цІыхум еплъ пІальэм нэхърэ нэхъыбэ краскэм изоплъ зысІас, а килоитІ краскэм* (Щоджэн Э.) («Я сказала, что уделяю больше времени двум килограммам краски, чем он людям»). *Еплъын* в литературном языке имеет значение «смотреть», а уделить время – *зэман хухэхын*. Стоит отметить, что данный информатор употребляет слово *пІальэ* в значении «время», хотя в таких контекстах время – *зэман* (хронологическая длительность чего-л.), а *пІальэ* чаще всего встречается в значении «определенный промежуток времени, момент наступления». Например: *Дыгъуасэ Нальшык къипсэлъыкІащ: ма-хуитІ пІальэу удот, дзыхъ зыхуэдмыцІхэр «лъэныкъуэ егъэзын» хуейц* [ШэджихъэщІэ, 1987: 3] («Вчера звонили из Нальчика: даем два дня, тех, кому не доверяем, «нужно устранить»»). *ЕгъэджакІуэм еджакІуэм зэман хухи-хащ, темэ дигъэхуахэм кІэцІигъэхъэжсын мурадкІэ* (речение А.М.) («Учитель выделил время ученику, чтобы отработать пропущенные темы»).

ЕПЛЪЫН (зэреплъыр) в значении «признать, счесть кого-что-л.; кем-чем-л., каким-л.», вместо *къэлытэн*. *Ар абы и къуэ нэхъыцІэс, апхуэдэус зэреплъыр – Умар ди цІалэс, сэ дунем сыт сиІэми Умарс* (Щоджэн Э.) («Она считает его своим сыном, Умар наш мальчик, все, что у меня есть в этой жизни, – это Умар»). *Игы, пэжым ухуемэ, дэнэ цыІэ адыгэми проблемэихуитІ иІыу соплъыр сэ* (Хъэгъундокъуэ Я.) («Теперь, если сказать правду, я считаю, что у всех адыгов, где бы они ни жили, есть две проблемы»). В литературном языке слово *еплъын* употребляется в значении «посмотреть, увидеть, взглянуть на кого-то», а *къэлытэн* – «признать, счесть кого-что-л.; кем-что-л.». Например: *Сурэтым зыкъомыфІрэ еплъа иужькІэ Мухъэрбэч, хэгупсысыхъауэ, Къантемыр къеплъыжри жиІащ: «Дахэт, дахацэт, Къантемыр мы уи анэр»* [МафІэдз, 2014: 121] («Мухарбек, после долгого разглядывания фотографии, задумавшись, посмотрел на Кантемира и сказал: «Красивая, очень красивая, Кантемир, была твоя мама»»). *АрицхэкІэ, иджыпсту абы имычэзууэ къэлытэжри пцыхъэцхъэ хъухукІэ къегъэнэж* [Журт, 1987: 15] («Но посчитав, что сейчас не самое подходящее время, он откладывает это до вечера»).

ЕХЪУЭХЪУН (ину сынохъуэхъу) в значении «благодарить», вместо *фЫицІэ хуэицІын. Мыхуэду цІыху куэдым ялъэгъуну, сыкъацІыхуну ы-ы-ы мыхуэду зы зэман гуэрэ згъуэтаІыми, мыр сэ зэману къызэптуэ, мыбы цІ'ипсэу ди къуэишнэ сызэребгъэцІыхум ицхъа ину сынохъуэхъу* (Хьэгъундокъуэ Я.) («До сих пор не было случая увидаться, познакомиться с таким большим количеством людей, поэтому я очень благодарен тебе за то, что, уделив время, познакомил меня с нашими братьями, проживающими здесь»). В литературном языке *ехъуэхъун* употребляется только в значении «поздравить кого-л., пожелать добра». Благодарность выражают устойчивым словосочетанием *фЫицІэ хуэицІын*, в значении «благодарить, выражать благодарность». Например: *ХьэицІэр къэтэджыжри Дзадзунэ фЫицІэ хуицІаиц, дэкІыжыну зыицигъэхъэзырыжым, фызыр къыпэуаиц: «КхъыІэ, зы сыхъэт закъуэ зыгъэпсэху, мо пэи ицІыІэтыІэм пІэ пхуэсицІаиц»* [ШэджыхъэщІэ, 1987: 130] («Гость встал и поблагодарил Дзадзуну, когда решил уйти, женщина встала на его пути со словами: «Пожалуйста, хотя бы на один час прилягте, отдохните, я постелила вам в прохладной комнате»»). *Мурадин Шахимович къызбгъэдохъэри къызохъуэхъу, газетри къызетри збгъэдокІыж, «гуфІаицІэр зыщомыгъэгъуицэ», жиІэурэ* [Брат, 1988: 144] («Мурадин Шахимович подходит ко мне и поздравляет, отдает газету и уходит со словами «не забудь подарок за радостную весть»»).

ЖЫЖЭ/ (ЖЫЖЬЭ) (жыжэ слъагъуІым) в значении «различие, разница», вместо *зэицхъэицЫныгъэ. Сэ хэкум сыкІуам сеплъас ды хабзэм теухуау, ди псэуцІэм теухуау куэд зэпрычІым. Сэ апхуэдэу жыжэ слъагъуІым* (Щоджэн Н.) («Я, когда был на родине, сравнил наши обычаи и традиции и обнаружил, что различий мало. По сути, я почти не вижу разницы»). *Жыжъэу лъагъун* (букв. видеть далеко) в контексте дословно *я так далеко не вижу*, подразумевая *не видит разницы*. В литературном языке данные лексемы встречаются в разных контекстах. Например: *Абы [тенджыз] тет кхъухъыицхуэри нэхъ жыжъэ хъуху нэхъ цІыкІуи хъууэрэ, уафэ къаицхъуэмрэ тенджыз ицхъуантІэмрэ яку добзэхэж* [Къэрмокъуэ, 2007: 38] («Чем дальше уплывал большой корабль, тем море казалось меньше, скрываясь между го-

лубым небом и кораблем»). *Бэлиэвычымырэ къэзакъымырэ зэрызэщхъэщыкIыр тыншу къызгурылуащ* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 197] («Я легко понял различие между большевиками и казаками»).

ЖБЭДЭЛЪЫН (жбэдэлъууэ) в значении «зная», вместо *ицIэу*. *Зы унагъуэм зы сабий къыцыхуам бзиц жбэдэлъууэ къэтэгыфынус жыIыу зыцIыпIэ сыцегат* (Хбэгъундокъуэ Я.). («Я где-то читал, что с рождения ребенок может выучить три языка»). Глагол *жбэдэлъын* имеет значение «находиться во рту», *ицIэу/ицIэн* – «зная/знать». Например: *Ауэ а цэхур ицIэу дуней нсом тетыр зы цIыху закъуэц, анэкылъхум хуэдэу илгъагъу и ныбжбэгъу Къэрэжаниц* [Журт, 1987: 9] («Лишь один человек в мире знает эту тайну, это ее подруга Каражан, которую любит, как родную»). *ПкIэлъей еупсеям докIуей Дарыкъуи, Берд жбэдэлъ хъыданыр къыжбэдечыж* [Нало, 2014: 188]. («Дорого поднимается по прислоненной лестнице и срывает тряпку во рту у Берда»).

ЗАХУЭ (захуэс) в значении «правильно», вместо *тэмэм*. *Ныги Iейуэ сэрчIэ захуэс мы гупсысэр* (Арымбек А.) («Сейчас я считаю эту мысль очень правильной»). В литературном языке лексема *захуэ* имеет несколько значений: 1) прямой, ровный, гладкий; 2) *перен.* невиновный; 3) *перен.* правый, справедливый (по отношению к кому-л.). *Тэмэм* употребляется в значении «точный, верный, правильный». Например: *ИкъукIэ тэмэмц жыпIа псори, тэмэмц къанэ щымыIэу* [Журт, 1987: 62] («Все, что ты сказал, правильно, без исключения»). *ЗэрыкъуаниэмкIэ зэрызиумысыжымкIэ Къантемыр зыкъомкIэ захуэт* [Мысачэ, 1991: 147] («Кантемир был прав в том, что признавал свою вину»). *ИцIы захуэм дауэ уцыджэлэнт, – игъэцIэгъуащ начальником, – мацэ иIэкъым, дакъэ щылькъым* [ШэджихъэцIэ, 1987: 25] («Как можно было упасть на ровном месте – удивился начальник – нет ни ям, ни препятствий»).

ЗЭДЭЩЫГЪУУ КIУЭН (зэдэщIыгъуурэ кIуаси) в значении «быть ровесниками, сверстниками», вместо *зэныбжбъын*. *Ар адре си пхъурылхуhэри соцIыхур сэ, ahэр здэщIыгъуурэ кIуаси* (Щоджэн Ф.) («Я его знаю, так как он ровесник моих внуков»). В данном контексте информатор использует слово-

сочетание *зэдэцИыгъуурэ кІуэн* (букв. *идти вместе*), подразумевая по возрасту одинаковые, вместо *зэныбжь* «ровесник». Например: *А «дэ хьыджэбз цІыкІухэр» абы жиІамэ, тхьэмыцкІэм и гугъэжт ебгъуанэ классыр къэзыуха къудей сэрэ езымрэ дызэныбжьу, тІури зэхуэдэу дыцІалэ къафІигъэцІыфу* [Мысачэ, 1991: 28] («Когда она говорила «мы девочки», ей, бедной, казалось, что я только что окончившая девятый класс, и она – ровесницы, пытаюсь представить обеих нас одинаково молодыми»). *ГъэмахуэкІэрэ къокІуэж и къуэиэхэм я дежи, Іэхуэ лыцІэхэм ядэцІыгъуу Къуицхьэхъуиэхуэм макІуэри, щакІуэу махуэхэр егъакІуэ* [Дыгъужь, 2011: 68] («Каждое лето приезжает к братьям, вместе с пастухами едет в Кушхаху (горное пастбище) и целыми днями охотится»).

ЗЭПКЪРЫЛЪЫН (зэпкърылъс) в значении «состоит», вместо *зэхэтын*. *Мы тхыль цІыкІур цыуэ зэпкърылъс, Нарт* (Къуицхьэ І.) («Нарт, эта маленькая книга состоит из трех частей»). *Зэпкърылъын* в метрополии употребляют в значении «быть соединенным, скрепленным», а *зэхэтын* в значении «состоять». Например: *Мы полкхэр лъэпкъ цхьэхуэ-цхьэхуэу зэхэтт, дэтхэнэми езым и лъэпкъ фацэр цыгъыжу* [Шортэн, 2016: 520]. («Эти полки состояли из разных народов, каждый из которых был одет в свою национальную одежду»). *Сабийр зэрыджэгу хьэпшыпыр Іыхьэ цІыкІуурэ зэпкърылът* (речение А.М.). («Игрушка, с которой играет ребенок, состоял из маленьких деталей»).

ЗЭПРЫКІЫН (зэпрычІым) в значении «различаться», вместо *зэцхьэцыкІын*. *Сэ хэкум сы(цы)кІуам сеплъас ды хабзэм теухуау, ди псэуцІэм теухуау куэд зэпрычІым* (Щоджэн Н.) («Когда я приехал на родину, понаблюдав за этикетом, с нашим образом жизни больших различий нет»). В литературном языке *зэпрыкІын* «перейти через что-то, протянуться через что-л», а в значении «различие» (как в речи респондента) в метрополии используют слово *зэцхьэцыкІын* «различаться». Например: *Школым узрагъаджэмрэ мыхэр къызэроупцІымрэ Налиыкрэ Акунрэ хуэдэу зэцхьэщокІ* [Къэрмокъуэ, 2004: 59] («То, чему учат в школе и что здесь спрашивают совершенно разные, как Нальчик и Акун»). *Ахэр псытцІэ цІыкІу зэпрыкІхэри мэз тІэкІум хэкІахэц, къуажэм хуэзышэну гъуэгуиэхуэм теувахэц*

[Къашыргъэ, 1957: 64] («Они перешли через небольшую лужайку, вышли из леса и направились по большой дороге в сторону села»).

ЗЭПХЫРЫКЫБЖЭ (зэпхырыкыбжэ) в значении «дверь между смежными комнатами», вместо *кӀуэцӀрыкыбжэ*. УнэмкӀэ зыпхырыкыбжэ иӀыу, цхьэхуу уцӀыхьэ хьуу хьэцӀэц зимыла дахэ-дахэу унагъуэ цыӀэӀым мыбы [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Здесь нет таких семей, у которых не имелись бы гостевые, в которые можно было бы зайти через внутреннюю дверь из дома, или же, из основного входа»). В литературном языке *зэпхырыкыбжэ* как одна лексема отсутствует, следует предположить, что она в диаспоре образовалась словосложением *зэпхрыкыӀын* «пройти сквозь что-л» и *бжэ* «дверь», то есть дверь, проходящий сквозь что-л., а *кӀуэцӀрыкыбжэ* «дверь между смежными комнатами». Например: *Абыхэм кӀуэцӀрыкыбжэу пэшитӀ къыхахри, пэӀуцӀэм Чамилрэ Аслъэнрэ, пэи жьантӀэм МэчрэӀил цыгъуэльац* [Къэрмокъуэ, 2004: 264] («Они выбрали две смежные комнаты, в первой комнате Чамиль с Асланом остановились, в главной – Мачраил»).

ЗЭПХЪЭКЫН (зрпхъэкыурэ) в значении «оставить позади», вместо *ди ужькӀэ къэгъэнэн*. Адыгэхэм хьэдэ зрпхъэкыурэ къэкӀуас [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1077] («По дороге сюда адыги оставляли позади себя много умерших людей»). В литературном языке глагол *зэпхъэкыӀын* имеет значение «рассыпать что-л.», а *къэгъэнэн* «оставить». Например: *Джылахъстэн, Маржынэт и цӀалэ нэхьыжь цӀыкӀур, и анэм бгъэдэсыну къагъанэри нэхьыцӀэ цӀыкӀуитӀыр нэхъапэм здэцыла зеиниэ унэм яиэжат* [Журт, 1987: 3] («Джилахстана, старшего сына Маржинат, оставили с матерью, двух маленьких обратнo отвезли в детдом»). *Нанэ нартыхуыр джэдэхэм яхузэрпхъэкӀац* (речение А.М.) («Нана кукурузу рассыпала курам»).

ЗЭЦӀЭКЪУЭЖЫН (зэцӀэскъуэжауэ) в значении «собрать», вместо *зэхуэхъэсыжын*. *Фацэ, дыцэидэ, жьы дьдэ хьуау, цэчӀһэри тӀэкӀу течӀыжауэ, зауэм ехьэлӀау къамэ хуэду, сэихуэ хуэду куэдӀей зыцӀэскъуэжауэ, адыгэм ӀэцӀрелъыж, зи мыхьуами, сиӀыс зыкъом* (Къущхьэ Д.) («Я собрал черкески, старые вышивки, выцветшие ткани, кинжалы, сабли – много есть, пусть хра-

нится у адыгов»). *Иужьым а зэцІэскъуэжса уэрэдхэм щыц е хъэгъуэлІыгъуэу, е нэгъуэцІыпІэ ныбжъэгъу гу зэхэсхмэ, зы едзыгъуэ, едзыгъуитІ къыхэздзэмэ, яфІэгъэцІэгъуэну Іейуэ* (Къущхъэ Д.) («Когда исполняю песни на свадьбах или куплет в машине, которые собрал позже, друзья с удивлением слушают»). В литературном языке глаголы *зэцІэжъуэжын* «снова собрать *кого-что-л.* в одном месте», *зэхуэхъэсыжын* «собрать *что-л.* в одном месте» означают «собрать», но в первом случае «повторно собираем» то, что было до этого когда-то собрано, а во втором – *зэхуэхъэсыжын* собираем *что-то* разбросанное в одном месте. Например: *ИкІи Исуф и щэ иралъхъащ унагъуэ цэ ныкъуэ хуэдиз зэцІикъуэу тІуащІэм иришэхьну, абы жылэу щигъэтІысыну* [МафІэдз, 2014: 98] («Исуфу поручили около пятидесяти семей собрать и отвести в междуречье, чтобы там образовали село»). *Ахъмэд мыщэфэр трихьу, ар икъужу и щыІэм къыщекІуэлІэжсам, махуэ кІыхьым иригъэзэша дыгъэм и иужьрей бзий махэхэр зэцІикъуэжри къуриш къуагъым зыкъуигъэщыцІуэжсам...* [Абазэ, 1994: 54] («После того, как Ахмед снял шкуру медведя, распялил ее и вернулся в шалаш, день уже клонился к закату, солнечные лучи спрятались за горы»).

ЗЕГЪЭКІУЭН (зэрызедгъэкІуэnum) в значении «проводить», вместо *егъэкІуэкІын*. *Г'эгур хабзэм тету зэрызедгъэкІуэnum яужь дитс* (Акбай И.). («Мы стараемся проводить танцы по этикету»). В литературном языке *зегъэкІуэн* употребляется в значении «учить ходить; шевелить; водить *что-л.*», а в значении «проводить» используют *егъэкІуэкІын*. Например: *Къуажэм лъэпкъыу дэсым я нэхъыжъ, нэхъ зэфІэкІ зилэ зырыз хэту илъэс къэскІэ зы зэІуцІэ егъэкІуэкІын хуейт* [Къэрмокъуэ, 2004: 80] («Каждый год нужно было в селе проводить встречу со старшими с каждого рода, а также с некоторыми преуспевающими»). *Анэм сабийр зэрегъакІуэ* (речение А.М.) («Мать учит ребенка ходить»).

ЗЕХЪЭН (зызохъэ) в значении «использовать», вместо *къэгъэсэбэтын*. *Сэ сыщытхэчІэ джэ псалъэр зызохъэ* (Токъмакъ А.) («Когда пишу, я использую слово «джэ»»). *Си унагъуэм дыщыпсалъэкІэ адыгэбзэр зыдохъэ* (Гусер Р.) («Когда мы дома разговариваем, используем кабардинский язык»). *Зехъэн* в

словаре [АП, 1999: 272–273] имеет семь значений, наиболее близкие к контексту «носить, хранить, *перен.* пользоваться чем-л.». *Къэгъэсэбэпын* в литературном языке имеет значение «использовать *кого-что-л.*». Например: *ЩЦэныгъэри* *Іэзагъри* *Іэджэ* *мэху*, *зым* *Іумахуэу* *къегъэсэбэпыф*, *адрейм* *архузэфІэкІыркъыми* *мэфыгъуэ* [МафІэдз, 2014: 143] («Люди обладают разными знаниями и умениями: один умело применяет их, другой не умеет, и это вызывает зависть у последнего»). *Щыхъэт* *ухуеймэ*, *еуицІ* *си* *анэм*, *уэ* *пицІыгъуу* *къыкІыцІадза* *тхылъымпи* *Іэ* *кІапэр* *абы* *нобэми* *зрехъэр* [Абазэ, 1994: 110] («Если хочешь свидетелей, спроси у моей матери, она до сих пор хранит листок, который подкинули вместе с тобой»).

ИН (иныр) в значении «старший», вместо *нэхъыжъ*. *Иныр* *Джамбек*, *ари* *Налшык* *къэкІуас* (Жылэхъэж А.) («Старший Джамбек, он тоже был в Налчыке»). В литературном языке *ин* используют в значении «большой, огромный», а *нэхъыжъ* – «старший». Например: *Къамбот* *и* *псалъэхэм* *зыри* *пимыдзыжу* *Мусльимэт* *ицІокІ*, *Къантемыр* *и* *къуэи* *нэхъыжъым* *къыхуриджэну* [Мысачэ, 1991: 150] («Муслимат выходит, ничего не сказав в ответ на слова Камбота, чтобы позвать Кантемира к старшему брату»). *Дыгъэр* *нэхъ* *гуащІэ* *ху* *пэтми*, *къуришым* *иль* *уэсыр* *нэхъыбэу* *ткІурт*, *псыежэхри* *нэхъ* *ин* *хъурт* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 333] («Чем сильнее припекало солнце, снег на вершинах гор таял больше, уровень воды в реке становился больше»).

ИНУ (ину къогубжъыр) в значении «сильно» вместо *хуабжъу* (*икъукІэ*). *Шогэнһэ* *япхъуһэр* *къыицыгубжъым* *дей* *ину* *къогубжъыр* (Щоджэн Э.). («Когда дочери Шогеновых сердятся, они сильно сердятся»). Лексема *ин* в кабардино-черкесском литературном языке употребляется в значении «большой, значительный, взрослый, сильнее, громко и т.д.». Но в приведенном примере уместно *хуабжъу* в значении «сильно, очень». Лексема *ину* в значении «громко» употребляется в литературном кабардино-черкесском языке: *Зубер* *ину* *псалъэрт*, *блэкІми* *къыблэкІыжми* *зэхахын* *хуэдэу* [ХъэхъуащІэ, 1996: 10] («Зубер разговаривал громко, чтобы все слышали»). *Лым* *и* *ицхъэр* *иригъэзыхри*

хуабжъу гупсысац, яритыну жэуаныр къехьэльэкIыу [КIэрэф, 2009: 230] («Мужчина опустил голову и сильно задумался, затрудняясь в ответе»).

ИПЭ ИТЫН (ипэ дыдэ иту) в значении «лучше всех», вместо *псом нэхьыфIу*. Токулыри, лисэри сызыщегэ мэктыбым ипэ дыдэ иту сухас (Щоджэн Э.) («И школу, и лицей, где я училась, закончила лучше всех»). В литературном языке *ипэ итын* имеет значение «стоять (находиться) впереди всех», а в контексте речи информатора уместно *псом нэхьыфIу* «лучше всех». Примеры из литературного языка: *Лыхэр ипэ итт, бзылхугъэхэм хэти и сабийм и Iэпэр иIыгыу зриубыдылIэжат, хэти и сабийр и IэплIэ тест* [Дыгъужь, 2011: 134] («Мужчины шли впереди, некоторые женщины своих детей держали за руки, а некоторые – на руках»). *ЩIалэр псом нэхьыфIу еджац* (речение А.М.) («Парень учился лучше всех»).

ИЩХЬЭ (и щхьэ) в значении «важнее, главнее», вместо *нэхьыцхьэ*. *Iуохум ицхьэ дыдэр, зы алфэбэ яIэн хуес* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1076]. («Для нас самое главное – иметь единый алфавит»). В литературном языке *и цхьэ* имеет значение «верх чего-л.», вместо *нэхьыцхьэ* – «главное». Например: *Абы хэт сымэ тесми ицIэртэкъым Нажмудин, ауэ аратэкъым ицIалэм дежкIэ нэхьыцхьэр* [Журт, 1987: 177]. («Нажмудин не знал, кто там находится, для него не это сейчас было важно»). *Жэц кIыфIхэм мэракIуеицхьэм дыгъурыгъуу къыщоджэ: ну-ну! ну-ну! – жиIэурэ* [Нало, 2014: 162] («Темной ночью на верхушке тутового дерева сова кричит: ну-ну! Ну-ну!»).

КУЭДУ (куэду) в значении «очень», вместо *икъукIэ*. *Сэ ар куэду сигу ирохьыр*. (Ярум Г.) («Он мне очень нравится»). В словаре наречие *куэду* имеет несколько значений: «очень, в большом количестве» [АП, 1999: 328], но в литературном языке и в разговорной речи чаще встречается в значении «в большом количестве», а *икъукIэ* нареч. в значении «очень, слишком», имеет усилительное значение, поэтому в приведенном примере уместно употребление *икъукIэ*, вместо *куэду*, так как эта лексема показывает, насколько сильно кто-то или что-то нравится. Например: *Iэц и мацIэу, мэкъу и куэду Суюнбэч и цIэу къуажэм зы лIыжъ дэсти хуэкIуац, гъэр къэсрэ тиупцIмэ иритыжыну*

мэкъу щыхуэ кыыхыну [Брат, 1988: 180] («В селении жил один старик по имени Суюнбеч, у которого было мало скота, но много сена, он пришел к нему, чтобы взять в долг сено, пообещав вернуть его после сенокоса»). *Мырзэ утыкум кьоувэри икьукIэ псалъэ хьэлэмэтхэр жеIэ, усэ защIэу зэхэлъу* [Кышокъуэ, Т. 3, 2005: 670]. («Мирза встает посередине комнаты и произносит очень интересные слова в виде стихов»). *Ар икьукIэ фIыц, апхуэдэу уи адэ-анэм уи нэIэ ятету уазэрыхуэгумащIэр* [Мысачэ, 1991: 78] («Это очень хорошо, что ты так трепетно относишься к своим родителям»).

КIЭЛЪЫКИУЭН (кысчIэлъыкIуэ) в значении «догнать» *кIэщIыхьэн*. Сэ *кысчIэлъыкIуэ зыи щымыIэу седжас* (Щоджэн Э.) («Я училась так, что никто не мог меня догнать»). В литературном языке *кIэлъыкIуэн* употребляется в значении «следовать за кем-либо», а *кIэщIыхьэн* «догнать» Например: *Те-мыркъанри абы кIэлъокIуэри щIохъэ* [ЩоджэнцIыкIу, 1962: 101] («Темиркан тоже идет за ним и заходит»). *Си ныбжсьэгъур оценкэкIэ кыскIэщIыхьащ* (речение А.М.) («Мой друг догнал меня по успеваемости (оценкам)»).

КИУЭЦИ (кIуэцIым) / ЩЫПУ (щIыIум)/ ЩЫБ (щIыбым) в значении «нателное белье», «одежда», «верхняя одежда», вместо *щIагъщIэлъ, щыгъын, щIыIутелъ*. *ЩэчIыр топ-топыуэ кыицэхути дэрбзэрыр унэм къа-иэти ар зы мазэчIэ щыIуэ си кIуэцIым щыстIагъэнур, си щIыIум щыстIагъэнур, си щIыбым кыдалъхьэнур, ахэр схуидти* (Щэджэн Э.) («Ткань покупала рулонами, приглашали портниху и она, пребывая у нас в течение месяца, нижнюю одежду, верхнюю одежду, накидку на спину – все это мне шила»). В литературном языке *кIуэцI* «внутренность чего-то», *щIыIу* «верх, поверхность чего-л.», *щIыб* «спина или задняя сторона чего-л.». Изменение семантики здесь вызвано схожестью, например, *кIуэцI* «внутренняя часть», значит это белье, *щIыIу* – это поверх – значит одежда, а *щIыб* – спина, следовательно – верхняя одежда. Примеры из художественной литературы: *Унэ кIуэцIыр лъапэнэху къудейт, псымэр кыицIыхт, гъэмахуэпэ дуней фIэрафIэм иужькIэ щIалэ цIыкIум кыфIэцIащ зэгурми зыщIэмышьа бгъуэницIагъ кIыфI псылэм кыицIэхутауэ* [Дыгъужь, 2011: 18] («Внутри дома

было слабое освещение, пахло сыростью, после расцветающей ранней летней погоды мальчику показалось, что очутился в темной сырой пещере»). *А сурэ-тым и щыИрукIэ тетхащ:* «Майм и нэ кыхуэ социалистическэ зэхъэзэхуэ» [ЩоджэнцIыкIу, 1962: 135] («На фотографии надпись: «Первомайское социалистическое соревнование»). *Ахэр кыщыгушам хъэкум мафIэшхуэ илт, лы гуэри, и щыбыр кьэгъэзауэ, нэщашэу щыст* [Журт, 1987: 135] («Когда они проснулись, в печи еще горел огонь, и какой-то мужчина сидел, повернувшись спиной копошилась»).

КЪЭБЖЫГЪЭ (кьэбжыгъэр) в значении «количество», вместо *бжыгъэ*. *Гу кьуэпсхэр и ш'ытычIэр нэхь гугъу, кьэбжыгъэр нэхь куэд* (Шурдум Г.) («Строение сердечных клапанов сложное, их большое количество»). В литературном языке лексема *кьэбжыгъэ* отсутствует, но функционирует глагол *кьэбжын* «сосчитать, подсчитать». Информатор подразумевает количество сердечных клапанов, в таком контексте уместно использовать *бжыгъэ* в значении «количество». Например: *Щэрданхэ нэхь бей Щхэлмывэкъуэ дэс нэтми, уэлэхьы, абы шыуэ яIэм и бжыгъэр езы Берд имыщIэж* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 192] («Хотя Шардановы самые богатые в Шхалмивоко, валахи, сам Берд не помнит количество своих лошадей»).

КЪЭГЪЭЩЫН (кьэгъэщIауэ) в значении «придумать», вместо *кьэгупсысын*. *Ар сэ кьэгъэщIауэ зыгуэрэIым* (Шурдум Г.) («Это не что-то придуманное мною»). *КьэгъэщIын* в литературном языке употребляется в значении «создать, сотворить», а *кьэгупсысын* – «придумать, изобрести». Чаще всего используют в значении «придумать что-л.». Например: *Азбукэу дунейм тетыр кьэзыгупсысар езыр ара хуэдэу, Долэт псоми я дамэм тоуIуэ* [Кыщокъуэ, Т. 3, 2005: 507] («Долат всем постукивал по плечу, как будто азбуки во всем мире придумал сам»). *Льагъуныгъэр кьэзыгъэщIыр Тхъэриц, ар зыхуигъэфациэри нэхьыфI дыдэу илгъагъу зырызыххэриц* [Кьэрмокъуэ, 2004: 273] («Любовь создает Всевышний, он одаривает им единицы, которых любит»).

КЪЭСЫН (кьыздэсыр) в значении «исполнилось», вместо *ирикъун/хъун/итын*. *ЦыкIур тхус кьыздэсыр* (Жылэхъэж А.) («Младшему

исполнилось всего пять лет»). В литературном языке *къэсын* «приближаться; доходить, достигать; прибывать», а *ирикъун* – «исполниться». Например: *Ахъ-ей емыкIу, адрейхэри мыгувэу къэсынуиц* [Мысачэ, 1991: 166] («Конечно не пристойно, другие скоро придут»). *Си анэихуэр щылIам, дадэ и ныбжбыр зэрыхъур илгъэс тIоуцIрэ тхурэт* [Абазэ, 1994: 226] («Когда не стало моей бабушки, дедушке было всего двадцать пять лет»).

КЪЭТЭДЖЫН (дыкбыщитэджас) в значении «вырасти», вместо *къэхъун*. *Ахуэду дыкбыщитэджас, яни дэх-дахыу сцIыхуIым* (Февзие С.) («Мы росли так, поэтому мало об этом знаем»). *Къэтэджын* в литературном языке в первом значении «встать, подняться», а в переносном «расти, развиваться (о молодом поколении)», но в данном контексте уместен глагол *къэхъун* (*дыкъэхъуаиц*) «расти, развиваться / мы росли». Например: *Абы [расписанэм] итиц укбыщитэджынури, уцыицхэнури, занятэм уцыкIуэнури, щыбухынури, уцыгъуэлгъыжынури – псори сыхъэт бжыгъэкIэ итт* [Кыщокъуэ, Т. 3, 2005: 253] («В нем [расписании] указано, когда вставать, когда есть, когда идти на занятия, когда заканчивать и когда ложиться спать – все было расписано по часам»). *Фэ, иджы къэхъу цIалэгъуалэр, фызыгъэшынен щыIэ сымти!* [Мысачэ, 1991: 158] («Разве вас, нынешнюю молодежь, что-то пугает?!»).

Слово *къэтэджын* в значении «вырасти, встать на ноги», вместо *зыужьын*, отмечено в речи другого информатора: *Къэрхъэлыкъ дылэнхъуэри абы сыкбыщыхъуас, ин сыицыхъуас, сыкбыщитэгас* (Къущхъэ I.) («Мы переселились в Кархалик, там я вырос, повзрослел, встал на ноги»). В литературном языке *къэтэджын* значит «встать, подняться», а в переносном значении «расти, развиваться (о молодом поколении)». В данном контексте подразумевается *совершенствование в указанной местности*. Глагол *зыужьын* в метрополии имеет значение «развиваться, совершенствоваться». Например: *Сабийм и джэгукIэм елгытаиц и IэкългъэкъкIи и акъылкIи зэрызиужьынури* [Дыгъужь, 2011: 50] («От того, как играет ребенок, зависит его физическое и умственное развитие»).

КЪЭХЪУН (щІалэ кыыщыхъум) в значении «родиться», вместо *къальхун*. *Нихъэт щІалэ кыыхуэхъуас, ау и цхъэгъусэр дунем ехыжас, щІалэр кыыщыхъум цыгъуэ цыжиІым* (Щоджэн Ф.) («У Нихат родился сын, но при родах супруга умерла»). *Къэхъун* в литературном языке употребляется в значении «вырасти, подрасти, возникнуть, наступить, бывает», а *къальхун* (кыыху-альхуаш) – «родиться». Например: *Гъэмахуэ шылэм къэхъу щІыІэм ухуэбэлэ-рыгъ хъунукъым, зыхуэсакъыж* [Къэрмокъуэ, 2007: 273] («Нельзя быть неосмотрительным к холоду, который бывает в самое жаркое время лета, береги себя»). *ЩІалэ нэ цІу цІыкІуу Лу кыыщальхуа махуэм къуажэм ягу имыкІыжын Іэджи кыыщыхъуащ* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 3] («Когда родился Лу со сверкающими маленькими глазами, в селе случилось многое, оставшееся в памяти навсегда»).

КЪЕГЪЭУБЫДЫН (кыыщомыгъэубыду щытмэ) в значении «научить, привить», вместо *егъэщІэн*. *ИтІанэ сым хуэдизчІэ ебгъагъми, унагъуэм бзэр кыыщомыгъэубыдыфу щытмэ, Іейу гугъус* (Къущхъэ Д.) («И еще, как бы ты не учил, если в семье не научить языку, то очень сложно»). В литературном языке слово *къегъэубыдын* каузатив к слову *къэубыдын* имеет несколько значений: 1) поймать *кого-что-л.*; 2) захватить, занять, завоевать *что-л.*; 3) охватить, включить в себя; 4) находиться с кем-л.; 5) перен. изобличать *кого-л.*, уличить в *чем-л. кого-л.*; 6) перен. сделать *кого-л.* своим сообщником, подкупить; 7) уловить, понять, схватить *что-л.* [АП, 1999: 375]. Например: *Ар хуабжъу хуэ-пІащІэрт бандэр икІэщІыпІэкІэ кыубыдыну* [Журт, 1987: 69]. («Он очень спешил, чтобы поскорее поймать бандитов»). Ни одно из значений не подходит приведенному примеру, так как в контексте информатор говорит о важности изучения языка в семье. Лексема *егъэщІэн* в значении «научить»: ...*Къуажэм дыкІуэурэ цІыхубз унагъуэ зезыхъэм еджэкІэрэ тхэкІэрэ едгъэщІэну тетрадь, къэрэндащ кыитхуигуэшащ* [Кыщокъуэ, 1969: 528] («Раздали тетради и карандаши и отправили в село, чтобы научить домохозяек читать и писать»).

КЪРИКИУЭН (дыкърөкIуэ) в значении «жить», вместо *къэгъуэгъурыкIуэн*. *Ди хабзэкIи ди намыскIи дызэрыIыгъыу дыкърөкIуэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Мы живём в соответствии с этикетом, в почитании и уважении»). В литературном языке *кърөкIуэн* употребляется в значениях «идти по чьему-то следу или быть результатом чего-либо», а *къэгъуэгъурыкIуэн* «жить, существовать». Например: *[Бекъан и гъусэхэм яжреIэ:] ИгъащIэми дызэгъунэгъуу дыкърөгъуэгъурыкIуэ* [Кыщокъуэ, Т. 4, 2006: 269] («[Бекан в обращении к собеседникам:] Всю жизнь живем по соседству»). *Абы [шым зэрышэсам] кърөкIуа нэцхъеягъуэ иным и гугъу цытыцIыни дихуэнц* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 259] («Настанет время, когда расскажем о большом горе, которое случилось из-за того, что она села верхом на лошадь»).

КЪЫЛЬЭIЭСЫН (къысльэIэсу) в значении «найти, подыскать», вместо *къыхуэгъуэтын*. ...*Сыт сыхуейми къысльэIэсу сыпсэуа* (Щоджэн Э.) («Чтобы я ни захотела, мне все находили»). *КъыльэIэсын* в литературном языке употребляется в значении «дотянуться, дотронуться до чего-л.», а *къыхуэгъуэтын*, что подразумевается в контексте информатора – «находить что-л. для кого-л.». Например: *МыIэрысей иным и жьауэр унэми куэбжэми яльоIэс* [Мысрокъуэ, 1962: 66] («Тень от большого яблоневого дерева доходит и до дома, и до ворот»). *ПсыницIэу билетхэр зэрыт тхыль цIыкIур зэрегъэдзэкI, Сэнят лъыса номерыр къегъуэт...* [Мысрокъуэ, 1962: 189] («Быстро листает маленькую книжку с билетами, находит билет, который достался Саният...»).

КЪЫХЭЩЫПЫКIЫН (къыхэщыкIын) в значении «выбрать», вместо *къыхэхын*. *Псори незгъэхъас, узыхуер къыхэщыпычI* (Щоджэн Э.) («Все от правила, выбери что тебе нужно»). В литературном языке *къыхэхын* и *къыхэщыпыкIын* имеют значение «выбрать, отобрать из множества». В зависимости от контекста, употребляют как *къыхэщыпыкIын*, так и *къыхэхын*. Например: *Жылапхъэу трапхъар цыгъэм хуэдэу къыхащыпыкIащ* [Мысрокъуэ, 1962: 188] («Засеянные семена отбирали, как бусинки»). *Абы [компьютерым] зы секундым мелуанитху нэгъунэ зэпэлъытыныгъэу, зэгъэпцэныгъэу зэфIегъэкIри нэхъ икIуэрабгъу дьдэр къыхех* [МафIэдз, 2014: 170]

(«Он [компьютер] за одну секунду выполняет около пяти миллионов расчетов, сравнений и выбирает наиболее подходящий вариант»).

КХЪАЩХЪЭДЭСЭ (кхъащхъэдэсэхэр) в значении «памятник», вместо *сын*. *Кхъащхъэдэсэхэр зэрыщытар анхуэдэс* (Къущхъэ I.) («Памятники были такими»). В диаспоре *кхъащхъэдэсэ* образовалось соединением трех слов *кхъэ* (могила) + *щхъэ* (голова) + *дэсэн* (посадить), чему в метрополии соответствует *сын*, в значении «памятник». В словаре кабардино-черкесского языка есть словарная статья *кхъащхъэдэсэ* «столбик у изголовья могилы» [СКЧЯ, 1999: 479], что и сейчас в диаспоре используют в значении «памятник», вместо *сын*. Например: *Пхъэ сынхэр, кхъащхъэдэсэхэр зэманым игъэщыщ, игъэщыхащ* [МафIэдз, 2014: 37] («Деревянные надгробные памятники, столбики со временем сгнили, раскрошились»). *Фэеплъ сыным и лъабжъэм къыдекIуэкIыу удз гъэгъа Iэрамэхэр тельт* [КхъуэIуфэ, 1977: 226] («Вокруг основания памятника лежали букеты цветов»).

ЛЪАГЪУН (слъагъур) в значении «считать, думать», вместо *къэлъытэн*. *Сэ си гупсысэчIэр, сэ игъуэу слъагъур мыраси, япэм ахуэду слъагъутэIым* (Февзие С.) («Я сейчас думаю так, считаю так правильным, раньше я так не думал»). В литературном языке *лъагъун* «видеть, воспринимать зрением», а *къэлъытэн* «считать, думать», в зависимости от контекста. Например: *Куэд дэмыкIыу, Шорэ зыщIэлъ пэшым и щхъэгъубжэм Iугъуэмей къыдыхуу елъагъу Бэчмырзэ* [Шортэн, 2016: 19] («Вскоре Бекмурза видит, как из окна комнаты Шоры идет едкий дым»). *Абул къызэрилъытэмкIэ, бжыхъыр Iуптхэрэ пицIантIэ дыдэм удыхъэмэ нэхъыфIт, арищхъэкIэ ар Дисэ идакъым* [КIыщокъуэ, Т. 2, 2005: 143] («По мнению Абула, лучше было выломать ограду и зайти во двор, но Диса не согласилась»).

ЛЪАНДЭРЭ (лъандэрэ) в значении «до этого времени», вместо *нэсыху*, *хъуху*. *Нэжмэтин и адэр алтыз докуз лъандэрэ псэуас* (Февзие С.). («Отец Нажметина прожил до шестидесяти девяти лет»). В литературном языке *лъандэрэ* послелог «с, со», *нэсыху*, *хъуху* «до какого-то времени». Например: *ЗэрыцIыкIу лъандэрэ а тIур зэныбжъэгъуихуэт, зэдэджэгуу, зыр зым*

къыщхъэщыту, сьт ищIысри зэраIуэтылIэу [МафIэдз, 2014: 7] («Они с детства хорошие друзья, вместе играли, защищали друг друга, делились всем»). *Лэжьэгъуэ зэманым жьыи ицIэи губгъуэм итт, дьгъэр къыщыщIэкIым ищыцIэдзауэ дьгъэр щыкъухъэм нэсыху* [КхъуэIуфэ, 1977: 178] («В рабочее время и стар и млад были на поле, от рассвета до заката»).

Слово *лъандэрэ* в значении «уже», вместо *хъуауэ* встретилось в речи другого информатора: *МазитI лъандэрэ срахъэщIэс, си ныбжьыр ищI мэхъу* (Къудей Н.). («Уже два месяца, как у них в гостях, мне восемьдесят лет»). В литературном языке встречаются и *лъандэрэ*, и *хъуауэ*, но они употребляются в разных контекстах, не являются взаимозаменяемыми и не образуют синонимический ряд. *Лъандэрэ* послелог в значении «с, со», а *хъуауэ* в значении «уже». Например: *Зы заул хъуауэ Сэнят еджанIэм кIуэжстэкъым* [Мысрокъуэ, 1962: 15] («Некоторое время Саният уже не ходила на учебу»).

ЛЪАПIЭ (*лъапIу сипIас*) в значении «хорошо», вместо *фIыуэ*. *Си адэ шыпхъум сэ Iей лъапIу сипIас* (Щоджэн Э.) («Тетя (по отцу) очень хорошо меня вырастила»). *Куэду лъапIу сегас сэ* (Щоджэн Э.) («Я очень хорошо училась»). *ЛъапIэ* в литературном языке – «дорого», в контексте подразумевается «хорошо», «ни в чём не нуждаясь», вместо *фIыуэ*, *зыми сыщымыщIэу*. Например: *Пэшу зыщIашар зэлъыIухат: алэрыбгъу лъапIэхэр унэ лъэгухэм идзат, блыным алэрыбгъу фIыцIабзэр пылт* [Хьэкъун, 1974: 88-89] («Комната, в которую завели, была убрана: на полу лежал дорогой ковер, на стене висел черный ковер»). *Си адэ-анэм зыри дыхуэмыныкъуэу данIащ* (речение А.М.) («Мои родители воспитали нас, ни в чём не нуждаясь»).

Лексема *лъапIэу* этот же информатор использует в значении «престижный», вместо «*ицIэ зиIэ*». *Ар Iей лъапIэу унверстетс ар* (Щоджэн Э.) («Это очень престижный университет»).

ЛЪЭЩIЫЖЫН (*слъэщIыжащ*) в значении «удалить», вместо *тегъэкIыжын*. *Пцэдгыжъым тришэу зримыдзыфыр, зримыгъэкIуэфыр щыслъагъум слъэщIыжас, езым дахэу макъчIэ сепсэлъэнс зысIэри* (Токъмакъ А.) («Утром, когда увидел, что крутится и не пересылает, удалил,

решил позвонить и так поговорить»). Лексема *лъэщІыжын* в кабардино-черкесском литературном языке употребляется в значении «что-то вытереть, убрать лишнее, ненужное», а *тегъэкІыжын* – «стереть что-то, уничтожить». Например: *И Іунэр и ІэцхъэмкІэ елъэщІыжри бжэмкІэ макІуэ* [КЫЩОКЪУЭ, Т. 2, 2005: 205] («Рукавом вытирает рот и направляется к двери»). *ЕджакІуэм доскам тетыр тригъэкІыжащ* (речение А.М.) («Ученик стер с доски то, что было там»).

МАЩІЭ (мащІэ) в значении «трудно», вместо *гугъу*. *Ахъшэ зимыІэм и Іуохур нэхъ мащІэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071] («Тем, у кого нет денег, тяжело»). В литературном языке *мащІэ* употребляется в значении «мало», *гугъу* – «трудно». Например: *Сондэдджэр бейм мащІэ къеІыпхмэ, къы-тригъээзжурэ сондэдджэракІуэ къэкІуэнуц* [Шортэн, 2016: 186] («Если с богатого купца брать мало, он еще и еще будет приходить за покупками»). *Махуэм дауэ гугъу емыхъами, Думэсарэ ныцхъэцхъэм етІысэхамэ, хэт хуэжъы-щІэрт, хэт и гъуэнышэдэж лъэгуажъэм щыдэжын хутридэжырт* [КЫЩОКЪУЭ, Т. 2, 2005: 431] («Как бы днем не было тяжело, Думасара по вечерам одному что-то стирала, другому колени брюк штопала»).

НЭМЫЩІ (нэмыщІым/нэмыщІс) в значении «другой», вместо *нэгъуэщІ*. *НэмыщІым и псыр ы-ы-ы нэмыщІс* (Арымбек А.) («У другого вода ы-ы-ы другая»). *И шэр куэддуэ зы бжэн щыІэІэ, яни ахуэдэ зыІати, си пш'ыкъуэм нэмыщІ къыхъас, си ш'хъэгъусэм нэмыщІ къыхъас* (БанэщІэж-Хъэшыкъуэ Э.) («Есть же коза, которая дает много молока, я сказала такую, но мой деверь и супруг привели другую»). *Кирилыр гугъуІым, ауэ латыным нэмыщІси гугъу хуэду къытицохъу* (Щоджэн Н.) («Кириллица не сложная, но отличается от латиницы, поэтому кажется сложнее»).

НэмыщІ в литературном языке означает «кроме, за исключением», но в словаре кабардино-черкесского языка *нэмыщІ* дается как вариант *нэгъуэщІ* в кубано-зеленчукском говоре [АП, 1999: 534]. Следовательно, в речи данного информатора лексема *нэмыщІ* может быть рудиментом кубано-зеленчукского диалекта, а может быть трансформацией семантики слова. Так как других совпаде-

ний с вышеуказанным диалектом не было отмечено, можно утверждать, что речь идет о семантической трансформации. В литературном языке встречаются оба слова в соответствующих контекстах. Например: *Истамбыл ар дэсыхункІэ тыркубзэм нэмыщІ, адыгэбзэри зригъэщІат* [Шортэн, 2016: 97] («Пока он жил в Стамбуле, кроме турецкого, выучил еще и кабардинский»). *Апхуэдэу щы-щыткІэ, нэгъуэщІ унафэ гуэр къэщтэн хуейщ, Хишбэ* [ШэджихъэщІэ, 1987: 81] («В таком случае, необходимо принять другое решение, Хишба»).

НЭЩІ (нэщІу) в значении «в голодном состоянии, с пустым желудком». *НэщІу яутІыпщыжІым* (Февзие О.) («Голодным не отпускают»). Лексема *нэщІу* (нареч.) встречается в словаре кабардино-черкесского языка в 2-х значениях: 1) в пустом состоянии; 2) в голодном состоянии, с пустым желудком [АП, 1999: 540]. Но стоит отметить, что слово *нэщІу* в литературном языке отдельно не употребляется в значении «голодный», как в диаспоре, только в сочетании *ныбэнэщІ* «голодный». *НыбэнэщІ къомым загъэнищІыжа зэрыхъунум и Іэмалри уощІэ* [КІыщокъуэ, 1969: 501] («Ты знаешь способ, как голодных сделать сытыми»). В значении «голодный» в кабардино-черкесском языке чаще используются лексемы *мэжалІэ* «голод», «тот, кто голодает»; *мэжэщІалІэ* «голодный». Например: *Шей семыфэмэ, сыти сыгъэших, махуэр зи кІыхъагъым сомэжалІэ* [Мысачэ, 1991: 145] («Если не выпью чая, что бы ни ел, весь день хожу голодным»). *Сабийр фэ къэфщтэжакъым, илгъэситху ирикъуа-ирымкъуа сабийр сэ уэрамым къыщысщтащ, фІейм къыщІэ-мыщыжу, мэжэщІалІэу* [Дыгъужь, 2011: 184] («Ребенка вы не забрали, в возрасте около пяти лет я его забрала с улицы, весь грязный, голодный»).

ПАЛЪЭ ЕТЫН (пІалъэ къызату) в значении «доверять», вместо *дзыхъ хуэщІын*. *ХъунІым жиІэмэ ар мыхъунуращ, жаІэу куэдэу пІалъэ къызату сыщылэжъас* (Щоджэн Э.) («Если сказала, что не получилось, значит не получилось, с таким доверием я работала»). В литературном кабардино-черкесском языке активно употребляют как *пІалъэ етын* в значении «назначить срок», так и *дзыхъ хуэщІын* – «доверять». Например: *СыхъэтитІ пІалъэу къыдатауэ аращ, – щэтащ Хъэжбэчыр* [ШэджихъэщІэ, 1987: 2] («Нам дали

время только два часа, – вздохнул Хажбекир»). *ФурашкIэр сицыгъмэ къэзакъхэр къызонлэ нэхъ нэфIкIэ, дзыхъ къысхуащIу* [Дыгъужь, 2011: 78] («Когда я в фуражке, казаки доброжелательно смотрят на меня, с доверием»).

ХЭТЫН (сыхэтас) в значении «работать», вместо *сыщылэжъащ*. *Си къуажэр Къунашес, /дэһэ/ сэ хыщIрэ зырэ ситс, судым сыхэтас си цIэр Сэбэхъэтдинс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Мое село Кунашей, мне шестьдесят один год, работал в суде, зовут Сабахатдин»). В литературном языке слово *хэтын* имеет несколько значений: 1) стоять где-л., в чем-л.; 2) состоять в какой -л. организации; 3) иметь цель, намереваться; 4) пребывать в *каком-л.* состоянии, положении [СКЧЯ 1999: 688]. Можно предположить, что информатор в контексте имел в виду второе значение слова «стоять в организации», но по контексту становится очевидно другое значение – «работать» – *лэжъэн*. В литературном кабардино-черкесском языке используются и глагол *хэтын* в значении «находиться», и *лэжъэн* «работать», например: *Дыгъуасэ походом хэтхэр Шэджэм блэкIащ, нобэ Бахъсэн къэсащ* [КхъуэIуфэ, 1977: 10] («Вчера участники похода прошли Чегем, сегодня они дошли до Баксана»). *Езым жэщ, махуэ жиIэнутэкъым, лэжъэнут, цIыхухэри игъэлэжъэнут, ауэ лэжъапIэм къыпэрыкIыжа нэужь, председателыщ, и гулытэр иухырт* [ШэджихъэщIэ, 1987: 118] («Он работал и днем, и ночью без разбору, и людей заставлял работать, но как уходил с работы, был председателем, заканчивалась его внимательность»).

ТЕСЫН (сытесас) в значении «работать», вместо *лэжъэн*. *Илъэс пицыкIуийкIэ седжас, илъэс тIоуцIрэ тхукIэ судым сытесас* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Восемнадцать лет учился, двадцать пять лет работал в суде»). В литературном языке *тесын* употребляется в значении «сидеть на чем-л., находиться», глагол *лэжъэн* «работать». Например: *ДауикI а Iуащхъэм тесыр губгъуэ псом и теппэцт* [КхъуэIуфэ, 1977: 37] («Конечно, тот, который сидел на холме, властвовал над всем полем»). *Мэтхъэным и унафэм щIэту лажъэрт Сэид, абы жиIам зы мэскъалкIэ фIэмыкIыу* [Кыщокъуэ,

Т. 2, 2005: 278] («Саид работал под руководством Матхана, делая все в точности, как он говорил»).

УХЫН (иухри) в значении «закончил», вместо *къэухын*. *Лисэр иух'ри, а мыстыр къыцыхуам, куэд темыкIу сэ Фарукъ фи къуажэм дыкIуас* (Щоджэн Э.). («Он закончил лицей, когда это случилось, потом мы с Фаруком поехали в село»). В литературном языке *ухын* и *къэухын* имеют разные значения. *Къэухын* «окончить, закончить что-л.», а *ухын* «закончить, завершить что-л.», когда имеется в виду окончание какого-либо учебного заведения. В кабардино-черкесском языке уместно использовать глагол *къэухын*, но в другом контексте возможно употребление *ухын*. Например: *Иуацхъэмахуэ и сурэт цIыныр еух Наташэ* [Шортэн, 2016: 119] («Наташа заканчивает рисовать Эльбрус»). *Зауэм ипэкIэ Ленинскэ учебнэ городокыр къиухащ, зауэм хэтащ, дамыгъэхэр иIэщ, уIэгъэу къэкIуэжсащ* [ШэджихъэщIэ, 1987: 155] («До войны окончил Ленинский учебный городок, был участником войны, имеет награды, вернулся раненым»).

ЦЫХУЖЫН (ецIыхуж) в значении «знать», вместо *цIэн*. *УеупицIмэ сыадыгэс жи, зэрыадыгэр ецIыхуж ау хасэIэм цылажъэм елгытау адыгэ Iуэхур нэхъ пагъэуау апхуэду цытс* (Хьэгъундокъуэ Я.) («Если спросить, он отвечает – я адыг, осознает, что адыг, но в отличие от тех, кто в хаса, ничего не делает»). В литературном языке *цIыхужын* имеет два значения: 1) узнать, опознать кого-л.; 2) знать кого-л. (по душевным качествам) [АП, 1999: 751]. *ЦIэн* употребляется в значении «знать что-л., обладать знанием чего-л., понимать, сознавать что-л.». Например: *Ар зэрызэхихыу, Бот и макъымкIэ къецIыхужри Зулий къыхокIиикI: «Дотэ! Дотэ!»* [Шортэн, 2016: 48] («Как только Зулий услышала это (разговор), по голосу узнала Бота и закричала: «Дота! Дота!»») *Анэ насыпыншэм ецIэ и цIалэ пажэм и Iуэху зытет псори, иицIэми цIоупицIэ* [Журт, 1987: 30] («Несчастливая мать знает, как обстоят дела у первенца, но даже если знает, все равно спрашивает»).

Цыыхужын в диаспоре еще употребляют в значении «помнить»: *Абы куэд ецIыхуж* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078] («Он многое помнит»).

Цыхубзым ехъэла хабзэр, адэ дыцынэхъ цлалэ цлыклуу цытахэм зэрысцлы-хужсымкIэ, ниг'ысту цылыжIымэ (Гусер Р.) («Раньше, когда мы были моло-же, как я помню, был обычай, связанный с женщинами, который сейчас не сохранился»). *ЗэрысцлыхужсымкIэ* употр. в знач. «как я помню», вместо *зэрысцIэжсымкIэ*. (Гусер Р.) В литературном языке со значением «помнить» используется *ецIэж*: *Нобэ хуэдэу ецIэж абы Жандахэ цыхугъэ цыхуэхъуа пцыхъэцхъэр, цыхугъэ дьдэри сьт, ауэ цильэгъуар..* [Мысачэ, 1991: 147] («Как сегодня он помнит тот вечер, когда познакомился с Жандахой, точнее не познакомился, а увидел ее...»).

ЦЫХУН (доцIыху) в значении «знать что-л, иметь сведения» вместо *цIэн*. *Бзэр дгъэкIуэдаIымэ, ауэ дэ дызыхуем хуэмыдэу зэтемыбзу зыгуэрhэри доцIыху* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1076] («Язык не потеряли, но не знаем так, как хотелось бы»). *Тыркубзэ зыцIэ, зыцIыху тхэттэIым* (Къущхъэ Д.) («Среди нас не было никого, кто знал турецкий язык»). В бесленеевском диалекте отмечается «своеобразное осмысление некоторых слов. Так глагол *цыхун* в диалекте используется в значении «знать». *Сэ соцIыхур сшъэныр* (Я знаю, что делать)» [Балкаров, 1969: 97]. Об употреблении глагола *цыхун* в значении «быть знакомым; знать; уметь» в речи черкесов в Карачаево-Черкессии пишет Р.Х. Темирова и приводит пример: *Сэ соцIыхур улъыцIэныр зэрымыфIыр*. («Я знаю, как тяжело быть батраком»). *Куэд зыльагъум куэди ецIыху*. («Тот, кто много видит, много знает») [Темирова, 1975: 119].

В литературном кабардино-черкесском языке «цыхун» и «цIэн» употребляются в разных контекстах, *цыхун* – «знать кого-то», но *цIэн* – «знать что-л». Например: *Зыр фIыуэ ицIыхурт, ар начальником и къуэдзэрат, Нажмудин къызэрыцыхъумкIэ, икъукIэ гуцIэгъу зыхэлъ цыху хъэлэмэтт* [Журт, 1987: 89] («Однако он знал хорошо, это был заместитель начальни-ка, как считал Нажмудин, очень милосердный замечательный человек»). *КIэцIу жыпIэмэ, Мэсхъуд ецIэ, Мусэ и гъусэу ахэр псыхъуэм дэкIыжмэ, ирагъэблэгъэници, ягъэфIэжыниц* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 6] («Короче гово-

ря, Масхуд знает, что, если уйдет с Мусой из речной долины, его пригласят в гости и будут обхаживать»).

ЩІЭГЪУЭЛЪХЪЭН (отелым щІэгъуэлъхъас) в значении «остановиться в отеле», вместо *къыщыувыІэн. Кайсэрым зы отелыихуэ щыІэти абы щІэгъуэлъхъас* (Щоджэн Э.) («В Кайсери был какой-то большой отель, там остановился»). В литературном языке *щІэгъуэлъэхъэн* употребляется в значении «лечь куда-л.», в приведенном примере имеется в виду *къыщыувыІэн* в значении «остановиться». Например: *Зэзэмызэ а мыІэрысей лъабжъэм къыщыувыІэу щытаиц Хъэжрэт, Сэнят еянэ классым щыхэсам щыгъуэ* [Мысрокъуэ, 1962: 61] («Иногда Хажсет останавливался под тем яблоневым деревом, когда Саният училась в восьмом классе»).

ЩІЭСЫН (лъэхъуэщым сыщІэсыуэ) в значении «быть в заточении», вместо *лъэхъуэщым исын. Ауэ апицІондэху мазийрэ ныкъуэрэ сыщІэсауэ щыта лъэхъуэщым, адыгэ къэралым щопсэу жысІэу зэрыстхам ихъэчІэ* (Къущхъэ Д.) («Я восемь месяцев отсидел в тюрьме из-за того, что написал о том, что адыги проживают в этой стране»). *ЩІэсын* в литературном языке имеет значение «находиться где-л., жить», а *исын* – «сидеть внутри чего-л.». Например: *КъызэрыщІэкІамкІи, Цыджан къэзыгъэделэу езышэжъар мызэ-мытІэу лъэхъуэщым исат* [Журт, 1987: 112] («Как оказалось, человек, который одурачил Цыгана и повел с собой, несколько раз сидел в тюрьме»). *Ауэ «Хъымсад» уэрэдыжъыр къызэрыригъажъэу, зы едзыгъуэ фІэкІа жимыІэу, залым щІэс псори зэуэ щымаиц, дзэхунс зыІурагъэлъэдам хуэдэу* [Мысачэ, 1991: 9] («Но как только начал петь старинную песню «Химсад», после первого куплета, весь зал затих, будто воды в рот набрали»).

ЩІЫХЪЭН (щІыхъэфынуІымэ) в значении «поступить», вместо *щІэтІысхъэн. Хъэзыр хуэмыхъуфмэ экзаменыр итыфынуІым ари щІыхъэфынуІымэ унверстетым* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071]. («Если не успеет подготовиться, не сможет сдать экзамен и поступить в университет»). В литературном языке глагол *щІыхъэн* употребляется в значении «зайти, войти куда-л.», а *щІэтІысхъэн* имеет три значения: сесть где-л., вселиться куда-л.

и переносное – поступить. Например: *Дауи, техникумым иужькIэ еджапIэ нэхъыщхъэ щыщIэтIысхъэм абы ищIэрт, Налшык нэмыщIауэ, нэгъуэщI къалэхэм институт зэрыдэтыр* [МафIэдз, 2014: 15–16] («Конечно, когда поступал в высшее учебное заведение после техникума, знал, что кроме Нальчика, и в других городах тоже есть институты»). *Бекович-Черкасскэр щIэкIри Степан Игнатъевич щIыхъащ Ермоловым деж* [Шортэн, 2016: 272] («Бекович-Черкасский вышел и Степан Игнатъевич зашел к Ермолову»).

(Я)ХУЭЩIЫН (щыгъыныр яхузощI), в значении «шить», вместо *дын /яхузод. Сэ къэфакIуэпэм я щыгъынпэр яхузощI* (Льостэн Г.) («Я шью костюмы танцорам»). Глагол *щIын* имеет значение «делать», в контексте уместно *дын* «шить». В литературном языке *щIын* и *дын* употребляются в разных контекстах, например: *Саният и дэлъхухэм джанэ яхуиду е пщафIэу щысмэ, Зураб къызэдджэм едаIуэу и Iуэху ищIэмэ, ешыртэкъым, куэдищ, жиIэу зэпигъэуртэкъым* [Кыщокъуэ, Т. 3, 2005: 666] («Когда Саният шила братьям рубашку или готовила, она не уставала делать свои дела под чтения Зураба и не останавливала его»). В данном примере встретились обе лексемы: *щIын* и *дын*, *она шьет*, то есть *ед (дын)* шить рубашку, но делает *ещIэ (щIын/щIэн)* домашние дела.

IЭЗЭ (Iэзэ/Iэзэм) в значении «доктор/больница», вместо *дохутыр / сымаджэщ. Сэ Iыхъу зысIэмэ, унэм Iэзэ къакIуэт, Iэзэм сыкIуэтэIым, дохъутурым сыкIуэтэIым* (Щоджэн Э.). («С первым моим кашлем доктор приходил к нам домой, в больницу не ходила»). В речи данного информатора в одном предложении встречается лексема *Iэзэ* в первом случае в значении «доктор/врач», а во втором случае в значении «больница». В литературном языке *Iэзэ* – «лекарь-самоучка, знахарка», *дохутыр* «врач, доктор», заимствованный из русского языка, а больница «сымаджэщ». Например: *Ди Асятрэ а Къызбруным дэс цIыхубз Iэзэмрэ зэныбжэьэгъуиухуэщ* [ЩоджэнцIыкIу, 1962: 229] («Наша Асят и знахарка с Кызбуруна хорошие друзья»). *СультIан инженеру Тырнауэ, Iэминэ сабий дохутыру районым щолажъэ* [Мысачэ, 1991: 137] («Султан работает инженером в Тырнауэ, а Амина – детским врачом в районе»).

Таким образом, указанные выше лексемы из речевой практики кабардино-черкесской диаспоры в Турции, отличающиеся в своей семантике от лексем в языке метрополии, в настоящее время практически не кодифицированы в словарях кабардино-черкесского языка. Возможность их словарной кодификации зависит от того, приняли ли представители диаспоры и репатрианты в свою речь функционирующие в кабардино-черкесском литературном языке, местной устной речевой практике и зафиксированные в словарях лексемы или все еще используют транспортированные из диаспоры лексемы и их значения. Учитывая активную коммуникацию турецкой диаспоры с метрополией, возникает также вопрос о том, приняты ли представителями диаспоры речевые реалии метрополии? Возможность проникновения диаспорных лексем и значений в литературный язык и местную речевую практику зависит от интенсивности влияния речи посещающих Родину представителей диаспоры и репатриантов на речевую практику населения метрополии, что вызывает некоторые сомнения в силу того, что представители диаспоры и репатрианты все еще остаются в рамках традиционной речевой культуры. Прибыв на историческую родину и посещая ее, они создали некоторое коммуникативное сообщество, в котором строят свой быт и деятельность. Стоит отметить, что если речевая практика старшего поколения представителей диаспоры и репатриантов в силу определенных условий носит консервативный характер, то молодое поколение представителей как диаспоры, так и репатриантов достаточно активно принимает речевую практику метрополия и аутентично воспроизводит родной кабардино-черкесский язык как в фонетическом, так и лексико-синтаксическом аспектах.

В связи с изложенными выше семантическими трансформациями в речи турецкой диаспоры возникает также вопрос о том, в какой степени эти трансформации носят уникальный для данного ареала характер, присущи ли они иным диаспорам в странах Ближнего Востока и других ареалов, какова в целом диалектная гомогенность речи представителей адыгской диаспоры в широком смысле? Ответ на этот вопрос требует дальнейшего сбора фактиче-

ского материала по указанным ареалам, тогда можно однозначно установить источники семантических различий, высказать соображения об истории становления определенного лексического пласта (что сложно проследить в силу отсутствия письменных источников), значительно разнящегося с литературным кабардино-черкесским языком, утверждать степень их привязанности к конкретным говорам адыгской диаспоры за рубежом.

3.2. Интеркаляция как результат межъязыковой коммуникации в речи диаспоры и в языке метрополии

Язык – средство идентификации этноса. «Нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами» [Реформатский, 2008: 139]. Следствием межъязыковой коммуникации является появление в языке иноязычных слов. Изучение языковых контактов – одна из актуальных проблем в современном языкознании. Контактное взаимодействие нескольких групп населения, разговаривающих на разных языках в одной стране, приводит к билингвизму, а порой и к полилингвизму. Ю.Д. Дешериев считает, что «билингвизм – продукт функционирования языка в определенных социальных условиях, а не просто порождение имманентных законов языка» [Дешериев, 1972: 6].

Теоретическое изучение взаимодействия двух и более языков началось давно и по сей день не теряет своей актуальности. В работах У. Вайнрайх [Вайнрайх, 1962; 1979], М.Л. Апажева [Апажев, 1963; 1964; 1992; 2004], Е.М. Верещагина [Верещагин, 1969], А.В. Карлинского [Карлинский, 1977; 1990; 2003], Э.М. Ахунзянова [Ахунзянова, 1978], А.А. Залевской [Залевская, 1996], Е.А. Земской, [Земская, 2001; 2002], В.А. Виноградова [Виноградов, 2003], З.У. Блягоза [Блягоз, 2006; 2012], Х.З. Багирокова [Багироков, 2004; 2012; 2017; 2022], С.К. Башиевой [Башиева, 2018; 2022], З.Р. Дохова, М.Ч. Шогенова [Дохова, 2020], Рогозной Н.Н [Рогозная, 2022] и др. изучается проблема билингвизма.

Согласно Н.А. Баскакову, «тип двуязычия «родной язык + язык межнационального общения» типологический *mutatis mutandis* является общим для всех многонациональных государств» [Баскаков 1972: 76]. В качестве языка межнационального общения чаще всего выступает государственный язык, который является средством общения различных народностей в одной стране.

«В структуре билингвальной личности пересекаются два языковых кода, две культуры, которые влияют друг на друга, хотя при этом трудно говорить о функциональном равенстве обоих языков... С этой позиции билингвальную личность можно рассматривать как сложную когнитивную модель, синтезирующую две культуры, две картины мира, два языковых кода, следовательно, две коммуникативные системы» [Башиева, 2014: 151]. Результат тесного взаимодействия нескольких языков зависит от функции второго языка. Чем обширнее функциональная сфера второго языка, тем активнее его проницаемость в родной язык. Поэтому процессы взаимодействия языков в различных ситуациях не одинаковы и охватывают все уровни языка. Лексический пласт языка – один из самых «уязвимых» при двуязычии. В процессе речевой деятельности человек на психологическом уровне выбирает то слово, которое ему первым «приходит в голову» и не выбирает между родным языком и заимствованным. «Со временем фonomорфологические трансформации коренным образом изменяют облик заимствованного слова, и его заимствованность не всегда предстает как очевидное явление» [Унатлоков, 2008: 236]. Заимствованное слово чаще всего адаптируется к системе заимствующего языка, его грамматике.

Взаимодействие языков – явление социальное, оно мало зависит от грамматического строя контактирующих языков [Унатлоков, 2005: 128]. «Современный подход к изучению явления билингвизма базируется на конвергенции научных знаний, помогает определить место, статус билингвизма в социуме и научном познании психолингвистических механизмов индивидуума. Описание корпуса интерязыка, создание типологии лингвистической интерференции основных контактирующих пар языков даёт возможность адекватного описания на

базе сравнительного, сопоставительного, контрастивного и конфронтативного анализов, учитывающих принципы синергетики» [Рогозная, 2022: 18].

Контакт нескольких языков, культур на одной территории под влиянием эндогенных и экзогенных факторов приводит к интеркаляции, понимаемой как иноязычные вкрапления. Н.Н. Щемерова главной причиной возникновения интеркаляции считает «не структурные различия между контактирующими языками и не психические закономерности межъязыковой идентификации, а также не низкая степень владения вторым языком или недостаточная натренированность в речевой деятельности на нем, а в первую очередь – различные социальные причины и особенно значение функциональной нагрузки второго языка в жизни двуязычной общности» [Щемерова, 2007: 325].

В современном обществе отмечается рост лексических вкраплений во всех языках, Б.А. Хариханова это связывает с переходом «наиболее образованной части этноса на второй язык. В процессе перехода билингва на второй язык происходит увеличение количества лексических вкраплений второго языка. Также вкраплениями могут оказаться слова первого языка, что может свидетельствовать о завершающей фазе перехода билингвов от двуязычия к одноязычию, то есть о переходе на второй язык» [Хариханова, 2009: 166].

Изучению иноязычных вкраплений уделяется большое внимание в языкознании. А.Е. Карлинский выделяет 2 типа речевых проявлений языковых контактов: интерференцию и интеркаляцию [Карлинский, 1990]. Под интеркаляцией Н.С. Пак понимает «случай отклонения от нормы в речи билингва на первом языке (Я1) под влиянием второго языка (Я2). Она проявляется и на фонетическом, и на лексическом уровнях и связана с изучением закономерностей влияния Я2 на речевые произведения на Я» [Пак, 2004: 21].

С точки зрения лингвистики, причинами появления интеркаляции является «необходимостью восполнить дефицит экспрессивных средств того или иного языка или заменить элемент Я1 или Я2 на более удобный вариант по краткости и образности» [Жикеева, 2011: 58]. В отдельных случаях межязы-

ковые вкрапления появляются как попытка завуалировать пейоративные выражения на родном языке.

В кабардино-черкесском языке, на котором говорят жители исторической родины, отмечается большое количество заимствований, главным образом из русского языка. Как писал А.К. Шагиров: «...при современном же национально-русском двуязычии перед нами одновременное использование двух языков и продолжающееся влияние родного языка на новый, второй язык» [Шагиров, 1972: 140] или наоборот, влияние русского языка на родной, что мы сейчас наблюдаем в современном кабардино-черкесском языке. Из русского языка в кабардино-черкесский язык проникают названия организаций и официальных документов, термины, общественно-политическая лексика.

М.Л. Апажев считает, что русские заимствования занимают особое место по количеству и разнообразию, отмечая, что «...начало проникновения в адыгские языки относится еще к отдаленному прошлому» [Апажев, 2000: 233]. Анализируя труды Ш.Б. Ногма, в которых насчитывается 125 лексем [Ногма, 1956], Л.Г. Лопатинского «Русско-кабардинский словарь» – 120 лексем [Лопатинский, 1890], речевые данные старшего поколения, собранные в 1950-е годы, М.Л. Апажев отмечает влияние русского языка на кабардинский еще в первой трети прошлого столетия [Апажев, 2000: 234]. А.К. Шагиров отмечал, что заимствование из русского языка в адыгских языках наиболее многочисленное, что объясняется длительностью и многообразием связей, существовавших между русскими и адыгами [Шагиров, 1962: 137]. Через торговые отношения из русского языка в кабардино-черкесский язык проникли много слов, связанных с предметами домашнего обихода, одеждой и обувью: *чемодан* – *шумэдан*, *сатин* – *сэтин*, *лента* – *лентIэ*, *пальто* – *пальтэу*, *кирпич* – *чырбыи*, *тетрадь* – *тетрад*, *адвокат* – *Iэдокат/уэчыл*, *институт* – *Iинститут*, *поэма* – *пэемэ*, *цыган* – *цыджан* и др [Шагиров, 1962: 144–147].

Активное проникновение в кабардино-черкесский язык общественно-политических, научно-технических терминов относят к началу 20-х годов XX в., связывая этот процесс с выходом газеты «Карахалк» на трех государ-

ственных языках: русском, кабардинском и балкарском [Апажев, 2000: 235]. К.Т. Мамрешев считает, что «...заимствующий язык не вбирает в себя пассивно готовые слова и выражения без каких-либо изменений, а перерабатывает, подчиняя их своей природе как фонетически, так и грамматически и структурно» [Мамрешев, 1959а: 122]. В заимствованных как гласные, так и согласные звуки претерпевают фонетические изменения. Например: *«ложка – лошкIэ, гиря – гирэ, лекция – лекцэ, духи – дыху, галифе – джэлэфей, варенье – варенэ, базар – бэзэр, пальто – пэльтэ, мерка – меркIэ, патрон – пIэтIрон, калош – кIэлош, карандаш – кIэрэндаш, капуста – кьэбыстэ, парашок – пэрэшоку, и др.»* [Апажев, 2000: 247–252]. В кабардино-черкесском языке большой пласт заимствованной лексики составляют имена прилагательные, которые при заимствовании подчиняются нормам заимствующего языка, в частности, родовые окончания *-ая, -ое, -ый, -ые* заменяется на кабардинское окончание *э*. Например: *художественная литература – художественнэ литературэ, художественные произведения – художественнэ произведенэхэр / тхыгьэхэр, художественное произведение – художественнэ произведенэ / тхыгьэ* и др.

В кабардино-черкесском литературном языке также отмечается наличие полукалек, образованных «путем частичного калькирования с русского языка: *блын газет* «стенная газета», *сабий сад* «детский сад», *рекорд гьэувын* «поставить рекорд» [Апажев, Пшукова, 2004: 124].

О заимствованных общественно-политических словах в кабардино-черкесском языке писал Х.Ч. Жилетежев, который отметил основные проблемы заимствования слов. По мнению ученого, заимствованные слова в различных источниках фиксируются по-разному, что приводит к путанице в написании, это вызвано отсутствием регламентирующих написание заимствований правил, и в качестве примера приводит следующее: *«администрация – администрацие, администрацэ; акция – акцие, акцэ; классовый – классовэ, класс; японский – японскэ, япон; советский – советскэ, советскэ, совет* [Жилетежев, 2018: 67].

Межъязыковая, межкультурная коммуникация, в условиях которых сохранился родной язык в черкесской диаспоре за рубежом, изобилует иноязычными вкраплениями, то есть интеркаляцией. Появление иноязычных слов в речи диаспоры тесно связано, в первую очередь, со степенью владения родным языком, частотностью его использования в повседневной жизни наряду с государственным языком или языком повсеместного общения (на работе, улице, в учебных заведениях), на которых разговаривает большая часть населения страны проживания, а также в соответствующей коммуникативной ситуации. При исследовании лексики черкесов Турции Ионов З.Х.-М. обратил внимание на то, что «их речь изобилует заимствованиями из турецкого языка. Например, такие слова, как *мэжбур* «интерес, любопытно», *хьерхьэлдэ* «наверно, вероятно», *иштэ* «итак», *хьемэн* «тотчас, немедленно», *билэ* «даже» и др., используемые в живой речи, вытесняют исконные слова с соответствующими значениями. Если принять во внимание тот факт, что черкесы, живущие на исторической родине, также используют аналогичные слова из русского языка, то можно констатировать, что такого рода заимствования имеют место исключительно при языковом контактировании и что это явление отдаляет речь носителей данного языка друг от друга под влиянием разных языков [Ионов, 2019: 120].

В речи диаспоры интеркаляция – одно из самых распространенных лингвистических явлений. Ведь многолетнее контактирование черкесского языка с турецким языком привело к заимствованию многих лексических единиц, которые можно классифицировать по тематическим группам. Однако следует отметить, что многие тюркизмы вытеснили исконные черкесские лексемы [Ионов, 2020: 92]. Анализ полевых материалов, материалов фоноархива Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (ИГИ КБНЦ РАН) показал наличие в речи диаспоры большого количества иноязычных вкраплений, которые в ходе исследования были распределены по группам, согласно дифференциации А.Е. Карлинского, на «инвентарную, фразовую, чистую и модифицированную» [Карлинский, 1990: 28–29].

Иноязычные вкрапления в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции были разделены на 2 основные группы. В первую группу включены иноязычные слова, встречающиеся в речи большинства представителей диаспоры, оформленные в соответствии с грамматикой кабардино-черкесского языка (*модифицированная интеркаляция*). Далее в качестве примеров приведем наиболее употребляемые лексемы в речи представителей всех возрастов, независимо от гендерной принадлежности. Слова расположены по частотности употребления.

В речи диаспоры более, чем у 80 % опрошенных встречаются такие интеркаляции как *daha, ama, ište, neyse*. Лексической единице *daha* в кабардино-черкесском языке соответствует *иджыри* в значении «еще» или *иджыри зэ* «еще раз». В разговорной речи *daha* звучит как [дэхъэ], долгий гласный *a* в слабой и сильной позиции произносится как краткая гласная э. Примеры: *ТшэцIым сынэсаIым дэхъэ зы илъэс сиIэс...* [Бижоев, 2000: 227] («До двадцати лет у меня еще один год»). *Абы теухуауэ абычIэ щыIэ адигэхэр зэ дэхъэ ягъэIэхъуас, къэкIуэжас* (Щоджэн Э.) («Адыгов, проживающих там, еще раз переселили, некоторые из них потом возвращались»). *Дэ щIэх дыдэу зэ дэхъэ къэдгъэзэжыну дигу илъу дыкъэкIуас* (Къардэн Н.) («Мы приехали с намерением в ближайшее время еще раз приехать»). *ИлъэсинлI макIуэри зэ дэхъэ къокIуэжри тIанэ яужьчIэ зэ дэхъэ кIуэм, аргуэру илъэсинлI щолэри къокIуэж* (Февзие С.) («По истечении четырех лет возвращается, потом еще раз уезжает, через четыре года опять приезжает»). *Ди анэхэр хъыг'эбз ишэгъуэху къычIахэс, дэхъэ Къафкъасием* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1073] (Наши матери были еще девушками на выданье, когда покинули Кавказ»). *Сэ къуэшинлI сохъу, къуэшиши дэхъэ сиIыс сэ, сэр нэмыщI зы шыхъу сиIыс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Нас четыре брата, еще есть три брата, кроме меня, и одна сестра»).

Тюркизм *ата/Iэмэ* в значении «но» повсеместно встречается в речи представителей диаспоры, которому в кабардино-черкесском языке соответствует союз *ауэ* в том же значении. В контексте *ата* претерпевает фонетические изменения, произносится как [амэ/Iэмэ], конечная долгая гласная *a* пе-

реходит в краткую э, или же [Iэмэ] в препозиции появляется абруптивный ларингальный смычной I: Например: *Тумчи дызонсалъэ, нэхь дгъэшэрыуэр тыркубзэрас, амэ адыгэбзэм дыкъызэрыплъагъуси дронсалъэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078] («Разговариваем на обоих языках, чаще на турецком, но, как видишь, и на адыгском (кабардино-черкесском) тоже разговариваем»). *Дэ ди благъэхъэм щыщ цIыху тцыкIуэ лIас, Iэмэ дэ нэхърэ нэхъычIэ куэд къэхъуас, цIыху куэд лIас* (Февзие С.) («Из наших родственников не стало одиннадцать человек, но есть те, у которых больше погибло, умерло много людей»). *Амэ ниги мы къуажэм ицI'алэ дэсыжIым, жьыhэс псори дэсчэри Iэнэ яхуэхъыжIым* (Озден) («Но сейчас в селе нет молодежи, остались только старшие, они не могут обслуживать стол»). *Мэл къашыжIым, жэм зэзыхуэри дэсс, Iэмэ мэл къашыжIым. Мэл щыIыс, ы-ы-ы амэ къэзыш щыIыжIым* (Жырышты Ф.) («Овец не доят, есть те, которые разводят коров, но овец уже не доят. Овцы есть, да-да-да, но сейчас их не доят»). *Амэ иштэ абэзэххэм, шапсыгъ, беслъэней – аhэм я бзэхэр тIэкIу ягъэкIуэдас* (Елкъэн И.). («Но сейчас абадзехи, шапсуги, беленеевцы – они немного утратили свои языки»).

Иштэ – Işte' – одно из часто употребляемых в речи диаспоры дискурсивных слов в значении «вот». А также *işte'* в значении «сейчас», которому в литературном кабардино-черкесском языке соответствует *иджы* «теперь». Ниже приведены примеры с лексемой [иштэ] и как дискурсив, и в значении «теперь». В этом контексте ударная гласная е' переходит в краткий гласный э. Например: *Уи сабишм, уи унагъуэм иштэ уи бзэм пхъумэн хуес, зэбгъэщIэн хуес* (Арымбек А.) («В семье нужно сохранять язык, дети должны знать язык»). *А жыгхэм щыщ, таби, таби, къэчIынус, хасэIым иштэ, есаhэIыми хасэhэIыми* (Тохъу Н.) («Конечно, конечно, такие деревья будут расти, сейчас не сажают, для них непривычно, поэтому не сажают»). *ДыщыпсалъэчIэ, пэжс, куэдым яни, таби, шей, иштэ, меракъ куэду тыркубзэм къыхэчIауэ псалъэ куэд щызэрахъэ* (Токъмакъ А.) («Да, когда разговариваем, большинство часто произносит яни, таби, шей, иштэ, меракъ – слова, заимствованные из турецкого языка»). *Умар иштэ цIыху пэжс, цIыху щабэс* (Щоджэн Фарукъ). («Умар, иштэ, надежный, добродушный человек»). *Дэри иштэ абы*

яужь дитс, тхылъчІэ ядгъэщІэфыну нІэрэ жыдоІэри (Елкъэн И.). («Мы тоже прилагаем усилия, пытаюсь научить письму»). *НетІи жынІас иштэ гылахъстэней, къэбэрдей я псалъэр зыщхъэщедз жыфІэри, ау ар зи сщІэІым яни ахуэду фІыу сигуи къэчІаІым яни, белки, зыщхъэщидз зыщхъэщимыдзрэ ау* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Ты сейчас говорил, что терские и кабардинские слова различаются, но я об этом ничего не знаю, об этом и не думал яни, белки различаются или нет»). *Школым кІуэн ямыгъуэту зы зыхуащІыжа гъунэгъу къуажэм кІуэн щІадза, езыгъэджэни иштэ мащІэс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1079] («Из-за отсутствия достаточного числа учеников школу закрыли, поэтому оставшиеся дети были вынуждены ходить в школу в соседние сёла. В настоящее время обучать практически некому»).

Несэ – *neuse* – «ладно», «куда ни шло», «кстати», «в любом случае». В наших примерах *несэ* употребляется в значении «кстати», «вместе с тем» вместо «*абы къыдэкІуэу*», «*игъуэу*». Этот тюркизм также часто употребляется представителями кабардино-черкесской диаспоры в Турции, но с некоторыми звукозамещениями: вместо гласной буквы *e* произносят краткий гласный среднего ряда *э*. Например: *Несэ, апэ дыдэ къэбэрдем къауиуиІас* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Кстати, сначала спросили у кабардинцев»). *Презентым езытари сэраш, несэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074]. («Подарок преподнес я, кстати»); *Амэ несэ хъэуэ зысІас* (Ярум Г.). («Но, кстати, я отказал»). *СыкІуэри несэ тІэкІу сыщІэри, мыбы си анэшым ипхъу яиэну сыкъэкІуас* (Щоджэн Э.) («Вместе с тем поехала и немного побывала там, после приехала сюда на свадьбу дочери моих родственников»).

Анализ полевого материала и фоноархива ИГИ КБНЦ РАН позволил также выявить некоторые иноязычные вкрапления в речь черкесской диаспоры, охватывающие различные стороны её жизнедеятельности. Данные интеркаляции грамматически согласованы с другими членами предложения, то есть звуковая оболочка достаточно трансформирована и отличается от той, что встречается в турецком языке. Далее рассмотрим данное явление на конкретных примерах, которые расположены в алфавитном по-

рядке так, как они употребляются в речи с одинаковой частотностью и со звукозамещением одних и тех же гласных.

Алыхь смэрладыкъ – *Allaha ismarladik* – «до свидания! (говорит уходящий)», такая форма считается архаичной, она сохранилась в речи диаспоры с фонетическими отклонениями: в первой части слова происходит усечение конечной долгой гласной *a*, а в начале второго слова происходит отпадение начального звука *i*. *Гуныр итIысхьа нэужькIэ, тхьэмадэр йотIысхьэри ади алыхь смэрладыкъ жери докI* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1077] («Сначала садится основная группа, лишь после этого тамада садится со словами *алыхь смэрладыкъ* («до свидания») и отправляются в путь).

Альфабэ – *alfabe* – «алфавит», гласный переднего ряда *e* замещается кратким гласным среднего ряда *э* и оформляется падежным формантом *-м*. *Фи альфабэм кьеджэнэ мэракъ зыщI щыIэхэс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Есть и те, которые проявляют интерес к вашему алфавиту»).

Арабэ – *araba* «машина». Звукозамещение гласных *a*→*э*, такое происходит со словами из русского языка, заимствованными литературным кабардино-черкесским языком, конечная гласная буква *a* по нормам грамматики заимствующего языка переходит в *э*. Например: *Арабэ щыIэIым, зы щыIэтэIым, гув зыщIэщIащIэ, Хьэнашэ, Къардэн Дзадзу, Хьэнашэ Хьэсэнәһэр игъусэу и кьуэр Кэзим ариш шууэ ахуэду дэчIаһэс* (Тохъу Н.) («Поскольку машин не было, они покинули родину на арбах. Среди уезжавших были Ханаша, Кардан Дзадзу и семья Хасановых с сыном Казимом; Казим ехал на скакуне»).

Арпэ – *arpa* – «ячень», вместо *хьэ* с тем же значением есть в литературном языке, фонетически адаптировано *a*→*э*: *А'рпэ, гуэдз хыдоуцIэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1079] («Мы сажаем ячень, пшеницу»).

Бахъче – *bahce* – «огород» «сад», вместо *хадэ*, *унэ* *пцIантIэ*, *e*→*э*, добавляется падежное окончание *-м*. Например: *Унэм и бахъчэм, яни зыгуэр тIэкIу халъхьэ* (Къандур Хь.) («В огороде что-то сажают»).

Бешы́м – *beş* – «пять», вместо *тху*, слово оканчивается формативом эргативного падежа -м: *Сэ ар куэ́ду сигу ирохьыр. Бешы́м сыкъэ́тэ́гас* (Ярум Г.) («Мне это очень нравится. Встала в пять утра»).

Бильмэм – *bilmet* – «не знаю» вместо *сщІэ́ркъым*, *е→э* между двумя согласными. *Дэ мэл зетхуас, бильмэм хыв ду́лас* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1079] («Мы разводили овец, но я не знаю, держали ли мы буйволов»).

Билэ – *bile* – «даже», происходит звукозамещение *е→э*. Например: *Абы цыгъуэ сымыкІуа цхъэчІэ си анэми сезэгътэ́Іым, си дэлъхуми сезэгътэ́Іым, ау нобэ согупсысэри, билэ а махуэм сэ аһэм яжесІаһэм хуэдэ жызы́Іыфын куэд цы́Іэ́Іым* (Щоджэн Э.) («Несмотря на то, что я не поехала в тот день, я не ладила ни с мамой, ни с братом, но сегодня, думая об этом, я даже понимаю, что никто не смог бы сказать такое, что я сказала»).

Дан сонрэ – *dan sonra* – «потом», вместо *иужькІэ*, звукозамещение *а→э* *Ан дон сонрэ, яни къыхъауэ хъуар пихы хъуну ІэфІу игъуу зыгуэрэс, пщІэ́рэ.* (Ярум Г.) («Знаешь, потом все, что принесли, было что-то съедобное, вкусное»). *Хъэцацэ и уэрэд жаІэу зэхэсха дан сонрэ* (Кумыщ Б.) («Потом я слышал песню про Хацацу»).

Дозлап – *buzdolabI* – холодильник. Данная лексема состоит из двух слов *buz* «лед» + *dolabI* «шкаф», в речи диаспоры в контексте *buzdolabI* произносят как *дозлап*, в начале слова происходит отпадение слога *bi* и метатеза *zdo → доз*, образуя новую лексему *дозлап*. Например: *Доздолапым ихын зыгуэрһэр дэлъси къакІуэм яихынс жи́лас* (Щоджэн Э.) («Сказал, что в холодильнике есть какая-то еда, съедят те, кто придет»). Следует отметить, что в кабардино-черкесском литературном языке чаще употребляют заимствованное из русского языка слово «холодильник», хотя в «Большом словаре русско-кабардино-черкесского языка» приводится его аналог – *цІы́Іэльэ́* [БРКЧС, 2021: 757], который, однако, не вошёл в активный словарный запас.

Дэвлэт – *devlet* – «государство», вместо *къэрал*. В слове оба гласных переднего ряда *е* перешли в краткий гласный среднего ряда э: *Илъэс минитІ лъандэрэ жылэ пшыкІух, дэвлэт пш'ыкІуш' духуас* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («За два тысячелетия мы создали шестнадцать селений,

создали тринадцать государств»). В диаспоре также употребляют лексемы *къэрал*, *кърал* и *дэвлэт* как синонимы.

Етмыш ики(танэ) – *yetmiş iki* – «семьдесят два», вместо *блыщІрэ тІу*. Количественное числительное в контексте тоже оформляется так, чтобы грамматически сочеталось с другими словами в синтаксической конструкции, к *ики* присоединяется суффикс *-анэ*, образуя *икитанэ*. В современном кабардино-черкесском языке «с помощью данного же суффикса *анэ*, но без префикса образуются дробные числительные. Ср.: *ицІанэ* «десятая часть», *тхуанэ* «пятая часть» и так до 20» [КЧЯ, Т. I, 2006: 145]. Например: *А Узун-Яйлэ чІыхьу зы Къайсэррэ Сиуасымрэ я зэхуакум дэту зы ицІынІэси.. ы-ы- етмыш икитанэ къуажэ иІыс абы* (Щоджэн Эм.) («Узун-Яйла – это длинная местность, расположенная между Кайсери и Сивасом, туда входят семьдесят два села»).

Затын – *zaten* – «в сущности, собственно говоря», вместо *зэрыщыт дьдэр жыпІэмэ*. В разговорной речи данная лексема претерпевает фонетические изменения: гласный переднего ряда *e* замещается кратким гласным средне-верхнего ряда *ы*. Звукозамещение может быть вызвано смещением ударения, то есть в турецкой речи *za'ten* произносят с ударением на первый слог, а в речи кабардино-черкесской диаспоры – *Заты'н* с ударением на последний. *Затын, емыкІу къэпхьамэ, апыщыгъуэ ар дэ ди адигэкІэ гъэфІэж къыкІыу зыгуэрс* («Собственно говоря, если ты совершил что-то непристойное, по-адыгскому этикету тебе нужно одарить чем-то пострадавшего в качестве возмещения ущерба») [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078]. *Зыныщытс бжэхэр тІури затын* (Ярум Г.) («В сущности двери расположены друг напротив друга»).

Иниыхьэт – *inşaat* – «строительство», вместо *ухуэныгъэ*. Тюркизм *inşaat* в контексте произносят со значительными фонетическими трансформациями: долгий гласный заднего ряда *a* переходит в краткий гласный средне-верхнего ряда *ы* после придыхательного переднеязычного шипящего спиранта *ш* в инлауте. Сочетание *ат* переходит в *хьэт*, как в заимствующем языке. *Иниыхьэт Іуоху зыдохуэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078] («Мы занимаемся строительством»).

Ишарэт – iṣaret – «знак», вместо «дамыгъэ». В слове происходит звукозамещение в середине слова: долгий гласный *a* переходит в краткий – *э*: *Зы хьэрф къом, зы ишарэт къом хэлъхьэн хуес [альфабэм]* («Нужно [в алфавит] добавить много букв и знаков») [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1076].

Ишымде – ṣimdi – «сейчас», «теперь», вместо «иджы». В адыгском контексте тюркизм произносится как [*ишымде*], в начале слова добавляется гласный [*и*], образуя протезу, а в конце слова [*и*] замещается на [*е*]. *Мис ишымде парэ къыватынус* (Ярум Г.) («Вот теперь вам деньги дадут»).

Къимэ – kiuta – «фарш», вместо «лы хьэжа». В речи диаспоры при заимствовании слова с начальной согласной *к* наблюдается замена на абруптивный *къ*, в конце слова гласный звук *a* переходит в краткий гласный звук [*э*]. Например: *Къимэ къыдогъэсэбэн, ихын щытщIkIэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078] («В готовке используем фарш»).

В кабардино-черкесском литературном языке также в начале слова отсутствует фонема *к*, в заимствованных словах она переходит «в надгортанный (абруптивный) звук *КЪ*: *мужик – мыжъыкъ, карандаш – къэрэндащ*; 4) *К* → *ДЖ*: *корешки – джырышкIий, князь – джыназ, жакет – уст. жыджет*» [КЧЯ, Т. I, 2006: 61], такое звукозамещение в литературном языке исследователи связывают с аффрикатизацией заднеязычных согласных.

Лисэ – lise – «лицей». В метрополии употребляют заимствованное слово из русского языка «лицей» в такой же словоформе, как и в языке оригинала. В речи диаспоры конечный гласный звук *e* замещается на краткий гласный среднего ряда *э*: *Си фызыр лисэм егъэгакIуэу щыIэщ* («Моя супруга работает в лицее преподавателем») [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074]. *Токулыри, лисэри сызыцегэ мэктэбым инэ дыдэ иту сыухас* (Щоджэн Э.) («И школу, и лицей закончила лучше всех»).

Майданос – maydanoz – «петрушка» вместо «къуэнтхъурей». Следует отметить, что на исторической родине чаще используют заимствованное из русского языка «петрушка», нежели исконное «къуэнтхъурей», которое сохранилась в словарях и в речи старшего поколения. В диаспоре турецкое *майданоз*

произносят с оглушением конечной согласной: $з \rightarrow с$ перед лабиализованным гласным заднего ряда *о*. Например: *Бжъын, кІэртІоф къыщагъэкІ, майданос зэткІэми унагъуэһэм халъхъэжІым* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075]. («Выращивают лук, картофель, но петрушку сейчас уже не сажают»).

Межбур – месbur – «вынужденный (нуждающийся)». В контексте данный тюркизм употребляется в значении «нужда» то есть, «къулейсызыгъэ». *Езым зэрыихэным хуэду, ахэри межбурри ягъэихэнут* (Тохъу Н.). («Они будут кормить нуждающегося тем же, чем питаются сами»). Повторяющийся суффикс *и...и* придает слову присоединительное значение.

Милэт – millet – «нация», вместо «лъэпкъ». В слове наблюдается звуко-соответствие *е: э*. Например: *Адыгэ жытІэми, псокІи дыадыгэс, ди хабзэр зыс, ди джэгур зыс, дызэпэгъунэгъуу, ди нэмусымкІи, ди динымкІи дызэрыІыгъуу дызымилэтс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Мы говорим, что мы – адыги, и мы адыги во всём: у нас один этикет, одни танцы, один менталитет, одна религия – мы одна нация»). *Ныгыри къэс ад'игэуэ, ад'игэм къахэчІауэ парламентом милэтэ куэд къэкІуас* (Щоджэн Ф) («До сих пор адыги, много выходцев из адыгского народа приходило в парламент»).

Мэктэб – mektep(bi) – «школа» вместо «школ / еджанІэ». Оба гласных звука [е] в черкесской речи замещаются гласным среднего ряда *э*. Например: *Дэ дызырыс къэралым мыпхуэдэ драгъэг'эну, мыбы цхъа мэктэб зэІуахыну Іэмал иІэІым* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1076]. («В стране, где мы проживаем, нет возможности обучать нас [родному языку], отрывать для этого специализированные школы [для изучения родного языка]»). *Сэ илъэс ирмы бир илъэс хъуауэ сыщылажъэ мэктэбым* (Тебер Г.) («Я двадцать два года работаю в школе»). *Мэктэбым сыщыкІуэми игъащІэм сытеууэ зыщІыпІэ сыкІуаІым* (Щоджэн Э.) («Даже когда ходила в школу, ни разу никуда и ни на что не отвлеклась»).

Мэслэк – meslek – «профессия» вместо «ІэщІагъэ». В слове происходит звукозамещение гласных $е \rightarrow э$, а также в речи диаспоры звуки [м] и [л] произносятся твёрдо, нежели в турецком языке. Например: *Ахуэду зы мэслэкси сэ*

фIыу слъагъуIым банк Iуэхур (Щоджэн Ф.) («Ни одну профессию я так не люблю, как банковское дело»).

Мэсэла – *meselâ* – «например», вместо «*псалъэм паницIэ*». В слове в обоих случаях происходит замена гласной буквы переднего ряда *e* на краткий гласный среднего ряда *э*. Например: *Нобэ, мэсэла, хъер Iуоху лIыу зыгуэрэм хъелэ Iуоху иIэмэ и гъунэгъуһэр зыхуешэс: си нысаишэс, унафэ къысхуэфцI же-ри зы унафэ яцI*. [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1077] («Если, например, сегодня у кого-то радостное событие, то он собирает своих соседей и сообщает о том, что у него свадьба, советуется и ними»). *Мэсэла, сэ слъэгъуаһэм сэ Iуэхуи схуиIу, слъагъуу Iуэху цхъэи дызрылъагъуу слъэгъуа цIыхуһэм мы къралым и цхъэм тету Iууэ игъуу слъэгъуас Мэхъмэт Нэждэтс* (Февзие С.) («Например, из тех, кого я видел, с кем имел дело в этой стране, хочу выделить Мехмета Неждет, который в этой стране занимает хорошую должность»).

Озэман(ым) – *o zaman* – «тогда», «в то время» вместо «*абы цыгъуэм*». Данный тюркизм произносятся с аффиксом эргативного падежа *-м*, а также в первом слоге безударная гласная *a* замещается кратким гласным звуком *э*. Например: *О зэманым ар езым я тхъэмыцIэ езым я къуажэм хабзэ дахацэ, хабзэ дахэ дыдэтэIэ ар* (Тохъу Н.) («В то время это был красивый обычай по отношению к неимущим жителям села»).

Отобюс – *otobüs* – «автобус». Данное слово встречается во всех языках, фонетически адаптировано к нормам заимствующего языка. По данным этимологического словаря П.А. Крылова: «Это слово образовано от латинского *omnibus*, означающего «всем» (дательный падеж от *omnis* – «весь»). Когда в омнибусе, вместо конной тяги, стали использовать двигатель внутреннего сгорания, называть его стали автомобиль-омнибус. Со временем от первого слова в этой паре осталось «авто», а от второго – «бус», так вот и получился современный автобус [<https://gufo.me/dict/krylov>]. В речи диаспоры слово оформляется фонемой послеложного падежа *-кIэ* в одном случае, а другой респондент употребляет его в эргативном падеже с формантом *-м*. Например: *Ар отобюскIэ укIуэн хуес он ики саат* (Жылэхъэж А.) («Чтоб туда попасть, нужно проехать на автобусе двенадцать

часов»). – *Анкъэрэ укӀуэн цхьэчӀэ зы махуэчӀэ отобюсым сист* (Щоджэн Э.) («Я один день ехала на автобусе, чтобы доехать до Анкары»).

Парэ – *para* – «деньги», вместо «ахьшэ». В турецком языке ударение падает на последний слог, а в речи диаспоры ударение переходит на первый, и конечный ударный гласный *a* в безударной позиции на конце слова произносят, как в краткий гласный среднего ряда э. Например: *ЕгъэджакӀуэм парэ куэд кыдатӀым, яни абы цхьэкӀэ къэдмыгъанэу сабийӀэр фӀыуэ зэрыслъагъум кыхэкӀкӀэ солажъэ* (Къэрабэ Д.) («Учителям мало денег платят, но я работаю из-за того, что люблю детей»). *Парэ тӀэкӀу къаватынус* (Ярум Г.) («Вам дадут немного денег»). *Исоным укъыздэкӀуэжынуыр мырас жиӀас, парэ здыщыӀыр мыбдерас жиӀас* (Щоджэн Э.) («Она сказала, что потом вернусь обратно, так как здесь хорошо платят»).

Пекмэз – *pekmez* – переводится на русский язык как «меласса». В кабардино-черкесском языке эквивалента данной лексеме ни в значении, ни в произношении нет. В диаспоре слово употребляют со звукозамещением гласной во втором слоге: *e*: э. Например: *Абы (мэрамысэ) пекмэз иралъхьэт, тхьу иралъхьэт* (БанэщӀэж-Хьэшыкъуэ Э.) («Они в мамалыге делали углубление и клали мелассу с топленным маслом»).

Рэхьэт – *rahat* – «спокойно», «уютно», «удобный» вместо «тынишу». В слове в первом и во втором слогах в ударной и безударной позиции долгий гласный *a* переходит в краткий гласный э. Например: *Дэ мыбы чок дырэхьэтс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1079] («Нам здесь очень спокойно»). *Нэхъ рэхьэту кыхахыр, абы цхьас игы Узун-Яйлэм игы ящӀэр шы дамыгъэ, диӀын хуес жары псоми ирагъэщӀыр* (Тохъу Н.) («Сейчас легче выбирают, все считают, что у них должны быть тамги, поэтому едут в Узун-Яйла, где изготавливают родовые тамги»).

Садиджэ – *sadece* – «только, лишь», вместо «къудей». Гласный переднего ряда *e* в безударной позиции произносится как гласный *и*, а в конце слова гласный *e* переходит в э. Например: *Садиджэ дыкъоджэф, яни* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078] («Мы умеем только читать»).

Тенджэрэ – *tencere* – «кастрюля». Данный тюркизм употребляется с черкесским суффиксом *-ихуэ*, со значением «увеличение», то есть «большая кастрюля». Например: *Си анэ шыххум зэ дыкIуауэ, былгъур хъэнтхъунс ицIат жи, мо ину зы тенджэрэихуэ изу* (БанэщIэж-Хъэшыкъуэ Э.) («Как-то поехали к тете (по матери), она приготовила суп из булгура в большой кастрюле»).

В литературном кабардино-черкесском языке «посредством суффикса *-ихуэ* от именных основ образуются существительные со значением увеличенности: *унэ* – *унэихуэ* «дом – большой дом», *адэ* – *адэихуэ* «отец - дедушка» [КЧЯ. Т. I, 2006: 116]. В метрополии исконного слова со значением «кастрюля» нет, употребляют заимствованное из русского языка, но фонетически адаптированное заимствующим языком «кIэструл».

Темуз – *temmuz* – «июль», *хъэзиран* – *haziran* – «июнь», *нисан* – *hisan* – «апрель». Один из информаторов названия месяцев произносит только на турецком языке, но в эргативном падеже с суффиксом *-м*: *Си адэр термузым яучIас* (Щоджэн Э.). («Моего отца убили в июле»). *Хъэзираным къэзыух'ыну, нисаным си адэ къуэшыр лIас* (Щоджэн Э.). («Должна была закончить в июне, но в апреле умер дядя (по отцу)»).

В метрополии используют как заимствованные из русского языка названия месяцев, так и адыгские названия, но в большинстве случаев употребляют заимствования, как и в диаспоре. Например, *июль* в словаре БКЧЯ переводится и как *июль*, и как *бадзэуэгъуэ мазэ* [БРКЧЯ, 2021: 301]; *июнь* – *июнь*, *мэкъуауэгъуэ мазэ* [БРКЧЯ, 2021: 301]; *апрель* – *апрель*, *мэллхуэгъуэ мазэ* [БРКЧЯ, 2021: 38].

Трэм – *tren* – «поезд», вместо «*мафIэгу*». В слове происходит звукозаемство гласного звука *e* на краткий гласный *э*, а также чередование согласных *н→м*: *Трэмым ирагъэтIэчэнурэ Анкъэрэ ишэнут и къуэр* (Тохъу Н.) («Посадив на поезд, собиралась отвезти сына в Анкару»).

Турын – *torun* – «внук», вместо «*къуэрыльху*», «*пхъурыльху*». При произношении гласный *о→у*, *и→ы*, а также слово оформлено суффиксом эргатив-

ного падежа: *Уи турыһәм яһхыр ар абы фIэIэфIу иһхынIымэ* (Щоджэн Э.) («Ему [сыну] не понравится, что едят твои внуки»).

Хьукумэт – *hükümet* – «правительство». Данное понятие диаспора заимствовала из турецкого языка, а на исторической родине из русского языка «*правительствэ*», но и в первом, и во втором случаях фонетически адаптировала. В речи диаспоры, вместо гласного переднего ряда, *е* перешел в краткий гласный среднего ряда *э*. Например: *Кхъуыхъым къыщикIс абыи, мы дэ ди хьукумэтым Узун-Яйлэ кърит абыи къэкIуас* («Как вышли из корабля, правительство выделило место – Узун-Яйлу, и они здесь поселились») [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078]. *Хьукумэтыр дэIэпыкъуэгъу къытхуэхъуу иытамэ, ди бзэр нэхъыфIу тхуэхъумэну къыщIэкIынт* («Если бы нам правительство помогало, нам бы лучше удалось сохранить язык») (Тебер Ф.).

Хьэфиф – *hafif* – «легкий, несильный», вместо «*тIэкIу мащIэу*». Слово фонетически адаптировано: долгий гласный звук *а* в инлауте произносят как краткий гласный *э*. Например: *Хьэфиф тIэкIу узамэ, а ихэпсым иыщ кIэри-ихэрти хъужырт* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078]. («Если боль несильная, он лишь обматывал клейстером и так выздоравливал»).

Чаршы – *çarşı* – «базар». В метрополии употребляют заимствованный через русский язык «бзэр» с той же семантикой. В речи диаспоры в контексте слово оформляется формантом эргативного падежа *-м*. Например: *Сэ егъащIэм кIуэуэ ауэ сымми чаршым зыгуэрэ къышищэхуаIым найлон х'эльынус аһэми Эминэ къезэгъынуIым жуIуу* (Щоджэн Э.) («На базаре мне никогда ничего не покупали: боялись, что в составе окажется нейлон, и всегда говорили: «Эмине это не подойдет»»).

Чэудар – *çavdar* – «рожь», вместо *хьэпцIуй*. В речи диаспоры данный тюркизм претерпел некоторые фонетические отклонения от литературной нормы исконного языка: долгий гласный *а* произносят, как краткий гласный *э*, а также звонкий согласный *в*, перешел в лабиализованный гласный заднего ряда *у*. Например: *ЩIыс зэлэжьһэр, гуэдз, чэудар ягъэкI* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Занимаются возделыванием земли: выращивают пшеницу, рожь»).

Чорбэ – *çorba* – «суп», вместо «*хьэнтхъуис*». В речи диаспоры конечная долгая гласная *a* замещается кратким гласным *э*. Например: *Лыбжьэ, чорбэ, пIастэ дощI* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078] («Готовим гуляш (лыбжьэ), суп (чорбэ), пасту»).

Эскы – *eski* – «старый», вместо «*жъы*», «*жъы хъуа*». В речи диаспоры данное слово употребляется в форме множественного числа именительного падеже с формантом *-р*. Показателем множественного числа является суффикс *-хъэ*, чему в кабардино-черкесском литературном языке соответствует суффикс *-хэ*. А также наблюдается звукозамещение гласных *и*: *ы*. Например: *Ахъэр щагъэтыжати, а уэрэдыж' жызыIэхъэр, нэхъ эскыхъэри ахъэр зыри жаIыжтэIыми, дэ ахъэр щIагъуэ зэхэтхаIым* [Бижоев, 2000: 227] («Мы слышали мало старинных песен, их раньше пели пожилые, потом вообще перестали исполнять»).

Иуретмен – *öğretmen* – «учитель», вместо *егъэджакIуэ*. *Иуретмен* употребляется в эргативном падеже с формантом *-м*. Например: *Иуретменым къыдитри дыригъэджас* (Февзие С.) («Учитель давал нам почитать»). *Уи Иуохур зэребгъакIуэр псори тырку хъуа, Иуретменым зы псалъэ жытIэмэ ди лъакъуэ закъуэмчIэ дигъэувт* (Февзие С.) («Сейчас все дела решаем на турецком, если мы одно слово произносили (на черкесском), учитель заставлял нас стоять на одной ноге»).

Вторая группа иноязычных вкраплений – *чистая интеркаляция*. Иноязычные слова употребляются в черкесском контексте с сохранением фонетической оболочки и семантики языка-донора. Ниже приводятся слова в алфавитном порядке, которые с большой частотностью встречались в речи респондентов.

Иой – *оу* – «голос», вместо «*IэIэт хуитыныгъэ*» [БРКЧС, 2021: 182]. *Иой куэд къыдатаIым* (Щоджэн Ф.) («За нас проголосовали мало»);

алтмыш беш – *altmış beş* – «шестьдесят пять», вместо *хыщIрэ тхурэ*. *Алтмыш беш къалэм сыщыIыурэ я нэхъ мащIэ тхъэмахуэ, зы мазэ сыщыIурэ слъэгъуас* (Февзие С.) («Я посетил шестьдесят пять городов, останавливаясь в каждом не менее чем на неделю, а в некоторых – и на месяц»);

алтмыш докуз – altmış dokuz – «шестьдесят девять», вместо *хыщІрэ бгъурэ. Нэжмэтин и адэр алтын докуз лъандэрэ псэуас* (Февзие С.) («Отец Нежметина прожил до шестидесяти девяти лет»);

бельки – belki – «может быть», «возможно», вместо «*Іэмал зэриІэкІэ*». *Узун-Яйла исым и нэхъыбэр бельки яужьчІэ къуэкІэжа* (Щоджэн Ф.) («Большая часть жителей Узун-Яйлы, возможно, переселилась туда позже»);

билэ – bile – «даже», вместо «уеблэмэ», «къапщтэмэ». *Унэм билэ щыІаІым ар* (Щоджэн Э.) («Он даже не был дома»);

бин секиз юз алтмыш бирм – bin sekiz yüz altmış bir – «тысяча восемьсот шестьдесят один», вместо «*минрэ щийрэ хыщІрэ зы*». *Узун-Яйла дэс лъэпкъхэм и нэхъыбэр бин секиз юз алтмыш бирм мыбы къэкІуа* (Щоджэн Ф.) («Большая часть населения в Узун-Яйле переселилась в тысяча восемьсот шестьдесят первом году»);

бой – boy – «долгий», вместо «*кІыхь*». *Алыхьым гэнджэри я насыпыр бой ищІ!* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1077] («Дай Бог, молодым долгого счастья!»);

джумартесым – cumartesi – «суббота», вместо «щэбэт». *Ігы пцэдейу нІэрэ, мы къэкІуэну джумартесым Сурияу нІэрэ кычІынурэ къэкІуэнус ар* (Щоджэн Ф.) («Может завтра или в эту субботу она придет к нам из Сирии»);

етмыш секиз – yetmiş sekiz «семьдесят восемь», вместо «блыщІрэ ирэ». *Сэ етмыш секизрас Анкъэрэ сыкъыщыкІуар* (Ярум Г.) «Я в Анкару переехал в семьдесят восьмом году»;

не зэман – ne zaman «когда», вместо «сыт щыгъуэ», «дапщэщ». *Ар зэрыщІалъхьэрэ не зэман щІа жаІа щхьа* (Тохъу Н.) («С того времени, как его похоронили, прошло много времени»);

не...не – ne... ne союз «ни...ни», вместо «икІи», «е...е». Данный союз – один из самых часто употребительных в речи диаспоры. *Сэ Іунверстэм егъэагІуэм сыхэтами не мыпхуэдиз къэзлэжьынт, не мыпхуэдизу тыншу сынсэунт* (Щоджэн Э.) («Если бы я пошла преподавать в университет, я бы столько не зарабатывала и не имела бы такой легкой жизни»);

олсун – *olsun* «пусть будет», вместо «хъун». *Яхуэфайцэ яцІэу псэуас си адэшхуэ, олсун си адэкъуэи олсун, си дэльху олсун* (Тохъу Н.) («И мой дедушка, и мой дядя, и мой брат жили, выполняя свой долг»);

он беи – *on beɣ* «пятнадцать», вместо «пщыкІутху». *Ортэ мэктэбыр сухри, он беи лисэм ицІэздзас* (Щоджэн Э.) («Закончила среднюю школу и в пятнадцать лет поступила в лицей»);

он гун – *on gün* «десять дней», вместо «махуипщІ». *Он гуным фІэчІау дыщыІэ* (Ярум Г.) («Более десяти дней здесь находимся»);

таби – *tabii* «конечно», вместо «шэч хэмылъу», «дауикІ». *Сэ мэгъэм ицІагъуэу сиІэІыми мырас сызэрыхъур цыжиІэм Таби-таби, умыгузавэ абы ицхъа сэ бдэзгъэхъэзырынс* (Тохъу Н.) («Когда сказала, что в этом году дела не очень хороши, сказал, конечно-конечно, не переживай из-за этого, я помогу»). *Хъэдэр зеими яни езым и ицхъэ илажъэм мыст ицІІым таби* (Озден). («Конечно, семье умершего не до этого»);

таин – *tayIn* «назначить», вместо «хэхын». *Зы ицІалэр таин яцІыр абыми, абы нысэр къегъэтэг'* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1077] («Одного парня назначают, и он поднимает невесту»);

хич – *hiç* – «никакой», вместо «зыри». Например: *Ди Узун-Яйла хич къуажэ гъунэгъуэу хич къыдэнаІым* (Тохъу Н.) («В Узун-Яйле не осталось никакого близлежащего села»);

хьенси – *hepsi* – «все», вместо «псори», «зыри къэмынэу». *Къуажэ гъунэгъуһэр хьенси зыІэмынэ къэкІуэнус* (Тохъу Н.) («Близлежащие села все без исключения приедут»);

хъэфтэ – *hafta* – «неделя», вместо «тхъэмахуэ». *Хъэфтэ дубыдау гъэмахуэм, ицІымахуэм иштэ дубыдау мэктэбһэм хъэфтэ махуэһэм къыщыкІуэфһэм мыбдей къыдошэри ядгъэицІэну яужь дитс* (Елкъан И.) («Летом и зимой выделяем неделю, и по возможности привозим в школу на это время и стараемся чему-то обучить»);

чизмар – *çizmar* – «ноговица», вместо «лъей». *Зыгуэрым и чизмар кІуэдауэ хуэзаиц* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1073] («Встретили того, кто потерял свои ноговицы»);

чок – *çok* – «очень», вместо «куэду», «егъэлеяуэ». *Дэ мыбы чок дырэ-хъэтс* («Нам здесь очень спокойно») [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1079]. *Чок жэназышхуэ яІэһэс адигэһэм чок, чок* (Тохъу Н.) («Адыги делают очень-очень большую панихиду»);

чорбасы – *çorba* – «суп», вместо «хъэнтхъупс». *Хъэлыуэ цхъа сэ зи сыгъуейяІым, амэ ы-ы-ы ди болгур чорбасы цхъа* (БанэщІэж-Хъэшыкъуэ Э.) («Из-за халвы я никогда не плакала, но из-за супа из булгура плакала»). «Болгур чорбасы» в значении «суп из булгура», *чорба* имеет эквивалент в литературном языке «хъэнтхъупс». Болгур – это крупа, которая больше употребляется в Турции. Но с недавнего времени и на исторической родине жители стали употреблять в пищу данную крупу. В черкесском контексте звучит так: «*былгъурым къыхэщІыкІа хъэнтхъупс*», дословно «суп из булгура»;

шымди – *şimdi* «сейчас», вместо «иджыпсту». *Ди унэр шымди гъунэгъус, зэпэгъунэгъуу* (Февзие С.) («Сейчас наш дом расположен близко»);

эвет – *evet* «да», вместо «нтІэ». *Эвет, жъыс дэсыжһэри, щІалэ (молодой) дэсыжІыми ар жары нобэ ахуэду ягъэхъыбарас* (Февзие О.) («Да, сегодня поговаривали о том, что сейчас там остались только пожилые, молодежь разъехалась»);

эмеклы – *emekli* – «пенсионер». В метрополии употребляют слово «пенсионер», заимствованное из русского языка. В словаре «пенсионер» переводится как пенсионер, а в скобках толкование (*пенсэ зрат цІыху*), дословно – человек получающий пенсию [БРКЧЯ, 2021: 485]. *Emekli* произносят как и в языке-доноре. Например: *Хэт ейу нІэрэ мыр? Зыгуэрым жери зы эмекли, Хъалымыш ейс* (Яурум Г.) («Интересно, кому это принадлежит? Кто-то сказал, что принадлежит одному пенсионеру, Халымышу»). *Х'эку лъэныкъуэм я жыІэчІэмчІэ пенсэм сыхэчІау, яу тыркухэм я жыІэчІэмчІэ эмеклы сыхъуауэ сыщысс* (Къущхъэ І.) («Как говорят на родине, я ушел на пенсию, а как говорят в Турции – стал эмекли (не работаю)»);

яни – *yani* – «то есть», «а именно» вместо «нэгъуэщІу жыпІэмэ». *Ар емыкІушхуэт, яни ы-ы-ы* (Тохъу Н.) («То есть, это было очень неприлично»). *Яни адыгэбзэм цхъа хъуэхъубзэс жыпІэмэ ебгъэлея хъунІым* (Къущхъэ І.)

(«То есть, если про адыгский (черкесский) язык сказать, что он язык тоста, то это не будет преувеличением»). В черкесском контексте данная лексема звучит также, как и в турецком языке, т.е. произносится с турецким акцентом: начальный звук [я'] в сильной позиции, а звук [н'] произносится мягко.

Анализ речи черкесской (адыгской) диаспоры в Турции показал, что в качестве интеркаляции могут выступать любые части речи, однако количественно доминируют имена числительные.

Таким образом, заимствование иноязычных слов – основная и самая распространенная форма взаимовлияния, взаимообогащения языков. В современном кабардино-черкесском языке как на исторической Родине, так и в диаспоре наблюдается активное проникновение иноязычных слов в виде интеркаляций.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, новые слова в литературный язык проникают через основные государственные языки стран проживания. В диаспоре этот процесс связан прежде всего с обиходно-разговорной средой, чаще всего в процессе межэтнической коммуникацией. Данный лексический пласт также содержательно достаточно ограничен сферой бытовой деятельности диаспоры (названия местных блюд, специфические этнокультурные наименования, лексемы, слова из сферы местных обычаев и традиций). Иноязычные вкрапления в речи диаспоры делятся на две группы: модифицированную и чистую интеркаляцию. В первую группу входят слова, фонетически и грамматически подчиняющиеся законам грамматики заимствующего языка, в другую группу – слова, употребляющиеся в контексте так же, как и в языке оригинала.

Наличие в контексте большого количества заимствований в речи диаспоры, в первую очередь, объясняется тесным взаимодействием с носителями турецкого языка, уровнем владения родным языком и государственным языком страны проживания, доминированием турецкого языка в речевой практике респондента. Как отмечено, большая часть заимствований имеет эквиваленты в родном языке.

Следует отметить, что и в диаспоре, и в метрополии наблюдается активное использование заимствованных слов и выражений не только из русского и турецкого языков, но и из других языков. Многие слова, такие как общественно-политическая лексика, не имеют эквивалента в родном языке, в таком случае заимствование неизбежно, но также отмечаются и другие случаи, когда при наличии лексемы в родном языке для удобства употребляют заимствования. Например, и в диаспоре, и на исторической родине в разговорной речи активно используются заимствованные числительные. Следует помнить, что язык как живой организм постоянно пополняется новыми лексемами, без них невозможно, поэтому заимствование слова – это один из способов развития языка. Несмотря на это, нужно сохранять основной пласт лексики, который является фундаментом кабардино-черкесского языка.

3.3. Трансформация фразеологизмов в речи кабардино-черкесской диаспоры

Фразеологизмы отражают уникальность языка народа, его менталитет, мировидение, представления людей об окружающем мире, сложившиеся в процессе жизнедеятельности. «ФЕ содержат богатейшие средства речевой выразительности, придают речи особую экспрессию и неповторимый национальный колорит. ФЕ являются достоянием языка и входят наряду с отдельными словами в лексический инвентарь данного языка» [Шумилина, Судовчихина, 2023: 3]. «Изучение национально-специфической фразеологии, с одной стороны, позволяет проникнуть во фразеологическую картину мира как особый и сложный языковой феномен, с другой – проследить взаимосвязь процесса фразеологизации коллективного коммуникативного опыта и объекта репрезентации» [Аликаев, Башиева, 2010: 106].

Фразеологизмы используются в речи как готовые единицы языка, но в контексте возможны структурные трансформации. По мнению В.Т. Бондаренко, «в своей общей массе устойчивые фразы отличаются заметной пред-

расположенностью к структурным изменениям того или иного вида, что проявляется при функционировании их в тексте, когда одна и та же фраза способна выступать в разных формах, в виде синтаксических вариантов. При этом изменение внешнего облика УФ может сопровождаться одновременно определенным сдвигом в синтаксической семантике [Бондаренко, 2012: 45]. По мнению Т.С. Гусейновой, «трансформированные варианты узуальных выражений, будучи экспрессивными языковыми знаками, имеют двойственную природу, которая детерминирована одновременной неоднозначностью и элементарностью их возникновения, а также функционированием в процессе речемыслительной деятельности индивидуума» [Гусейнова, 2018: 62]. «Трансформация фразеологической единицы предполагает наличие специальной авторской цели и выступает в качестве приёма, помогающего выстроить эстетически цельное повествование» [Куранова, 2023: 98]. И.Б. Голуб отмечает, что «эстетическая роль фразеологических средств определяется умением автора отобрать нужный материал и ввести его в текст. Такое употребление фразеологизмов обогащает речь, служит «противоядием» против речевых штампов» [Голуб, 2004: 120].

Язык постоянно развивается, пополняется не только отдельными лексическими единицами, но и фразеологическими, «отражающими новые реалии жизни, новые явления в социокультурной среде, изменения в живой разговорной речи». А в «уже существующих языковых единицах происходят изменения формального, структурного и семантического планов» [Гареева, 2023: 140]. «Изменчивость языковых единиц заложена в самой природе языка, поскольку он представляет собой активную, постоянно изменяющуюся часть жизни народа» [Шуай, 2025: 229]. Изменение ФЕ А.А. Хуснутдинов и Кукубу Авимаель Жафе связывают с тем, что «во фразеологии языка отчетливее, чем где-либо, проявляется возможность двоякого использования фразеологической единицы в речи: в первом случае фразеологическая единица вводится в речь в том виде, в каком она существует в языке и в общем употреблении, во втором – фразеологическая единица подвергается раз-

ного рода трансформациям, к которым прибегают, когда те или иные свойства общеупотребительного фразеологизма не отвечают целевым установкам автора» [Хуснутдинов, Кукубу, 2018: 333].

Ученые выделяют различные виды трансформации фразеологических единиц. И.Ф. Гайнанова выделяет три вида: грамматическую, семантическую и структурную [Гайнанова, 2008: 157]. Т.П. Куранова выделяет семантическую и структурно-семантическую. К структурно-семантическому виду автор относит лексическую трансформацию, расширение состава фразеологизма, эллипсис (усечение), контаминацию (объединение двух и более частей) [Куранова, 2023: 99–100]. «Трансформация грамматической структуры, по мнению Н.А. Семеновой, не только внешне, но и внутренне обновляют оборот, но и позволяют осуществить изменения фразеологического оборота в составе предложения, что делает возможным его включение в такой контекст, который был бы не подходящим для нормативной ФЕ» [Семенова, 2019: 24]. По мнению О.А. Шевченко, «фразеологизмы могут быть использованы как по-разному – как в трансформированном, так и в нетрансформированном виде». Но при этом, он отмечает, что «форма и семантика ФЕ сохраняется в кодифицированном виде, а стилистический эффект возникает в результате взаимодействия фразеологизма с контекстом» [Шевченко, 2011: 98].

В адыгском языкознании вопросами фразеологии занимались Б.М. Карданов [Карданов, 1968; 1973], Н.Р. Иваноков [Иваноков, 1971; 2015], Ю.А. Тхаркахо [Тхаркахо, 1971], А.Г. Емузов [Емузов, 1989], Б.Ч. Бижоев [Бижоев, 2005a] и др., которые заложили фундамент изучения фразеологических единиц кабардино-черкесского языка. В адыгских языках А.А. Шаов основным признаком фразеологических единиц считает «переосмысление составляющих ее компонентов», фразеологизм – это такая единица в системе языка, состоящая из двух и более слов и создающая образное представление о знакомых предметах (явлениях) путем переосмысления значений составляющих ее компонентов» [Шаов, 1980: 40]. Ю.А. Тхаркахо отмечает, что «глагольные-именные фразеологизмы состоят из глагольных и

именных компонентов, но в них ведущее место занимает глагольная форма (*гур кIодын* (испугаться) *цтэн*)» [Тхаркахо, 1971: 186]. Описывая особенности фразеологических единиц, В.Н. Телия отмечала, что во многих иранских, абхазо-адыгских языках активно происходит процесс переразложения глагольных перифраз типа «хранить молчание, читать мораль», где глагол «передает» свои функции существительному, а последнее выполняет роль лексической морфемы» [Телия, 1966: 41–42].

Фразеологизм не может существовать без окружения, изолированно, поэтому во избежание неточностей необходимо отграничить слова, входящие во фразеологизм, от тех, что выходят за его рамки и образуют окружение [Тихонова, 2022]. Фразеологизмы имеют ограниченный круг сочетаемости, который вызван их сложной структурой, их неспособностью изменяться, многим фразеологизмам присуще значение качественной оценки или характеристики, которое в силу своей яркости приобретает синтаксически ограничительное значение, и наконец, связи фразеологизмов с другими словами ограничены внелингвистическим фактором [Жуков, 1978]. Семантика большинства фразеологизмов кабардино-черкесского не выводится из значения ни составляющих компонентов, ни слов свободного употребления, входящих в состав устойчивого словосочетания. Например: «*зы фалъэ йошхыкI* (букв.: они едят из одной миски) в значении «их водой не разольешь»; *цIакIуэ кIапэ теувэн* (букв.: становиться на край бурки)» в значении «вызвать кого-то на дуэль» [Бижоев, 2005а: 243]. Следовательно, в ФЕ каждый компонент или морфема занимают определенное место, а изменение структуры, приводит к трансформации устойчивого оборота.

С развитием языка количество ФЕ меняется, одни становятся архаизмами и на их место приходят другие, которые впоследствии переходят в активный запас и фиксируются в словарях. «Одним из источников фразеологизмов является индивидуальное словотворчество выдающихся общественных деятелей прошлого, наиболее талантливых писателей современной кабардинской литературы: *дыгъужьыгу бажэкIэ* (с сердцем волка, с хвостом лисы), о человеке трусли-

вом, но с чрезмерными претензиями» [Карданов, 1973: 18]. В диаспоре влияние экстралингвистических факторов привело к тому, что в ее речи фразеологизмы-неологизмы не выявляются. Наоборот, для выражения своих мыслей носители языка в зависимости от речевой ситуации употребляют ту или иную ФЕ из сохранившихся в языке, что и привело к трансформации некоторых устойчивых оборотов. В речевом репертуаре диаспоры семантика трансформированных фразеологизмов сохраняется, несмотря на грамматические отклонения (например, замена одного компонента другим и т.д.).

Сравнительный анализ фразеологизмов литературного кабардино-черкесского языка и речи диаспоры показал, что некоторые устоявшиеся ФЕ с течением времени видоизменились. Трансформированные устойчивые выражения можно поделить на группы: ФЕ с частичной трансформацией; ФЕ с грамматической трансформацией; ФЕ с семантико-структурной трансформацией.

3.3.1. Фразеологизмы с частичной трансформацией

В кабардино-черкесском литературном языке «значение большинства фразеологизмов не выводится ни из значения составляющих его компонентов, ни тем более из значения слов свободного употребления, которые входят в состав омонимичного свободного словосочетания, ср.: *хъарбызитI зы IэкIэ зехъэн* ≈ «пытаться усидеть на двух стульях; погнаться за двумя зайцами» (букв.: пытаться удержать два арбуза одной рукой); *зы фальэ йошхыкI* ≈ «их водой не разольешь» (букв.: они едят из одной миски); *цIлакIуэ kIанэ теувэн* «вызвать кого-л. на дуэль; ≈ бросить кому-л. перчатку» (букв.: становиться на полу бурки)» [КЧЯ, Т. 2, 2006: 171]. Лингвистический анализ полевого материала позволил выявить группу фразеологизмов, отличающихся от устоявшихся норм литературного языка: один компонент заменяется другим, но при этом сохраняется семантика изначального устойчивого оборота. Например:

Iэм къызэрихъкIэ / дил къызэрихъкIэ в значении «в силу своих возможностей», вместо *къарум къызэрихъкIэ*, здесь информаторы имеют в виду все, что могут сделать силой своих рук. В устойчивом словосочетании происхо-

дит частичная трансформация, компонент *Іэ* «рука» употребляется вместо компонента *къару* «сила». Например: *Адигагъэм и къэнэжыныгъэм теухуауэ иІэ кыхь зыгуэрэ кыгъанэкъым* (Щоджэн Э.) («В силу своих возможностей старается сохранить адыгский этикет»). *Ди Іэм кызызэрихьІэ дыбдэІэныкъунс* (Токъмакъ А.) («Поможем в силу своих возможностей»). *Араси мыбыІэм ихьэчІэ дил кызызэрихьІэ делэжъа* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Итак, над этим мы работали в силу своих возможностей»). В литературном языке: *Долэт Мусэ къемычэнджэщыжу Іуэху пхуицІэнутэкъым, езы Муси и къарум кызызэрихьІэ Долэт щытхъурт* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 346] («Долат, не посоветовавшись с Мусой, ничего не делал, а Муса, в свою очередь, изо всех сил хвалил Долат»).

Акъыл хуцІэмышъу букв. *акъыл* «ум» + *хуцІэмышъэн* «не имея свободного времени», вместо литературного *акъыл хунэмысын* «не догадаться» «не осилить умом», *акъыл хуэкІуэн / хуэмыкІуэн* «догадаться/не догадаться». Например, в диаспоре: *Ан-на, сьт хуэду делэ сынсэуа зыми си акъыл хуцІэмышъу, дау сынсэуа сэ мыпхуэдизу* (Февзие С.) («Боже, какой же глупой я была, ни о чем не догадывалась, как я столько так прожила»). Лексема *хуцІэмышъэн* «быть занятым» в литературном языке сочетается со словами, обозначающими людей: *Елдар къуажэм и унафэцІ зэрыхъурэ нэхъ хуцІэмышъу, цІалагъэ сьтхэр ІэцІыб ицІати, Тембот зэзэмызэххэ фІэкІа хузэзжыртэкъым* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 214] («Эльдар, как стал начальником, из-за нехватки времени все забросил и с Темботом только изредка встречался»). *Писырым и акъылыр хунэсынкъым Лу и акъылыр здынэсым, – жиІэу Іэдэм* [Кыщокъуэ, Т. 3, 2005: 547] («Писарь не додумается до того, до чего додумается Лу – говорил Адам»). В качестве синонима в литературном языке *акъылыр хунэмысын* употребляют *акъыл хуэкІуэн/хуэмыкІуэн*, как утверждение в значении «додумался» и как отрицание – «не додумался». Например: *Нэхъапэм зэикІ игу къэкІынтэкъым а дакъыкъэм зэгупсысам зэгуэр и акъыл хуэкІуэну...* [КхъуэІуфэ, 1977: 227] («Раньше ему никогда бы не пришло на ум то, о чем он подумал в эту секунду, и что он додумается до этого»).

Акъылыр жэн в значении «прийти на ум», вместо *гур жэн*, наблюдается частичная трансформация: существительное *акъыл* «ум» замещает *гу* «сердце». Буквальный перевод «прибежать на ум», например: *Псом япэ си къуажэм си акъылыр жа* (Тебер Ф.) («В первую очередь мое село пришло на ум»). Пример из литературного языка: *Инал и гур здэжам Степан Ильич гу лъитащ: – Уэ бгъэщIагъуэр сымыщIэ уи гугъэ?* [Кыщокъуэ, Т. 3, 2005: 528] («Степан Ильич заметил, что что-то пришло на ум Иналу: – Ты думаешь, я не знаю, чему ты удивляешься?»).

Гум хэлъын в значении «задумать что-л», вместо литературного *гум илхъэн*, отмечается частичная трансформация. Главный компонент *гу* «сердце» не меняется, но в речи диаспоры встречается глагол *хэлъын* «находиться где-л, в чем-л.», а в литературном языке *илхъэн* «положить что-либо куда-либо внутрь». Образовавшиеся устойчивые словосочетания в контексте имеют схожую семантику, но закрепился *гум илхъэн*. Например: *Къэфкъасием сынэкIуэну сигу хэлъс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074]

(«Я задумал поехать на Кавказ»). Пример из литературы: «*Сыихэнкъым, сыжеинкъым сэ а Iуэхур зэфIэкIауэ мы гупым езмыгъэлъэгъуауэ*», – *игу ирилхъащ Абдулчэрим* [ШэджихъэщIэ, 1987: 528] («Не буду ни есть, ни спать, пока не покажу всем, что дело сделано, – решил Абдулкерим»).

Гур гъэщэбэн букв. *гу* «сердце» + *гъэщэбэн* «смягчить», в значении «обрести душевный покой, почувствовать облегчение», вместо *гум жьы дихужын* «вздыхнуть свободно, почувствовать облегчение» или *гур тыншыжын/гъэтыншыжын*. Здесь происходит частичная трансформация, компонент *гу* «сердце» не меняется, показывая душу, душевное состояние человека, а *гъэщэбэн* в литературном языке заменен на *гум жьы дихун*: букв. *гу* «сердце» + *жьы* «воздух» + *дихун* «продуть». Например: *А си адэ шыпхъум си адэчIэ куэду нэрыгъти, аhэр абы и гузавэгъуэр дихыфыну, абы и гур игъэщэбэnumэ, дэтхэнэр хуейми ирехъ жиIас* (Щоджэн Э.) («Моя тетя (по отцу) очень любила моего отца, поэтому моя мама сказала, если (один из моих детей) поможет ей унять боль утраты, пусть забирает, кого хочет»). В

литературе: *МафIэгур Ростов кIуэуэ ежъати, я гум нэхъ жьы дихужащ* [КIыщокъуэ, Т. 2, 2005:111] («Когда поезд двинулся в Ростов, они вздохнули с облегчением»). *Иужьым си гур тынышжащ, зыгуэрым и щIыхуэ стелъу стекIыжа хуэдэ* [Брат, 1988: 87] («Потом обрела душевный покой, будто расплатилась с тем, кому должна была»).

Гур тынышын букв. *гу* «сердце» + *тынышын* «успокоиться», в значении «быть спокойным», вместо *гур зэгъэн*. Если проанализировать данные сочетания вне контекста, получаем *тынышын* «быть спокойным» и *зэгъэн* «перестать баловаться», «стать спокойным», однако в литературном языке отмечается устойчивое сочетание *гур зэгъэн*. Например, в речи диаспоры: *Махуэһэми хуабэси, нобэ мыр тицIынус, тицIымэ нэхъ си гур тынышынус* (Безыр З.) («Днем очень жарко, поэтому сегодня мы сделаем так, если сделаем, мне будет спокойнее»). Пример из литературного языка: *А псалъэхэр щызэхихым, щIалэ цIыкIум игу зэгъауэ щIэпхъуэри джэггуу пицIантIэм дэувэжащ* [Журт, 1987: 8] («После таких слов мальчик со спокойной душой побежал и продолжил играть во дворе»).

Ину къэгубжъын букв. *ину* «сильно» + *къэгубжъын* «гневаться», в значении «злиться», вместо *хуабжъу къэгубжъын* (букв. чрезмерно гневаться). Например, в диаспоре: *Шогэнһэ япхъуһэр къыщыгубжъым дей ину къогубжъыр* (Щоджэн Э.) («Когда дочери Шогеновых злятся, они сильно гневаются»). В литературном языке лексемы *ину* и *къэгубжъын* не сочетаются, в данном примере наблюдается частичная трансформация. С таким же значением употребляется *хуабжъу къэгубжъын*: *Хуабжъу сыкъэгубжъауэ сыкъэкIуащ, – ину щэтащ Нажмудин* [Журт, 1987: 36] («Я пришел сильно разгневанным, – глубоко вздохнул Нажмудин»).

Сэлам етын в значении «передать кому-либо привет», вместо *сэлам ехыжын*, происходит частичная трансформация: глагол *етын* «дать» употребляется вместо *ехыжын*, который отдельно означает «снова спуститься», «сойти вниз». Но в составе устойчивого словосочетания используется, когда хотят через кого-то кому-то передать привет. В кабардино-черкесском языке компоненты некоторых ФЕ имеют единичную сочетаемость, как во фразеологизме

сэлам ехын. Например: *Фэ дауэ фышыт, уи ихьэгъусэм куэду сэлам куэд ет* (Къэрабэ М.) («Вы как поживаете, супругу передай большой привет»). В литературном языке: *ЛитІыр Туш къельэІуат, нэсыжмэ, я дежхэм сэлам хурахыжыну, зэрыузыниэхэр хьыбару яІэригъэхьэну: зыгуэр ятхыну хуит яцІыркъым, дэнэ цыІми, сыт яцІэми я дежхэр цыгъуазэкъым, лІа хьэмэрэ нсэу?* [МафІэдз, 2014: 72] («Двое мужчин просили Туша, чтобы, когда он будет дома, передал привет семье, сообщил о том, что с ними все хорошо: им не разрешают писать, где они, что с ними, родные не знают живы или уже мертвы?»).

УпиІэ къэшиин – букв.: «протянуть вопрос», в значении «спросить», *еупиІын*, вместо *упиІэ етын* букв.: «вопрос + дать». Ср.: *УпиІэ къэпиийһэми пэкІуэну згуэрһэри хужысІыну сыхуцІыхьэІым* (Токмакъ А.) «Не получается ответить на заданные вами вопросы». В литературном языке: *ЕгъэджакІуэм къызита упиІэхэм я жэуапыр псоми естац* (речение А.М.) «Ответила на все вопросы учителя». Здесь происходит частичная трансформация: глаголы *къэшиин* и *етын* обозначают «что-то протягивая дать кому-то», но в *къэшиин* преверб *къэ-* показывает направление к чему-то.

ФІы дьдэу цІэн в значении «прошло много времени» происходит частичная трансформация. С таким же значением в литературном языке употребляется *куэд цІауэ*. Сочетание *фІы дьдэу* употребляется в значении «очень долго», в словаре *фІы* «хороший, славный, замечательный» + частица *дьдэ* «очень, слишком». Например: *Куэд цІас ху пІастэ зэрызмышхыжрэ, ху хьэнтхьунс сызэремыфэжрэ, ху ужьгъэ диІыжІым, фІы дьдэу цІас ар зэрытфІэкІуэдрэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1079] («Давно не ел пасту из проса, не пил суп из проса, у нас уже нет просорушки, прошло много времени с тех пор, как мы утратили это»). Как видим, респондент как синонимы в речи использует и литературный вариант *куэд цІэн*, и частично трансформировавшийся фразеологизм *фІы дьдэу цІэн*, в отличие от литературного языка. Примеры из литературы: *Хьэжыгъальэ мывэм и хьыбарыр куэд цІауэ къекІуэкІырт, ауэ цІыхур лыхьуэ пэтми къахуэгъуэтыртэкъым*

[Нало, 2016: 38] («Рассказ о камне для хранения муки давно существует, но люди, сколько не ищут, не могут найти»).

Щхэм илххэн в значении «задумать что-либо», вместо *гум илххэн*, здесь происходит частичная трансформация: существительное *цхьэ* «голова» замещает *гу* «сердце». Например: *А махуэм Умар сэ сплынус жысІэри си цхьэм ислхьас* (Щоджэн Э.) («В этот день я задумалась о том, что сама буду воспитывать Умара»). *Забинэти зыкъом цІауэ игу ирилххат бригадырм хуэфІ хьуну* [Журт, 1987: 134] («Забинат давно задумала отомстить бригадиру»).

Щхэм къэмыкІуэн букв. *цхьэ* «голова» + *къэмыкІуэн* «не приходиться», в значении «не приходиться в голову» вместо *цхьэм къымыххэн*. Глагол *къыххэн* «войти внутрь чего-либо» употребляется вместо *къэкІуэн* «идти, направляться». В литературном языке закрепилось *цхьэм къыххэн* «прийти в голову», *цхьэм къымыххэн* в значении «не приходиться в голову». Например, в диалекте: *Ар ди акъыл, ди цхьэм къэмыкІуэурэ, къэмыкІуэурэ ди ныбжьыр фІэчІас* (Февзие С.) («Мы состарились, не приходя это на ум, в голову»).

Итак, в эту группу вошли двухкомпонентные устойчивые словосочетания, где (стержневым) компонентом в некоторых оборотах выступают имена-лексемы *гу* «сердце», *Іэ* «рука», *цхьэ* «голова», связанные с душевными переживаниями, которые занимают особое место в фразеологическом фонде кабардино-черкесского языка. Впервые вопрос о фразеологически связанном значении был рассмотрен В.В. Виноградовым, который отмечал, что «фразеологически связанное значение иногда трудно определимо, в нем общее логическое ядро не выступает так реально, как в свободном значении. Фразеологически связанное значение, особенно при узости и тесноте соответствующих контекстов, дробится на индивидуальные оттенки, свойственные отдельным фразам. Поэтому чаще всего такое значение не столько определяется, сколько характеризуется, освещается путем подбора синонимов, которые могут его выразить и заменить в соответствующем сочетании» [Виноградов, 1947: 361]. Б.М. Карданов отмечает, что в кабардино-черкесском языке «по структурному составу данные фразеологизмы бинарны, но некоторые из них могут быть и

трехкомпонентными; для них характерна абсолютная семантическая неразложимость и, в целом, эквивалентность слову» [Карданов, 1973: 102]. Как показывает лингвистический материал, для речи диаспоры характерно разложение устойчивого оборота путем замещения одного компонента другим.

3.3.2. Фразеологические единицы с грамматической трансформацией

В эту группу включены устойчивые словосочетания, в которых выявлены отклонения от литературного языка в грамматическом строе: замещение одного звука другим, выпадение согласного в середине слова, усечение слога или корня в начале слова, но с сохранением структуры и семантики ФЕ.

Алыхьым и шкур'чIэ «слава богу», вместо литературного *алыхьым и шыкуркIэ*. В речи информатора отмечается смягчение переднеязычного сонорного звука *p'*, а также звукозамещение абруптивного шипящего аффриката *kI* на палатализованный согласный *чI*, а также выпадение гласного звука *ы* между двумя согласными (*шыкуркIэ*). Например: *Игы, алыхьым и шкур'чIэ, сэ къыздэлэжъау, илъэсиплIым сэ си гъусэу лэжъау, унверстетыр яух'ау, нобэ тIоущIым щIигъу щIалэ диIыс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («Теперь, слава богу, у нас есть более двадцати молодых людей, которые окончили университет и четыре года работали со мной»). В литературном языке: *Алыхьым и шыкуркIэ, хъыджэбз цIыкIум зыри къыщыщIакъым* [Къэрмокъуэ, 2004: 104] («Слава богу, с девочкой ничего не случилось»).

Гу лъытэн (гу лъытас) «заметить», «понять»/ *гум ежэлIэн (гум ежэлIас)* «принять нечто обидное близко к сердцу» / *гум еуэн (гум еуас)* «сделать кому-л. больно, сильно обидеть»/ *гум ирихьын (ягу ирихъас)* «понравилась». В речи диаспоры приведённые ФЕ встречаются с той же семантикой, что и в литературном кабардино-черкесском языке, но с грамматическим отклонением: в глаголах утвердительный суффикс-копула *-и* заменён на *-с*. Например, в речи диаспоры: *Абы х'эту си анэ гу лъытас зыгуэрэ зэрыщыIэр* (Щоджэн Э.) («В тот момент мама заметила, что что-то происходит»). *Ар апхуэду зэрыщытыр си гум Iейуэ ежэлIас* (Ярум Г.) («То, что так случилось, стало очень обидно»). *Мыбдей*

лъэныкъуэм куэду хьыгэбз унагъуэр ягу ирихьас (Тохъу Н.) («Нашей стороне очень понравилась семья девушки»). *Ниги сэ согъуей, согъуей, си адэ шыхъур фIыу сольагъу, игу сеуас* (Щоджэн Э.) («Теперь я плачу, плачу из-за того, что сильно обидела тетю (по отцу), я же ее очень люблю»).

Примеры из литературы: *И IutIымкIэ иIыгъыу кыишия письмор къыщыIыхым, абы гу лъитаиц ЖанIэфI и Iэпэхэр зэрыкIэзызым* [ШэджихьэщIэ, 1987: 38] («Когда забрал письмо, протянутое обеими руками, он заметил, как дрожат руки Жанаф»). «*Си цIэ къудейр, итхыну игу тыхуакъым*», – *и гум ежэ-ллаиц Абдулчэрим* [ШэджихьэщIэ, 1987: 145] («Он даже не соизволил написать мое имя – очень близко к сердцу принял это Абдулкерим»). *Думэсарэ и псалъэр заницIэу игу ирихьаиц Нурхъэлий* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 92] («Нургалию сразу понравился разговор Думасары»). *Хьэсэн, ей -й, уи жагъуэ сиIа нобэ апхуэдизу?* [КхъуэIуфэ, 1977: 225] («Эй, Хасан, я настолько сильно тебя обидел сегодня?»). *Хьыджэбзым и гум еуаиц* [ШэджихьэщIэ 1987:146] («Сильно обидел девушку»). Однако следует отметить, что со значением «обидеть» в литературном кабардино-черкесском языке часто употребляют ФЕ *и жагъуэ щIын*, а не *гум еуэн*. Глагол *еуэн* чаще используют в значении «ударить», а также в сочетаниях *Iэгу еуэн* «хлопать в ладоши», *пшынгэ еуэн* «играть на гармошке».

Гум IэкIын в значении «думать», в литературном языке *гум къэкIын*. Здесь отмечается звукозамещение в начале слова абруптивного смычного нелабиализованного согласного *къ* на ларингальный нелабиализованный смычной *I*. В контексте ФЕ употребляется в отрицательном значении, суффикс отрицания *-къым*, произносится с грамматической трансформацией: *къ:I*. Например: *Дэ зе дигу IэкIаIым ар къэбэрде хьэмэ Iэбазэ жьытIэу* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071] («Мы никогда не задумывались о том, кабардинец ли он или абазин»). *Езы Аслъэниц ар япэу зигу къэкIари* [Къэрмокъуэ, 2004: 57] («Первым об этом подумал Аслан»).

ГуицхьитI хъун вместо *гуитIицхьитI хъун* в значении «быть в нерешительности, колебаться». Здесь происходит выпадение корня в середине слова.

Дословный перевод: *гуитI* «два сердца» + *ицхьитI* «две головы» и *хъун* «стать». В речи информатора опущено *тIу* «два», когда речь идет о сердце, буквально *гуицхьитI* «сердце и две головы». Например: *Иги гуицхьитI сыхъуас* (Щоджэн Э.) («Теперь я колеблюсь»). Можно предположить упрощение произношения устойчивой единицы, так как по значению вписывается в контекст. Пример из литературного языка: *Лыжъхэр, жамыIэ ицхэкIэ, гуитIицхьитI хъуауэ зэхэтт* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 437] («Старики, хотя и не говорили, стояли колеблясь»).

Дунем ехас в значении «уйти из жизни», «умереть», «отправиться на тот свет», чему в литературном языке соответствует *дунейм ехыжын* (ехыжаш). В речи диаспоры наблюдается грамматическая трансформация при употреблении фразеологизма: выпадение среднеязычного сонорного звука *-й*, который входит в корневые и аффиксальные морфемы, а также замена утвердительно-го суффикса-копулы *-иц* на *-с*. Например: *Дунем ехас, Тхъэм жэнэтчIэ игъэгуфIэ* (Къущхъэ I.) («Умер, пусть Всевышний обрадует раем»). В данном примере слово *ехас* /ехын «сойти», «спуститься» употребляется без направительного суффикса *-жы-* (ехыжын – «сойти вниз»). *ЩIалитIрэ зыпхъурэ сиIэти, си пхъур дуне[й]м ехыжас, ицIылитIыр сиIэс* (Къудей Н.) («У меня было два сына и одна дочь, дочь умерла, сыновья живы»). *Нэжмэт аби дуне[й]м ехыжас* (Ярум Г.) («Брат Нажмет умер»). Пример из литературного языка: *Сэ си бын закъуэр къыщальхуа, дунейм ехыжа си ицхъэгъусэр щыпсэуа икIи щыщIалъхъэжа къуажэм сьдэкIыжу районым сыIэпхъуэну унафэ зыщIыну хуитри хэт?* [Къэрмокъуэ, 2004: 154] («Кто имеет право приказать мне переселиться в район, оставив село, в котором родился мой единственный ребенок, где жила и похоронена моя супруга?»).

Дунем течIыжас в значении «уйти из жизни», «умереть», буквально *дунейм текIыжын*: *дуней* «мир» + *текIыжын* «исчезнуть», «уйти». В речи диаспоры отмечается выпадение среднеязычного сонорного звука *-й*, который входит в корневые и аффиксальные морфемы. Данное устойчивое словосочетание в литературном языке употребляется в двух значениях: 1) что-то исчез-

ло; 2) «уйти из жизни». В значении «умереть» чаще употребляют фразеологизм *дунейм ехыжсын* (ехыжащ), хотя в произведениях А.П. Кешокова часто встречается *дунейм теклыжсын* с тем же значением. В литературном языке ФЕ *дунейм теклыжсын* употребляется, когда имеется в виду что-то, что не могут найти, т.е. происходит семантическая трансформация. Сравни, в речи диаспоры: *Умар дунем кыицыхьам и анэр дунем течлыжас* (Щоджэн Э.) («Когда Умар появился на свет, его мать покинула этот мир»). В литературном языке: *Цыхум анхуэдиз бэлыхь цытателъыр кыхуэмыццэу и адэм хуэтхьэусыхэрт Наташи, кыжриццэу, цыхур дунейм кытехьэгъуафцэу кытехьэ цхьэкцэ, теклыжыгъуейуэ токлыж, жицэри* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 379] («Наташа жаловалась отцу, не понимая, почему люди столько страдают, на что он сказал, что хотя люди легко появляются на свет, но уходят из жизни тяжело»). *И анэр дунейм ехыжа нэужьы кэкцэуащ абы и письмо, ауэ зритын имыгъуэту куэдрэ кырихьэкцэу Тазрэт* [Журт, 1987: 20] («Даже после смерти матери приходило его (сына) письмо, но Тазрет долго носил, не зная кому отдать»).

Игыри кэсыху «до сих пор» в речи диаспоры, в литературном языке – *иджыри кэс*. В первом компоненте происходит звукозамещение звонкого шипящего аффрикаты *дж* на звонкий среднеязычный спираント *г*: *игыри* вместо *иджыри*, а второй компонент с наращением в конце *-ху*: *кэсыху* вместо *кэс*. Например: *Янэ дыдэ, игыри кэсыху, мыхуэдэ цыхуцэу цыхьэзакъуу яужь итас* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071] («Впервые, до этих пор, такими делами люди занимались в одиночку»). В литературном языке: *Иджыри кэс ахэр зэсар цыхухьу унафэм ирипсэууэци, янэццыкцэ зыгурыцэу хуейр и дэлхурац* [Кцэрэф, 2009: 145] («До сих пор они находились в подчинении мужчины, поэтому сперва нужно договориться с братом»).

Нобэм кэсаси «до сегодняшнего дня» в речи диаспоры, в литературном языке – *нобэр кыздэсым*. В предложении первый компонент стоит в эргативном падеже, хотя в глагольных фразеологизмах модели «имя+глагол» устоявшиеся падежные окончания составляющих частей не меняются. Например: *Ди унагъуэм кэбэрдеибзэс, нобэм кэсаси а ди цыкцэу тыркубзэс* [Фонотека

ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] («В семье разговариваем на кабардинском, на сегодняшний день дети – на турецком»). В литературном языке: *Граждан зауэр къежэным и пэклэ сабыныр клуэдыжащи, нобэр къыздэсым зы тыкыри згъуэткаым* [Дыгъужь, 2011: 142] («Еще до начала Гражданской войны мыло исчезло, и до сегодняшнего дня ни одного куса не могу найти»).

По утверждению Н.Р. Иванокова, «именительный падеж в устойчивых словосочетаниях – результат акта образования фразеологической единицы. В этой форме именного компонента рождается фразеологизм... компоненты и их формы, в которых отлилось фразеологическое значение, – это форма существования устойчивого словосочетания, форма существования фразеологического значения» [Иваноков, 2015: 196]. Нельзя не согласиться с мнением Н.Р. Иванокова, действительно, устоявшееся падежное окончание именного компонента фразеологизма ведет к изменению, а порой и к разложению устойчивого словосочетания на отдельные лексические единицы, поэтому важно сохранять и использовать в речи ФЕ в той устоявшейся форме, в которой зафиксирован в словарях.

3.3.3. Фразеологизмы с семантико-структурной трансформацией

В этой группе объединены фразеологические единицы, в которых сохранена структура, но в контексте используется в другом значении, а также устойчивые словосочетания, в которых произошла полная трансформация, но при этом значение определяется по контексту. И.Ю. Третьякова такие ФЕ называет окказиональными фразеологизмами, отмечая, что – это «единицы, функционирующие в речи, не являющиеся единицами национального лексикона, не зафиксированные в нормативных словарях, образуемые носителями языка с определенными коммуникативными целями путем трансформации языковых фразеологических единиц, существенно различающихся с фразеологическим инвариантом в семантике или структуре, однако сохраняющие связь с языковым прототипом – фразеологическим инвариантом»

[Третьякова, 2011: 25–26]. Различные модификации ФЕ в речи диаспоры являются стилистической особенностью речи, отражающий состояние языка, лексический состав, уровень сохранности языка.

Мэракъ щІын в значении «проявлять любопытство / интерес». Данный фразеологизм образовалось соединением двух лексем из разных языков: турецкий – *merak* «любопытство / интерес» и кабардино-черкесский *щІын* «делать». *Фи альфабым къеджэһэ, мэракъ зыщІ щыІэхэс, фи алфабым сегэу сэ яужь ситиу щхъа сыхущІыхъэр, зэзгъэщІаІым, сэ арап альфабэ зэзгъэщІат, сысабий чІыщІэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («У нас есть и такие, которые знают ваш алфавит, проявляют интерес к нему, я занимался изучением алфавита, но из-за нехватки времени не выучил, с детства знаю арабский алфавит»). *Дызэрыгъэунэхун хуейс ахуэду мэракъ щыщІкІэ!* («Мы должны испытать друг друга, если ему так любопытно!») [Паштова, 2020: 262].

Образование фразеологизмов сочетанием иноязычного компонента с исконным вспомогательным глаголом М.М. Паштова относит к ранним «заимствованиям периода заселения новых территорий и освоения турецкого языка», в фольклорных текстах автор отмечает наличие таких полукалькированных фразеологизмов как: *перішан хъун, щІын* (*perişan* «оказаться в растерянном, жалком положении») вместо *тхъэмыщІэгъуэ ихуэн; къуртамыш щІын* (*kurtarmış etmek* «спасти») вместо *къегъэлын* [Паштова, 2020: 262]. Отмеченные М.М. Паштовой фразеологические единицы в фольклорных текстах не сохранились в разговорной речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции, кроме *меракъ щІын*.

Нобэр къыздэсым в значении «на сегодняшний день». В литературном языке данное сочетание употребляется как «до сих пор», отмечается трансформация семантики фразеологизма. Например, в диаспоре: *Нобэр къыздэсым сянэ-сядэр сэ псэужІым* (Гусер Р.) («На сегодняшний день моих родителей уже нет в живых»). А в литературном языке: «*Тобэ, тобэ...Хэт щыщІт а тцащэ тхъэмыщІэр, Батыр? Нобэр къыздэсым сщІэркъым, Сосрыкъуэ*»

[Хьэкьун, 1974: 181] («Тоба, тоба... Из какого рода эта бедная девушка, Батыр? До сих пор не знаю, Сосруко»).

Палъэ етын – в кабардино-черкесском литературном языке имеет значение «назначить кому-л. срок». Но в речи респондента *пIалъэ етын* используется в значении «доверять». Например: *ХьунIым жиIэмэ (Эминэ) ар мыхъунураиц, жиIэу куэдэ пIалъэ къызату сыщылэжъас* (Щоджэн Э.) «Если (Эмина) скажет, что это неправильно, значит неправильно, с таким доверием я работала с ними». В контексте видно, что *пIалъэ етын* имеет значение «доверять», чему соответствует фразеологизм *дзыхъ хуэиIын*. Например: *Си ныбжъэгъу благъэ гуэрэм я дежт дыздекIуэлIари, дыиIэкIуа хьыджэбзри къытхуаиэри бэлыхълажъэу дызэхэсаиц, пIалъи еттри дыкъежъэжын хуеи щыхъум, уIэли-уди, дыгурыIуакъым бысымым* [Журт, 1987: 108-109] («Мы остановились у родственников моего друга, нам привезли девушку, из-за которой поехали туда, очень хорошо посидели, назначили срок, но когда наступило время отъезда, мы никак не смогли договориться с хозяином дома»). *Псори дзыхъ зыхуициIри зэчэнджэири Къэрэжанти... Иджы псори и закъуэу и цхъэм щызэрегъэзахуэ, IуициIу зыгуэрэм тримубыдэфу* [Журт, 1987: 11] («Раньше все доверяла и советовалась с Каражан. Сейчас одна в голове все перебирает, не может на чем-то остановиться»). Как показывают примеры, ФЕ в контексте имеют разную семантику и не могут выступать как синонимы. Но, в отличие от литературного языка, в речи диаспоры видим обратное, когда фразеологизм используется в контексте с другим значением.

Палъэ етын имеет значение «наметить срок», «дать время», но в речи респондента встречается в значении «уважать кого-л», чему в литературном языке соответствует *пиIэ хуэиIын*. Здесь отмечается трансформация семантики фразеологизма: *Си анэм езым и шыхъум нэхъ пIалъэ ирит* (Щоджэн Э.) («Моя мама с бóльшим уважением относилась к сестре»). Примеры из литературного языка с обоими фразеологизмами: *Уэ хэкум фIыуэ укъальагъу, пиIэ къыпхуаицI, фи парт организацэри фIыуэ къыпхуытитц* [Кыщокъуэ,

Т. 3, 2005: 568] («Тебя на Родине любят, уважают, и ваша партийная организация хорошо относиться к тебе»). *Луиэ тхъэмахуэиц пIалъэу къратар, нэху къекIмэ, махуитхуиц къэнэжыр* [ШэджыхъэщIэ, 1987: 295] («Луше неделю дали время, по происшествии ночи останется только пять дней»).

ЩIагъуэ темыхэн букв. *ицIагъуэ* «много» + *темыхэу* «не оставляя» в значении «в скором времени». В литературном языке слова *ицIагъуэ* и *куэд* имеют значение «много», являются синонимами, а лексема *техэн*, в контексте *темыхэн* в отрицательном значении, является компонентом другого фразеологизма: *жэп техэн* «оставить что-л. не накрытым, чтобы оно покрылось инеем» [АП, 1999: 172]. Несмотря на полную трансформацию фразеологизма, по контексту определяется значение «в скором времени». Например: *ЩIагъуэ темыхуу дыкIуэжас* (Февзие С.) («В скором времени уехали»). В литературном языке: *Ауэ куэд дэмыкIуу Музэрин аргуэру шыгукIэ кыIухъаиц зы лIы гуэр и гъусэу* [КхъуэIуфэ, 1977: 200] («Но в скором времени Музарин опять вернулся на бричке с каким-то мужчиной»).

Щхъэ махуэ ицIын в значении «обрести счастливую старость», вместо устоявшегося *жъыицхъэ махуэ хъун*. Здесь происходит полная трансформация ФЕ, все компоненты устойчивого оборота заменены на другие, но существительному соответствует существительное, глаголу – глагол. Фразеологизм *жъыицхъэ махуэ хъун* образовался путем слияния нескольких слов: *жъы* «старый, ветхий» + *ицхъэ* «голова» + *хъун* «стать», а в речи диаспоры произошло отпадение в первом корне в сочетании «жъыицхъэ», образовав *ицхъэ махуэ ицIын*, при котором глагол-компонент *хъун* «стать» заменили глагол-компонентом *ицIын* «сделать». Например: *Мыбы яужь итIэр Алыхъым ицхъэ махуэ иицI, Алыхъым хъеркIэ ди япэ иригъэт* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1076] («Да будет счастливой старость тех, кто занимается этим делом, дай Бог долгую жизнь») Пример из литературы: *Жъыицхъэ махуэ ухъу, Мухъэмэ-мырзэ!.. – кыицыIурт лъэныкъуэ псомкIи* [ШэджыхъэщIэ, 1987: 17] («Да будет твоя старость счастливой, Мухаметмирза! ... – звучало со всех сторон»).

Таким образом, лингвистический анализ полевого материала речи диаспоры показал значительное количество частично, структурно и семантически трансформированных фразеологических единиц, образованных под влиянием экстралингвистических факторов. Для выражения мысли представители диаспоры в сложившейся речевой ситуации адаптировали имеющиеся в языке фразеологизмы, но с сохранением семантики.

По видам трансформации фразеологизмы дифференцированы на группы по видовой принадлежности. При чем большая их часть подверглась частичной трансформации, но с сохранением семантики. К другой группе отнесены фразеологизмы с грамматической трансформацией, а также ФЕ с семантико-структурной трансформацией. Следует отметить, что такие изменения противоречат устоявшимся правилам в грамматике о структурной целостности устойчивых оборотов, которые вызваны изолированным проживанием от исторической родины, отсутствием контактов с носителями литературного языка длительное время.

Выводы к главе 3

1. В кабардино-черкесской речи диаспоры зафиксирован устойчивый пласт лексики, значения которой расходятся с кодифицированными значениями в литературном языке. Эти расхождения обусловлены длительной изоляцией диаспоры от метрополии, отсутствием письменной фиксации и системного языкового образования, а также доминирующим влиянием устной формы существования языка. Семантические сдвиги происходят по механизмам метафорического и метонимического переноса, сужения или расширения значения, а также контаминации с близкими по звучанию или ситуации словами. Классификация обнаруженных семантических несоответствий:

а) полное изменение значения: *гъуеин* в диаспоре означает «плакать» (в литературном языке – «блестеть»); *ананхъэ* – «мачеха» (в литературном от-

сутствует, образовано по модели фызыпхъэ); *Іэзэ* – «доктор» / «больница» (в литературном – «знахарка»);

б) сужение или расширение семантики: *ин* «старший» (в литературном – «большой»); *куэду* «очень» (в литературном – «в большом количестве»); *къэтэдэжын* «расти, развиваться» (в литературном – «вставать»);

в) семантический сдвиг при сохранении формальной близости: *епльын* «признать, счесть» (вместо «смотреть»), *зегъэкІуэн* «проводить» (вместо «учить ходить»); *къыздэсыр* «исполнилось» (вместо «прибыл»);

г) сохранение архаичных значений или диалектных вариантов: *нэмыщІ* «другой» (вариант, зафиксированный в кубано-зеленчукском говоре); *цІыхун* «знать» (отмечено в бесленеевском диалекте).

2. В речи старшего поколения диаспоры (60–80 лет) отмечается наибольшая консервация архаичных и трансформированных значений, тогда как молодое поколение (до 35 лет) под влиянием контактов с метрополией, репатриации и цифровых коммуникаций частично переориентируется на литературные нормы. В настоящее время литературная норма метрополии доминирует в письменной и официальной сферах, тогда как диаспорные семантизмы остаются маркером устной речи ограниченного ареала.

3. Выявленные семантические различия поднимают вопрос о степени диалектной гомогенности речи адыгских диаспор в разных странах (Турция, Сирия, Иордания, Израиль, страны Западной Европы и США). Для установления источников семантических расхождений и их ареального распределения требуется сбор и сопоставительный анализ полевых материалов из всех регионов проживания черкесской диаспоры. Это позволит определить, какие из зафиксированных трансформаций являются универсальными для диаспоры в целом, а какие – локальными инновациями турецкой группы.

4. Длительное функционирование кабардино-черкесского языка в иноязычном (турецком) окружении, отсутствие письменной кодификации и системного языкового образования, а также доминирование турецкого языка в

официальной и повседневной коммуникации привели не только к семантическим сдвигам, но и к проникновению в речь большого пласта иноязычной лексики, то есть интеркаляций. Это явление отражает общую закономерность: чем шире функциональная сфера второго языка, тем активнее его проникаемость в родной язык билингвов. В речи диаспоры выделены два основных типа иноязычных вкраплений:

а) модифицированная интеркаляция (более 80 % респондентов) – слова, фонетически и грамматически адаптированные к системе кабардино-черкесского языка, и воспринимаются как органичная часть речи;

б) чистая интеркаляция – слова, сохраняющие фонетическую оболочку и семантику языка-донора. Они не подвергаются структурным изменениям и выступают как иноязычные вкрапления в потоке черкесской речи.

5. Наиболее частотными заимствованиями являются: дискурсивные слова (*Іэмэ* «но», *иштэ* «итак, сейчас», *яни* «то есть», *таби* «конечно», *несэ* «кстати»); количественные числительные (*алтмыш* *беш*, *етмыш* *секиз*, *бир*, *ики* и др.), вытеснившие исконные адыгские числительные даже при наличии эквивалентов; лексемы повседневного быта (*чорбэ* «суп», *чаршы* «базар», *мэктэб* «школа», *парэ* «деньги»). Важно отметить, что большинство заимствований имеют полноценные эквиваленты в литературном кабардино-черкесском языке (*ахъшэ* – *парэ*, *еджанІэ* – *мэктэб*, *лъэпкъ* – *милэт* и др.), что свидетельствует о языковом сдвиге в пользу доминантного языка.

6. Сопоставление с метрополией показывает, что на исторической родине основным источником заимствований является русский язык. Также отмечается, что процесс заимствования числительных – универсальная черта как метрополии (русские числительные), так и диаспоры (турецкие числительные), что говорит о высокой уязвимости именно этой лексической подсистемы. Заимствованные слова, как правило, полностью подчиняются морфологическим законам кабардино-черкесского языка: оформляются падежными формантами (*-р*, *-м*, *-кІэ*, *-у/-уэ*), присоединяют показатели множественного числа (*-хэ* в речи метро-

полии, *-hэ* в диаспоре) и словообразовательные суффиксы. Фонетическая адаптация лексических единиц включает замену гласных, протезу и эпентезу, оглушение конечных звонких согласных, аффрикатизацию заднеязычных. Степень адаптации выше у более частотных и давно заимствованных слов.

7. Интенсивность интеркаляций неразрывно связана с возрастом респондентов и уровнем их языковой компетенции относительно родного языка: старшее поколение сохраняет больше исконной лексики, но также активно использует тюркизмы; молодое поколение, часто не владеющее черкесским языком, в своей речи на родном языке (если говорит на нём) демонстрирует максимальную насыщенность заимствованиями, вплоть до переключения кодов. Несмотря на активное заимствование, в речи диаспоры сохраняется фундаментальный пласт исконной лексики (термины родства, базовые глаголы, названия частей тела, основные прилагательные). Однако иноязычные вкрапления становятся не просто стилистическим приёмом, а системным явлением, угрожающим целостности лексической системы.

8. Фразеологизмы как маркер этнокультурной идентичности в кабардино-черкесской речи диаспоры отражают менталитет, мировоззрение и коллективный коммуникативный опыт народа. Однако именно фразеология в силу своей сложной семантики и структурной жёсткости оказывается наиболее уязвимой для трансформаций при длительном бесписьменном существовании языка в иноязычном окружении.

9. На основе сопоставления ФЕ в речи диаспоры с кодифицированными ФЕ в литературном кабардино-черкесском языке выделены три основные группы изменений:

а) фразеологизмы с частичной трансформацией – замена одного компонента другим при сохранении общей семантики: *Іэм къызэрихькІэ* вместо *къарум къызэрихькІэ* («в силу своих возможностей»), *гум хэльын* вместо *гум илхьэн* («задумать»). Наиболее часто замене подвергаются компоненты с семантикой внутреннего состояния (*гу* «сердце», *ицхэ* «голова», *Іэ* «рука»).

Это свидетельствует о тенденции к семантическому упрощению при сохранении образной основы;

б) фразеологизмы с грамматической трансформацией – изменения на уровне фонетики и морфологии при сохранении структуры и значения: замена копулы *-иц* на *-с* (*гум ежэла^с* вместо *гум ежэла^{иц}*), замещение абруптивов (*гум ІэкІын* вместо *гум кѣэкІын*), выпадение слогов или звуков (*дунем ехыжас* вместо *дунейм ехыжаиц*). Эти изменения отражают общие фonomорфологические процессы, характерные для речи диаспоры, которые распространяются и на ФЕ;

в) фразеологизмы с семантико-структурной трансформацией – полное изменение компонентного состава (иногда с включением иноязычных элементов) либо сдвиг значения при внешне сохранённой форме. Примеры: *мэ-ракъ ицІын* (из тур. *terak* + каб. *ицІын*) «проявлять любопытство»; *пІалъэ етын* «доверять» (вместо «назначить срок»); *ицхъэ махуэ ицІын* «обрести счастливую старость» (вместо *жъыицхъэ махуэ хъун*). Эта группа наиболее ярко демонстрирует влияние турецкого языка (лексические кальки, полукальки) и адаптацию устойчивых оборотов к новым коммуникативным нуждам.

10. Большинство трансформированных ФЕ сохраняют семантическую идентичность с литературными прототипами, что свидетельствует о высокой устойчивости фразеологического ядра языка даже в условиях интенсивных контактов. Однако наличие полных семантико-структурных трансформаций и полукалькированных оборотов (с турецким компонентом) указывает на начальные стадии фразеологической интерференции. Старшее поколение диаспоры демонстрирует больше архаичных и частично трансформированных ФЕ, тогда как молодое поколение, менее владеющее родным языком, практически не использует фразеологизмы либо заменяет их описательными оборотами на турецком языке. Выделенные типы трансформаций (частичные, грамматические, семантико-структурные) ФЕ создают основу для типологически ориентированных исследований фразеологии в других диаспоральных ситуациях.

Глава 4. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ДИАСПОРЫ

4.1. Лексическая стилистика

Лексика представляет собой важнейший элемент всех видов речевой деятельности, характеризуемый наличием стилистической окраски. В современной лингвистике понятие «стиль» является многомерным. Как отмечает А.Б. Лихачева, «стиль в лингвистике – это манера речи говорящего, и мера правильности речи, и ее экспрессивная окраска, и специфические особенности речи в жанровом и социальном отношении, и функциональные особенности речи, связанные со сферой употребления» [Лихачева, 2010: 14].

Ведущая роль слова в системе языковых средств непосредственно обуславливает его статус в стилистике. Согласно справедливому замечанию И.Б. Голуб, «слово является основной стилистической единицей» [Голуб, 2001: 11]. Вместе с тем стилистический анализ не ограничивается только словом, а охватывает все уровни языковой системы. Как подчёркивает В.В. Виноградов, «стилистика общенародного, национального языка охватывает все стороны языка – его звуковой строй, грамматику, словарь и фразеологию» [Виноградов, 1955: 66].

Функциональный аспект стилистики предполагает изучение языка в связи с конкретными сферами человеческой деятельности. Р.С. Аликаев отмечает, что «исследование же языка той или иной сферы деятельности позволяет увидеть закономерности функционирования парадигм всех уровней языка, в том числе и стилевых» [Аликаев, 1999: 45]. Такой подход акцентирует внимание не на изолированных единицах, а на их системном взаимодействии в рамках определённого функционального стиля.

Важнейшее теоретическое основание стилистики было заложено Ш. Балли, который определял её предмет как изучение «эмоциональной экспрессии элементов языковой системы, а также взаимодействие речевых фактов, способствующих формированию системы выразительных средств того или другого языка». При этом Балли подчёркивал, что «изучение стилистики

может основываться только на речи какой-либо сложившейся общественной группы, причём начинать следует с родного языка и с разговорной речи» [Балли, 1961: 17]. Следовательно, стилистический анализ не ограничивается лексическим уровнем, но и не может игнорировать его центрального положения. Более того, между разными уровнями языка существует постоянное взаимодействие. Как утверждает Р.А. Будагов, «во всех языках существует постоянное взаимодействие грамматики и стилистики» [Будагов, 1977: 118]. Это взаимодействие проявляется в том, что грамматические формы и конструкции приобретают стилистическую окраску и функционально закрепляются в определённых типах речи, что требует комплексного подхода к анализу языковых средств. По мнению М.З. Улакова, изучение стилистической системы любого языка связано с установлением закономерностей его развития, способствующих не только его обогащению, но и расширению его функций, к изменению разговорной речи [Улаков, 1994: 5–6]. Ю.А. Тхаркахо тоже отмечает важность изучения языка в диахронии для определения стилистических особенностей, ведь «стилистическое исследование исторического прошлого языка, а также сопоставительное рассмотрение разных периодов в истории стилистического развития языка представляют не только практический, но и теоретический интерес» [Тхаркахо, 1982: 12].

В адыгском языкознании существенный вклад в изучение стилистики внесли З.Ю. Кумахова и М.А. Кумахов, издавшие монографию «Функциональная стилистика адыгских языков» (Москва, 1979), в которой они дали развернутую характеристику функционально-стилистического варьирования, классификации функциональных стилей, а также особое внимание уделили устно-поэтической речи и ее роли в формировании и развитии адыгских литературных языков. Значительный объём научных изысканий в области функциональной стилистики адыгейского языка принадлежит Ю.А. Тхаркахо. В 1987 г. исследователь защитил докторскую диссертацию, на тему – «Становление стилей и норм адыгейского литературного языка». В монографиях, вышедших в 1982, 1990 и 2003 гг., освещаются ключевые аспекты формирования, функционирования и нормативной базы стилей адыгейского литера-

турного языка; среди них – «Становление стилей и норм литературного языка» (Майкоп, 1982), «Очерки по грамматической стилистике адыгейского языка» (Майкоп, 1990) и «Стилистика адыгейского языка» (Майкоп, 2003). М.Л. Апажев в монографии «Проблемы кабардинской лексики» (Нальчик, 1992) затронул стилистические пласты кабардино-черкесского литературного языка. В работе он выделил три основных стилистических пласта: нейтральный, устный и письменный [Апажев, 1992: 110]. Значительный вклад в изучение стилистики современного кабардино-черкесского языка внес Х.Ш. Урусов. В монографии «АдыгэбзэмкӀэ практическэ стилистикэ» (Практическая стилистика современного кабардинского языка) (Нальчик, 2002) ученый подробно охарактеризовал стилистические особенности исследуемого языка.

Как и литературный кабардино-черкесский язык, кабардино-черкесская речь диаспоры имеет свои стилистические особенности. Они обусловлены отсутствием твердых форм функционирования разговорной речи, а также отсутствием письменности, что привело к её вариативности. По этому поводу мы разделяем точку зрения З.Ю. Кумаховой и М.А. Кумахова, которые считают, что «степень неоднородности и варьирования значительно усиливается при наличии сильного диалектного дробления, как в адыгских языках» [Кумахова, Кумахов, 1979: 23].

В сравнительном изучении литературного кабардино-черкесского языка с живой речью черкесов, живущих за пределами исторической родины, обнаруживается ряд лексических различий. В языке зарубежных черкесов разных поколений до сих пор встречаются исконные адыгские грамматические суффиксы-детерминанты и устаревшие слова (историзмы). В то же время длительное взаимодействие с иноязычным окружением привело к заимствованиям: в повседневную речь черкесской диаспоры вошли многие слова из турецкого и арабского языков.

В кабардино-черкесской речи диаспоры отмечены лексические пласты со стилистическими отклонениями. Самая большая группа – слова с фонетическими особенностями.

Исследование показало, что исконная лексика кабардино-черкесской речи диаспоры за рубежом под воздействием внешних факторов претерпевает фонетические изменения, по сравнению с литературным кабардино-черкесским языком на исторической родине. Самая распространенная стилистическая особенность в речи диаспоры – это употребление свистящего спиранта *c* вместо шипяще-свистящего спиранта *ц* в копуле. Например: Ср.: каб.-черк. речь диаспоры *жысIас* – литературный каб.-черк. язык *жысIац* «сказал», *сыщылэжъас* – *сыщылэжъац* «работал», *сыбгъэдыхъас* – *сыбгъэдыхъац* «подошел», *слъэгъуас* – *слъэгъуац* «увидел», *дохъуторс* – *дохутыриц* «врач», *гу лъитас* – *гу лъитац* «заметил» [ПМА, Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН].

Распространенным фонетическим явлением в кабардино-черкесской речи диаспоры является употребление вместо абруптивного смычного *къ* абруптивного ларингального смычного звука *I* чаще всего в суффиксе отрицания. Например: *зыщIыпIэ сыкIуаIым* вместо *зыщIыпIи сыкIуакъым* «никуда не ходил», *фIэфIтэIым* – *фIэфIтэкъым* «не нравилось (ей)», *игу къэчIлым* – *игу къэкIкъым* «не приходит в голову», *игы щыIыжIым* – *иджы щыIэжкъым* «сейчас уже нет», *дэ жытIэр къыгурыIуэрIым* – *дэ жытIэр къыгурыIуэркъым* «не понимает, что мы говорим», *ш'ыIэIым* – *щыIэкъым* «нет» и др. [ПМА, Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН].

В речи более 80 % респондентов отмечаются палатализованные *г', к', чI* (*к'I*) как варианты устоявшихся литературных фонем *дж, ч, кI* в разных позициях: начале, середине, конце слова. Например: *гегу хуащIырт* – *джэгу хуащIырт* «устраивали праздник», *игы* – *иджы* «сейчас», *хъыг'эбз* – *хъыджэбз* «девушка», *чIыхьлIыхь* – *кIыхьлIыхь* «затяжной», *дэрчIэ* – *дэркIэ* «для нас», *тIучIэ* – *тIукIэ* «в два раза», *х'эчIыпIэу иIыр* – *хэкIыпIэу иIэр* «единственный выход», *къыщIочI'* – *къыщIокI* «выходит», *к'эзууэ* – *чэзууэ* «по очереди» и др. [ПМА, Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН]. Такая стилистическая особенность лексики до сих пор отмечается и в современных диалектах и говорах кабардино-черкесского языка, что свидетельствует об архаичных формах слов в диаспоре.

Наиболее распространенной фонетической особенностью в речи диаспоры является употребление ларингального спиранта *h* для обозначения

множественного числа вместо литературного глухого средненебного спиранта *х(хэ)*. Например: *аһэри есас* – *ахэри есац* «они тоже привыкли», *махуэцIэхэр* – *махуэцIэхэр* «названия дней недели», *зыгуэрһэр* – *зыгуэрхэр* «некоторые», *къяужэһэм* – *къяужэхэм* «села», *унафэцIһэм* – *унафэцIхэм* «руководители», *слъэгъуаһэс куэд* – *куэд слъэгъуац* «видел много» и др. [ПМА, Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН].

В кабардино-черкесской речи диаспоры зафиксированы лексические единицы, которые образуют одну из стилистических особенностей повседневного общения. Среди них выделяются: имена существительные: *къяужэ* – «село», *къалэ* – «город», *сабий[хь]эр* – «дети», *хъы[г]эбз* – «девушка», *гъэмахуэ* – «лето», *Iэц* – «крупный рогатый скот», *хабзэ* – «обычай, этикет», *тицэд[г]ыжэ* – «утро»; глагольные лексемы, передающие действие или состояние: *сыкъыцыхъуас* – «рос», *къыджалыж* – «рассказывают», *мыбыуцелъкIэ* – «когда смотришь на это», *сыкъыцалъхуас* – «родился», *дыцыкIуам* – «когда пошли туда», *дыцегэм* – «во время учёбы»; числительные, в которых наиболее отчётливо проявляются расхождения с литературной нормой. Диаспоральные формы часто строятся по описательному принципу (буквальный перевод), тогда как в литературном языке используются стандартные количественные сочетания: *тIоуцIуцрэ пицыкIуплI* (букв. «два раза по двадцать и четырнадцать») – литературный вариант *блыцIрэ плы* «семьдесят четыре»; *тIоуцIрэ пицыкIуплI* (букв. «двадцать и двенадцать») – *цэцIрэ тIу* «тридцать два»; *минрэ цийрэ хыцIрэ плы* – «тысяча восемьсот шестьдесят четыре»; *тIоуцIрэ пицыкIублым* (букв. «двадцать и семнадцать») – *цэцIрэ блы* «тридцать семь»; *тIэу-цэ* – «два-три раза»; *ермым* – *тIоуцIым* – «в двадцать»; *тIоуцIым и ныкъуэр* (букв. «половина двадцати») – *пылы* «десять»; *пицIей хъуным илъэсибгъу хуеижс* (букв. «до восьмидесяти не достаёт девяти лет») – *блыцIрэ зы* «семьдесят один». Приведённые примеры демонстрируют как лексико-семантические, так и грамматико-стилистические особенности диаспорного варианта кабардино-черкесского языка [Абазова, 2022: 98].

В отдельную группу мы объединили слова и выражения с семантическими изменениями, неологизмы и заимствования.

Кабардино-черкесская речь адыгской диаспоры за рубежом богата лексическими единицами, которые в современном литературном кабардино-черкесском языке имеют другую семантику. Например: речь диаспоры *гу* «машина», в литературном языке – «подвода»; *дыкъроклуэ* «живем», в литературном языке – «проходим»; *ин* «старший», в литературном языке – «большой»; *гъэбыдэжын* «прекращать работу», в литературном языке – «закрыть» и др.

Неологизмы в кабардино-черкесской речи диаспоры используются для обозначения новых предметов или явлений, выполняя номинативную функцию. Они образовались путем смешения или слияния диалектов и говоров. Немалую роль сыграл государственный язык страны проживания. Например, *бидафэ* в значении «не знать меры, допускать излишества», *гыныплъ* «свекла, бурак» (пояснение информатора), *гъуэиш* «жвачка», *егъэзын* «принуждать, заставлять», *згъэубылъын* «спрятаться», *къэнжар* «свекла, бурак», *уакъыф* – «обучающий человек», *хъэду* – «война» [Абазова, 2014: 73].

В сравнении с литературным кабардино-черкесским языком в речи черкесской (адыгской) диаспоры отмечается наличие большого количества иноязычных выражений: с одной стороны – это заимствования из турецкого или арабского языков, а с другой – смешение диалектов и говоров кабардино-черкесского языка.

Возникновение смешанной речи вызвано социолингвистическими условиями и экстралингвистическими факторами. Она отличается территориально-авторским употреблением и используется носителями языка в повседневности. Следует отметить, что слова, вошедшие в лексический состав во время языкового единства, охватывают разнообразный круг понятий, часть которых на исторической родине перешла в историзмы, а в речи диаспоры входит в активный запас. Следует отметить, что слова-заимствования подчиняются грамматическим нормам кабардино-черкесского литературного языка. Например, *бахъчэ* («сад, приусадебный участок») вместо *хадэ*, *унэ пцIантIэ*; *бельки* («может быть, возможно») вместо *Iэмал зэриIэкIэ*; *ер* («местность») вместо *цIыпIэ*; *не...не* (союз «ни...ни») вместо *икIи*; *оныкI* (двенадцать) вместо *пцыкIутI*; *яни* («то есть, а именно, значит») вместо *нэгъуэцIу жыпIэмэ*; *альфабэ* («алфавит») вме-

сто *алфавит*; *бильмэм* («не знаю») вместо *сицІэкъым*; *дан сонрэ* («потом») вместо *итІанэ*; *дэхъэ* («ещё») вместо *иджыри*; *иштэ* («сейчас») вместо *иджыпсту*; *мэсэла* («например») вместо *псалъэм папцІэ* (*цхъэкІэ*) и другие.

Изучение материала позволяет заключить, что основную массу заимствований составляют тюркизмы. Они адаптированы к грамматическим правилам языка-реципиента: звуки, непривычные по артикуляции и сочетаемости, были заменены фонемами кабардино-черкесского литературного языка.

Следовательно, лингвистический анализ практического материала показал, что кабардино-черкесская речь диаспоры отличается лексико-стилистическим своеобразием, которое сформировалось в условиях изолированного развития и отсутствия письменности. В связи с чем пополнение словарного запаса представителей диаспоры происходило за счёт разнообразных устных источников. Самое большое влияние оказало иноязычное окружение, что обусловило появление обширного массива заимствованной лексики. В отличие от литературного языка, разговорная речь здесь не подчиняется жёстким нормам, что проявляется в особенностях произношения и в употреблении нейтральных слов черкесами (адыгами) за рубежом.

4.2. Лексические средства утверждения и отрицания в кабардино-черкесской речи диаспоры как стилистическая особенность

Лексические средства выражения утверждения и отрицания представляют собой совокупность слов, устойчивых сочетаний и оборотов, которые служат для выражения согласия с реальностью, то есть утверждение и указание на отсутствие, несогласие или несоответствие реальности – отрицание. Все «единицы языка, репрезентирующие согласие/несогласие, имеют упорядоченную систему, структура которой включает ядерные и периферийные средства, объединенные общими семантическими, функциональными, прагматическими признаками. На основе семантического принципа группировки языковых средств, используемых в речи, базируется описание «от формы к

значению» («от средств к функциям») и «от значения к форме» («от функций к средствам») [Бондарко, 1984: 4]. Следует учитывать, что «ядро понятийной составляющей концептов «согласие» и «несогласие» вербализуется лексическими единицами «согласие» и «несогласие», содержит общие значения «сходство», «соответствие» и «различие», «несоответствие». Семный состав единиц передает наиболее существенные характеристики выражаемого концепта» [Свиридова, 2008]. Действительно, отрицательные и утвердительные лексемы, в отличие от грамматических способов (префиксов или суффиксов), имеют самостоятельное лексическое значение и часто выступают как самостоятельные слова-предложения. А.А. Калинина разнообразные средства и способы выражения отрицания и утверждения связывает со сложностью ее смысловой реализации. Ведь «многообразное и сложное смысловое содержание данной категории требует многообразных, разноуровневых средств его выражения [Калинина, 2008: 123].

Как и в других языках, в адыгском языке утверждение и отрицание выражается как грамматически, так и лексически. В кабардино-черкесской речи диаспоры сохранились традиционные формы выражения исследуемых понятий, но в отличии от литературного кабардино-черкесского языка, с незначительными трансформациями.

По частотности употребления для выражения согласия или несогласия как в диаспоре, так и в литературном языке отмечают различные частицы.

В кабардино-черкесской речи диаспоры утверждение выражается утвердительными частицами *нтIэ*, *нытIэ* как и в литературном кабардино-черкесском языке. Лингвистический анализ речи диаспоры показал, что в диаспоре функционируют фонетические варианты исследуемой леммы, как стилистическая особенность речи. Некоторые респонденты употребляют литературный вариант: *НтIэ, куэдрэ [бзэр] зомыхьэмэ пцыгъупцэжынус* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074]. («Да, если долго не разговаривать на родном языке, он забывается»). *НтIэ, апы цыгъуэ аини зэхуэду фытIысынус* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078]. («Да, в таком случае расселе-

ние будет равномерным»). *НымIэ, а нэхъыжьһэм къызранэчIа уэрэдһэри нэхъыбу мис а гуауэм, гуIэгъуэм, гузэвэгъуэм теухуа уэрэдс, ди жагъуэ зэрыхъуси* (Къущхъэ Д.) («Да, к сожалению, песни, которые оставили старшие, о горе, скорби, печали»). *НтIэ, адигэм ди жьыIэгъэ зэрыхъунси, сьт хуэдэ лъэпкъ дыхэтми, къэрал димысми телевизион зэрыдимыIэрэ си жагъуэ мэхъу, си ихъэчIэ* (Къущхъэ I.) («Да, к сожалению, меня больше всего огорчает отсутствие национального телевидения – как и многих адыгов, где бы и с кем бы мы ни жили»). *НымIэ, Iэгъу, сэ сыадыгэIэ* (Къущхъэ I.) («Конечно, я же адыг»).

Как фонетический вариант *нымIэ/нтIэ* в речи одного респондента выявили лексему *нитIэ*, с тем же значением. *НитIэ, абдей, си гугъэмчIэ, адигэ къуажэһэм адигэһэр щыпсәһэ* (Айшанур А.) «Да, там, по-моему, в адыгских селах проживают адыги».

В речи некоторых респондентов была выявлена сокращенная форма слова *нымIэ* в значении «да, конечно». Например: лексема *тIэ* как вариант частицы *нымIэ*: *Адыгэбзэр фIыуэ соцIыху. – ТIэ, тIэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Кабардинский язык хорошо знаю. – Да, да»). *Закай и гъусэу? ТIэ. Заатын, абы зыгуэрэ къыгъуэтынус* (Ярум Г.) («Вместе с Закаем? Да. Собственно говоря, он что-то найдет»). *ЗаныцIу и псэр хэчIас? ТIэ.* (Ярум Г.) («Моментально умер? Да»). *ТIэ, къарууихуэ иIэу апхуэдэу ы-ы-ы шы цагъасэм дей шым тетIысхъэурэ мы и лъакъуэһэм дей икъузурэ имыгъэпIэтIауэу, апхуэду лъэрыхъу жаIыж* (Хъэгъундокъуэ Я.) («Да, рассказывают, что он был невероятно сильным, когда объезжал лошадей. Он садился верхом и крепко сжимал ногами живот животного, чтобы сдержать его порывы и не давать ему торопиться»). *Керам аби мыгъуэр дунем ехыжати ськIуас, тIэ, илгъэс зытхух инэ* (Тохъу Н.) («Да, когда не стало бедного брата Керама, пять-шесть лет назад, я поехала»). *МахуицкIэ ихын ягъэхъэзыртэIым Хэкум, гъунэгъурат, гуауэ щыщыIэм деж. ТIэ, тIэ, евет* (Озден). («На родине в течение трех дней в семье, где произошло горе, еду не готовили, соседи приносили. Да, да, да»). Этот респондент в речи для утверждения сказанного как синонимы использует одновременно кабардинский и турецкий утверди-

тельные лексемы: *mIэ, mIэ* и *эвет*. *Дэгъуэ хъуам жери, абы сытригъэгъуихуэ-ри сэри мыпхуэду къызэздзэчIаhэуэ. TIэ, mIэ* (Къущхъэ I.). («Он сказал, что результат получился хорошим, и это добавило уверенности, после этого я выпустил работу в таком виде. Да, да»). *TIэ, фIыу хэкIуэтауэ ныбжъ иIэт, mIэ* (Хъэгъундокъуэ Я.). («Да, да, она была в возрасте»). *TIэ, мыбдей зы адыгэ къуажэ унагъуэ щысмэ, зэрыщыту къетIысэчIар тырку унагъуэhэс, уэрамым техъэмэ зэрыджэгунур тыркубзэчIэс, игъусэ сабийhэр зэрыщыту тыркубзэс* (Къущхъэ Д.). («Действительно, когда адыгская семья живёт в окружении турецких семей, их дети на улице переходят на турецкий язык, так как играют только с турецкими детьми»). Следует предположить, что отпадение начальной согласной *н* происходит для облегчения произношения.

В разговорной речи некоторых респондентов выявлены и другие формы выражения согласия. Так, например, часто используют частицу *ы-ы-ы* в значении «да». Например: *Илъэс mIоуцIрэ нцIырэ хуэдиз езгъэг'ас, ы-ы-ы* (Къущхъэ I.). («Около тридцати лет работал учителем, да-а-а»). *Ы-ы-ы, сэ абы куэдрэ яужь ситс, адыгэбзэчIэ фIэчIа зи(чI)семыпсальэу* (Хъэгъундокъуэ Я.). («Да, я прилагаю много усилий, чтобы разговаривать только на кабардинском языке»). *ЛъанIу ящэ, ы-ы-ы, хъуицхъуэс, унэм цIэс цIыхубзhэми езыhэми зыхуем хуэду щахуэну* (Щоджэн Э.). («Да, продают дорого, как лекарство, рассчитанное для домохозяек, чтобы каждая сама могла покрасить как захочет»). *Ы-ы, зы мазэ инэ унагъуэ сыхъас* (Арымбек А.). («Да, месяц назад вышла замуж»). *Ахуэду зы х'абзэ яIэс мы къуажэм, ы-ы-ы* (Озден). («В этом селе сохранился такой обычай, да»).

Для выражения утверждения два информатора употребляет *ае-ае*, в значении «да-да». *Ае-ае, джэри зрахъэ* (Токъмакъ А.) («Да-да, фасоль используют»). *Х'абзэм зэрызедгъэкIуэnum яужь дитс, ае-ае* (Акбай И.) («Стараясь жить по традициям, да»).

Стилистической особенностью кабардино-черкесской речи диаспоры является выражение утверждения различными междометиями. С утвердительными междометиями мы встречаемся также и в разговорной речи жите-

лей метрополии, в художественной кабардино-черкесской литературе. А.А. Токова отмечает, что одним из важнейших средств выражения эмоции наряду с мимикой и экспрессивно окрашенными словами в кабардино-черкесском языке являются «междометия, обозначающие эмоции согласия, утверждения, выражают утвердительный ответ на просьбу. Выражаются междометиями *ахьей, айомэ, м-м-м, ы-ы, ыхьы, ыхьым, агъу, ахъу, ахьаймэ, ахей, ахьай, ахьейми, уей* и т.д.» [Токова, 2009: 218]. По частотности употребления в речи диаспоры мы выделили некоторые утвердительные междометия: *Аыей/ахьей, уэлэхы, уей*. Например: *Аhey дуlэ, (зэныщlэныгъэ) игыпсту хасэм щылажъэхэр дэтхэнэ зым щыцу къыддэлажъэу дигъусэси, мис мы къэбэрдей щlыналъэм теухуауэ унверстэм къэдгъакlуэ щlэлэгъуалэ аhэми догъакlуэ* (Хьэгъундокъуэ Я.). («Конечно (взаимодействуем), сейчас мы сотрудничаем со всеми, кто работает в хаса, например, отправляем молодёжь на родину учиться в университете»). *Уей, уиlыр зылэмынэ пшамэ, зы узыфэ къоуэлlамэ пхуримыкъуну, мыбы хуцхъуэр ахуэдизу лъанlэс, нэхьыбэр пэлъэш'lым* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071]. («Валахи, даже если продать все имущество, и этого не хватит, чтобы вылечить, если подхватишь какую-то болезнь, настолько здесь лекарство дорогое, многие не справляются»). *Уэлэхы, уэ уадыгэтэм жынlэчlэ хъуныlым ар* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071]. («Валахи, недостаточно только сказать, что ты адыг»). *Зи цlэр фlычlэ зыгъэlуа адыгэ бзылхугъэ дуlэ? Аhey дуlэ* (Хьэгъундокъуэ Я.). («Если у нас знаменитые адыгские женщины? Конечно, есть»). *Ууэлэхы, ар шы хъужыным умышынэ, сэ згъэхъужыным* (Молэ Б.). («Валахи, из него выйдет хороший конь, не бойся, я его вылечу»).

Очень часто в речи диаспоры всех возрастов обоего пола отмечаются утвердительные тюркские лексемы *таби, эвэт* в значении «конечно, хорошо». Например: *А жыгхэм щыц, таби-таби, къэчlынус, хасэлым иштэ, есанhэлыми хасэнhэлыми* (Тохъу Н.). («Конечно-конечно, такие деревья приживутся, но не сажают»). *Таби ахъшэ зиlэм и lуэхур нэхь мащlэ, абы lичlа ахъшэ зимылэм и lуэхур нэхь пхыдhэкlынс жыдоlэри ди гупсысэр арас* [Фонотека

ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071]. («Конечно, у кого есть деньги, у него проблем меньше, чем у того, у которого нет денег, и мы стараемся помогать именно таким»). *Си адэр мыбы кыыщыхуа, эвет* (Къэрабэ М.). («Мой отец здесь родился, да»). *ДыщыпсалъэчІэ, пѣжс, куэдым яни, таби, шей, иштэ, меракъ куэду тыркубзэм кыыхэчІауэ псалъэ куэд ыызэрахъэ* (Токъмакъ А.) («Действительно, когда разговаривают, здесь очень часто многие употребляют «яни», «таби», «шей», «иштэ», «меракъ», заимствованные из турецкого языка»). *Эвет, жъыс дэсыжшэри, щІалэ дэсыжІыми, ар жары нобэ ахуэду ягъэхъыбарас си къуэм къуишхэр, си гъунэгъуэхэр яни* (Озден). («Да, сегодня говорили, что только старшие остались, среди которых три сына моего сына и его соседи, а молодежь уехала»).

В речи диаспоры и в литературном кабардино-черкесском языке для утверждения часто употребляют лексическую единицу *пѣжс* в значении «правда, истина», с копула-суффиксом *-щ*. В отличие от литературного кабардино-черкесского языка, в речи диаспоры копула-суффикс *-щ* заменена на копулу-суффикс *-с*, как и в некоторых диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. Ср.: речь диаспоры: *Пѣжс, ипэм цІыхухэр къуажэм ыыдэсым нэхъыбэу зэрыцІыхухэт, зэрылъагъуэхэт* (Хъэгъундокъуэ Я.). («Действительно, раньше, когда люди жили в селе, они лучше знали друг друга, чаще виделись»). *Пѣжс, сэ адыгэ ыщыпсэу, сызэдэмыкІуа зыри къэнаІым* (Къущхъэ Д.). («Правда, я был во всех местах, где живут черкесы»). *Пѣжс, гуфІэгъуэхэри диІас, ау нэхъыбэу диІар гуІэгъуэрэ гузэвэгъуэрэ* (Тебер Ф.). («Да, у нас были и радости, но горя и тревог было больше»). Кабардино-черкесский литературный язык: *Пѣжщ, судым щІалэ цІыкІуитІыр игъэкъуанишэри игъэтІысащ* [Журт, 1987: 64] («Правда, суд вынес обвинительный приговор обоим мальчикам и их посадили»). *Пѣжщ, пуду тщащ, абыкІэ сыакъылэгъуищ, сыдауэркъым* [МафІэдз, 2014: 128]. («Правда, дешево продал, с этим я согласен, не спорю»).

Лексическое отрицание выражается с помощью различных лексем. В кабардино-черкесском литературном языке для выражения отрицания часто

используют «отрицательные местоимения и наречия: зыми – «никто», зыри – «никто, ничто», зыуи – «никак», зыщыпйи – «нигде», «никуда», зыкйи – «ничем», ззи – «никогда» [Шериева, 2014: 30]. Также для отрицания в литературном языке употребляется *хъэуэ* «нет», а в разговорной речи *ылы*, *алэ*, *аууей*. В речи диаспоры лексическое отрицание выражается так же, как и в литературном языке – с помощью отрицательных местоимений. Например: *Сэ бж'эр лусхри, бжэм сеуэри зыми цылуимыхым, Нэжмэтдини къеклуэ-лээжалым жысIэурэ сыщыыхъас* (Яурум Г.) («Я открыла дверь и постучала в нее, но, когда никто не открыл, я вошла, думая, что Нажметдина еще нет дома»). *Зыми семых'ау сэр-сэру солажъэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074]. («Я работаю на себя, никому не подчиняюсь»). *Игы дэ зыми бзэр тцыгъуныцалымэ* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1076]. («Теперь никто из нас не забыл свой родной язык»). *Сэ си къуэи бын, си шыхъу бынIэм зыми яцыхужлым, янэ-ядэ яцыху* (Гусер Р.) («Никто из детей моего брата и сестры не знает (родной язык), родители знают»). *Зыщыпйи сиэнэлым, зыми и бжэIупэ сиэнэлым и езым я цIанIэ цыспынус жиIас* (Щоджэн Э.) («Я никуда не поведу их, ни к чьему порогу не приведу, я буду воспитывать их в отчем доме, – сказала она»). *Сэ Узун-Яйлэ сыщыIалым, къуажэIэр зыри тыркубзэчIэ я цIэIэр сицIэлым, адыгэбзэчIэ зэрысцIэр* (Жарышты Ф.) («Я не была в Узун-Яйле, названия сел на турецком языке не знаю, знаю только как на кабардинском языке»). *Дэ тцыц зыри дэсыжлым, ди жагъуэ зэрыху, ауэ игыпсту къуажэр унагъуэ зыбгъуныцI дэсыуэ, гъэмахуэм нэхъ загъэпсэхуну кIуэжIэр нэхъ куэд мэху, ау цIымахуэм унагъуэ бгъуныцI хуэдиз дэсс* (Хъэгъундокъуэ Я.). («К сожалению, из наших никого не осталось в селе, сейчас там проживает около десяти семей, летом многие едут туда отдохнуть, но на зиму остаются девять-десять семей»). *Зи бл'агъагъэ зыхуаIуу зыщыпйиIэ идей къыцыубыдлым, ау куэду фIу зэрылгъагъуу, зымрэ зымрэ и хъэтыр ямыкътэу ахуэду псэуаIэс* (Щоджэн Ферсис). («О том, что они родственники, нигде не упоминалось, но они всегда жили уважая, помогая друг другу»). *Мэктэбым сыщыкIуэми игъацIэм ситеууэ зыщыпйиIэ сыхуаIлым, бжэIупэм*

коферыр луту абы сису мэктыбым сашурэ сыктыицІэчІыжым бжэІупэм кыакІуэрэ абы сыктыригъэтІысхъуэрэ сыктыишэжу (Щоджэн Э.). («Когда училась в школе ни разу никуда не ходила погулять, ко двору подъезжал шофер и отвозил в школу и со школы сразу домой привозил»).

В литературном кабардино-черкесском языке: *Макъамэм цІыхухэр анхуэдизу хильэсати, зыми зэхихакъым абы бжэр кыызэрыІуихар* [Дыгъужь, 2011: 191] («– Люди настолько увлеченно слушали музыку, что никто не услышал, как он открыл дверь»). *Тхъэ соІуэ, зыри хэзмышІыкІ, – жиІаиц Ісуф* [МафІэдз, 2014: 106] («– Клянусь, ничего не знаю, – сказал Юсуф»). *Укъыслъыхъуэну сиІамэ, зыицІыпІи сыкІуэнтэкъым, Мурид, – мэІущаицэ Нажмудини, абы кыыжриІэну зыхуейр кыицІауэ* [Журт, 1987: 125] («Если я бы знал, что будешь искать меня, я бы никуда не пошел бы, Мурид, – шепчет Нажмудин, догадавшись, что он хочет ему сказать»). *ИтІани гъатхэ дыгъэпсыр, умыицІэххэу икІи зыкІи упэмыплъэххауэ, кыыкыуокІыж...* [Мысачэ, 1991: 27] («И всё же нежданно-негаданно снова выходит весеннее солнце»). *Зауэр мыхъуам, абы бригадир ІэнатІэр зэи кыылъысынутаэкъым* [Журт, 1987: 12] («Если бы не война, ему никогда не досталась бы должность бригадира»).

В кабардино-черкесской речи диаспоры для выражения отрицания часто используют слова как из родного языка, так и заимствованные из турецкого языка. В разговорной речи всех возрастов в значении «нет» часто используют лексемы *хъэуэ* / *хъэу*. В одном контексте с усечением конечной краткой гласной среднего ряда нижнего подъема э, а в другом – в полной словоформе: *НтІэ жиІас, ух'ыхъэмэ мастерыр псиІыуэ ухэчІыжыну, хъэуси укІуэтэну ухуей?* *Хъэу, зысІас сэ мастерыр сиІыу химья профессор схъуну сыхуес* (Щоджэн Э.) («Итак – сказал он, – если пройдешь и окончишь магистратуру, уйдешь или дальше продолжишь (учебу)? Нет, – ответила я – после окончания магистратуры, я хочу стать профессором химии»). *МазипІчІэ ицыІа?* *Хъэу, дзэм илъэсчІэ ицыІас, чІэицІу иицІас* (Щоджэн Э.) («Четыре месяца служил? Нет, в армии служил год, на краткосрочной службе был»). *Хъэуэ, зэхэсхаІым* (Алащ Н.) («Нет, не слышал»). *Хъэу, сэ сыишэсыфынуІым, сошынэ*

пхужылымтэлым (Молэ Б.) («Нет, я не могу сесть на коня, боюсь, не могу передать как боюсь»). *Хьэу, дыццегъуэжалым, мыбы сыцынэхътыниш* (Хьуажь Ф.) («Нет, мы не пожалели, здесь мне комфортнее»).

В литературном языке идиома *хьэуэ* встречается в полной форме: – *Хьэуэ, къэкIуэжакъым, ауэ и письмо цыIэцц* [Журт, 1987: 25]. («Нет, не приехал еще, но есть от него письмо»). – *Хьэуэ, хьэуэ, сыхуейкъым, сэ ар ауэ сытми жысIауэ арацц. Дэ жыг ди куэдиц* [Мысачэ, 1991: 36]. («– Нет, нет, не хочу, я просто так сказала. У нас очень много деревьев»). Фонетический вариант *хьэуэ* / *хьэу* также отмечается сейчас в разговорной речи жителей Кабардино-Балкарской Республики. В моздокском диалекте и малокабардинском (терском) говоре кабардино-черкесского языка Т.Х. Куашева отмечала не свойственную для литературного языка словоформу *хьау*. Она пишет, что «в безударном положении гласный э в слове *хьэуэ* «нет» в терских говорах редуцировался и по закону возместительной долготы удлинился предшествующий э. Моздокский *хьау*, м.-каб. *хьау*, каб.-черк. лит. *хьэуэ* – «нет»» [Куашева, 1969: 132]. Следует отметить, *хьэу* в речи диаспоры, *хьау* в диалекте и говоре – это фонетические варианты литературной нормы *хьэуэ*, которые устойчиво закрепились в разговорной речи параллельно с литературной формой.

Для выражения отрицания, несогласия в кабардино-черкесской речи диаспоры и в разговорной речи жителей метрополии иногда встречается частица *аIэ*, в значении «нет». Например: *АIэ, Къайсэр дэсти хьабыр къыдатри (хьабыр къыдагъаццIэри) дыкIуэри псори дыригъусэуэ, къуажэм тиэжри абы цыццIэтлхъа* (Тохъу Н.). («Нет, мы жили в Кайсери, нам сообщили о произошедшем, поехали туда, забрали (тело) и похоронили в селе»). *АIэ, абы ар ииш хьунулымэ, ар зыхуей хуэсццIынус жиIас* (Щоджэн Э.). («Нет, ему нельзя это есть, приготовлю ему то, что ему можно есть»).

В диалоговой речи молодое поколение в диаспоре для выражения отрицания в контексте родного языка употребляют тюркизмы *уок*, *haуir* в значении «нет». Например: – *АдыгэбзэкIэ убжэфрэ?* («– На кабардинском языке умеете считать?») – *Уок, тыркубзэчIэс*. («– Нет, только на турецком»). – *Фи*

сабийхэм адыгэбзэ къагурылуэрэ? («– Ваши дети понимают кабардинский язык?») – *науи, къагурылуэлым, тыркубзэчлэс зэрыпсалэр.* («– Нет, не понимают, они разговаривают только на турецком») (Гусер З.; Пщыхуэж С. и др.).

В речи диаспоры для выражения отрицания часто используют союз *не... не* (не... не), который в литературном кабардино-черкесском языке соответствует *иклу, е... е* «ни... ни». Б.Ч. Бижоев отмечает, что «этот союз турецкий язык заимствовал из персидского, и он встречается во многих индоевропейских языках. В речи диаспоры замещает исконные союз-суффикс *-и*, союзы *иклу, е...е*. *Не зыгуэр япэ иту ддэрэ, не зыгуэр яужь иту ддэрэ*» [Бижоев, 2000: 213]. («– Никому не позволяем быть ни впереди нас, ни позади...») (пер. наш. – М.А.). Отрицание посредством повторяющегося союза *не.. не* были отмечены и в речи опрошенных нами респондентов: *Не хъэрыпыр къыщлыхъэн, не ингилизыр къыщлыхъэн* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1078]. («Ни арабу, ни англичанам не опередить (нас)»).

Все это позволяет сделать вывод, что союз *не... не / нэ... нэ* сочетается с различными частями речи, но при этом сказуемое имеет отрицательное значение. Однако, когда в предложении повторяющийся союз *не... не* «ни... ни» употребляется с предикатом, предложение в дополнительном отрицании не нуждается.

Проведённый лингвистический анализ речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции демонстрирует сохранение в ней архаичных форм отрицания, которые также встречаются в разговорной речи носителей метрополии. Для выражения лексического отрицания в условиях диаспоры характерно использование как лексических единиц родного (кабардино-черкесского) языка, так и заимствований из турецкого языка. Данное явление наиболее регулярно фиксируется в речи молодого поколения, которое недостаточно владеет родным языком, что способствует появлению заимствований из государственного языка страны проживания. В исследуемой идиоме лексическое отрицание представлено в меньшей степени по сравнению с грамматическим; тем не менее в языке существуют специализированные лексемы для выраже-

ния отрицания существования предмета, действия, состояния или наличия чего-либо. При этом в речи диаспоры сохраняются архаичные варианты данной отрицательной лексемы.

4.3. Синонимичные фразеологические единицы в речи диаспоры как стилистический прием

Фразеологизмы обладают ярко выраженной стилистической окраской и представляют собой важную составляющую языка. «Фразеология как когнитивный уровень языка наиболее ярко отражает коллективный опыт любого этноса, ибо аккумулирует в себе особенности мировидения, социально-культурные, этнические представления людей об окружающем их мире, которые складывались в процессе постижения ими реальной действительности» [Аликаев, Башиева, 2010: 106]. «Устойчивые выражения языка ярко проявляют специфику языковой картины мира, что служит подтверждением факта взаимовлияния языка и культуры» [Хежева, 2017: 15]. Наличие в языке фразеологизмов, образующих синонимический ряд, свидетельствует о богатстве языка, широком мировоззрении этноса. Во всех языках «роль синонимов чрезвычайно велика в развитии речевой культуры: чем лучше человек знаком с синонимами своего языка, тем свободнее и точнее он может выражать оттенки мыслей и настроений» [Головин, 1987: 53]. Если в приведённом суждении подчёркивается коммуникативно-прагматическая функция синонимов, то в определении, данном в другой работе, на первый план выдвигается их роль в формировании ресурсного потенциала языка: «синонимия – это признак богатства языка и его селективных возможностей при адекватной номинации реалий окружающего нас мира» [Доткулова, Аликаев, 2019: 2]. Согласно А.И. Молоткову синонимический ряд фразеологические единицы образуют, если, «во-первых, тождественны по своему лексическому значению, во-вторых, не имеют в своем составе одинаковых компонентов, в-третьих, одинаковы по своей лексико-грамматической характеристике и, в-четвертых, не

допускают взаимозаменяемости компонентов» [ФСРЯ, 1986: 17]. Несомненно, «богатство фразеологических синонимов обуславливает огромные возможности языка» [Шиганова, 2001: 264-265]. В свою очередь, как подчёркивается в другой работе, «фразеологические синонимы, подобно синонимичным лексическим единицам, служат средствами семантико-стилистической вариации при обозначении одного и того же явления» [Магомедов, 2017: 162].

По выявлению синонимического и фразеологического многообразия и составлению фразеологических словарей и словарей синонимов в адыгских языках проделана большая работа такими исследователями, как Б.М. Карданов [Карданов, 1968; 1973], Р.Х. Дзуганова, Н.Г. Шериева [Дзуганова, Шериева, 1997], ШФСКЧЯ [Бербеков, Бижоев, Утижев, 2001], Дзуганова и др. [АСП 2020], З.Х. Бижева [Бижева 2000], Б.Ч. Бижоев [Бижоев, 2005а], Д.Х. Шугушева [Шугушева, 2018] и др., которые стали научной основой данного параграфа.

Лингвистический анализ разговорной кабардино-черкесской речи диаспоры в Турции показал наличие фразеологических единиц, обладающих общей семантикой, но варьирующихся по смысловым оттенкам и лексическим компонентам. Каждый синонимический ряд открывается доминантой, которая служит лейтмотивом и определяет основные семантические и стилистические параметры остальных ФЕ. В качестве доминанты берется фразеологизм, который наиболее четко передает общее значение устойчивых словосочетаний всего ряда и чаще встречается в речи респондентов. Анализируя разговорную речь представителей черкесской диаспоры, нами были выявлены ФЕ, которые не зафиксированы в литературном кабардино-черкесском языке. Следует полагать, что новые идиомы образовались в «результате межъязыковых контактов, а именно – смешения различных диалектов и говоров, изолированного проживания от основной массы носителей языка, отсутствия письменности» [Абазова, Токмакова, 2015: 1203]. Смысловое значение таких ФЕ определяется только в контексте.

По количеству компонентов фразеологические единицы в рядах неодинаковы: есть двухкомпонентные и поликомпонентные. В самом начале каж-

дого синонимического ряда указывается общее значение, которое объединяет эти устойчивые выражения в один синонимический ряд. Каждый фразеологизм сопровождается толкованием значений и иллюстративным материалом из разговорной кабардино-черкесской речи черкесской диаспоры в Турции.

Подобно литературному кабардино-черкесскому языку, в кабардино-черкесской речи диаспоры также обнаруживается обширный корпус фразеологических единиц, включающих компонент *гу*. Этот компонент многозначен и может выступать в значениях «сердце», «душа» или «память». З.Х. Бижева считает, что концепт *гу* «сердце» в этнокультурном выражении адыгского сознания занимает особое место. Являясь компонентом многих сложных слов, выражает орган сосредоточения основной «внутренней» способности адыгов к восприятию» [Бижева, 2005: 255]. Согласно М.Х. Токмаковой [Токмакова, 2017], З.Р. Цримовой [Цримова, 2010: 87], *гу* «сердце» является, прежде всего, символом различных эмоций и чувств. К наиболее часто встречающимся эмоциям во фразеологизмах кабардино-черкесского языка они относят «страх», «гнев», «радость-удовольствие», «горе», «печаль». ФЕ с компонентом *гу* «образуют ядро концепта сердце, являющегося в современных языках центром духовной жизни человека, вместилищем чувств [Шугушева, 2017а: 195].

В кабардино-черкесском литературном языке зафиксирован обширный пласт ФЕ, содержащих компонент «*гу*» в различных значениях, выражающих широкий спектр эмоций, как положительных, так и отрицательных. Н.Р. Иванов предлагает следующую семантическую классификацию фразеологических единиц, содержащих компонент *гу* «сердце»: 1) фразеологические единицы, отражающие психологическое состояние человека; 2) фразеологизмы, где сердце – символ разума и памяти: в основе этих устойчивых словосочетаний лежит метафорическое представление о сердце как о вместилище ума, памяти и других интеллектуальных функций; 3) слова *гу* «сердце» – символ духовного состояния (в широком смысле) человека [Иваноков, 2015: 296–297].

Исследование показало, что устойчивые выражения с компонентом «*гу*» в различных семантических вариациях присутствуют не только в литературном языке, но и в речи представителей диаспоры. Обнаружение сино-

нимичных ФЕ в разговорной речи является индикатором языкового богатства, демонстрирует способность носителей языка к метафорическому выражению мыслей, а также их умение передавать тончайшие смысловые нюансы, отражающие культурные и эмоциональные аспекты их бытия. Например:

ГУ КЪАБЗЭ / ГУ ДАХЭ

ФЕ в значении «чистая душа». Синонимичные фразеологические единицы состоят из различных компонентов: *гу* в значении «душа» сочетается со словами *къабзэ* «чистый» и *дахэ* «красивый», но в обоих случаях в контексте имеют значение «чистая душа». *Зи емыкIу ицIынIым, зи ы-ы-ы сыт хуэдэми и гур къабзэу, даурэ жысIын, псэус зыфаIэм* (Айшэнур Я.) («Никто не осудит, если будет жить с чистой душой»). *Сэ соцIэ, уэ уи гур куэдэ дах'эс, уэри куэдэ удахэс, Тхьэм уихъумэ* (Къэрабэ М.). («Я знаю, у тебя чистая душа, такая же, как и ты, пусть Всевышний оберегает тебя»).

ГУ ХЬЭЛЭЛ / ГУРЭ ПСЭЧIЭ

ФЕ в значении «всей душой, от чистого сердца». *Гу* в данных фразеологических единицах употребляется в значении «душа», в сочетании со словами *хьэлэл* «добрый», *псэ* «душа» образуют синонимический ряд. Эти устойчивые словосочетания выявлены в речи одного респондента как контекстные синонимы с общим значением «всей душой». Стоит отметить, что вне контекста фразеологическая единица *гу хьэлэл* имеет значение «добрый, добродушный». Например: *Куэдэ мацIэу зыгуэрhэр къыдэIэныкъуми адигэhэм яцышу Iуэху иIыс, бын иIыс, ипхъур яшаIым, и къуэм кишаIым, и цхьэгъусэри гурэ псэрэчIэ къытхэтс* (Щоджэн Э.) («Некоторые адыги помогают, но он [Мурат] несмотря на то, что дочь не выдал замуж, сына не женил, всегда помогает, супруга тоже сердцем и душой с нами»). *Мурат жиIэhэмрэ ицIэhэмрэ зэзэмызэ къыстехуэIым, хьэлэлс и гур хьэлэлу Iуэхум яужь итс* (Щоджэн Э.) («Иногда мы с Муратом расходимся во мнении, но он добродушный, все делает с душой»).

В литературном кабардино-черкесском языке М.Х. Токмакова отмечает, что сочетание *гурэ псэчIэ* в значении «всей душой», называет определенную

эмоцию. В подтверждение своих слов приводит пример: *Гурэ псэкІэ зэрыльагъум куэд жиІэнукъым, и гум илъыр къыбоцІэ, дэ куэдыщэ мыгъуэ жыдоІэ*. «Кто всей душой любит, много не говорит, что у него в сердце сразу узнаешь, а мы, к сожалению, много говорим» [Токмакова, 2016: 166-167]. З.Х. Бижева отмечает, что фразеологическая единица *гурэ псэкІэ* «от чистого сердца» в определенных контекстах отражает близость гу «сердце» и псэ «душа» [Бижева, 2000: 47]. Это семантическое сближение наглядно проявляется в конкретном употреблении, где данная ФЕ фигурирует в речи, как маркер предельной искренности: «*Март мазэр къихъэри, цІыхум гукІи псэкІи къагурыІуащ Деникиным и дзэр къызэрыкъутэр*. «Наступил месяц март, люди душой и сердцем поняли, что войско Деникина получает поражение» [Шугушева, 2017б: 170]. Следовательно, фразеологизм *гурэ псэкІэ*, объединяя семантику «сердца» и «души», служит в тексте средством экспрессивной передачи эмоционально-мыслительного состояния говорящего.

ГУМ КЪЕУЭН/ ГУР УЗЫН/ ГУМ ЕЖЭЛІЭН/ ГУЩІЫХЪЭ ЩЫХЪУН/ И ЖАГЪУЭ ХЪУН

В синонимический ряд вступают несколько фразеологических единиц с общим значением «печалиться». Данные устойчивые словосочетания состоят из разных компонентов и отличаются оттенками значения. *Гум къеуэн*: гу «сердце» + *къеуэн* от глагола *еуэн* «ударить, бить, колотить» = «переживать о чем-либо»; *гур узын*: гу «сердце» + *узын* «болеть» = «болеть душой за кого-то»; *гум ежэлІэн*: гу «сердце» + *ежэлІэн* «подбежать» = «принять близко к сердцу»; *гущІыхъэ щыхъун*: *гущІыхъэ* «печаль, скорбь» + *щыхъун* «казаться, показаться» = «сильно печалиться по ком-либо»; *и жагъуэ хъун*: *жагъуэ* «неприятный, противный» + *хъун* «становиться» = «опечалиться чем-л.». По отдельности каждое устойчивое словосочетание имеет значение, выражающее состояние грусти, печали из-за чего-либо. Например: *Сэ сфІэгъэщІэгъуэн мыбыкІэ адыгабзэкІэ седжэфІым сэ сиІэрІым щыжаІэкІэ си жагъуэ мэху икІи сигуи къеуэр* (ІутІыж (Тебер) М.) («Мне становится интересно, и в то же время меня очень сильно огорчает, когда здесь [на исторической родине] гово-

рят, что не умеют читать на родном языке, не знают свой язык»). *Ахуэдурэ си гур, си лыр узурэ сызэрыщлэлэ лъандэрэ сыт згъуэтами а луэхум теухуауэ сызэрыпэлъэщчлэ зэщлэскъуауэ зыкъом силэс, пэжс* (Къущхъэ Д.) («Так, переживая за это [народ, сохранение языка] душой и телом, с юности я собирал все, что находил относительно этого дела, да, у меня накопилось много материала»). *Ар анхуэду зэрыщытыр си гум лейуэ ежэллас* (Ярум Г.) («То, что так случилось, стало для меня очень обидно»). *Гуцлыхъэ сицыхъунт сэ, зи сфлэтэмэмтэлым сэ* (Къущхъэ I.) («Это меня сильно опечалило бы, я считаю, что так неправильно»). *Куэду ди жагъуэ хъуас, ау сыт хэцлыхъыфын* (Яурум Г.) («Нам стало очень обидно, но что в наших силах»). *Къалэхэм къэклуа нэужьчлэ псом щыци зэхэдза гун щисчлэ, бзэм тетыфхэлымэ зрагъэцлэнууэ яужь итыфлымэ, щимытыфчлэ ди жагъуэ мэхъур* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1076] («Когда переезжают в город, где проживают люди, разговаривающие на различных диалектах и говорах, происходит смешение, не могут сохранить свои язык, и поэтому не изучают язык, нам от этого становится обидно»).

ГУМ КЪИМЫНЭЖЫН / ЩЫГЪУПЦЭЖЫН

В речи диаспоры в синонимический ряд вступают фразеологическая единица и глагол с общим значением «забыть». Например: *Игы ди Узун-Яйлэм мэгъэгъэмахуэм сыщыклуэжам, мыпхуэдууэ къуажхэм дэсэр дызыхуэсати куэд къыджалауэ(ащ), сэри куэд сигу къынэжалым* (Льостэн Г.) («Когда этим летом поехали в Узун-Яйлу, все собрались, много рассказывали, но я практически все забыла»). *Нтлэ, куэдрэ [бзэр] зомыхъэмэ пцыгъупцэжынус* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1076] («Да, если долго не разговаривать [на родном языке], забудешь»).

ГУМ КЪЭКІЫН / АКЪЫЛЫР ЖЭН

Данные фразеологические единицы, различные по компонентам, в речи диаспоры имеют одинаковую семантику, образуя синонимический ряд. Первая устойчивая единица состоит из существительного *гу* «сердце» и глагола *къэкІын* «вырасти» и *акъылыр жэн*: существительное *акъыл* «ум» и глагола *жэн* «бежать», с общим значением – «прийти на ум». *Игы фи псалъэ дахэхэм*

сигу щрихъачІэ сигу къэчІраш жысІынухъэр [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] («Теперь, когда я услышал ваши красивые слова, скажу только то, что придет на ум»). *Псом япэ си къуажэм си акъылыр жа* (Тебер Ф.) («В первую очередь мое село пришло на ум»).

ГУМ КЪЭМЫКІЫН / ЦХЪЭМ КЪЭМЫКІУЭН / АКЪЫЛЫР ХУЦІЭМЫХЪЭН

Синонимический ряд образуют фразеологические единицы, состоящие из разных компонентов с общим значением «не приходить на ум». Устойчивые выражения *гум къэмыкІын* и *цхъэм къэмыкІуэн* состоят из существительных *гу* «сердце» и *цхъэ* «голова» и глаголов *къэмыкІын* и *къэмыкІуэн* «не приходить». А третье устойчивое словосочетание в синонимическом ряду состоит из существительного *акъыл* «ум» и глагола *хуцІэмыхъэн* «не иметь свободного времени». Фразеологической единице *акъыл хуцІэмыхъэн* в литературном языке соответствует *акъылыр хунэмысын* в значении «не догадаться, не осилить умом». Следует полагать, что диаспорная версия – вариант литературной формы фразеологической единицы. Например: *Дэ зе дигу къэкІаІым, ар къэбэрде хъэмэ Іэбазэ жытІэу* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071] («Мы никогда не задумывались над тем, кто он, кабардинец или абазин»). *Ар ди акъыл, ди цхъэм къэмыкІуэурэ, къэмыкІуэурэ ди ныбжьыр фІэчІас* (Февзие С.) («Мы состарились, не приходя это на ум, в голову»). *Анна сыт хуэду делэ сыпсэуа зыми си акъыл хуцІэмыхъэу, дау сыпсэуа сэ мыпхуэдизу* (Февзие С.) («Боже, какой же глупой я была, ни о чем не догадываясь, как я столько прожила»).

ГУМ КЪИНЭН / ЦХЪЭМ КЪИНЭН

Фразеологические единицы *гум къинэн* и *цхъэм къинэн* имеют общее значение – «остаться в памяти». Они образовались сочетанием существительного *гу* «сердце» и глагола *къинэн* «остаться» и существительного *цхъэ* «голова» и глагола *къинэн* «остаться». Примеры: *ТІэкІунитІэ цІыкІуу зыгуэрэ сигу къинаси ар къыбжесІынс* (Льостэн Г.) («У меня из детства что-то осталось в памяти, об этом расскажу»). *Гурыхъхэр фи гум къивгъанэ, гурыхыхъхэр*

зейм кыыхуэвгъанэ! хужысІау... [Токмакъ, 2023: 19] («Говорил, все, что нравится, оставьте в памяти, а что не нравится, забудьте»). *Апхуэду гъуэгъу дыздытетау, дызэгъусау ди цхъэ къркІуаһэр зэдэгъушауэ «Дотэ» псалъэр си цхъэ кыинэжас* (Токмакъ А.) («Так, пройдя с [Адамом] определенный путь, разделив то, что приключилось с нами, в моей памяти осталось слово «Дотэ»»). *Ниги золэ, ш'ыцІалэмэ и шыгъунІастэр куэду фІыти, шыхээрыхъми ар и ш'хъэм кыинауэ* (Яурум Г.) («Наверное, в молодости была хлебосольной и, когда она забывается, в памяти это всплывает»).

ГУМ ХЭЛЪЫН(ИЛЪХЪЭН) / ЦХЪЭМ ИЛЪХЪЭН

Фразеологические единицы *гум илъын* и *цхъэм илъхъэн* имеют общее значение – «задумать что-л». В одном случае задумку держат в сердце (*гум илъым*), а во втором – в голове (*цхъэм илъхъэн*). Например: *Къэфкъасием сынэкІуэну сигу хэлъс* [Фонотека КБИГИ, кассета 1074] («Я задумал поехать на Кавказ»). *А махуэм Умар сэ спІынус жысІэри си цхъэм ислъхъас* (Щоджэн Э.) («В этот день я задумалась о том, что сама буду воспитывать Умара»).

ГУР ИУДЫН/ ГУМ ЕУЭН

Фразеологические единицы *гур иудын* и *гум еуэн* один из респондентов употребляет в значении «сильно обидеть, быть морально подавленным». *Ниги сэ согъуей, согъуей, си адэ шыпхъур фІыу солъагъу, игу сеуас* (Щоджэн Э.) («Теперь плачу, плачу из-за того, что сильно обидела тетю (по отцу), я же ее очень люблю»). *Аргуэру къекІуэлІэжаһэм я къэхъуар зей жаІыжыфаІым, я гур иудау, шынау къэна* (Щоджэн Э.) («Вновь вернувшиеся, не смогли рассказать все, что случилось, они были морально подавлены, испуганы»).

ГУР КЪУТЭН / ГУР УЗЫН

Данные фразеологические единицы имеют общее значение – «сердце разрывается от боли». Обе двухкомпонентные, первая состоит из существительного *гу* в значении «сердце» и глагола *къутэн* «разбить», второе устойчивое выражение тоже состоит из существительного *гу* «сердце» и глагола *узын* «болеть». Например: *Сэ Іейуэ си гур икъутас абы* (Яурум Г.) («Она [женщина с деменцией] сильно разбила мое сердце»). *Ахуэдурэ си гур, си лыр узурэ сызэрыцІалэ*

лъандэрэ сьт згъуэтами а йуэхум теухуауэ сьзэрыпэльэщчІэ зэщІэскъуауэ зыкъом сиІэс, нэжс (Къущхъэ Д.) («Так, с юности у меня душа болела, сердце разрывалось от боли за наш народ, поэтому все, что находил, по мере своих возможности собирал, сейчас у меня их много [старинные песни]»).

ГУР ТЫНШЫН (ГУР ЗЭГЪЭН)/ ПСЭР ТЫНШЫЖЫН/ ГУР НЭХЪЫФІ ХЪУЖЫН

Как синонимы в кабардино-черкесской речи диаспоры встречаются фразеологические единицы с компонентами *гу* «сердце» и *псэ* «душа» с общим значением «успокоить». Если рассматривать по отдельности, фразеологические единицы различаются оттенками значения. *Гур тыншын* в контексте имеет значение «удовлетвориться», *псэр тыншыжын* «душа успокоилась», *гур нэхъыфІ хъужын* в значении «успокоиться». Примеры с синонимичными фразеологическими единицами: *Махуэһэми хуабэси, нобэ мыр тиІынус, тиІымэ нэхъ си гур тыншынус жытІэми, абыи сынэмысурэ е хъэщІэ кокІуэ, ахуэду блочІ гъащІэр* (Безыр З.) («Днями жарко, что-то планируем, после осуществления которого на душе должно стать спокойнее, но приходят гости, что-то мешает и так проходит наша жизнь»). *Ар чІасэ дыдэ мыхъуу а уэрэдһэр лъэпкъым и утыку ислъхъэжыфу щытмэ, аһэр дэ дей къэзыгъэса нэхъыжъһэм я псэр тыншыжыну си гугъэс* (Къущхъэ Д.) («Если смогу представить эти песни народу, пока не стало совсем поздно, думаю, успокоятся души предков, сохранивших их до наших дней»). *Игури нэхъыфІ хъужри дэчІыжас апхуэду* (Щоджэн Э.) («Как на душе стало спокойно, она ушла»).

ГУР ФІЫ ХУЭЩІЫЖЫН / ГУР ГЪЭЩЭБЭН

В речи одного респондента фразеологические единицы с компонентом *гу* «сердце» с общим значением «успокоиться» образуют синонимический ряд в кабардино-черкесской речи диаспоры. *Гур фІы хуэщІыжын* – «успокоиться, подбодрить», *гур гъэщэбэн* – «обрести душевный покой, смягчить боль». Например: *КІуэ, тІасэ, уи адэ шыхъур лъагъу, и гур фІы хуэщІыж, уи анэ дэнэ кІуэн, уи анэс* (Щоджэн Э.) (– «Иди, моя хорошая, повидайся с тетей (по отцу), успокой ее, твоя мама никуда не денется, она останется твоей ма-

терью»). *Аһэр абы и гузавэгъуэр дихыфыну, абы и гур игъэщэбэnumэ, дэтхэнэр хуейми ирехъ жиIас* (Щоджэн Э.) («— Если они помогут справиться с болью утраты, помогут обрести душевный покой, пусть забирает, кого хочет»).

ГУР ХЭХЪУЭН/ ГУР ГЪЭДЭХЭН

Данные фразеологические единицы являются контекстными синонимами со значением «наполнить сердце радостью». *Гур гъэдэхэн* в словаре не зафиксирован как устойчивое словосочетание, но в контексте имеет то же значение, что и *гур хэхъуэн*. Дословный перевод: *гу* «сердце» и *гъэдэхэн* «украшать». Например: *Уэрамым дэхэмэ, адыгэбзэ инэ итыр, сабий цIыкIуһэр адыгэбзэчIэ цыпсалъэу, зэдэуэриэру цыпльагъум дей уи гур хохъуэ* (Къущхъэ Д.) («Когда на улице видишь детей, которые говорят на черкесском языке (кабардино-черкесском), общаются между собой на нем, сердце наполняется радостью»). *Ниги фэм дунер къегъэдахэ, лэкыми гур егъэдах'э, унэри егъэдах'э* (Щоджэн Э.) («Сейчас цвета делают мир ярче, краски [лакокрасочное покрытие] наполняют сердце радостью, делают красивее дома»).

ИГУ ИРИХЪЫН / ГУМ КЪИЩТЭН / ПСЭМ ДЫХЪЭН / ГУАПЭ ХЪУН

Синонимический ряд образуют фразеологические единицы с компонентами *гу* «сердце», *псэ* «душа» и *гуапэ* «сердечный, теплый, ласковый» с общим значением «становиться приятно», «понравиться». *Куэду си гуапэ хъуас, куэду сигу ирихъас ныцхъэбэрей фи зыхэтычIэр* (Токъмакъ Б.) («Мне очень понравился сегодняшний вечер и стало приятно от вашего хорошего взаимоотношения»). *Гум ирихъахэр, фыфейщ, гум иримыхъахэр, ар зейм ейщ* [Токъмакъ, 2023: 19] («Что понравилось – ваше, а что не понравилось – пусть остается у хозяина»). *Ди насыпс жыдоIэ, Умар езыми и гум къищтэу, хъыгэбз игъуэтмэ ди гуапэ хъунус* (Щоджэн Э.) («Нам будет очень приятно, а если посчастливится Умару встретить девушку, которая ему понравится»). *ЕдзыгъуитI-щы иусар цIыху-цIыкIум я псэм дыхъэри абы зыгуэрһэри цIагъужа иужьчIэ* (Къущхъэ Д.) («Людям понравились сочиненные им два-три куплета,

потом еще сами что-то добавили»). *ИтІанэ къызбгъэдыхъахэс, сту дахэ щыптІэгъа, ди гуанэ хъуас* (Акбай И.) («Потом они [родители] подошли и сказали, что я красиво оделся и что им понравилась [черкеска]»).

Устойчивые выражения, выражающие время

Лингвистический анализ кабардино-черкесской речи диаспоры показал употребление в разговорной речи синонимичных фразеологических единиц, выражающих время. Время – одно из фундаментальных ценностей, которое важно для человека. «Время является эталоном для определения ценностей субъектов и объектов материального и духовного мира» [Каримова, Нургалина, 2020: 166]. Свидетельством ценности и значимости времени является наличие в языке большого количества устойчивых словосочетаний, выражающих время. Так в кабардино-черкесском литературном языке зафиксирован обширный пласт ФЕ, которые активно употребляются носителями языка. Как в литературном кабардино-черкесском языке, так и в речи диаспоры мы выделили устойчивые единицы, выражающие различные оттенки времени, и по общим признакам объединили их в синонимические ряды.

ФІЫ ДЫДЭУ ЩІЭН/ КУЭД ЩІЭН/ НЕ ЗЭМАН ЩІЭН/ ЗЭМАН ДЭКІЫН

Данные устойчивые единицы образуют синонимический ряд с общим значением «прошло много времени». *Куэд щІас ху пІастэ зэрызмышхыжрэ, ху хъэнтхъуэс сызэремыфэжрэ, ху ужьгъэ диІыжІым, фІы дыдэу щІас ар зэрытфІэкІуэдрэ* [Фонотека КБИГИ, кассета 1079] («Давно не ел пасту из проса, не пил суп из проса, у нас уже нет просорушки, прошло много времени с тех пор, как мы утратили это»). Информатор, чтобы показать, что прошло много времени с того случая, в начале выражения использует *куэд щІас*, а в конце, чтобы еще раз подчеркнуть давность описываемого события, добавляет *фІы дыдэу щІэн*, то есть «достаточно давно». *Ар зэрыщІалъхъэрэ не зэман щІа жаІа щхъа* (Тохъу Н.) («С тех пор как его похоронили, прошло много времени»). *Къэп жаІэ къэбэрдехэм, дэ къэп жытІэІым, дызэреджэр дзыуэ, къызытехъукІыжа псалъэр цы уа, зэман дэкІри цы уар дзыуэ хъуа*

(ГутЫж (Тебер) М.) («Кабардинцы говорят къэп (мешок), мы не говорим къэп, мы говорим дзыуэ, образованное сочетанием слов цы (шерсть) и уа (плетеный), прошло время и от цы уа образовалось дзыуэ»).

НОБЭ КЪЭС (КЪЫЗДЭСЫМ) /НОБЭ /НОБЭРЕЙ

В синонимический ряд вступают фразеологизм *нобэ къэс*, наречие *нобэ* и прилагательное *нобэрей* с общим значением «на сегодняшний день». *Дэ сэ жылэм цхьэчІэ nobэ къэс лІо яхуэсцІэфар, сьадыгэс жьысІэ цхьа* [Фонотека КБИГИ, кассета 1075] («Что я до сегодняшнего дня смог сделать для своего народа, хотя называю себя черкесом»). *Нобэ къытпаубыдыр фымащІэс жаІэ* [Фонотека КБИГИ, кассета 1074] («На сегодняшний день нам предъявляют лишь наше меньшинство»). *Нобэр къыздэсым сянэ-сядэр сэ псэужІым* (Гусер Р.) («На данный момент моих родителей нет в живых»). *Нобэ Туркием плыщІрэ плырэ хасу диІыс* [Фонотека КБИГИ, кассета 1075] («На сегодняшний день у нас в Турции функционируют сорок четыре хасы»). *Ахуэдэс nobэрей щытычІэр* (Щоджэн Ф.) («На сегодняшний день состояние такое»). Как свидетельствуют примеры, многие информаторы слово *нобэ* «сегодня» в речи часто используют и в значении «по сегодняшний день».

НОБЭР КЪЫЗДЭСЫМ /НОБЭ КЪЭСЫХУКІЭ

Как синонимы в речи диаспоры выделены устойчивые словосочетания с общим значением «до сегодняшнего дня». В литературном языке зафиксирована только фразеологическая единица *нобэр къыздэсым* который активно функционирует как в разговорной речи, так и в литературном языке. Но, в отличие от литературного языка, в речи одного респондента выявили ФЕ *нобэ къэсыхукІэ*, состоящий из двух компонентов: первый также как и в литературном *нобэ* «сегодня», а второй – *къэсыхукІэ*, образованный от послелога *къэс* в послеложном падеже, в значении «до», для обозначения границы, предела чего-либо. *Игы nobэр къыздэсым а Маршалым къыщызлэжьам щыгъуэ сцІэхэрас аһэр зезыгъакІуэхэр* (Щоджэн Э.) («До сих пор в Марашлы [название фабрики] используют ту технология, которую я предложила, когда там работала»). *Нобэ къэсыхукІэ дэнэ щыІэми, ди бзэ тІэкІур, ди хабзэр*

тхъумэжас, хабзэм зыгуэрхэри зрихъуэчIас, ипIэм тетIым (Тебер Ф.) («Где бы мы ни жили, до сегодняшнего дня сохранили свой язык и обычаи, хотя они и претерпели определённые изменения»).

КУЭД ДЭМЫКIЫН / ЦIАГЪУЭ ТЕМЫХЭН

Синонимический ряд образуют фразеологические единицы *куэд дэмыкIын* и *цIагъуэ темыхэн* с общим значением «в скором времени». *Куэд дэмыкIын* используется и в литературном кабардино-черкесском языке в том же значении, как и в речи диаспоры. Но устойчивое выражение *цIагъуэ темыхэн*: *цIагъуэ* «много» + *темыхэу* «не оставляя» не зафиксировано в словарях синонимов кабардино-черкесского языка. Хотя в словаре кабардино-черкесского языка зафиксированы *цIагъуэ* и *куэд* со значением «много» как синонимы [АП, 1999: 793]. Например: *Куэд дэмыкIыу а цIалэ бэлыхьыр езыр шым темысыжу езыр къыдэлъэдэжас жи къалэм* [Фонотека КБИГИ, кассета 1076] («Вскоре лошадь прискакал в город без славного седока»). *ЦIагъуэ темыхыу дыкIуэжас* (Февзие С.) («В скором времени уехали»).

Кабардино-черкесский язык богат устойчивыми выражениями, характеризующими культуру, ментальность, мировоззрение народа. Одними из них являются фразеологические единицы с главным компонентом *псалъэ* «слово», наполненные метафорической этнокультурной семантикой [Бижева, 2014: 111]. Семантика исследуемых фразеологизмов в контексте кабардино-черкесской речи диаспоры выражается в том, что идиоматические выражения со словом *псалъэ* «слово» «становятся стереотипами, обуславливающими национально-культурную специфику, уровень языковой личности, культурно-языковую компетенцию. Использование в кабардино-черкесском языке синонимичных идиоматических выражений с лексемой *псалъэ* «слово» позволяет сделать речь содержательнее, точнее и понятнее для собеседников, сформировать платформу для дальнейшего развития речевых оборотов в современных меняющихся реалиях» [Абазова, Хутежев, 2020: 157]. Некоторые устойчивые единицы с компонентом *псалъэ* образуют синонимический ряд. Так, например:

ПСАЛЬЭ ДАХЭ / ПСАЛЬЭ ГУАПЭ

Данные фразеологические единицы являются двухкомпонентными, в обоих случаях главным компонентом является лексема *псальэ* «слово»: в первом случае сочетается со словом *дахэ* «красивый», а во втором – *гуапэ* «приятный», образуя устойчивые словосочетания с общим значением «ласковое слово». *Псальэ дахэ къызжеIэ* (Яурум Г.) («Говорит мне ласковые слова»). *ЯузысIас, сыту псальэ гуапэ мы уэ жыпIар* (Къущхъэ I.) («Эй – сказал я, – какие красивые слова сказал ты!»). *Курдум щыIэ дженералу щыта, къэтэгс абыи псаль[э] дахи жиIа* [Фонотека КБИГИ, кассета 1075] («Курдский генерал в отставке встал и сказал много хороших слов»).

ПСАЛЬЭ ЗЕХЪЭН / ПСАЛЬЭ ЖЫПЭН (КЪЭГЪЭСЭБЭПЫН)

В кабардино-черкесской речи диаспоры синонимический ряд образуют фразеологические единицы с главным компонентом *псальэ* «слово» и глаголом *къэгъэсэбэпын* с общим значением «употреблять, использовать». Например: *ДыщыпсальэчIэ, пежс, куэдым яни, таби, шей, иштэ, меракъ куэду тыркубзэм къыхэчIауэ псальэ куэд щызэрахъэ* (Токъмакъ А.) («Правда, в разговорной речи мы часто используем такие слова как яни, таби, шей, иштэ, заимствованные из турецкого языка»). *Иуретменым зы адыгэ псальэ жытIэмэ ди лъакъуэ закъуэмчIэ дигъэувт* (Февзие С.) («Если мы произносили хоть одно слово на родном (кабардинском) языке, учитель заставлял стоять на одной ноге»). *Псэуищэхэм ищэкIэ «ей» псальэ къыдогъэсэбэп, цIыхухэм ищэкIэ «уащыц» псальэ, зэрыжысIам хуэдэу IутIыжхэ сащыц* (IутIыж (Тебер) М.) («Когда мы говорим о животных, используем слово «принадлежит», а когда речь идет о людях, говорим «относится», как я и говорил, отношусь к роду Утижевых»).

В кабардино-черкесской речи диаспоры синонимический ряд образуют ФЕ с общим значением «умереть», главными компонентами которых являются лексемы *псэ* «душа» и *дуней* «мир, вселенная, земля». В кабардино-черкесском литературном языке *псэ* «душа» в составе фразеологических единиц образует синонимический ряд с общим значением «смерть»: «*псэр хэкIын, псэр щынэн, псэр тын*, описаны глаголами *хэкIын* «выйти из чего-л.», *щынэн*

«покинуть что-л.», *тын* «отдать». Так, *нсэ* «душа» может умереть сама по себе, или же кто-то забирает душу, или умертвляет». А также синонимический ряд образуют устойчивые словосочетания, где *нсэ* «душа» обозначает предсмертное состояние или тяжелую болезнь. Например: *нсэм еджэн*, *нсэм еджэу телъын*, и *нсэр пыт къудейуэ* в значении – «находиться при смерти», «находится на последнем издыхании» [Абазова и др. 2021: 1511]. Следовательно, литературный кабардино-черкесский язык богат устойчивыми выражениями с лексемой *нсэ* «душа» в значении «умереть» и «находиться при смерти». В отличие от литературного языка, в речи диаспоры количество фразеологических единиц, выражающих «смерть», значительно меньше. По частотности употребления, как показывает лингвистический материал, в речи диаспоры доминирует *дунейм ехыжын*, в литературном кабардино-черкесском языке чаще встречается глагол *лэн* и фразеологические единицы *дунейм ехыжын*, и *нсэр хэклын*. Примеры в речи диаспоры:

*ДУНЕЙМ ЕХЫ(ЖЫ)Н/ ДУНЕЙМ ТЕКЫЖЫН / ПСЭР ХЭЧИЫН/
ПСЭР ХИНЭН/*

Данные фразеологические единицы являются двухкомпонентными: образуются сочетанием существительных *дуней* «мир» и *нсэ* «душа» с глаголами *ехыжын* «сойти вниз», *текыжын* «сойти, уйти», *хэклын* «отделиться», *хинэн* «лишиться чего-либо». *Дунем ехас*, *тхэм жэнэтчлэ игъэгүфлэ* (Къущхэ I.) («Умер, пусть Всевышний обрадует раем»). *Щалитлрэ зыххурэ силэти*, *си пхур дунейм ехыжас*, *щылитлыр силэс* (Къудей Н.) («У меня было два сына и одна дочь, дочь умерла, сыновья живы»). *Абы щыгъуэ хъэгъуэллыгъуэми*, *зыгуэр дунем ехыжасми шучлэ зым зым зыгуэрным хыбар иритурэ зэрылгагъуһэт*, *зэчлэлъыклуэһэт*, *куэду гъэщлэгъуэну иреклуэчлэ* (Хъэгъундокъуэ Я.) («Раньше верхом на лошади сообщали друг другу о свадьбе, смерти, виделись, навещали друг друга, очень интересно все проходило»). *Умар дунем кыщытехьам и анэр дунем течлыжас* (Щоджэн Э.) («Когда Умар появился на свет, его мама покинула мир»). *Куэду гууз хъуа. Занылу и нсэр хэчлас? Тлэ!* (Яурум Г.) («Очень большое горе. Мгновенно умер? Да!«).

Псэр хинэн, и псэр хинамэ, щыхьэкIуэ кIуэн (Токъмакъ А.) («Когда кто-то умирает, посылают человека [к родственникам] сообщить об этом»). В данных фразеологизмах лексемы *дуней* «мир» и *псэ* «душа» являются символом жизни, но в сочетании с различными глаголами выражают утрату мира, души, что приводит к смерти.

В кабардино-черкесской речи диаспоры выявлены ФЕ, функционирующие как синонимы и отражающие отношение к человеку, его эмоциональное состояние, оказание помощи.

ПЦІЭ ХУЭЦІЫН/ ПІАЛЪЭ ЕТЫН

В кабардино-черкесской речи диаспоры выявлены две фразеологические единицы, которые в контексте имеют общее значение – «уважать». Устойчивая единица *пцІэ хуэцІын* состоит из двух компонентов, главный – *пцІэ* существительное, в значении «цена» и глагол *хуэцІын*, который в словаре КЧЯ имеет два значения: 1) изготовить, сделать, построить; 2) организовать, устроить [АП, 1999: 715]. ФЕ *пІалъэ етын* в литературном языке употребляется в значении «назначить срок», но в контексте речи одного респондента данная устойчивая единица имеет значение «относиться к кому-то с уважением». На этом примере прослеживается семантическое преобразование фразеологической единицы, приводящее к возникновению авторской фразеологической единицы. Например: *Адигэм зым зым пцІэ зэрыхуицІ псалъэр «тхьэразэ къыпхухъус»* (Къущхъэ I.) («Адыги свое уважение друг к другу выражают выражением «тхьэразэ къыпхухъу» (пусть Всевышний будет доволен тобою)»). *АбыкІэ Іэмал имыІэу нэхъыжъым пцІэ худоцІ* (Щэныбэ I.) («Там у нас уважение к старшим обязательна»). *Си анэм езым и шыпхъум нэхъ пІалъэ ирит* (Щоджэн Э.) («Моя мама с бóльшим уважением относилась к своей сестре»).

УПЦІЭ ЕТЫН/ УПЦІЭ КЪЭШИИН

Данные ФЕ в кабардино-черкесской речи диаспоры образуют синонимический ряд со значением «задать вопрос». Устойчивые единицы *упцІэ етын* и *упцІэ къэшиин* состоят из двух компонентов, главный в обоих случаях – существительное *упцІэ* «вопрос» и глаголов *етын* «дать» (вопрос + дать)

и *къэишин* «протянуть» (вопрос + протянуть). В литературном кабардино-черкесском языке закрепилось выражение *уицІэ етын*, калька с русского языка, вместо *еуицІын* («спросить»), ФЕ *уицІэ къэишин* – это частично трансформировавшаяся литературная форма в речи диаспоры. Например: *Дэ дыцІыкІуу КъурІэн дыцегэм уицІэ къыдатырт* (Къущхъэ І.) («Когда мы в детстве читали Коран, нам задавали вопросы»). *УицІэ къэишииһэми пэкІуэну згуэрһэри хужысІыну сыхуицІыхъэІым* (Токъмакъ А.) («В ответ на твои вопросы что-либо сказать нет возможности»).

ХЪЫБАР ЕТЫН / ХЪЫБАР ЕГЪЭЦІЭН

Фразеологические единицы *хъыбар етын* и *хъыбар егъэцІэн* имеют общее значение «сообщить что-л. кому-л., оповестить кого-то о чем-то». В кабардино-черкесской речи диаспоры закрепились обе фразеологические единицы и употребляются как синонимы, но *хъыбар етын*, где *хъыбар* «весть, сообщение, известие» + *етын* «отдать», встречается чаще. В литературном кабардино-черкесском языке в словарях зафиксирована только *хъыбар егъэцІэн*. Например, в речи диаспоры: *Абы цыгъуэ хъэгъуэлІыгъуэми, зыгуэр дунем ехыжамы шучІэ зым зым зыгуэрым хъыбар иритурэ зэрылгагъуһэт, зэчІэлъыкІуэһэт, куэду гъэцІэгъуэну ирекІуэчІт* (Хъэгъундокъуэ Я.) («Раньше верхом на лошади сообщали друг другу о свадьбе, смерти, виделись, навещали друг друга, очень интересно все проходило»). *КІуэти унэр хъурейуэ къикІухъырти, унэр хъурейуэ къэсплъыхъыныси сэ хъыбар фэстынс зы зэрицымыІэр жиІэрти* (Тохъу Н.) («Ходил туда и обходил дом вокруг, я оглянусь и сообщу вам, что никого нет, говоря»). *МакІуэри къуажэ гъунэм, хъыбар егъацІэ дагъэхъэ, иІалитІ ягъакІуэри бысымым иІохъэри къыжраІэ* [Фонотека КБИГИ, кассета 1077] («На окраину села отправляют двоих парней, чтобы оповестить хозяев»).

ИНУ КЪЭГУБЖЪЫН / ТІУКІЭ КЪЭГУБЖЪЫН

Для выражения сильной ярости в речи одного информатора выявлено два устойчивых выражения с общим значением «сильно гневаться». *Шогэнһэ*

япхуһэр кыщыгубжсьым дей ину кьогубжсьыр (Щоджэн Э.) («Когда дочери Шогеновых злятся, они сильно гневаются»). *Ниги си ани тлукIэ кьэгубжсьас* (Щоджэн Э.) («Теперь и моя мама вдвойне разозлилась»). *ТлукIэ кьэгубжсьын* авторское устойчивое выражение, с помощью лексемы *тлукIэ* «вдвойне» информатор показал, насколько сильно мама гневается.

IЭМ КЪЫЗЭРИХЬКIЭ / ДИЛ КЪЫЗЭРИХЬКIЭ

Как синонимы в кабардино-черкесской речи диаспоры отмечены две ФЕ с общим значением «в силу своих возможностей». В литературном языке оба устойчивых выражения не зафиксированы, они являются неологизмом в диаспоре. Синонимом в литературном кабардино-черкесском языке является ФЕ *къарум кьызэрихьэкIэ* «из всех сил». Например: *Адигагъэм и кьэнэжыныгъэм теухуауэ иIэ кыхь зыгуэрэ кьигъанэкъым* (Щоджэн Э.) («В силу своих возможностей стараемся сохранить адыгский этикет»). *Ди Iэм кьызэрихьчIэ дыбдэIэпыкъунс* (Токмакъ А.) («Поможем в силу своих возможностей»). *Араси мыбыһэм цхьэчIэ дил кьызэрихьчIэ делэжьа* [Фонотека КБИГИ, кассета 1075] («Итак, над этим мы работали в силу своих возможностей»).

Таким образом кабардино-черкесская речь диаспоры богата ФЕ, образующими синонимические ряды как средство стилистической выразительности. Как и в литературном кабардино-черкесском языке наиболее продуктивными в формировании синонимических рядов являются ФЕ с компонентами «гу» (сердце), «псэ» (душа), «псалъэ» (слово), а также единицы с семантикой времени. Они передают эмоции, мировоззрение и сущность человека, выступая этнокультурными составляющими языка.

4.4. Обращения как основа коммуникативной практики (речь диаспоры, репатриантов и литературный язык)

В традиционном адыгском обществе культура общения опирается на сложившиеся годами традиции адыгского этноса. Р.П. Хакуринова отмечает: «Ядром культуры общения традиционного адыгского общества являются ба-

зовые национальные ценности особого рода – «адыгагъэ» и «адыгэ хабзэ» сохранение которых в настоящее время является важнейшим условием сохранения адыгской идентичности» [Хакуринова, 2012: 11].

Обращения как основополагающая составляющая лингвокультуры любого народа включают обычай, этикет, устоявшиеся нормы и правила повседневной жизни, народный опыт и традиции, передающиеся из поколения в поколение. Обращения в адыгской языковой картине мира играют важную роль, являясь основой коммуникативной практики. Обращение – этикетный знак, то есть обращение к человеку, в зависимости от возраста, статуса, родства, гендерной принадлежности, степени знакомства, с целью привлечь внимание собеседника, одновременно называя его. Тема «Обращение» в общем языкознании часто становится предметом изучения, в адыгском языкознании, в частности, данная проблема затрагивалась в работах Х.Е. Дзасежева, Х.З. Гяургиева, Х.Ш. Урусова. Они считают, что обращение – это «слово или сочетание слов, грамматически не связанное с членами предложения и обозначающее лицо или предмет, к которому обращена речь» [ГКЧЛЯ, 1957: 14]. З.Р. Дохова в своем диссертационном исследовании, посвященном лингвистическому статусу обращения в русском и кабардино-черкесском языках, отмечает, что «обращение имеет ярко выраженную национальную специфику. Каждая культура создала свою систему правил вежливого обращения к людям» [Дохова, 2007: 61]. Обращения не однородно у разных народов, «правильное обращение всегда положительно характеризовало и характеризует наших граждан и сегодня» [Харатокова, 2020: 50].

В современном кабардино-черкесском языке, в речи диаспоры и репатриантов на исторической родине категория обращения играет определенную роль, является частью коммуникативного компонента в менталитете носителей языка. Чаще всего обращение используют для выражения положительных эмоций, вежливой коммуникации, для сглаживания конфликтных ситуаций и расположения адресата к разговору. Категория обращения является открытой,

то есть в процессе развития языка, расширения ареала общения появляются новые лексические единицы, заимствованные из других языков.

В кабардино-черкесском языке и в речи диаспоры, как и в других языках, в качестве обращения выступают слова или словосочетания, употребленные самостоятельно или же в составе синтаксических построений.

Обращение во всех языках выполняет различные смысловые функции. По мнению У.С. Зекоха, «основной является привлечение внимания непосредственного адресата речи к делаемому сообщению» [Зекох, 1987: 148]. Также обращения могут «регулировать коммуникантов в процессе коммуникации» [Сейтжаков, 2010: 142], иметь оценочный характер, содержать экспрессивную окраску, выражая отношение говорящего к собеседнику. И.В. Щербина считает, что «обращение выражает непосредственную направленность речи к собеседнику, оно является ярким выразительным средством речевого общения и принадлежит к области разговорно-диалогической речи» [Щербина, 2007: 3]. «Многие обращения маркированы, то есть можно легко определить социальную принадлежность говорящего, его возраст, уровень образования. Что объясняется культурными факторами, влияющими на выбор обращения» [Кронгауз, 2007: 117]. По мнению З.Р. Доховой, «обращения оказываются точкой пересечения существенных коммуникативных связей, участвуя в организации направленности речи и одновременно в социальной регуляции общения» [Дохова, 2007: 132]. Обращение к мужчине и женщине в адыгском языке различаются. Л.Х. Урусова считает, что «высокий стиль речевого обращения в начале контакта обязывал к взаимоуважению и не позволял выходить из этой рамки, поэтому обращаясь к женщинам и мужчинам в кабардино-черкесском языке употребляются такие вокативы как *ди анэ* (наша мать) недопустимо *фызыжь* (старуха), *ди шыпхъу* (наша сестра), а к мужчинам: *ди адэ* (наш отец), *си шы нэхъыжь* – мой старший брат, *си къуэи* – мой брат [Урусова, 2013: 102].

В адыгской лингвокультуре как в языке жителей на исторической родине, так и в речи диаспоры вежливое обращение к малознакомому или не-

знакомому человеку в полуофициальной и неофициальной обстановке выражается различными лексическими единицами, выбор которых зависит от самой коммуникативной ситуации, возраста и гендерной принадлежности коммуниканта.

Для обращения к незнакомым или малознакомым людям в разговорной речи представителей мужского пола на исторической родине и в речи диаспоры используется форма *си к̆уэиш/си к̆уэишхэ* «брат /братья». При обращении к ровеснику в неофициальной или же полуофициальной обстановке для выражения уважения, почтительного отношения к собеседнику используется *си к̆уэиш*. Например, в речи диаспоры: *Адыг'э хабзэр, си к̆уэишхэ, мы дин муслъымэным япэ тетас адыгэр дунейм, а диным инэ, а хабзэр дилахэ* (К̆уэшокуэ Л.) («Адыгский этикет, братья, существовал задолго до того, как появился ислам»). *Уэлэхьы, си к̆уэишхэ, сэ не сытхаклуэ, не хьисториемкӀэ сыхуеджи, сэ сысэлыдат, сыаскер* (Сэбэней Э.) («Ей богу, братья, я – и писатель, и историк, я – солдат, воин»). *Яу си к̆уэиш, жиӀас мыбдейкӀэ к̆ыдыхьы к̆уэкӀухь абыми пиӀей хьунуси сык̆эбг̆уэтынс жиӀас* (Февзие С.) («Брат, – сказал он, – пройди вот сюда, обойди, будет восемьдесят, вот тогда и найдешь меня»). *Ирик̆унӀэ ар, си к̆уэиш* (К̆ушхэ I.) («Этого ведь достаточно, брат»). *Уэ си к̆уэишнэ, цӀыхухэм сыт хуэду насыпынишаг̆э к̆эх̆улами л̆эпк̆нэми насыпынишаг̆э к̆окӀуалӀэ* (Ак̆сырэ Я.-К.) («Братья мои, все несчастья, случившиеся с людьми, касаются и народа»). *Тхэм дэнэ зы адыгэ щыӀыми гуг̆у емых̆у иг̆эпсэуну насып тхуицӀ, псоми сэламышхуэ фызох, си к̆уэиш* (Елк̆эн И.) («Дай Бог, чтобы у каждого черкеса, где бы он не находился, была легкая, счастливая жизнь, всех приветствую, брат»).

Такая форма обращения сохранилась в разговорной речи всех поколений представителей метрополии, использованы также в произведениях национальных авторов. Встречаются еще лексемы с корнем *к̆уэиш* в качестве вежливого обращения к представителям мужского пола: *си к̆уэишыӂь, си к̆уэишышхуэ, си шынэх̆ыӂь*. Словоформа *си к̆уэишыӂь* образуется путем присоединения усилительного суффикса *-ӂь* к корню *к̆уэиш*: *к̆уэиш* + *ӂь* / «брат

+ище?», которую можно рассматривать как увеличительную форму с оттенком высокого уважения. Суффикс *-жь* полисемантичен. Присоединяясь к существительным и прилагательным, суффикс *-жь* может употребляться с различными значениями. Относительно семантики данного суффикса М.Х. Токмакова отмечает: «Положительное оно или отрицательное зависит от того, к какому слову присоединяется данный суффикс. Если слово с положительным значением, выражается положительная эмоция – восхищение, одобрение, симпатия» [Токмакова, 2010: 155]. *Си кьуэшыжь* в контексте выражает степень знакомства, восхищение, уважение с неперенным оттенком усиления эмоциональной компоненты. *Си кьуэшышхуэ*: кьуэш+шхуэ к корню *кьуэш* присоединяется суффикс *-шхуэ*, который в кабардино-черкесском языке обозначает «большой», дословно «большой брат». Как обращение к старшим по возрасту с почтением в разговорной речи часто используется *си шынэхьыжь*, в значении «старший брат», а ласковое обращение к младшим по возрасту – *си шынэхьыцIэ* в значении «младший брат». Однако следует отметить особо, что все же *-шхуэ* выражает не столько старшинство, сколько почтение (к возрасту) и вежливое отношение говорящего в соответствующих ситуациях.

Например, *Хьэуэ, кьуэш, сэ сыдохутыркъым. Нальык университетым ыцызогъаджэ* [Кьэрмокъуэ, 2004: 108] («Нет, брат, я не врач. В Нальчике преподаю в университете»). *Куэдиц, кьуэш, лым хуэфацикъым фыз цхьэкIэ и нэпс цIигъэкIыну, емыкIуц...* [Шортэн, 2016: 533] («Хватит, брат, мужчине не подобает пускать слезу из-за женщины, неприлично»). *Нурхъэлий жеIэ: «Сешац, си кьуэш. Къаруи псэруи кьысхуэнакъым»* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 124] («Нургалий говорит: «Устал, брат. Дошел до изнеможения»). *Мэсхьуд, уэра ар, си кьуэшышхуэ?* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 95] («Масхуд, ты ли это, братище (букв. мой большой брат)»). *Иджыри зыцIкIэ кьеIэбыхьыжи, тIоцIрэ епцыкIузанэу сытх, си кьуэшыжь* [Кьэрмокъуэ, 2007: 179] («Опустись еще на десять и запиши меня тридцать первым, братище (букв. старый брат)»). *Иэюб, си кьуэшышхуэ! Иэюб, хуумыгъэкI уи псэр! Иэюб, си кьуэшышхуэ... – жиIэу Лу гужьэят, жиIэр имыцIэжу* [Кыщокъуэ, Т. 3. 2005:

689] («Аюб, братище (букв. большой брат)! Аюб, не умирай, Аюб, братище..., – говорил растерянный Лу, не понимая, что говорит»). – *Сыпцыхъулуакъым, **шынэхъыцІэ**, си гугъэц дпэкІи сыкъомыгъэукІытэну, партым хуэфациу ухэтыну сыпцогугъри, узыниэ ухъу!* [Журт, 1987: 173] («Не перехвалил я тебя, мой младший брат, надеюсь и в дальнейшем не буду краснеть из-за тебя, и ты будешь достойным членом партии, будь здоров!«). *АтІэ, **си шынэхъыцІэхэ**, алыхъу къытцхъэцытым дыкъельагъу, ар ди дэІэпыкъуэгъуц, – и жьэпкъышхуэу фІыуэ къыцІэІукІэм тет жьакІэ хъурей кІэцІым Іэ дильэжащ, – деплъыни хэт теуэми* [Шортэн, 2016: 478] («Да, братья мой младшие, Аллах все видит, он нам помогает, – погладил щетину по подбородку – посмотрим, кто на нас нападет»). *Зи умыгузавэ, **си шынэхъыцІэ*** [Кыщокъуэ, Т. 4, 2006: 154] («Вообще не переживай, мой младший брат»). *Сэ уэ сыпкІэльоплъыр, Уэнджырокъуэ, сыпкІэльоплъыр, **си шынэхъыжъыжъ*** [МафІэдз, 1992: 108] («Я слежу за тобой, Онджероко, слежу, мой старший брат»).

Приведенные выше примеры подтверждают наличие различных словоформ с корнем *къуэи* в литературном языке для обращения к людям разного возраста.

Для выражения уважения, почтения к женскому полу мужчины часто используют лексему *си шынхъу* «сестра моя», сложные словосочетания *си шынхъу лъапІэ* «дорогая сестра моя» как в языке метрополии, так и в речи диаспоры. Например: *Ди адыгэ лъэпкъ, ди къуэиһэ, **ди шынхъуһэ**, сэлам гуапэ фыдох* (Алаш Н.) («Адыгский народ мой, братья мои, сестры мои, сердечно приветствую всех»). *Си **шынхъу лъапІэ**, уи пцыхъэцхъэ фІы ухъу, дунейпсо зэхуэсым дерс естыну сыкърагъэблэгъауэ, абы и унафэм дытепсэлъыхъу блэчІас ныцхъэбэр* (Безыр З.) («Добрый вечер, дорогая сестра, сегодняшний вечер прошел в обсуждении проведения лекции на международной встрече, куда меня пригласили»). *Уей, **си шынхъу**, си цІыкІугъэм сыпшам* (Безыр З.) («Валахи, сестра, ты напомнила мне мое детство»). *Уи пцэдджыжъри, фи гъацІэри фІы ухъу, **си шынхъу лъапІэ**, сигу къэкІауэ сно-*

уицIынут (Безыр З.) («Пусть твоё утро, твоё жизнь станут хорошими, сестра моя дорогая (уважаемая), хотел спросить о чём-то»).

Примеры уважительного обращения к представителям женского пола (к сестрам, знакомым, а также к малознакомым) на основе сложных словосочетаний с лексемой *си шынхъу* встречаются в произведениях национальных авторов. Например: *Араиц сэ вжесIэну, си шынхъуишхуэхэ!* [Журт, 1987: 64] («Это всё, что я вам скажу, сестры мои (букв. мои большие сестры)»). *Мышынэ цыIэкъым, ди шынхъу.* [ШэджыхъэщIэ, 1987: 97] («Нет человека, который чего-то не боится, сестра наша»). *Унсэу, си шынхъу дахэ! Унсэу си дуней нэху! ЖыIэ зыгуэр, си псэр зыишхын, - жиIэурэ Апчарэ едэхащIэрт псы Iуфэм деж Азизэ* [Кыщокъуэ, Т. 4, 2006: 44] («Со словами: «Живи, красивая сестра моя! Живи, душенька моя! Скажи что-нибудь, моя милая, – Апчара сидела на берегу реки и гладила Азизу»). *Сурэ, си шынхъу лъанIэ цIыкIу, – бгъэдэтIысхъэрт лъэгуажъэмыщхъэу Аслъэн и шынхъур зэрыль гъуэлъыпIэм, – зы псалъэ нэхъ мыхъуми уи жьэм къыжъэдэкIыу зыхэсхыжамэ, цхъэкIэ сы-къэфэнт!* [Абазэ, 1994: 65–66] («Аслан становился на коленях возле кровати сестры со словами: «Сура, моя дорогая сестра, если бы ты сказала мне хоть одно слово, станцевал бы на голове!»). *ШэIимэт, сыту пэж жыпIа, си гум укъишхыдыкIащ, уэ къэпIуэтащ дэ псоми ди мурадыр, унсэу, си шынхъу* [ХъэхъупащIэ, 1996: 271] («Шаимат, ты всё правильно сказала, я тоже об этом думал, ты озвучила все наши намерения, спасибо, сестра моя»).

Анализ эмпирического материала показал, что в речи диаспоры в полной мере сохранился адыгский речевой этикет в обращении к лицам мужского и женского пола. В приведенных выше примерах видно, что адресант, не имея кровного родства к адресату, для выражения уважения, почтительного отношения обращается к лицу мужского пола *си къуэиш, си къуэишхэр(хъэр), си шынэхъыжъ*, а к представителям женского пола *си шынхъу, си шынхъу лъанIэ* и т.д. Обращение к людям терминами родства носит ярко выраженный эмоциональный характер и свидетельствует о подчеркнутом выражении уважения и почтения к адресату.

Один из информаторов уважительное отношение к старшему его по возрасту выразил словом «Дотэ», заменив отсутствующее в литературном языке обращение на ВЫ, подразумевая старший, достопочтимый, уважаемый им человек. Со слов уважаемого информатора Айдына Токмакъ (73 года), проживающего в Турции: «*Адэм схужыІэнутэІыми, ди лъэныкъуэм щызырахъэ псалъэһэм ящыцу «Дотэ» нэхъыжьһэм папщІэ Дотэ жраІыу зыхэсхатти езы Адэм ДотэчІэ сегэт*» («Я не мог называть его Адамом, поэтому называл его «Дота», так раньше у нас обращались к старшему, поэтому и я обращался к Адаму Дота»). Следует отметить, что на исторической родине «дотэ» употребляется в двух значениях: 1) слово, которым младшие по возрасту выражают почтительное обращение к особо уважаемому мужчине; 2) *перен.* слово, которым выражают ласковое обращение к мальчику [АП, 1999: 127]. В первом и втором значениях *Дотэ* встречается в художественной литературе. Так в романе Хажбекира Хавпачева «ГущІэгъуншэ» дочь в обращении к отцу Хажсету говорит *Дотэ: Дауэ ущыт, Дотэ, унэхъыфІ? – желэри нІэм хэгъуэлъхъэжа и адэм и натІэ фагъуэ псыфым хъыджэбзыр щабэу тоІэбэ* [ХъэхъупащІэ, 1996: 306] («Как самочувствие, уважаемый, достопочтимый, лучше? – сказав, дочь мягко прикоснулась к бледному мокрому лбу отца, лежавшего в постели»). Данная лексема в обращении к бабушке упоминается в романе А. Шортанова «Горцы»: *Дотэ! Дотэ! Дотэ мыгъуэ! – Дадэ, ди дадэ мыгъуэр, ди дадэ мыгъуэр яукІ! – зелІэж Зулий.* [Шортэн, 2016: 48] («Дорогой мой! Дорогой мой! Бедный, уважаемый !... Дада, наш бедный дада, убивают нашего бедного дедушку! – плачет Зулий»). Женщина в обращении к майору: *Уи кхъуей ихыгъуэр блэкІти, сыгузавэри къыхуэсхъащ, дотэ, мэ, егъу, – желэри, теппэчымы кхъуей плъыжь гъур илъу къыхутрегъуэуэ* [Нало, 2016: 118] («Дорогой мой (уважаемый), я переживала, что время твоего приема сыра выходило, поэтому принесла, возьми, погрызи», – сказав, ставит на стол тарелку с копченым сыром»). В обращении к мужу: *АтІэ, си Дотэнэху, ар зэрыпщымыгъуепщэжар сыту си гуанэ хъуа* [Къэрмокъуэ, 2007: 198] («Конечно, мой милейший, как мне приятно стало, что ты не забыл об этом»).

В обращении к ребенку: *Фызхэм унацхьэр трачу уэрэд жагэ: – Си дуней нэхур согъэжсей... Си дотэ нэхур набдзацгэц, Си дотэ шырыр гэгъуамбэ пгэцэц...* [Нало, 1993: 204]. («Женщины, словно срывая крышу, громко поют песню: – Моего милого укладываю. Мой милый чернобровый. Мой миленький толстопалый»)... *Зауркъан и унцгэр хьэзырти: – Си дотэ, – жи, – уэ куэдм сыхуебгъэсац, куэдми сыхуэбуцияц, ауэ зы къызжумыгэу къэбгъэнац: цгыхухэм пггэ къысхуацгын цхьэггэ сым сггэн хуейр?* [Хьэту, 2017: 149] («У Зауркана был наготове вопрос: «Уважаемый, ты меня многому научил, дал наставления, но об одном не рассказал: что мне нужно сделать, чтобы люди меня уважали?»»).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что лексема *Дотэ* при обращении к уважаемым людям устойчиво закрепилось в художественной литературе. Но в современной речи представителей диаспоры, и разговорной речи жителей метрополии лексема «дотэ» в качестве обращения употребляются редко. Следует полагать, что данная лексема в обозначенной выше семантике в современном кабардино-черкесском языке перешел в историзм, поэтому в художественном контексте появляется для передачи соответствующего исторического колорита.

В речи диаспоры и в разговорной речи жителей метрополии функцию обращения выполняют уменьшительно-ласкательные слова, эмоционально насыщенные формы имени в сочетании с прилагательными. Так в речи диаспоры зафиксированы следующие формы обращения: *Кгэу, пгасэ, уи адэ шыпхьур лъагъу, и гур фгы хуэцгызж, уи анэ дэнэ кггэн, уи анэс* (Щоджэн Э.) («Иди, моя хорошая, повидайся с тетей (по отцу), успокой ее, твоя мама никуда не денется, она останется твоей мамой»). *Сыцгъуейм дей – укъэуша, пыжъынэ – жигыти – мэггэлгас уэ, мэггэлгас – унэм сишэгжт* (Тохъу Н.). («Когда плакала, [дядя] спрашивал: «Проснулась, пыжына (букв. глаза, как ягоды тёрна, так говорят о черных девичьих глазах), проголодалась, проголодалась», потом – отводил домой»). *Унсэлгэнумэ абазэ къашиэ, къэпкгухьынымэ гуэгуи гэхъу, пгасэ, жигыт гей-гей* (Жэнакъ Ф.) («Хочешь много болтать –

женись на абазинке, хочешь гулять – разводи индюков, Тасэ (мой хорошей/дорогой)»). *Си бзу цыкIу, си IэфI цыкIу, анэ ипсэ, фоупс шыр ы-ы-ы* (Арымбек А.) («Мой воробышек, мой сладкий, мамина душа, сладенький»). *Уа щIалэ, моуэ кьакIуэт* (Пщыхъуэж С.) («Эй, парень, подойди сюда»). В диаспоре также отмечается лексемы «Бацэ» в обращении как к девочке, так и к мальчику – «ПтIу», «Щауэжыи» в обращении к мальчику.

Примеры ласкового обращения к людям разного возраста отмечаются не только в разговорной речи, но и в художественной литературе: *А си щIалэ цыкIу, шхынкIэ гугъу Iей мыгъуэ фохъ, уи шынэхъыщIэ цыкIухэр а фыз-дэщыIам яшэжамэ нэхъыфIтэкъэ? – йоупицI абы Фаризэт, дзыхъыщэ имы-щIурэ* [Журт, 1987: 10]. («Мальчик мой, с едой вам очень тяжело, может было бы лучше, если твои младшие братья вернулись туда, где вы были, – спрашивает его Фаризат, сомневаясь»). *Уэ Iуэхутхъэбзэу къыхсуэщIар тхъэм къып-хуищIэж, си щIалэ цыкIу* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 79]. («Пусть Всевышний вернет тебе все хорошее, что ты сделал для меня, мой мальчик»). *Тхъэм гъащIэ къуит, щIалэфI, жыпIа псори къанэ щымыIэу тэмэмщ* [Журт, 1987: 64] («Пусть Всевышний дарует тебе долгую жизнь, хороший парень, все, что ты сказал, правильно»). *Мыр Тэрчыкъуэ къуажэкъэ? – щIэупицIац Бэхид и цхъэр къимыIэту. – НтIэ, тIасэ* [ШэджыхъэщIэ, 1987: 128]. («Это не село Тарчоко? – спросил Бахид, не поднимая головы. Да, мой хороший»). *СынэхъыфIц, си хъыджэбз. КIуэ, тIасэ, гъуэлъыж, куэд мыщIэу нэху щынууц.* [ХъэхъупащIэ, 1996: 306] («Мне лучше, моя девочка. Ступай, моя хорошая, ложись, скоро рассветет»). *Нанэ, нанэ, уэ иджы нобэ фIыуэ сыкъэплъагъурэ? – АтIэ, си псэ цыкIу* [Къэрмокъуэ, 2004: 291] («Нана, нана, ты теперь сегодня меня любишь? Конечно, душа моя»). *ФынакIуэ, тIасэхэ, абы фIэкIым емыкIу къэтхъыниц, хъарзынэуи дыщысаи, – Фаризэт и псалъэхэм Маржынэт и гупсысэхэр зэпауд.* [Журт, 1987: 27] («Пойдемте, милые, неприлично засиживаться, итак хорошо посидели, слова Фаризат прервали мысли Маржинат»). *Алыхъым и шыкуриц, си хъыджэбз цыкIу, ди пцIантIэм хуейуэ зыгуэр къызэрыфхэкIар, иджы уэ лъапсэмкIэ уи Iупэр къыщыбгъэзакIэ, уэ нэхъ бы-*

ныфI сиIэкъым, – жиIэурэ гуфIэу къытригъээзэжурэ шэ, плIэ IэплIэ хуишIащ лIыжъым и къуэрылъхум [Мысачэ, 1991: 183–184] («Со словами: «Слава Богу, моя девочка, что кто-то захотел этот дом (двор), раз теперь ты вернулась, ты самая лучшая», радуясь, три -четыре раза обнял старик внучку»). *Дисэ нанэ Беслээн зыбгъэдигъэтIысхъэри шэIуурэ жиIащ: – Къэсащ, тIыкIуэ, си пIалъэр* [МафIэдз, 2014: 206]. («Нана Диса посадила рядом Беслана и со стоном сказала: «Детка, настало мое время»). Лексема *тIыкIуэ* в значении «милый», «детка» используют старшие, обращаясь обычно к чужим детям.

В художественной литературе иногда встречается ласковое обращение женщины к детям с помощью «*нэхунэ цIыкIу*», дословно *нэху* – свет, *нэ* – глаза, *цIыкIу* маленький. Например: *А сурэтыр Къантемыр и анэшыпхъу Мачэдинэ имыгъэкIуэду зэрихъати, Къантемыр псалъэ къыгурыIуэ шыхъум къритыжащ: – Мыр, си нэхунэ цIыкIу, уи анэ укъэзылъхуам и сурэтиц, умыгъэкIуэду зехъэ* [МафIэдз, 2014: 156]. («Эту фотографию хранила сестра матери Мачадина, и когда Кантемир подрос отдала ее: «Это, мой милый, фотография твоей мамы, не теряй ее».

В кабардино-черкесском языке для обращения к представителям женского пола приятной внешности используют лексемы «*тхъэIухуд* «красавица, фея», *тхъэIухудшыр* «маленькая красавица», *нэ фIыцIэ* «черноглазая», *дахэ цIыкIу* «красоточка», *кIуцэ цIыкIу* «маленькая девочка». Например, *Мыр дауэ, тхъэIухуд, уи псалъэм утетыжкъыми! – согъэщIагъуэ абы къызишIа емыкIур* [Нало, 2016: 30] («Это как, красавица, не сдерживаешь своё слово! Удивляюсь тому, как она непристойно поступила со мной»). *Уи цIэри сицыгъутицэжащ, дахэ цIыкIу, къызжеIэжыт, – МэчрэIил хъыджэбз цIыкIум и шхъэфэм Iэ дилъащ* [Журт, 1987: 14]. «Имя твое подзабыл, красотка, напомни, – сказал Мачраил, поглаживая голову девочки. *КIуцэ цIыкIу, мо шэнтыр къысхуэгъэкIуатэт, кхъа.* (речение) («Маленькая девочка, пододвинь, тот стул, пожалуйста»). *ТхъэIухудшыр, дэнэ уцыIа, сым плъэгъуа* (речение) («Маленькая красавица, где была, что видела»). Стоит отметить, что в современном кабардино-черкесском литературном языке вышеперечисленные об-

ращения встречаются в большинстве случаев в разговорной речи старшего поколения в контексте обращения к девочкам. Чаще функционируют обращения по имени с уменьшительно-ласкательными суффиксами русского языка (*Адамчик, Ясминочка, Ланка, Эльханчик* и т.д.).

В современной речи как диаспоры, так и представителей метрополии иноязычные формы обращения становятся нормой в коммуникативной практике. В диаспоре: *ане, анна* (к матери); *Абла* (к старшей сестре), *аби* (к старшему брату), *амджа* (брат отца), *амджа* (сестра отца), *дайы* (брат матери и отца), *тейзэ* (сестра матери и отца), *nene* (бабушка), *деде* (дедушка), которые могут употребляться как в сочетании с именем собственным, так и отдельно. Так, к знакомому или малознакомому парню-ровеснику обращаются «*аби*», девушке – «*абла*». Если собеседник гораздо старше, то «*амджа*», если женщина – «*тейзе*». Например, *АпицІэндэхучІэ си адэкъуэшым и пхъум и къуэм, тейзэ, жиІас, уэ Гунул тейзэ блинк хуэбдзас, ауэ абы къыщыцІар пицІэкъым жиІас* (Яурум Г.) («В это время сын двоюродной сестры сказал, тейзэ, ты отправила блинк (ссылка) Гунуль, но ты не знаешь, что случилось с ней»). *Ди лъэныкъуэмкІэ ныбжъ зиІэхэм ицІэмкІэ уеджэ хъуркъым тейзэ жадоІэ. Тейзэ, сит ухуэдэ?* (Пщыхъуэж С.) («У нас к старшим не положено обращаться по имени, говорим тейзэ (тетя). Тейзе, как дела?»). *Айдын аби, сит ухуэдэ, дэнэ ущыІэ?* (Токъмакъ А.) («Айдын брат, как дела, где находишься?»).

Необычное явление наблюдается в речи диаспоры, когда они находятся за пределами стран проживания. Представители диаспоры, общаясь между собой на черкесском языке, при обращении к старшему вместе с именем употребляют *аби, абла, тейзэ, даи* и т.д., как и в турецком языке. Но, когда они общаются с жителями метрополии, в своей речи избегают вышеперечисленные лексемы (*аби, абла, тейзэ, даи*), вместо них используют либо *си къуэш* «брат», *си шыхъу* «сестра», *ди нахъыжъ* «тамада, старший, уважаемый», *ди къуэшхэ* «братья», *ди шыхъухэ* «сестры». Данное явление можно назвать временной ассимиляцией, так как в диаспоре они возвращаются к привычным для них лексемам. Например, диалог двух представителей диаспоры на

исторической родине: *Айдын аби, уи пицэдджыжъ фIыуэ, сыт ухуэдэ, дэнэ уицыIэ? Унсэу, си къуэи, Эргун аби, сыфIс, зэран диIэIым* («Айдын брат, доброе утро, как дела, где находишься? Спасибо, брат, Эргун брат, все хорошо, проблем нет»). В то же время, обращаясь к жителям метрополии, Айдын не использует лексему *аби* при обращении к старшему: *Сэтхъэли, си къуэи, дэнэ уицыIэ, сыт уи мурад нобэ?* (Токъмакъ А.) («Сатхали, брат, ты где, какие планы на сегодня?»).

Традиционное обращение к бабушке и дедушке «дадэ», «нанэ» на исторической родине трансформировалось в «деде», «нене».

В метрополии *мамэ* «мама», *папэ* «папэ» претерпели фонетические трансформации в процессе адаптации заимствующим языком. Очень редко используют *си анэ* «мама», *си адэ* «отец» *си анэ дыщэ* букв.: «моя золотая мама». Например: *Абдеж иIалэр мапхъуэри и адэм и Iэр къэгъуэвауэ еубыд: - Хомыдзэ, си адэ, дыщэ сомитIыр псым* [МафIэдз, 2014: 161] («Испугавшись, парень резко хватает руку отца: «Не кидай, отец, два золотых рубля в воду» (встречается в литературных произведениях); *О, си анэ, пиIэжкъэ, абдежти си сабиигъуэ зэман гуфIэгъуэхэр зыдэзгъакIуэр?* [Хъэкъун, 1974: 112] («О, мама моя, помнишь, там же я провела свое счастливое детство?»).

Обращения «дядя», «тетя» встречаются лишь как иноязычные вкрапления в кабардино-черкесский контекст: *Тетя, дапицэи укъэкIуэжыну* («Тетя, когда приедешь?». *Дядя, кхъа машинэмкIэ къэзгъэжыхъ!* («Дядя, дай, пожалуйста, прокатиться на машине»).

Обращения *мама* и *папа* встречаются и в литературе, и в разговорной речи представителей всех возрастов. Например, *Хэт, мамэ, сэ семыджэмэ гуфIэнур? Сэ жагъуэгъу сиIэкъым* [Къэрмокъуэ, 2004: 58] («Мама, кто будет радоваться, если я не буду учиться? У меня нет завистников»). *Гъунэгъу фызыр зэрыиIэкIыжыхэу Нэфисэт и пэшым кыицIокI: Сыт хъыбар, мамэ, абы пицэдджыжъ нэмэзым кыхъар?* [ХъэхъупацIэ, 1996: 181] («Как только ушла соседка, Нафисат вышла из комнаты: «Какую новость, мама, она принесла с утра пораньше?»). *Данизэт иIыкIу япэ иири кIийуэ унэм*

цІэльэдэжащ: – **Нанэ, мамэ, фепльыт ди нанэихуэм и сурэтым** [МафІэдз, 2014: 236]. («Маленькая Данизат, впереди всех крича забежала в дом: – Нана, мама, посмотрите на фотографию нашей прабабушки»). *Асыхьэтым Марие кыщІэльэдэжащ:* **Папэ, жэмыр кыдэсхуэжащ, иджы нанэ сыпезьэнуц!** [ЩоджэнцІыкІу, 1962: 247]. («Тотчас Мария забежала в дом: «Папа, корову загнала, а теперь иду встречать нану (бабушку)»).

В современном кабардино-черкесском языке при обращении наблюдается присоединение к именам собственным суффиксов, заимствованных из русского языка. Чаще всего употребляются уменьшительно-ласкательные суффиксы *-чка(э), -ушк(ушкэ), -чик*. Например: *Марьяночкэ, дауэ фыщыт?* («Марьяночка, как поживаете?»). *Эльханчик, псы кысхуэхь* («Эльханчик, принеси воды»). *Мамочкэ, дауэ махуэр бгъэкІуа?* («Мамочка, как прошел твой день?»). З.Р. Дохова считает, что «употребление ‘имени собственного + словоформа *цІыкІу*’ или ‘притяжательного местоимения + имя нарицательное + словоформа *цІыкІу*’» (*Басир цІыкІу, уи анэм едаІуэ* («Басирчик, слушайся свою маму»), *А, си дыщэ цІыкІу, мыдэ къакІуэ* («А, мое золотце, иди сюда»)) является особенностью кабардино-черкесского языка [Дохова, 2007: 71].

В кабардино-черкесском литературном языке и в речи диаспоры используют обращения, символизирующие почтительное отношение, уважение адресанта к адресату, при помощи слова *тхъэмадэ*, которое в словаре имеет несколько значений: 1) предводитель, старейшина, руководитель, глава; 2) тамада, распорядитель пира; 3) свёкр; 4) обращение к пожилому мужчине, выражая почтение; 5) к.з. жених ухажер [АП, 1999: 638]. Из приведенных словарных значений, в речи старшего поколения представителей диаспоры сохранилось вежливое обращение к старшим с помощью лексемы «тхъэмадэ». Например, *Уа тхъэмадэ, Тэхъухэ я унэр дауэ къэзгъуэта хъун?* (Къэндур М.) («Уважаемый, как найти дом Тоховых?»). *НакІуэ уздэсшэнс, тхъэмадэ.* (Пщыгъуэтыж С.) («Пойдемте, подвезу, тамада»). *Абы цыгъуэ игы ди лъэныкъуэм зыгуэрэ а къуажэм кІуэс абыжыми щІантІэм дэтти дыхьэс абыжыми яу,*

тхъэмадэ, ГуанэццIэжхэ дэнэ деж жиIас (Февзие С.) («Тогда кто-то поехал в то село, зашел во двор и спросил: «Эй тхэмада, где живут Гоношежевы?»»).

С таким значением слово «тхъэмадэ» встречается и в метрополии не только в разговорной речи, но и в литературных произведениях. Например: *Уи жэцц фIы ухъу, тхъэмадэ, мо цIалэхэм уи нэIэ ятегъэт*. [Къэрмокъуэ, 2004: 48] («Спокойной ночи, уважаемый, присмотри за этими парнями»). *Дэнэ деж фызыжъ жыхуэпIэр цыпсэур, тхъэмадэ?* [Журт, 1987: 96] («Где проживает старуха, о которой ты говоришь, уважаемый?»). *Iэцэ пIыгъкъэ, тхъэмадэ? – жиIэри зы цIалэр къеупцIацц лIыжъым, гум къитIысхъэжа нэужъ* [Кыщокъуэ, Т. 2, 2005: 226] («Оружия нет, уважаемый? – спросил у старика один из парней, когда сели в повозку»).

В отличие от других языков, кабардино-черкесской языковой культуре свойственно обращение по имени, реже по имени-отчеству, выражая чинопочитание, хотя в кабардино-черкесском языке не существует обращения по имени-отчеству. Такая форма обращения является результатом языковой интерференции и заимствована из русского языка, и в условиях двуязычия стала нормой и для адыгов в метрополии. Некоторые ученые считают, что «формула имя-отчество – необходимая форма обращения к людям старшего возраста, независимо от занимаемого ими положения, звания, должности. Выбор определяется личной манерой и индивидуально-психологическими особенностями говорящего» [Дохова, 2007]. Добавим к сказанному, что выбор обуславливается и самой коммуникативной ситуацией, и средой (например, среди студентов и преподавателей вуза или научного учреждения, в государственных структурах и т.д.). Например, – *Сыт уцIэнIаццIэр, Софят, пасэц иджыри, зыгъэхъэзыр дахэ-дахэу* [ЩоджэнцIыкIу, 1962: 7] («Почему ты спешишь, Софят, рано еще, собирайся потихоньку»). *СIо, Хъэжсет, уэ сыту узэхэуа, жылэ псор мэгуфIэ, уэ сыт мыпхуэдизу уцIэнэцхъейр? – къыбгъэдыхъацц лъэныкъуэ зезыгъэза участковэм председателыр* [Журт, 1987: 23] («Почему Хажсет, ты такой угрюмый, все село радуется, а ты почему грустишь? – подошел к стоявшему в углу участковому председатель»). *Ахъмэд, мы уэ упишын ахъшэм цыщу зы сом уи адэ тхъэмыцкIэм ишхакъым, напэншэхэм пцIы*

къытралъхъауэ аращи, уэ ар сэттей къыпхуэщынуу [Абазэ, 1994: 27] («Ахмед, деньги, которые ты выплачиваешь, твой бедный отец не брал, эти бесовестные его оклеветали, ты сможешь вывести их на чистую воду»). *Шыпсэкъым, Шафиг Тутович – пэж дыдэщ жысІэу хъуар* [Къэрмокъуэ, 2004: 69] («Это не небылица, Шафиг Тутович, все, что говорю, правда»). – *Дыццэщ дыкІуэжыну, Мухаб Хизирович? – щІэупщІащ ЛутІэ* [МафІэдз, 2014: 78] («Когда поедем, Мухаб Хизирович? – спросил Лута»). – *Залим Хъуатович, уэ ныщхъэбэ бухыну нІэрэ? – бжэр дамэдазэ ещІри къыдоплъ Мария Ивановнэ* [ХъэхъупащІэ, 1996: 79] («– Залим Хотович, вы сегодня вечером закончите? – приоткрыв дверь спрашивает Мария Ивановна»).

Представители диаспоры, разговаривая на родном языке, обращаются друг к другу чаще по имени, как на исторической родине. *Ахъей, Нарт, упсэу, си къуэши* (Къущхъэ І.) («Конечно, Нарт, спасибо, брат»). *Упсо, Нармиэ, псалъэ къызэпт’ам щхъэчІэ ы-ы-ы* (Шурдум Г.) («Спасибо, Нармия, за предоставленное слово»). *Тхъэразэ къыпхухъу, Зерэ, мыпхуэдэ Іэнэ дахэ дылусууэ дызэрибгъэуэришэрымчІэ* (Щоджэн Ф.) («Благодарю, Зера, большое спасибо за возможность вот так, сидя за красивым столом, пообщаться»). *Сэ игъащІэм сыфыгъуаІым, Гульшан, зычІи* (Щоджэн Э.) («Гульшан, я никогда никому ничем не завидовала»). *Сэ зичІ энжинер сыхъуну сигу илтэІымэ, Мадинэ, сэ дохъутурт сызэрыхъуну сызыхуер, ау я си тсэуцІэр зы илъэс ы-ы-ы дохъутыру Анкъэрэ Хъарджэт тепэ унверстэм фІэчІа зыри стхаІым адреһэм щысхъ’амэ къэсхъынут* (Щоджэн Э.) («Мадина, я никогда не думала стать инженером, хотела быть доктором, но подала документы только в один вуз в Анкаре, если бы подала в другие, то поступила бы»). *НакІуэ, Хъэтиджэ, дыццэхуэнс* (Щоджэн Э.) («Пойдем, Хатиджа, что-нибудь купим»). *Хъунс, Эминэ, буцІэпІа шэри тхурикъунс, къэшчычІэри зэбгъэщІас, дэгъуэс, ирикъунс жиІа* (БанэщІэж-Хъэшчыкъуэ Э.) («Довольно, Эмина, достаточно испорченного тобой молока, хорошо научилась доить»).

В противовес устоявшимся нормам кабардино-черкесского литературного языка, к человеку старшего возраста, занимающему высокую должность,

начальнику обращаются по имени-отчеству, образуя гибридные синтаксические конструкции, в которых частично реализуется иноязычная норма обращения. Например, *Нинэ Мухамедовнэ, сыхъэт дапцэм щІэддзэну ди зэхуэсыр?* [речение А.М.] («Нина Мухамедовна, во сколько начнем наше собрание?»).

Таким образом, обращение в адыгской культуре занимает особое место и представляет большой интерес как один из значимых компонентов этикета. В обращениях находят отражение особенности образа жизни, обычаев, этикета, условий быта народа. Обращения лексемами *си къуэш* «брат», *си шынхъу* «сестра», *тхъэмадэ* «уважаемый» являются компонентами речевого этикета адыгов, проживающих не только на исторической родине, но и за рубежом, передающимися из поколения в поколение. Обращаясь к собеседнику, адресант показывает свое следование национально-культурным императивам, показывая воспитание и выражая почтение, уважение по отношению к адресату.

Сопоставительный анализ речи черкесской диаспоры за рубежом, репатриантов с кабардино-черкесским языком на исторической родине показал, что в диаспоре сохранились архаичные формы обращения, как и в метрополии. Следует отметить, что архаичные формы в речевой практике диаспоры носят доминантный характер и имеют бóльшую функциональную нагрузку, в отличие от речевой практики в метрополии. Наряду с архаичными формами в диаспоре превалируют лексемы, заимствованные из турецкого языка, такие как *анне*, *тейзэ*, *баба* и т.д. Также следует отметить, что и обращение в литературном языке претерпел изменения. Под влиянием государственного языка, развитием техники и технологии жители метрополии чаще стали использовать лексические единицы, словосочетания, уменьшительно-ласкательные суффиксы из русского языка, такие как *мама*, *папа*, *тетя*, *Марьяночка*, *Хазе-ша Талиевич* и др. В отличие от представителей диаспоры и жителей метрополии, репатрианты, обращаясь к адресату, избегают как турецкую форму обращения, так и русскую, стараясь сохранить и шире употреблять реалии родной культуры на кабардино-черкесском языке.

Наличие общих лексем свидетельствует о том, что данный вид обращения зародился давно, образуя ядро речевой культуры этноса, и употребляется по сей день. Некоторые формы употребления определенных лексических единиц с течением времени подверглись определенной трансформации под влиянием социально-культурных и лингвистических факторов. В условиях полиязыкового и полиэтнического окружения обращения как основа коммуникативной практики претерпевают значительные изменения как в диаспоре, так и на исторической родине, отражая особенности межкультурных и межъязыковых контактов.

Выводы к главе 4

Лексико-стилистическое своеобразие кабардино-черкесской речи диаспоры проявляется в совокупности устойчивых отклонений от норм литературного кабардино-черкесского языка, охватывающих фонетический, семантический и собственно лексический уровни.

1. Фонетическая модификация слов – одно из самых частых стилистических средств. В речи диаспоры регулярна замена шипяще-свистящего спиранта *щ* свистящим *с* в копуле; абруптивного смычного *къ* ларингальным *І* в суффиксе отрицания; употребление палатализованных *г', к', чІ* на месте литературных аффрикат *дж, ч, кІ*, а также замена глухого средненёбного *х* ларингальным *һ* как показателя множественного числа.

2 Лексический корпус кабардино-черкесской речи диаспоры обнаруживает значительные семантические сдвиги (например, *гу* в значении «машина» вместо «подвода») и включает пласт устаревших слов и историзмов, вышедших из активного употребления на исторической родине.

3. Словарный состав пополняется неологизмами, возникшими в результате смешения диалектов и говоров, а также обширным массивом заимствований преимущественно турецкого и арабского происхождения, которые подчиняются грамматическим правилам языка-реципиента.

4. Отсутствие кодифицированной письменной традиции и строгих литературных норм обусловило высокую вариативность разговорной речи, где пополнение лексикона осуществляется преимущественно устным путём и испытывает сильное влияние иноязычного окружения. Следовательно, лексическая стилистика кабардино-черкесской речи диаспоры в Турции представляет собой системное единство фонетических, семантических и собственно лексических отклонений, сформировавшееся под воздействием экстралингвистических факторов изоляции, межъязыковых контактов и отсутствия письменной нормы.

5. Лексические средства утверждения и отрицания в кабардино-черкесской речи диаспоры Турции образуют системно организованное единство исконных и заимствованных единиц, где центральные компоненты (частицы, местоимения, специализированные лексемы) сохраняют общеадыгскую структурную основу. Утвердительные частицы *нѳтІэ/нѳтІэ* и их фонетические варианты (*нѳтІэ*, *тІэ*), а также междометия и заимствованные лексемы (*таби*, *эвѳт*) демонстрируют высокую вариативность, характерную для разговорной речи диаспоры. Отрицание реализуется преимущественно через отрицательные местоимения и наречия, идентичные литературному языку, а также через лексемы *хѳэуѳ/хѳэу* и их архаичные варианты, сближающие речь диаспоры с диалектами исторической родины. Под влиянием турецкого языка в кабардино-черкесскую речь диаспоры проникают заимствованные отрицательные единицы (*yok*, *hayır*) и союзные конструкции (*ne... ne*), особенно заметные в речи молодого поколения, плохо владеющего родным языком. Сопоставление с литературным кабардино-черкесским языком выявляет, с одной стороны, устойчивость базовых средств утверждения/отрицания, с другой – их стилистическую трансформацию и пополнение за счёт иноязычных элементов в условиях изолированного развития. Изучение данной подсистемы раскрывает механизмы сохранения архаизмов и инноваций, значимые для понимания динамики адыгских языков в диаспоре.

6. На основании проведенного лингвистического анализа установлено, что кабардино-черкесская речь черкесской диаспоры в Турции обладает развитой фразеологической синонимией, которая выступает важным стилистическим ресурсом. За время проживания за рубежом в кабардино-черкесской речи диаспоры, в условиях длительной изоляции, отсутствия письменности и активных межъязыковых контактов сформировались собственные синонимические ряды фразеологических единиц, часто не совпадающие с литературной нормой и включающие как архаичные исконные обороты, так и новообразования и заимствования. Наиболее продуктивными в образовании синонимических рядов оказались фразеологизмы с ключевыми компонентами *гу* «сердце», *псэ* «душа», *псалъэ* «слово», а также единицы с временной семантикой, которые, объединяясь общностью значения, различаются смысловыми оттенками и лексико-грамматической структурой. Характерной чертой диаспорной фразеологии является контекстуальная синонимия, при которой устойчивые обороты приобретают новые значения под влиянием конкретной речевой ситуации, а отдельные литературные формы частично трансформируются или заменяются авторскими вариантами. Выявленная вариативность и семантическая гибкость фразеологизмов свидетельствуют не только о сохранении, но и о динамическом развитии фразеологического фонда в отрыве от основного языкового массива, при этом фразеология продолжает выполнять функцию этнокультурного кода, отражая эмоционально-ценностную картину мира носителей.

7. Обращение в адыгской лингвокультуре представляет собой ключевой компонент речевого этикета, регулирующий социальное взаимодействие на основе возрастных, гендерных и статусных иерархий. Стилистическая специфика кабардино-черкесской речи диаспоры проявляется также в формах обращения. Сравнительный анализ речи черкесской диаспоры и носителей языка в метрополии выявил сохранность архаичных форм обращений (*си къуэи*, *си шыпхъу*, *тхъэмадэ*), однако в диаспоре они отличаются доминирующим положением и

повышенной функциональной нагрузкой, что свидетельствует о консервации традиционных коммуникативных моделей в условиях изоляции.

8. Одновременно в обеих группах зафиксировано влияние контактных языков: в диаспоре широко употребляются турецкие заимствования (*анне, тейзэ, аби*), в метрополии – русские лексические единицы, модель имени-отчества и уменьшительно-ласкательные суффиксы, что отражает адаптацию речевого этикета к доминирующей языковой среде.

9. Репатрианты демонстрируют сознательное избегание иноязычных обращений и стремление к расширенному употреблению исконных форм, что позволяет рассматривать обращения как активный инструмент сохранения этнокультурной идентичности в условиях межкультурной коммуникации. Устойчивость общего ядра архаичных обращений в диаспоре и на исторической родине указывает на глубокую историческую укоренённость данных лексем в речевой культуре адыгов, тогда как наблюдаемые трансформации являются результатом длительных межъязыковых и социокультурных контактов. Следовательно, обращения выступают не только регулятивным средством общения, но и значимым маркером этноязыковой идентичности, динамика которого определяется комплексом лингвистических и экстралингвистических факторов, требующих дальнейшего лингвокультурологического исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функционирование кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры в Турции – это парадигма его ограниченного использования и уязвимости. В диаспоре языковая политика страны проживания, иноязычное окружение, смешение диалектов и говоров привели к тому, что кабардино-черкесский язык в значительной степени утратил свою коммуникативную функцию, сохранившись в основном в рамках семьи и общины – и то в большей мере как коммуникативный инструмент старшего поколения, тогда как молодежь общается в основном на языке страны проживания. На протяжении последних десятилетий наблюдается интенсивный подъем национального самосознания среди представителей черкесской диаспоры в Турции (что усиливает значимость языка как одного из основных маркеров их этнокультурной идентичности) и стремление к его изучению и использованию. Это стремление поддерживается тесными связями с исторической родиной, а также курсами родного языка, где преподают учителя из адыгских республик России: Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Республики Адыгея.

Теоретические разработки по изучению диаспор являются важным инструментом для анализа динамики языковой ситуации черкесской диаспоры. Язык в диаспоре выступает не только как средство коммуникации, но и как значимый маркер этнокультурной идентичности, механизм поддержания общности и средство осуществления транснационального взаимодействия. Поэтому исследование функциональной парадигмы кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры выстраивается с учетом совокупности факторов – от глобализации и цифровизации до государственной языковой политики и внутрисемейных практик, определяющих сохранение или утрату родного языка за пределами исторической родины.

Изучение истории черкесской (адыгской) диаспоры показывает, что язык может сохраняться в течение полутора веков в иноязычном окружении при условии компактного проживания и деятельности общественных организаций.

Однако отсутствие долговременной государственной поддержки в странах проживания представителей черкесской диаспоры, разобщённость субэтнических групп и отсутствие письменности создавали серьёзные угрозы утраты родного языка у последующих поколений. Первоочередная задача – унификация письменности (предпочтительно на кириллической основе с ориентацией на метрополию), включение родного языка в систему школьного образования на законодательном уровне (как это сделано в Израиле и частично в Иордании), а также расширение цифровых образовательных ресурсов. Без этих мер прогноз для кабардино-черкесского языка в Турции остаётся неблагоприятным, несмотря на высокий уровень этнического самосознания его носителей и возможность посещения исторической родины и общения с земляками.

Исторически кабардино-черкесский язык на родине прошёл путь развития от разрозненных диалектов и существования в устной традиции до полноценного литературного языка со статусом государственного в некоторых российских регионах (кабардинский наряду с русским и балкарским в Кабардино-Балкарской Республике; черкесский наряду с русским и карачаевским в Карачаево-Черкесской Республике), развитой письменностью, научной грамматикой и лексикографическими источниками, а также системой образования, где родной язык и литература включены в программу подготовки школьников. Родная филология функционирует также в системе высшего образования национальных республик Северного Кавказа. Это стало возможным благодаря последовательной государственной языковой политике, институциональной поддержке и научному обеспечению. В диаспоре же язык развивался в условиях изоляции и иноязычного давления, когда на некоторых исторических этапах вводились запреты на общение на родном языке, что привело к формированию специфических, архаизированных и угасающих форм речи. Современные цифровые технологии и транснациональные контакты открывают новые возможности для сближения языка метрополии и диаспоры, однако без целенаправленной государственной поддержки в странах проживания черкесской диаспоры прогноз для языка остаётся неблагоприятным. Опыт историче-

ской родины демонстрирует, что эффективное сохранение языка требует не только нормативного закрепления, но и постоянного расширения сфер его использования – от семейного общения до цифрового пространства.

Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции представляет собой консервативный вариант, который в своём развитии был изолирован от процессов формирования литературной формы языка на исторической родине. В ней появилась усреднённая форма существования кабардино-черкесского языка, которую правомерно называть диаспоральной формой адыгского языка, где наблюдается преобладание отдельных адыгских диалектов, в которых консервировались архаичные фонетические черты, общие с диалектами и говорами метрополии (особенно периферийными). Эти лексико-грамматические, фонетические и стилистические формы в литературном языке либо утрачены, либо существуют как варианты с незначительным функциональным потенциалом. К числу наиболее ярких отличий относятся: незавершённая аффрикатизация палатализованных смычных, широкое употребление *-с* вместо *-ц* в копуле, сохранение аффикса множественного числа на *-h*, полногласие в глагольных формах, последовательный переход *къ* → *І* в отрицании и вопросительных формах. Эти особенности делают речь диаспоры ценным источником для реконструкции ранних этапов становления кабардино-черкесского языка и для понимания путей эволюции фонетической системы адыгских языков в целом. Однако на большей части исторического пути черкесов в Турции сильное влияние турецкого языка и отсутствие государственной поддержки ведут к постепенной утрате родного языка, о чём свидетельствует статистика владения им среди молодого поколения. Следовательно, наряду с консервативным характером и высокой степенью архаичности фонетической и лексико-грамматической систем, речь диаспоры находится под угрозой исчезновения, что придаёт особую ценность её своевременной фиксации, детальному анализу и описанию.

В ходе исследования установлено, что грамматическая система речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции характеризуется устойчивым со-

хранением архаичных аффиксов и конструкций, которые в литературном языке были заменены инновациями, а также вариативностью и редукцией формантов и превербов, что сближает её с существующими диалектами кабардино-черкесского языка метрополии. Эти данные имеют большую ценность для исторической грамматики адыгских языков. Однако на фоне ассимиляционных процессов указанные архаичные черты постепенно нивелируются, поэтому документирование и сохранение языкового материала диаспоры являются важной исследовательской задачей.

Фонетическая и лексико-семантическая системы речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции представляют собой специфическую форму существования общенародного языка. В речи диаспоры в условиях его развития в иноязычном окружении в устной традиции произошли многочисленные семантические трансформации, частично совпадающие с архаичными или диалектными формами языка метрополии, частично представляющие уникальные языковые и речевые формы. Эти трансформации являются важным источником для изучения механизмов семантической эволюции языка в условиях диаспоры, а их систематическое документирование позволит сохранить историзмы, которые в литературном языке перешли в разряд пассивной лексики, вовсе вышли из обихода или не отражены в современных лексикографических источниках, то есть они могут служить источником обогащения современного кабардино-черкесского языка.

В речи диаспоры интеркаляция является главной формой языкового контакта в условиях черкесской диаспоры Турции. Модифицированные заимствования демонстрируют высокую степень адаптации к грамматической и фонетической системам кабардино-черкесского языка, тогда как чистые интеркаляции свидетельствуют о переключении кодов и языковом сдвиге. Сравнительный анализ языка диаспоры с языком метрополии показывает, что оба ареала (диаспора и историческая родина) подвергнуты интенсивному процессу заимствования, однако источниками заимствований выступают разные языки-доноры, что усиливает лексические расхождения между ними.

Для сохранения языка в этих условиях необходима целенаправленная языковая политика, включающая кодификацию и пропаганду исконной лексики, особенно числительных и служебных частей речи, а также поддержку черкесского языка в системе образования и СМИ Турции. В противном случае рост интеркалий приведёт к дальнейшему ослаблению родного языка и его возможной утрате в молодом поколении диаспоры.

Фразеологические единицы в речи кабардино-черкесской диаспоры Турции носят архаичный и консервативный характер, но относятся к устойчивому пласту языка. Под влиянием эндогенных и экзогенных факторов ФЕ подвергаются частичным грамматическим и структурно-семантическим трансформациям, которые, однако, в большинстве случаев не разрушают семантическую идентичность с литературными прототипами. Наличие полукалькированных ФЕ с турецкими компонентами указывает на начальный этап проникновения иноязычных структурных моделей во фразеологическую систему языка диаспоры. Предотвращение дальнейшей утраты исходного фразеологического богатства языка диаспоры возможно на основе системной работы по документированию и лексикографической кодификации сохранившихся ФЕ в речи старшего поколения в диаспоре, а также целенаправленной подачи их в процессе преподавания родного языка. Без этих мер наиболее трансформированные и полукалькированные ФЕ рискуют быть полностью вытесненными турецкими описательными конструкциями, что приведёт к постепенному исчезновению ФЕ в черкесской речи за рубежом.

Проведённый анализ подтверждает, что стилистическая система любого языка охватывает все его уровни, а лексика играет центральную роль в организации речевой деятельности. Исследование речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции показало её значительные отличия от литературной нормы, обусловленные длительным изолированным развитием в условиях диаспоры, отсутствием письменности и влиянием иноязычного окружения. Наиболее выраженные стилистические особенности проявляются на фонетическом уровне. В лексическом составе речи диаспоры выделяются архаичные

исконные элементы, перешедшие в литературном языке в разряд историзмов, но активно функционирующие в черкесской речи за рубежом. В ходе исследования зафиксированы многочисленные семантические сдвиги, при которых общеупотребительные лексемы приобретают новые значения, а также неологизмы, возникшие в результате смешения диалектов и интерферирующего воздействия турецкого языка. Совокупность выявленных стилистических особенностей свидетельствует о формировании особого устного, обиходно-разговорного варианта кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры, который не подвергается жесткой регламентации, в отличие от форм литературного языка, и характеризуется высокой степенью вариативности.

Особую функционально организованную совокупность единиц представляет собой лексическая система утверждения и отрицания в речи кабардино-черкесской диаспоры Турции. Она сохранила центральные элементы литературного языка, включая инновации, обусловленные иноязычным окружением. Утверждение в исследуемой речи выражается различными идиомами: *нтIэ / нымIэ, тIэ, нитIэ, ахъей, уей, уэлэхьы, ы-ы-ы, ае-ае, пэж, эвет, таби*, что отражает билингвальный характер коммуникации. Лексическое отрицание реализуется посредством отрицательных лексем, таких как *зыми, зыщIыпIу, зыри, хъэуэ, хъэу/хъау*, а также тюркизмов *уок, haуır*, конструкции *не... не*. Функционирование разноязыковых пластов в кабардино-черкесской речи диаспоры показывает, что лексическое поле утверждения/отрицания в диаспоре формируется под влиянием как внутренних законов развития языка, так и интенсивных межъязыковых контактов. Полученные в ходе исследования данные подтверждают, что в условиях изолированного существования кабардино-черкесской диаспоры в Турции лексические средства утверждения и отрицания, с одной стороны, консервируют архаичные черты, а с другой – подвергаются активной адаптации, отражающей общую тенденцию к смешению кодов в речи диаспоры.

Фразеологический фонд кабардино-черкесской речи диаспоры в Турции обладает развитой системой синонимических отношений, что свиде-

тельствует о ее семантическом богатстве и выразительном потенциале. Собранный полевой материал показывает, что в разговорной речи диаспоры активно функционируют как общеадыгские ФЕ, так и специфические устойчивые обороты, не зафиксированные в литературном языке. Наиболее продуктивными в образовании синонимических парадигм выступают фразеологизмы с компонентами «гу» (сердце), «псэ» (душа) и «псалъэ» (слово), концентрирующие ключевые культурные смыслы. Отдельную группу составляют темпоральные фразеологические синонимы, отражающие различные аспекты восприятия времени.

Синонимические ряды в речи диаспоры различаются оттенками эмоциональности, интенсивности или стилистической окраской, а в качестве доминанты выступает наиболее частотный фразеологизм. Для идиоматики диаспоры характерна контекстуальная синонимия, а также возникновение авторских (часто окказиональных) ФЕ, частично трансформирующих литературную форму или содержащих тюркские заимствования. Совокупность выявленных синонимических рядов подтверждает, что во ФЕ сохраняется исходный этнокультурный код черкесов.

Категория обращения в кабардино-черкесском языке представляет собой динамичную подсистему, в которой пересекаются исконные этикетные нормы (обращения через термины родства) и иноязычные влияния (турецкие и русские формы). Черкесская диаспора Турции выступает консервативным ареалом, сохранившим архаичные пласты обращений и адаптировавшим турецкие лексемы, тогда как метрополия испытала более сильное влияние русского языка, что привело к частичному вытеснению традиционных форм и активному использованию имени-отчества. Репатрианты, напротив, стремятся к реставрации исконного этикета. Несмотря на различия, центром адыгского речевого этикета является почтительное обращение к собеседнику через термины родства, которое остаётся устойчивым маркером этнокультурной идентичности как в диаспоре, так и на исторической родине.

Таким образом, функциональная парадигма кабардино-черкесского языка в условиях черкесской диаспоры в Турции определяется фундаментальным противоречием между его ролью как основного маркера этнокультурной идентичности и прогрессирующей утратой реальной коммуникативной функции, что обусловлено длительной изоляцией от соотечественников в метрополии, отсутствием государственной поддержки и интенсивной интеркаляцией. Речь диаспоры, законсервировавшая ценные архаичные черты в фонетике, грамматике и лексике, трансформировалась в специфический устный обиходно-разговорный вариант с высокой степенью вариативности. Однако неблагоприятный прогноз его сохранения среди молодого поколения диктует острую необходимость в унификации письменности, включении языка в систему школьного образования и системном документировании угасающих форм в диаспоральной речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Абазова М.М. Семантическая и этнокультурная специфика обращения си кьуэш / «брат» (на примере речи черкесской диаспоры за рубежом и кабардино-черкесского языка в России) / М.М. Абазова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8–1(62). – С. 77–79.
2. Абазова, М.М. Звуковые изменения согласных в речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом / М.М. Абазова, Б.Ч. Бижоев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9–3 (63). – С. 58–60.
3. Абазова, М.М. К вопросу об особенностях образования множественного числа в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции (в сравнении с современным кабардино-черкесским языком) / М.М. Абазова // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 385–394.
4. Абазова, М.М. Концепт ПСАЛЪЭ (слово) во фразеологизмах кабардино-черкесского языка / М.М. Абазова, З.Г. Хутежев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 7. – С. 154–158.
5. Абазова, М.М. Лексико-стилистические особенности речи черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом / М.М. Абазова // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 2(110). – С. 97–100.
6. Абазова, М.М. Обращения в речи адыгской (кабардино-черкесской) диаспоры в Турции и в кабардино-черкесском языке метрополии: степень сохранения и особенности / М.М. Абазова // Научная мысль Кавказа. – 2025. – № 2(122). – С. 114–121.
7. Абазова, М.М. Особенности функционирования кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры / М.М. Абазова, В.Х. Унатлоков, З.Г. Хутежев // XLinguae. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 96–102.
8. Абазова, М.М. Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции / М.М. Абазова. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ РАН, 2014. – 136 с.
9. Абазова, М.М. Трансформация личной парадигмы глагола в условиях языкового контакта (на материале кабардино-черкесской речи диаспоры в

Турции) / М. М. Абазова // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 216–225.

10. Абазова, М.М. Фразеологизмы в речи черкесской диаспоры в Турции и их синонимы в кабардино-черкесском литературном языке / М.М. Абазова, М.Х. Токмакова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1. – С. 1203.

11. Абазова, М.М. Фразеологизмы-синонимы с лексемой «псэ» («душа») в кабардино-черкесском языке / М.М. Абазова, В.Х. Унатлоков, З.Г. Хутежев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 1509-1513.

12. АГ – Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) грамматикэ (Кабардино-черкесская грамматика) / сост. Б.Ч. Бищло, Р.Хь. Дзыгъуанэ, М.М. Абазэ [et al.]. – Нальчик: Принт Центр, 2023. – 624 с.

13. Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / А.Х. Абазов, Х.И. Баков, Б.Х. Бгажноков [и др.]. – М.: Наука, 2022. – 870 с. – (Серия «Народы и культуры»).

14. Адыгэбзэ. ТомитІ хьууэ. Псалъэхэр. Псалъафэхэр (Кабардино-черкесский язык. В 2-х т. Т. I. Лексика. Фразеология. Лексикография) / науч. ред. д.ф.н. Б.Ч. Бижоев. – Нальчик: Принт Центр, 2026. – 680 с.

15. Адыгэбзэ. ТомитІ хьууэ. ЩыпІэбзэхэмрэ псалъэкІэхэмрэ. Бзэм и къабзагъэр. Бзэмрэ гъащІэмрэ. (Кабардино-черкесский язык. В 2-х т. Т. II. Стилистика. Лингвокультурология. Социоллингвистика) / науч. ред. д.ф.н. Б.Ч. Бижоев. – Нальчик: Принт Центр, 2026. – 708 с.

16. Аккиева, С.И. Язык, этничность, этнополитическая ситуация / С.И. Аккиева // Проблемы развития государственных языков Кабардино-Балкарии: материалы II республиканской научно-практической конференции по проблемам развития государственных языков КБР, посвященный 40-летию КБГУ. – Нальчик, 1997. – С. 10–13.

17. Алешкевич, С.С. Классификация и особенности семантических изменений / С.С. Алешкевич // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 4. – С. 231–235.
18. Аликаев, Р.С. ФЕ как транслятор этноспецифической информации / Р.С. Аликаев, С.К. Башиева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4. – С. 106–109.
19. Аликаев, Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики / Р.С. Аликаев. – Нальчик: Эль-фа, 1999. – 320 с.
20. Алпатов, В.М. 150 языков и политика: 1917–2000 / В.М. Алпатов. – М.: Крафт+ИВ РАН, 2000. – 223 с.
21. Алтын, Ф. Язык и этнос: адыгский язык на этнической территории и в диаспоре / Ф. Алтын // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2017. – № 10 (34). – С. 6–11.
22. Алхасова, С.М. Рамки исторического времени литературы черкесского зарубежья / С.М. Алхасова // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2021. – № 2 (49). – С. 73–78.
23. Анзаров, Ч.М. Полиморфизм сепарации в танцевальной культуре адыгской (черкесской) диаспоры в Турции: мотивации и специфика / Ч.М. Анзаров, М.Ч. Анзарова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013. – № 4(128). – С. 193–200.
24. Апажев, М.Л. Вопросы влияния русского языка на кабардинский язык. (Лексика, фонетика, семантика) / М.Л. Апажев / под ред. Б.Х. Балкарова. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. – 151 с.
25. Апажев, М.Л. Об одной фонетической закономерности в кабардинском языке и ее отражении в русских заимствованиях / М.Л. Апажев // Ученые записки КБНИИ. Т. XIV. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1964. – С. 40–58.
26. Апажев, М.Л. Проблемы кабардинской лексики / М.Л. Апажев. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 336 с.

27. Апажев, М.Л. Современный кабардино-черкесский язык: лексикология, лексикография / М.Л. Апажев. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 408 с.
28. Апажев, М.Л. Структурный анализ лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка / М.Л. Апажев, М.Х. Пшуоква. – Нальчик: изд-во КБНЦ РАН, 2004. – 144 с.
29. Апресян, Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1967. – 256 с.
30. Арутюнов, С.А. Диаспора – это процесс / С.А. Арутюнов // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 74–78.
31. Арутюнов, С.А. Моя диаспора / С.А. Арутюнов // Вестник антропологии. – 2018. – № 1(41). – С. 5–23.
32. Аствацатурова, М.А. Диаспорный акцент этнокультурного и этнополитического дискурса СКФО / М.А. Аствацатурова // Общественно-политический и информационный дискурс: современные сюжеты, проблемы и тенденции: сборник научных трудов. Вып. 4. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2018. – С. 5–13.
33. Аствацатурова, М.А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление (на материалах Северо-Кавказского региона): дисс. ... д-ра полит. наук / Аствацатурова М.А. – М., 2003. – 530 с.
34. Аствацатурова, М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион) / М.А. Аствацатурова. – Ростов-на-Дону–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. – 628 с.
35. Аствацатурова, М.А. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах / М.А. Аствацатурова, В.Ю. Савельев. – Ростов-на-Дону–Пятигорск: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2000. – 256 с.
36. Афаунова, А.А. К вопросу об особенностях системы гласных звуков моздокского диалекта кабардино-черкесского языка / А.А. Афаунова // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2024б. – № 2(61). – С. 33-41.

37. Афаунова, А.А. Особенности использования согласных звуков моздокского диалекта кабардино-черкесского языка в сравнении с литературным языком (I часть) / А.А. Афаунова // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2024 а. № 3(62). – С. 100–107.

38. Афаунова, А.А. Фонетические особенности моздокского и бесленеевского диалектов кабардино-черкесского языка (сходства и различия) / А.А. Афаунова, Н.Г. Шериева // Научный диалог. – 2025. – Т. 14, № 4. – С. 55–73.

39. Ахунзянов, Э.М. Двужычие и лексико-семантическая интерференция / Э.М. Ахунзянов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978 (вып. дан. 1979). – 189 с.

40. Ашхамаф, Д.А. Краткий обзор адыгейских диалектов / Д.А. Ашхамаф. – Майкоп: Адыгнациздат, 1939. – 20 с.

41. Багироков, Х. З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков) / Х.З. Багироков. – Майкоп: АГУ, 2004. – 316 с.

42. Багироков, Х.З. Адыгейско-русский билингвизм в сети Интернет (социолингвистические характеристики) / Х.З. Багироков, Р.А. Хуажева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2022. – № 1(292). – С. 21–29.

43. Багироков, Х.З. Адыгское языковое пространство: статус билингвемы / Х.З. Багироков, Ф.И. Хейшхо, З.К. Кахужева // Colloquium-Journal. – 2017. – № 9-1(9). – С. 26–33.

44. Багироков, Х.З. К вопросу о понятиях «родной язык» и «неродной язык» / Х.З. Багироков, З.У. Блягоз // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – № 2. – С. 130–133.

45. Багов, А.Н. Влияние махаджирства на численность и этнический состав адыгского населения / А.Н. Багов // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис. проблемы изучения: материалы международной научной

конференции. – Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. – С. 228–235.

46. Багов, П.М. Кубано-зеленчукские говоры / П.М. Багов // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 9–76.

47. Багов, П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка / П.М. Багов. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1968. – 154 с.

48. Бадаев, С.-Э.С. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке: история и современность / С.-Э. С. Бадаев. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. – 315 с.

49. Бадерхан, Ф. Махаджирское движение из Северного Кавказа в освещении Арабских и турецких источников / Ф. Бадерхан // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис. проблемы изучения: материалы международной научной конференции. – Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. – С. 312–320.

50. Баков, Х.И. Проблема сохранения родного языка в зарубежной диаспоре в условиях полиэтнического пространства / Х.И. Баков // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве: материалы Международной конференции. – Нальчик, 2011. – С. 3–10.

51. Бакова, З.Х. Формирование и развитие литературы адыгского (черкесского) зарубежья и ее художественное своеобразие: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / З.Х. Бакова. – Майкоп, 2002. – 50 с.

52. Бакова, З.Х. Формирование и развитие литературы адыгского (черкесского) зарубежья и ее художественное своеобразие: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / З.Х. Бакова. – Майкоп, 2002. – 314 с.

53. Балагова-Кандур, Л.Х. Адыгская литературная диаспора. История. Этнодуховная идентичность. Поэтика: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Л.Х. Балагова-Кандур. – М., 2009. – 306 с.

54. Балкаров, Б.Х. Бесленевский диалект / Б.Х. Балкаров // Очерки кабардино-черкесской диалектологии / отв. ред. М.А. Кумахов. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. – С. 76–119.

55. Балкаров, Б.Х. Значение и употребление аффикса уэ//у в кабардинском языке / Б.Х. Балкаров // Ученые Записки. Т. V. – Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1950. – С. 103–123.

56. Балкаров, Б.Х. История некоторых кабардинских согласных / Б.Х. Балкаров // Ученые записки КБНИИ. Т. XIV. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1964. – С. 106–121.

57. Балкаров, Б.Х. История некоторых согласных и гласных адыгских языков / Б.Х. Балкаров. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1967. – 32 с.

58. Балкаров, Б.Х. Фонетика адыгских языков (синхронно-диахронное исследование) // Б.Х. Балкаров. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 333 с.

59. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Бали / пер. с фр. К.А. Долинина / под ред. Е. Г. Эткинда / вступ. статья Р.А. Будагова. – М.: Иностранная литература, 1961. – 394 с.

60. Баскаков, Н.А. Двужычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков (на материале тюркских языков) / Н.А. Баскаков // Проблемы двужычия и многоязычия. – М: Наука, 1972. – С. 74–82.

61. Бахарев, А.И. Отрицание в логике и грамматике / А.И. Бахарев. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. – 77 с.

62. Башиева, С.К. Билингвизм: тенденции и особенности изучения (краткий обзор) / С.К. Башиева, З.Р. Дохова, М.Ч. Шогенова // Язык: история и современность. – 2022. – № 1. – С. 3–17.

63. Башиева, С.К. Некоторые проблемы в сфере языковых отношений в Кабардино-Балкарской Республике / С.К. Башиева // Язык: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 15–26.

64. Башиева, С.К. Формирование билингвальной личности как сложный когнитивный процесс / С.К. Башиева // Актуальные проблемы филоло-

гии и педагогической лингвистики. Ежегодный журнал // под ред. Т.Ю. Тамерьян. – Вып. XVI. – Владикавказ, 2014. – С. 150–157.

65. Башиева, С.К. Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской республике: состояние и проблемы / С.К. Башиева, М.З. Улаков, Ж.М. Хамдохова. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2016. – 172 с.

66. Бедрик, А.В. Постсоветские диаспоры Юга России: между мигрантофобией и гражданской интеграцией / А.В. Бедрик, Г.И. Чикарова // Caucasian Science Bridge. – 2024. – № 7 (4). – С. 23–30.

67. Беляев, А.Н. Аффиксальные средства выражения категории отрицания в разноструктурных языках / А.Н. Беляев // Доклады Башкирского университета. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 51–57.

68. Березгов, Б.Н. Черкесская диаспора. (Страницы истории зарубежных черкесов) / Б.Н. Березгов // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик: Эль-фа, 2000. – С. 11–41.

69. Берсей, У. Букварь черкесского языка / У. Берсей. – Тифлис, 1853. – 48 с.

70. Бижева, З.Х. Адыгская языковая картина мира / З.Х. Бижева. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 128 с.

71. Бижева, З.Х. История культуры и языковая картина мира / З.Х. Бижева // Исторический вестник. – 2005. – № 2. – С. 251–262.

72. Бижева, З.Х. Языковая картина мира и этностереотипы (на материале кабардино-черкесского языка) / З.Х. Бижева // Вестник Дагестанского научного центра. – 2014. – № 52. – С. 110–112.

73. Бижоев, Б.Ч. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка / Б.Ч. Бижоев. – Нальчик: Эль-фа, 2005а. – 352 с.

74. Бижоев, Б.Ч. Кабардино-черкесский язык в странах Ближнего Востока: социолингвистический аспект / Б.Ч. Бижоев // Вопросы филологии. – М., 2005. – № 2. – С. 15–22.

75. Бижоев, Б.Ч. Основные способы образования отрицательной формы в кабардино-черкесском языке / Б.Ч. Бижоев, Н.Г. Шериева // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2020. – № 4–2(47). – С. 87–95.

76. Бижоев, Б.Ч. Отражение в лингвистических трудах Ш.Б. Ногмова фонетико-грамматических процессов, происходивших в кабардино-черкесском языке в начале XIX в / Б.Ч. Бижоев // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 4-2(43). – С. 54–59.

77. Бижоев, Б.Ч. Речь кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции / Б.Ч. Бижоев // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик: Эль-фа, 2000. – С. 201–241.

78. Биткеева, А.Н. Динамика развития языка в условиях диаспоры / А.Н. Биткеева // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. – С. 454–460.

79. Биткеева, А.Н. Языковая адаптация диаспоры: стратегии и перспективы развития / А.Н. Биткеева // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2018. – Т. 14, № 3. – С. 57–81.

80. Биткеева, А.Н. Языковая политика / А.Н. Биткеева // Социолингвистика. – 2021. – № 2(6). – С. 213–226.

81. Биттирова Т.Ш. Исторические песни и их бытование в карачаево-Балкарской диаспоре / Т.Ш. Биттирова // Карачаево-балкарская филология в парадигме современной гуманитарной науки: сборник научных статей. – Нальчик: издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – С. 220–228.

82. Биттирова Т.Ш. Трансформация жанров карачаево-балкарской поэзии в условиях диаспоры / Т.Ш. Биттирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6–1(72). – С. 10–12.

83. Биттирова, Т.Ш. «Песни ушедших в Стамбул» и память предков в фольклоре карачаево-балкарской диаспоры / Т.Ш. Биттирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4–2(82). – С. 221–224.

84. Биттирова, Т.Ш. Трансформация элементов свадебного обряда в Карачаево-балкарской диаспоре в Турции / Т.Ш. Биттирова // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. – С. 62.

85. Блягоз, З. У. Взаимообогащение языков и культур разных народов, роль иноязычных элементов, методы и приемы их использования в русской и адыгейской речи младших школьников / З.У. Блягоз // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 3: Педагогика и психология. – 2012. – №2. – С. 113–121.

86. Блягоз, З.У. Двухязычие: сущность явления, формы его существования. Интерференция и её разновидности / З.У. Блягоз. – Майкоп: РИО Адыг. ун-та, 2006. – 150 с.

87. Бодуэн де Куртене, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртене. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 1. – 383 с.

88. Бодуэн де Куртене, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртене. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 2. – 401 с.

89. Бондаренко, В.Т. О структурном варьировании устойчивых фраз / В.Т. Бондаренко // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2012. – № 3–2(23). – С. 45–49.

90. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко; Академия наук СССР, Научный совет по теории советского языкознания, Институт языкознания. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. – 136 с.

91. Бородина, М.Ю. Черкесская диаспора в политическом и социокультурном пространстве Сирии, Иордании и Государства Израиль в XXI веке / М.Ю. Бородина, А.А. Комаха, И.В. Рыжов // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. – 2023. – № 19. – С. 241–257.

92. Борукаев, Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточнославянских языков / Е.А. Борукаев. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

93. Борукаев, Т.М. Грамматика кабардино-черкесского языка / Т.М. Борукаев. Пособие для учителей, слушателей ВУЗов, учащихся школ повышенного типа и самообразования. – Нальчик: Кабардино-Балкарский облнациздат, 1932. – 142 с.

94. Борыкъуей, Т.М. Япэ лъэбакъуэ, къэбэрдей Iэлыфбей / Т.М. Борыкъуей. – Налшык: КъБОблнациздат, 1930. – 104 н.

95. Бродский, И.Н. Отрицательные высказывания / И.Н. Бродский. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. – 104 с.

96. Брубейкер, Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) / Р. Брубейкер // Диаспоры. – 2000. – № 3. – С. 6–32.

97. Бугаева, Л.Д. Литература диаспоры как феномен транснациональной культуры / Л.Д. Бугаева, С.Д. Титаренко // Русская литература. – 2022. – № 2. – С. 257–258.

98. Будагов, Р.А. Некоторые особенности языка в эпоху научно-технической революции / Р.А. Будагов. – М.–Л.: Наука, 1977. – 263 с.

99. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх / пер. с англ. и комм. Ю.А. Жлуктенко / вступ. ст. В.Н. Ярцевой. – Киев: Вища школа, 1979. – 264 с.

100. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VI. – М., 1962. – С. 25–60.

101. Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 160 с.

102. Виноградов, В.А. Лингвистика и обучение языку / В.А. Виноградов. – М.: Академия, 2003. – 370 с.

103. Виноградов, В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В.В. Виноградов. – М.: Институт русского языка, 1999. – 1138 с.

104. Виноградов, В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–87.

105. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологической единицы в русском языке / В.В. Виноградов // Академик А.А. Шахматов: сборник статей и материалов. – М.–Л., 1947. – 476 с.

106. Виноградов, В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1967. – 134 с.

107. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 642 с.

108. Газзаева, В.И. Диаспорная память как механизм воспроизводства идентичности и институциональной структуры осетинской диаспоры в Турции в современных условиях / В.И. Газзаева // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 9–16.

109. Гайнанова, И.Ф. Трансформация фразеологических единиц в современных газетных текстах / И.Ф. Гайнанова // Вестник ЧГПУ. – 2008. – № 10. – С. 154–162.

110. Ганич, А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития / А.А. Ганич. – М.: ИСАА МГУ, 2007. – 272 с.

111. Гапуров, Ш.А. Чеченская диаспора Сирии и география её расселения (по полевым материалам) / Ш.А. Гапуров, Л.М. Гарсаев, Х.А.М. Гарасаев // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2022. – № 3(58). – С. 91–97.

112. Гарданов, В.К. Общественный строй адыгских народов / В.К. Гарданов. – М.: Наука 1967. – 331 с.

113. Гареева, Л.М. Трансформация фразеологизмов в современном русском языке / Л.М. Гареева // Гуманитарные науки и образование. – 2023. – Т. 14, № 2(54). – С. 140–142.

114. Гарсаев, Л.М. Чеченские мухаджиры и их потомки в истории и культуре Иордании / Л.М. Гарсаев, Х.-А.М. Гарсаев. Историко-этнографические очерки. – Грозный: Грозненский рабочий, 2019. – 432 с.

115. Гильденштедт, И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / И.А. Гильденштедт. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 512 с.

116. Гишев, Н.Т. Избранные труды по языкознанию / Н.Т. Гишев. – Майкоп: Качество, 2008. – 538 с.
117. Гишев, Н.Т. Проблемы адыгейского литературного языка / Н.Т. Гишев // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2017. № 11(35). – С. 15–23.
118. Гишев, Н.Т. Сохранение языков – фактор развития общества / Н.Т. Гишев // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – 2013. – № 3(27). – С. 10–12.
119. Гишев, Н.Т. Сравнительный анализ адыгских языков / Н.Т. Гишев. – Майкоп: Качество, 2003. – 284 с.
120. ГКЧЛЯ – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. – М.: Изд-во академии наук СССР, 1957. – 240 с.
121. Гогункова, Е.Б. Изучение кабардинского диалекта черкесского языка как иностранного для тюркоязычных / Е.Б. Гогункова, Т.М. Танашева. – Анкара: Изд-во Метрополь, 2024. – 621 с.
122. Головин, Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 105 с.
123. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – 3-е изд., испр. – М.: Рольф, 2001. – 448 с.
124. Голуб, И.Б. Стилистика современного русского языка / И.Б. Голуб. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 335 с.
125. Грамматика кабардино-черкесского языка / ред. кол. П.М. Багов и др. – М.: Наука, 1970. – 213 с.
126. Григорьева, С.Б. Категория утверждения в простом предложении современного русского языка / С.Б. Григорьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 3. – С. 141–144.
127. Гусейнова, Т.С. Явление фразеологической трансформации в публицистическом дискурсе / Т.С. Гусейнова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10, № 6-2. – С. 62–68.

128. Дешериев, Ю.Д. Предисловие к коллективному труду «Проблемы двуязычия и многоязычия» / Ю.Д. Дешериев. – М.: Наука, 1972. – С. 6–13.

129. Дзасежева, Л.Х. Социолингвистическое конструирование национальной идентичности в черкесских диаспорах (на материале преимущественно турецкой выборки) / Л. Х. Дзасежева, М. М. Кумыкова // Кавказология. – 2026. – № 2. – С. 295–314.

130. Дзуганова, Р.Х. Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании / Р.Х. Дзуганова. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 216 с.

131. Дзуганова, Р.Х. Особенности функционирования глагольного суффикса -с в кабардино-черкесском языке / Р.Х. Дзуганова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 2(76). – С. 108–112.

132. Дзуганова, Р.Х. Расширение синонимических рядов как способ развития языка (на материале кабардино-черкесского языка) / Р.Х. Дзуганова // Материалы международного симпозиума «устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели», посвященного 20-летию КБНЦ РАН. Т. III. – Нальчик, 2013. – С. 242–244.

133. Дзуганова, Р.Х. Синонимия провербов в кабардино-черкесском языке / Р.Х. Дзуганова, Б.Ч. Бижоев // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 4 (66). – С. 201–205.

134. Дзуганова, Р.Х. Суффиксальные глаголы в кабардино-черкесском языке / Р.Х. Дзуганова. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2002. – 115 с.

135. Дондуа, К.Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию / К.Д. Дондуа. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1975. – 319 с.

136. Дорофеев, Ю.В. Трансформация семантики языковых единиц в тексте: функциональный подход / Ю.В. Дорофеев // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 162, № 5. – С. 48–61.

137. Доткулова, З.О. Терминологическая синонимия как феномен языка науки / З.О. Доткулова, Р.С. Аликаев // Язык: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 48–62.

138. Дохова, З.Р. Лингвистический статус обращения (на материале русского и кабардино-черкесского языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / З.Р. Дохова. – Нальчик, 2007. – 198 с.

139. Дохова, З.Р. Языковая гибридизация как следствие интерференции (на материале русского и кабардино-черкесского языков) / З.Р. Дохова, М.Ч. Шогенова // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 2 (102). – С. 94–102.

140. Дятлов, В.И. Диаспора: попытка определиться в понятиях / В.И. Дятлов // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 8–23.

141. Емузов, А.Г. Устойчивые сравнения в кабардино-черкесском языке / А.Г. Емузов. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 98 с.

142. Ершов, В.Ф. Черкесское (адыгское) зарубежье в конце XX – начале XXI вв.: структура и социально-культурная специфика / В.Ф. Ершов // Наука и бизнес: пути развития. – 2012. – № 3(9). – С. 122–133.

143. Ефанова, Л.Г. Категориальная семантика нормы в значениях лексических единиц / Л.Г. Ефанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 1(17). – С. 5–13.

144. Жикеева, А.Р. Речевое поведение жителей Костанайской области как результат взаимодействия русского и казахского языков / А.Р. Жикеева / Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 58. – 2011. – № 25 (240). – С. 58–62.

145. Жилетежев, Х.Ч. Общественно-политическая лексика кабардино-черкесского языка (состав и пути формирования) / Х.Ч. Жилетежев. – Нальчик: Принт Центр, 2019. – 248 с.

146. Жилетежев, Х.Ч. Орфография заимствованных общественно-политических слов в кабардино-черкесском языке / Х.Ч. Жилетежев // Научный диалог. – 2018. – № 2. – С. 61–71.

147. Жилетежев, Х.Ч. Специфика собственных имен существительных в кабардино-черкесском языке / Х.Ч. Жилетежев. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. – 113 с.

148. Жилетежев, Х.Ч. Эволюция грамматической системы кабардино-черкесского языка: аналитический обзор / Х.Ч. Жилетежев, В.Х. Унатлоков // Научная мысль Кавказа. – 2024. – № 2(118). – С. 122–132.

149. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

150. Закаева, Б.К. Сохранение родного языка и национальной идентичности – основная цель диаспоры (на примере осетинской диаспоры Турции) / Б.К. Закаева, С. Кушоглу Кусов // Язык и культура как национальное достояние в поликультурной среде: сборник докладов Международной научно-практической конференции. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2021. – С. 8–14.

151. Залевская, А. А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте / А.А. Залевская. – Тверь: Изд-во Тверского университета, 1996. – 196 с.

152. Залитайло, И.В. Этнонациональные диаспоры и диаспоральные образования: сущность и структура / И.В. Залитайло // Аналитика культурологии. – 2004. – № 2. – С. 69–78.

153. Зекох, У.С. Очерки по синтаксису адыгейского языка / У.С. Зекох. – Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1987. – 294 с.

154. Зекох, У.С. Система склонения в адыгейском языке / У.С. Зекох. – Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1969. – 224 с.

155. Земская, Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты / Е.А. Земская // Язык русского зарубежья / отв. ред. Е.А. Земская. – М.–Вена, 2001. – 492 с.

156. Земская, Е.А. Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов / Е.А. Земская // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik / Hrsg. S. Mengel. – Münster-Hamburg-London, 2002. – S. 157–169.

157. Иванова, В.В. Дезассимиляционные процессы и конструирование «черкесской диаспоры» в современной Турции / В.В. Иванова // Первоочередные меры по противодействию использования так называемого «черкес-

ского вопроса» в эскалации напряженности, экстремизма и терроризма на Северном Кавказе. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2013. – С. 14–22.

158. Иваноков, Н.Р. Глагольные устойчивые словосочетания в адыгейском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. / Н.Р. Иваноков. – Нальчик, 1971. – 17 с.

159. Иваноков, Н.Р. Избранные труды / Н.Р. Иваноков. – Нальчик: изд-во М. и В. Котляровых, 2015. – 360 с.

160. Ионов, З.Х.-М. Турецкое этнокультурное влияние на речь черкесской диаспоры / З.Х.-М. Ионов // Нартоведение в XXI веке: историография, парадигмы, поиски и решения: материалы Международного научного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, академика АМАН, нартоведа Аскера Магамудовича Гадагатля. – Майкоп: Магарин Олег Григорьевич, 2022. – С. 91–94.

161. Ионов, З.Х.-М. «Наивная лингвистика» как начало познания языка в среде черкесской диаспоры Турции / З.Х.-М. Ионов // Клычевские чтения: материалы международной научно-практической конференции. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2025. – С. 109–114.

162. Ионов, З.Х.-М. Конфессиональный фактор в функционировании речи моздокских кабардинцев / З.Х.-М. Ионов // Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры: тезисы докладов II Международной научной конференции памяти М.И. Мижаева / сост. М.Н. Губжоков, М.М. Паштова. – Майкоп: Паштов З.В., 2017. – С. 29–32.

163. Ионов, З.Х.-М. Литература черкесской диаспоры в Турции / З.Х.-М. Ионов // Псалъ. – 2018. – № 15(18). – С. 51–57.

164. Ионов, З.Х.-М. Речь черкесов анклава Узун-Яйла (Турция, вилайет Кайсери) – наречие или диалект? / З.Х.-М. Ионов // Kafkasya Çalışmaları – Sosyal Bilimler Dergisi // Journal of Caucasian Studies Kasım 2019. – November 2019. – Yıl / Vol. 5, № 9. – P. 115–122.

165. Йозел, А. Искусство в жизни и творчестве черкесов Турции / А. Йозел // Образы, сюжеты, художественные направления в изобразительном искусстве: региональный аспект. – Майкоп: Магарин Олег Григорьевич, 2020. – С. 195–204.

166. Калинина, А.А. Категория утверждения/отрицания в функциональных типах предложений в современном русском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А.А. Калинина. – М., 2011. – 42 с.

167. Калинина, А.А. Лексические средства выражения утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Преподаватель XXI век. – 2008. – № 3. – С. 117–124.

168. Камбачоков, А.М. Кабардино-черкесский язык: некоторые вопросы состояния, сохранения и развития / А.М. Камбачоков // Табуловские чтения–2023: материалы международной научно-практической конференции. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2023. – С. 40–48.

169. Камбачоков, А.М. Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке / А.М. Камбачоков. – Нальчик: Эль-фа, 1997. – 337 с.

170. Каменева, Т.Н. Медийная коммуникация как фактор самоорганизации диаспоры / Т.Н. Каменева, К.Д. Кунилова, А.В. Целуйко // Цифровая социология. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 56–66.

171. Карданов, Б.М. Глагольное сказуемое в кабардинском языке / Б.М. Карданов. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1957. – 140 с.

172. Карданов, Б.М. Фразеология кабардинского языка / Б.М. Карданов. – Нальчик: Эльбрус, 1973. – 248 с.

173. Каримова, Е.А. Концепт «время» во фразеологии разноструктурных языков / Е.А. Каримова, Х.Б. Нургалина // Казанская наука. – 2020. – № 12. – С. 165–167.

174. Карлинский, А.Е. Основы теории взаимодействия языков / А.Е. Карлинский. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 181 с.

175. Карлинский, А.Е. Принципы, методы и приемы лингвистических исследований / А.Е. Карлинский. – Алматы, 2003. – 182 с.

176. Карлинский, А.Е. Проблема межъязыкового соответствия при двуязычии / А.Е. Карлинский // Проблемы теории и методики преподавания иностранных языков в литературоведении. – Алма-Ата, 1977. – Вып. 1. – С. 3–17.

177. Кармова, М.Р. Роль диаспоры в формировании этнического сознания малочисленных этносов (на примере абазинского народа) / М.Р. Кармова // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2019. – № 2(30). – С. 100–106.

178. Карташова, В.В. Диаспора, как понятие и концепция / В.В. Карташова, Е.В. Бадалова // Аспирантские тетради: сборник научных статей научно-методического семинара молодых ученых. Вып. 8. – Воронеж: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. – С. 63–69.

179. Кибрик, А.Е. Методика полевых исследований / А.Е. Кибрик. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 180 с.

180. Ким Юань-фу, П.Л. Народ в диаспоре: языковая ориентация / П.Л. Ким Юань-фу // Известия в Казахстане и Средней Азии. – Отдел корееведения НАН РК. – Алматы, 1993. – № 3. – С. 14–17.

181. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика Учебное пособие / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

182. Костанди, Е.И. Специфика пространственно-временной локализации в условиях диаспоры (русский язык в Эстонии) / Е.И. Костанди // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: сборник материалов Международных научных конференций. – Рига–Псков: Псковский государственный университет, 2015. – С. 140–148.

183. Коцев, Э.М. Проблемы сохранения черкесского языка в черкесской диаспоре Турции в XXI веке / Э.М. Коцев // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа: материалы VI-й Международной конференции. Вып. VI. – Магас: КЕП, 2018. – С. 441–445.

184. Красовская, Е.Г. Изменение семантики слов как этап развития символизации (на материалах «Лексического атласа русских народных говоров») /

Е.Г. Красовская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 3. – С. 141–149.

185. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва / М.А. Кронгауз. – М.: Знак; Языки славянских культур, 2007. – 232 с.

186. Куашева, Т.Х. Особенности Терских говоров кабардинского языка: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.00.00 / Т.Х. Куашева. – Нальчик, 1954. – 16 с.

187. Куашева, Т.Х. Терские говоры / Т.Х. Куашева // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. – С. 119–189.

188. Кудачева, С.Г. Адыги (Черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: война, исход, диаспора / С.Г. Кудачева. – Майкоп: Магарин О.Г., 2022. – 280 с.

189. Куек, А.С. Феномен адыгской диаспоры: идентичность и историческая память / А.С. Куек // Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры: тезисы докладов II Международной научной конференции памяти М.И. Мижаева / сост. М.Н. Губжоков, М.М. Паштова. – Майкоп: Паштов З.В., 2017. – С. 41–43.

190. Культурбаева, Л.М. Социальные функции этнокультурных традиций в условиях глобализации: дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.11. / Л.М. Культурбаева. – Нальчик, 2007. – 147 с.

191. Кумахов, М.А. К вопросу о классификации адыгских диалектов / М.А. Кумахов // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Вып. 2. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1957. – С. 111–120.

192. Кумахов, М.А. К вопросу об аффрикатизации заднеязычных согласных в адыгских языках / М.А. Кумахов // Ученые записки КБГУ. – Вып. IX. – Нальчик, 1958. – С. 35–55.

193. Кумахов, М.А. Кубанский диалект / М.А. Кумахов // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. – С. 190–249.

194. Кумахов, М.А. Морфология адыгских языков / М.А. Кумахов. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1964. – 272 с.
195. Кумахов, М.А. Словоизменение адыгских языков / М.А. Кумахов. – М.: Наука, 1971. – 341 с.
196. Кумахов, М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков / М.А. Кумахов. – М.: Наука, 1989. – 384 с.
197. Кумахов, М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков / М.А. Кумахов. – М.: Наука, 1981. – 288 с.
198. Кумахова, З.Ю. Особенности абадзехского диалекта / З.Ю. Кумахова // Ученые записки КБНИИ, том XIV. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – С. 183–209.
199. Кумахова, З.Ю. Развитие адыгских литературных языков / З.Ю. Кумахова. – М.: Наука, 1972. – 280 с.
200. Кумахова, З.Ю. Функциональная стилистика адыгских языков / З.Ю. Кумахова, М.А. Кумахов. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
201. Куранова, Т.П. Способы трансформации фразеологических единиц в современных газетных заголовках (на материале печатных изданий «Аргументы и факты», «Правда») / Т.П. Куранова // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – №2 (33). – С. 97–105.
202. Кушхабиев, А.В. История изучения зарубежной черкесской диаспоры / А.В. Кушхабиев. – Нальчик: изд-во КБНЦ РАН, 2023. – 248 с.
203. Кушхабиев, А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры / А.В. Кушхабиев. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.
204. Кушхабиев, А.В. Сотрудничество Кабардино-Балкарии с черкесской и карачаево-балкарской зарубежными диаспорами в конце XX – начале XXI века / А.В. Кушхабиев // Кавказология. – 2022. – № 4. – С. 200–220.
205. Кушхабиев, А.В. Черкесская диаспора в арабских странах XIX–XX вв. / А.В. Кушхабиев. – Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. – 227 с.
206. КЧЯ – Кабардино-черкесский язык. В 2-х т. Т. I. – Нальчик: Эльфа, 2006. – 552 с.

207. КЧЯ – Кабардино-черкесский язык. В 2-х т. Т. II. – Нальчик: Эльфа, 2006. – 520 с.
208. Лихачева, О.Е. Концептуальная репрезентация стиля в лингвокультурологическом пространстве: фреймовый и функциональный анализ: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.Е. Лихачева. – Майкоп, 2010. – 23 с.
209. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия / под ред. Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во Московского университета, 1979. – 320 с.
210. Магомедов, Д.М. Структурно-грамматические признаки фразеологизмов-синонимов в аварском языке / Д.М. Магомедов // Когнитивные парадигмы языкового сознания в современной лингвистике: материалы II Международной научной конференции. – Майкоп: АГУ, 2017. – С. 161–167.
211. Мамрешев, К.Т. Баксанский диалект / К.Т. Мамрешев // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. – С. 249–290.
212. Мамрешев, К.Т. К вопросу о принципах заимствования в кабардинском языке / К.Т. Мамрешев // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. XIV. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – С. 121–143.
213. Мамрешев, К.Т. Особенности баксанского диалекта / К.Т. Мамрешев. – Нальчик: Газетная типография Министерства культуры КБАССР, 1959. – 88 с.
214. Мантыева, Б.А. Отрицание в понятийной и языковой картине мира в личном и художественном дискурсе: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.04. / Б.А. Мантыева. – М., 2006. – 24 с.
215. Мартинкова, А.А. Как ловится «вифина», или процессы интернационализации лексики в языке диаспоры (на примере русско-чешского двуязычия) / А.А. Мартинкова // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания: (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Нижний Новгород: Деком, 2016. – С. 665–669.

216. Москалева, М.В. Расширение значения слова как один из основных семантических процессов (на примере имен существительных) / М.В. Москалева // Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. – 2007. – Т. 12, № 33. – С. 180–184.

217. Надеин-Раевский, В.А. Черкесская диаспора в Турции: история и политика / В.А. Надеин-Раевский // Черкесский вопрос в России в конце XX начале XXI веков: геополитические легенды и историческая память: сборник материалов круглого стола. – Ростов-на-Дону: Северо-Кавказский научный центр высшей школы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования Южный федеральный университет, 2013. – С. 86–95.

218. Ногма, Ш.Б. Филологические труды Т. II. / Ш.Б. Ногма. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1958. – 201 с.

219. Ногма, Ш.Б. Филологические труды. Т. I. / Ш.Б. Ногма. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1956. – 308 с.

220. ОЯ – Общее языкознание. – М.: Наука, 1970. – 604 с.

221. Пазов, С.У. Состояние и перспективы становления письменности на родном языке для абазин зарубежной диаспоры / С.У. Пазов // Северо-Западный Кавказ: от прошлого к настоящему: сборник материалов международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2014. – С. 4–13.

222. Пак, Н.С. Проблема исчезновения миноритарных языков: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н.С. Пак. – Алматы, 2004. – 51 с.

223. Паштова, М.М. Личность в локальной культурной традиции: стереотипные рассказы об известных людях в фольклоре черкесской диаспоры в Турции / М.М. Паштова // Известия СОИГСИ. – 2020. – № 35(74). – С. 112–119.

224. Паштова, М.М. Локальный фольклорный текст в свете собирательских и эдиционных проблем / М.М. Паштова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – Т. 9, № 6(28). – С. 94–101.

225. Паштова, М.М. Проблемы и методы полевой фольклористики и антропологии: диаспорное поле / М.М. Паштова // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов: сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции. – Нальчик: Издательский отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2015. – С. 198–207.

226. Паштова, М.М. Фольклор черкесской диаспоры: локализация традиции, функциональность текстов: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.09 / М.М. Паштова. – М., 2021. – 387 с.

227. Паштова, М.М. Фольклор черкесской диаспоры: локальная традиция и ее носитель / М.М. Паштова. – Майкоп: Паштов З.В., 2020. – 338 с.

228. Пивовар, Е.И. Диалог диаспор на постсоветском пространстве: теоретические аспекты и перспективы изучения / Е.И. Пивовар // Служение людям и истории: к 80-летию профессора Владимира Матвеевича Козьменко. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – С. 94–101.

229. Попкова, Л.М. Версия или факт (К Вопросу о категории утверждения в публицистическом тексте) / Л.М. Попкова // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2009. – № 7. – С. 117–120.

230. Психомасова, А.Р. Умар Берсей - педагог и просветитель адыгского народа / А.Р. Психомасова // Клио. – 2024. – № 9(213). – С. 201–205.

231. Реферовская, Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е.А. Реферовская. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. – 168 с.

232. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский / под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

233. Реформатский, А.А. Введение в языковедение: учебник для студентов. – 5-е изд., испр. / А.А. Реформатский. – М.: Аспект-Пресс, 2008. – 536 с.

234. Рогава, Г.В. Грамматика адыгейского языка (переиздание) / Г.В. Рогава, З.И. Керашева. – Майкоп: Качество, 2021. – 480 с.
235. Рогава, Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категории грамматических классов в адыгских (черкесских) языках / Г.В. Рогава. – Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1956. – 154 с.
236. Рогава, Г.В. К вопросу об озвончении личных префиксов *с* и *ф* в кабардинском языке / Г.В. Рогава // Ученые записки КБНИИ. Т. XXIV. – Нальчик, 1966. – С. 89–94.
237. Рогава, Г.В. К основе основы кабардинского глагола *жы/э-н* – «говорить» / Г.В. Рогава // Ученые записки КБНИИ. Т. XVI. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – С. 361–369.
238. Рогава, Г.В. К словарной форме имен в адыгейском языке / Г.В. Рогава // Ученые записки АНИИ. Т. II. – Майкоп, 1963. – С. 30.
239. Рогава, Г.В. Основные фонетические процессы согласных в адыгских языках / Г.В. Рогава // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. I. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. – С. 71–78.
240. Рогозная, Н.Н. Языковые контакты: билингвизм, интерязык, интерференция: монография / Н.Н. Рогозная. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2022. – 200 с.
241. Рыжов, И.В. Черкесская диаспора в ближневосточных государствах: история и современность / И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина // Труды Института востоковедения РАН. – 2017. – № 5. – С. 423–436.
242. Свиридова, Т.М. Категория согласования/несогласия в русском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Т.М. Свиридова. – Елец, 2008. – 35 с.
243. Сейтжаков, Ж.Е. Обращение как многофункциональное и разностатусное синтаксическое явление / Ж.Е. Сейтжаков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 3 (7). – С. 140–148.
244. Семенова, Н.А. Грамматическая трансформация фразеологизмов в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Н.А. Семенова // Гуманитарно-педагогическое образование, 2019. – Т. 5, № 3. – С. 21–26.

245. Серебренников, Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1974. – 352 с.
246. Сизова, О.А. Причины и типы семантических изменений слова / О.А. Сизова // Молодой ученый, 2022. – № 24(419). – С. 152–154.
247. Соколова, А.Н. Итоги трехлетнего исследования по проекту «Культурные диффузии черкесов Турции и России: искусствоведческий и социокультурный анализ» / А.Н. Соколова // Мир глазами черкесских художников: сборник статей. – Майкоп: Электронные издательские технологии, 2022. – С. 3–23.
248. Танашева, Т.М. Преподавание черкесского языка как иностранного в диаспоре на примере книги «Бзэрабзэ» / Т.М. Танашева, Е.Б. Гогункова, Л.М. Абазова // Казанская наука. – 2025. – № 10. – С. 145–149.
249. Таов, Х.Т. Кабардино-черкесская диалектология. учебное пособие / Х.Т. Таов. – Нальчик: КБГУ, 2005. – 185 с.
250. Таов, Х.Т. Проблемы кабардино-черкесской диалектологии / Х.Т. Таов. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1997. – 132 с.
251. Таов, Х.Т. Склонение в адыгских языках в сравнительном аспекте / Х.Т. Таов. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1967. – 52 с.
252. Телия, В.Н. Что такое фразеология / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1966. – 86 с.
253. Темирова, Р.Х. Лексические особенности речи черкесов / Р.Х. Темирова. – Черкесск: Карачаево-Черкесское от. Ставропольского книжного изд-ва, 1975. – 208 с.
254. Тетуев, А.И. Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность / А.И. Тетуев. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 192 с.
255. Тетуев, А.И. Карачаево-балкарская зарубежная диаспора: историография, источники / А.И. Тетуев // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. – 2015. – № 16. – С. 217–232.
256. Тетуев, А.И. Повседневная жизнь карачаево-балкарской диаспоры в Турции / А.И. Тетуев // Вопросы истории. – 2015. – № 12. – С. 114–120.

257. Тиллоева, С.М. Понятийный аспект структуры семантического поля: монография / С.М. Тиллоева. – Екатеринбург, 2020. – 57 с.
258. Тимижев, Х.Т. Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья / Х.Т. Тимижев. – Нальчик: Эль-фа, 2006. – 360 с.
259. Тимижев, Х.Т. Литература черкесского зарубежья: проблемы генезиса и национального своеобразия (на материале писателей черкесской диаспоры Турции в разные исторические периоды): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Х.Т. Тимижев. – Майкоп, 2001. – 158 с.
260. Тихонова, К.В. Семантическая сочетаемость фразеологизмов: слова-сопроводители и слова-спутники / К.В. Тихонова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – № 13. – С. 2–13.
261. Тишков, В.А. Исторический феномен диаспоры / В.А. Тишков // Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. – 2-е изд., перераб. и доп. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – С. 33–58.
262. Тишков, В.А. Исторический феномен диаспоры / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 43–63.
263. Тишков, В.А. Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2025. – 275 с.
264. Тишков, В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
265. Тишков, В.А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) / В.А. Тишков // Диаспоры. – 2003. – № 2. – С. 160–184.
266. Тлехурай, З.А. Сайты черкесов диаспоры как источник по изучению этнической идентичности / З.А. Тлехурай // Вестник Южного научного центра РАН. – 2013. – Т. 9, № 3. – С. 139–145.
267. Токмакова, М.Х. Концепт «псэ» в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка / М.Х. Токмакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4–2(58). – С. 165–167.

268. Токмакова, М.Х. Участие суффикса -жь в образовании эмотивных слов кабардино-черкесского языка / М.Х. Токмакова // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы Международной научной конференции. – Майкоп, 2010. – С. 155–157.

269. Токмакова, М.Х. Эмотивная лексика кабардино-черкесского языка / М.Х. Токмакова. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2017. – 274 с.

270. Токова, А.А. Эмотивные группы междометий в кабардино-черкесском языке / А.А. Токова // Вопросы Кавказской филологии. – 2009. – № 6. – С. 213–219.

271. Топчу (Папшу), М. Состояние и перспективы изучения родного языка в черкесской диаспоре Турции / М. Топчу (Папшу) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – Майкоп, 2017. – № 12 (36). – С. 147–153.

272. Тохтабиева, А.Р. Адыгская (черкесская) диаспора как субъект современного культурного процесса: северокавказские и европейские проекции / А.Р. Тохтабиева, М.А. Аствацатурова // Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие: материалы Всероссийской научно-практической конференции и круглого стола. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. – С. 81–84.

273. Третьякова, И.Ю. Окказиональная фразеология: монография / И.Ю. Третьякова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.

274. Турчанинов, Г.Ф. Грамматика кабардинского языка / Г.Ф. Турчанинов. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 159 с.

275. Турчанинов, Г.Ф. Грамматика кабардинского языка / Г.Ф. Турчанинов, М. Цагов. – Т. I. – М.–Л., 1940. – 51 с.

276. Турчанинов, Г.Ф. Материалы по диалекту моздокских кабардинцев / Г.Ф. Турчанинов // Ученые записки. – Нальчик: Кабгосиздат, 1946а. – С. 203–241.

277. Турчанинов, Г.Ф. Язык, письменность, печать / Г.Ф. Турчанинов // Сборник «Кабардинская АССР». – Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1946б. – С. 256–281.

278. Тхаркахо, Ю.А. О фразеологизмах адыгейского языка / Ю.А. Тхаркахо // Ученые записки Адыгейского НИИ. Т. XII. – Майкоп, 1971. – С. 341–342.

279. Тхаркахо, Ю.А. Очерки по грамматической стилистике адыгейского языка / Ю.А. Тхаркахо. – Майкоп, Краснодарское книжное издательство, Адыгейское отделение, 1990. – 181 с.

280. Тхаркахо, Ю.А. Становление стилей и норм адыгейского литературного языка / Ю.А. Тхаркахо. – Майкоп: Отд. кн. изд., 1982. – 160 с.

281. Тхаркахо, Ю.А. Стилистика адыгейского языка / Ю.А. Тхаркахо. – Майкоп: Качество, 2003. – 502 с.

282. Улаков, М.З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка / М.З. Улаков. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 131 с.

283. Унарокова, М.Ю. Топонимический и антропонимический дуализм как этнический индикатор адыгов диаспоры / М.Ю. Унарокова // Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры: тезисы докладов II Международной научной конференции памяти М.И. Мижаева / сост. М.Н. Губжоков, М.М. Паштова. – Майкоп: Паштов З.В., 2017. – С. 70–72.

284. Унатлоков, В.Х. Адыгизмы в карачаево-балкарском языке / В.Х. Унатлоков. – Нальчик: Каб.-Бал. ун-т., 2005. – 128 с.

285. Унатлоков, В.Х. Кабардино-балкарские культурные контакты и их отражение в лексике языков / В.Х. Унатлоков // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – № 10. – С. 235–241.

286. Унэрокъуэ, Р.Б. Тыркуейм ис адыгэхэр. Ёуэрыуатэр (на адыг. яз) / Р.Б. Унэрокъуэ. – Мыекъуапэ: Адыгея, 2004. – 580 с.

287. Урусов, Х.Ш. Морфемика адыгских языков / Х.Ш. Урусов. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 403 с.

288. Урусова, Л.Х. Адыгский этикет: коды гендерного поведения / Л.Х. Урусова // Ценности и смыслы. – 2013. – № 5(27). – С. 118–128.

289. Урыс, Хь.Щ. Адыгэ грамматикэ: фонетикэ, морфонемикэ, морфология / Хь.Щ. Урыс. – Налшык: Эльбрус, 2001. – 232 с.

290. Урыс, Хь.Щ. Адыгэбзэм и тхыдэ / Хь.Щ. Урыс. – Налшык: Эльбрус, 2000. – 360 с.
291. Урыс, Хь.Щ. АдыгэбзэмкIэ практическэ стилистикэ / Хь.Щ. Урыс. – Налшык: Эльбрус, 2002. – 208 с.
292. Утижев, Б.К. Некоторые особенности речи лескенских кабардинцев / Б.К. Утижев // Актуальные вопросы адыгских языков. – Нальчик, 1981. – С. 109–112.
293. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С. 108–140.
294. Фольклор анатолийских осетин: Сборник фольклорных текстов / сост. Д.В. Сокаева, Е.Б. Дзарапова. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 80 с.
295. Хакуринова, Р.П. Культура общения в адыгском этносе: автореф. дисс. ...канд. философ. наук: 24.00. 01 / Р.П. Хакуринова. – Ростов-на-Дону, 2012. – 26 с.
296. Халбад, Т.Х. Выражение категорий определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках / Т.Х. Халбад. – Тбилиси: Мецниереба, 1975. – 161 с.
297. Харатокова, М.Г. К вопросу о культуре обращения и приветствия / М. Г. Харатокова, Д. П. Зюзина // Актуальные проблемы современной науки: состояние, тенденции развития: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. – Черкесск: Северо-Кавказская государственная академия, 2020. – С. 50–53.
298. Хариханова, Б.А. Интеркаляция в чеченской речи билингвов / Б.А. Хариханова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – № 4. – С. 166–169.
299. Хасанов, Р.Ш. Историческая память черкесской диаспоры Турции в контексте государственной политики памяти / Р.Ш. Хасанов // История и историческая память. – 2020. – № 20. – С. 163–170.

300. Хасанов, Р.Ш. Языковые процессы в Черкесской диаспоре Турции: этнополитический аспект / Р.Ш. Хасанов // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – 2021. – № 2–1. – С. 214–220.

301. Хачемизова, М.Н. Работа Кавказского отделения Университета Дюздзэ по изучению черкесского (адыгейского) языка и литературы: методология сохранения языкового наследия с помощью литературных текстов в условиях диаспоры / М.Н. Хачемизова // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: материалы международной научной конференции. – Майкоп: Электронные издательские технологии, 2025. – С. 20–25.

302. Хашхожева, З.Т. «Функциональный статус лексем с аффиксами -у// -уэ// -эу в кабардино-черкесском языке» / З.Т. Хашхожева // Кавказология. – 2025. – № 2. – С. 266–277.

303. Хежева, З.Р. История изучения кабардино-черкесских диалектов и говоров / З.Р. Хежева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 10. – С. 3534–3539.

304. Хежева, З.Р. Семантико-грамматическая характеристика категории наклонения в кабардино-черкесском языке / З.Р. Хежева. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 136 с.

305. Хежева, М.Р. Семантика и символика чисел в кабардино-черкесском языке / М.Р. Хежева. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 136 с.

306. Хёлиг, М. Абадзехский диалект черкесской диаспоры в Турции / М. Хёлиг // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения: материалы международной научной конференции. – Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. – С. 358–366.

307. Хот, И.Г. Черкесская диаспора в Иордании: проблемы и ожидания / И.Г. Хот, Ф.И. Исхакат // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 4. – С. 221–227.

308. Хуснутдинов, А.А. Трансформированное употребление фразеологических единиц как научная проблема / А.А. Хуснутдинов, А.Ж. Кукубу // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А.М. Мелерович / отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова. – Кострома: Костромской государственный университет, 2018. – С. 332–344.

309. Цибенко, В.В. Создание черкесской письменности в России и Турции в контексте нациестроительства (XIX – начало XX вв.) / В.В. Цибенко, Е.В. Погуляева // Человек и культура. – 2022. – № 1. – С. 51–61.

310. Цибенко, В.В. Участие этнических меньшинств в политической трансформации Турции: пример черкесской диаспоры / В.В. Цибенко // Труды Института востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 56–66.

311. Цибенко, В.В. Фактор нациестроительства в системе международных отношений на примере деятельности черкесских организаций в Турции (XIX–XXI вв.): дисс. ... д-ра истор. наук: 5.6.7 / В.В. Цибенко. – М., 2022. – 565 с.

312. Цримова, З.Р. Концепт «гу» в адыгской лингвокультуре // Адыгское лингвокультурное пространство / Л.Х. Дзасежева, З.Р. Цримова, Л.М. Дзуганова / науч. ред. З.Х. Бижева. – Нальчик: Эльбрус, 2010. – С. 87–125.

313. Цыбикова, И.А. Типология семантического развития слов в монгольском и литературных языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / И.А. Цыбикова. – Улан-Удэ, 2003. – 20 с.

314. Чикобава, Арн. Узловые вопросы исторической фонетики иберийско-кавказских языков / А. Чикобава // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. – № 1. – С. 45–58.

315. Чкадуа, Л.П. Избранные труды II / Л.П. Чкадуа. – Сухум: Дом печати, 2012. – 449 с.

316. Чочиев, Г.В. Иммиграция черкесов в Османскую империю в 1820-х – 1850-х гг. / Г.В. Чочиев // Кавказология. – 2023. – № 1. – С. 14–32.

317. Чочиев, Г.В. Кавказско-ориентированная деятельность черкесской политической элиты в Турции в 1918–1922 гг. / Г.В. Чочиев // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4–1(42). – С. 205–208.

318. Чочиев, Г.В. Черкесские организации в Стамбуле в «период перемирия» 1918–1922 гг. / Г. В. Чочиев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3–1(65). – С. 195–199.

319. Чурей, Д.А. Традиции адыгского фольклорного танца (на примере черкесской диаспоры в Турции) / Д.А. Чурей // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 4. – С. 245–247.

320. Шагиров, А.К. Изучение кабардинского языка за годы Советской власти / А.К. Шагиров // Ученые записки. Т. III. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1957. – С. 233–249.

321. Шагиров, А.К. К проблеме своеобразия русской речи в условиях национально-русского двуязычия / А.К. Шагиров // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 140–144.

322. Шагиров, А.К. Малкинский говор / А.К. Шагиров // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. – С. 290–329.

323. Шагиров, А.К. О системе склонения в кабардинском языке / А.К. Шагиров // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Т.8. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1953. – С. 79–80.

324. Шагиров, А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков / А.К. Шагиров. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1962. – 216 с.

325. Шагиров, А.К. Фонетика и морфология кабардинского языка / А.К. Шагиров. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 220 с.

326. Шаов, А.А. Некоторые вопросы адыгской фразеологии / А.А. Шаов // Вопросы адыгейского языкознания. Вып. 1. – Майкоп, 1980. – С. 31–53.

327. Шапошников, В.Н. Семантические преобразования в современном русском языке / В.Н. Шапошников. – М.: Либроком, 2012. – 106 с.

328. Шарданов, А.Х. Проблемы кабардино-черкесской грамматики / А.Х. Шарданов. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 1999. – 236 с.

329. Шевченко, О.А. Употребление трансформированных и нетрансформированных фразеологических единиц в современных печатных СМИ России и Испании / О.А. Шевченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 3. – С. 97–102.

330. Шериева, Н.Г. Выражение отрицания в кабардино-черкесском языке / Н.Г. Шериева. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – 94 с.

331. Шериева, Н.Г. Фонетические особенности бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка / Н.Г. Шериева // Вестник КБИГИ. – 2024. – № 1 (60). – С. 42–51.

332. Шиганова, Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке / Г.А. Шиганова. – Челябинск: гос. пед. ун-та, 2001. – 454 с.

333. Шовгенова, Т.А. Художественное наследие адыгской диаспоры как часть национальной литературы (к постановке вопроса в трудах Абу Схалыхо) / Т.А. Шовгенова // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2019. – № 18(42). – С. 64–68.

334. Штернина, Е.С. Категория отрицания: логико-лингвистический аспект / Е.С. Штернина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. Ч. II. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 9 (51). – С. 211–214.

335. Шуай, Л. Трансформация фразеологизмов и паремий в современном медиатексте / Л. Шуай // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2025. – № 2 (85). – С. 228–234.

336. Шугушева, Д.Х. Фразеологизмы кабардино-черкесского языка как этнокультурный феномен в художественном тексте (на материале произведений А.П. Кешокова): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Д.Х. Шугушева. – Нальчик, 2018. – 166 с.

337. Шугушева, Д.Х. Фразеологическая репрезентация концепта «псэ» (душа) в произведениях А. П. Кешокова / Д.Х. Шугушева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017 б. – № 6–1(72). – С. 167–170.

338. Шугушева, Д.Х. Фразеологическая репрезентация концепта ГУ (сердце) в произведениях А. П. Кешокова / Д.Х. Шугушева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017а. – № 11–3(77). – С. 194–197.

339. Шумилина, А.О., Судовчихина Л.А. К вопросу о стилистическом использовании фразеологизмов / А.О. Шумилина, Л.А. Судовчихина // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: материалы X Международной научно-практической конференции. – Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2023. – С. 314–323.

340. Щемерова, Н.Н. Лексико-семантическая интерференция и интеркаляция в речи эрзянских детей-билингвов / Н. Н. Щемерова // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 1. – С. 318–326.

341. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974. – 427 с.

342. Щербина, И.В. Коммуникативная сущность обращений как средства общения в языкознании: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.В. Щербина. – Краснодар, 2007. – 22 с.

343. Эльбердов, Х.У. Некоторые спорные вопросы грамматики кабардинского языка / Х.У. Эльбердов. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – 138 с.

344. Эльбердов, Х.У. О частях речи в кабардинском языке / Х.У. Эльбердов // Вопросы описательных грамматик» языков Северного Кавказа и Дагестана. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. – С. 60–63.

345. Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка / Н.Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 462 с.

346. Яковлев, Н.Ф. Грамматика кабардино-черкесского языка / Н.Ф. Яковлев // Синтаксис и морфология. Вып. 1. – Ворошиловск: Орджоникидзевское краевое изд-во, 1938. – 144 с.

347. Яковлев, Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка / Н.Ф. Яковлев. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 371 с.

348. Яковлев, Н.Ф. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков / Н.Ф. Яковлев // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Т. 1. – Ростов-на-Дону, 1928. – С. 117–128.

349. Anadili Günü Türkiye’de üç dil yok oldu, 15’i tehlike altında / Anadili Günü [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gazetekarinca.com> (дата обращения: 13.07.2021).

350. Arslan (Aksoy), E.Z. Circassian Organizations in the Ottoman Empire (1908–1923) (дисс.) / E.Z. Arslan (Aksoy). – İstanbul: Boğaziçi University, 2008. – 297 s.

351. Colarusso, J. A Grammar of the Kabardian Language / J. Colarusso. – Calgary, Alberta: University of Calgary Press, 1992. – 231p.

352. Dumézil, G. Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III. PARIS INSTUT D’ETHNOLOGIE muse’e de l’homme, pa lais de chaillot, PLACE DU TROCADE’RO / G. Dumézil. – Paris, 1965. – 269 p.

353. Dumézil, G. Études comparatives sur les langues caucasiennes du nord-ouest (morphologie) / G. Dumézil. – Paris, 1932. – 262 с.

354. Kuipers, A.H. Phonem ad Morphem in Kabardian (Eastern Adyghe) / A.H. Kuipers. – Gravenhage: Mouton, 1960. – 125 p.

355. Latin müfredat protesto edildi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jinepsgazetesi.com> (дата обращения: 03.07.2021).

356. Özekmekçi, M.İ. Kayseri’de Yaşayan Çerkes Gençlerinin Kimlik-Siyaset Algisi: Siyasal İlgi, Bilgi Ve Katılma Düzeyleri Üzerine Bir / M.İ. Özekmekçi, H.B. Hekimoğlu // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования Çalışma, Ekonomi, Politika & Finans Araştırmaları Dergisi. – 2020. – № 5(3). – P. 706–744.

357. Paris, C. Systeme phonologique et phénomènes phonétiques dans le parler Besney de Zennun kōyu (Tcherkesse oriental) / C. Paris. Collection linguistique publie par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. – Paris, 1974. – 248 p.

358. Paris, C. Dictionnaire ABZAKH (tcherkesst occidental) / Catherin Paris, Niaz Batouka. – Louvain – Paris – Dudley, MA 2005. – 1162 p.

Источники

Словари и справочники

1. Абазов, А.Ч. Трехязычные учебные словари Турецко-русско-кабардино-черкесский словарь Русско-турецко-кабардино-черкесский словарь: словарь / А. Ч. Абазов, Т. М. Танашева. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2016. – 77 с.
2. АП – Адыгэбзэ псалъалъэ (Словарь кабардино-черкесского языка). – М.: Дигора, 1999. – 860 с.
3. АСП – Адыгэ синонимхэм я псалъалъэ (Словарь синонимов кабардино-черкесского языка) / науч. ред. Р.Х. Дзуганова. – Нальчик: Принт Центр, 2020. – 942 с.
4. Атажукин, К. Кабардинская азбука / К. Атажукин. – Тифлис: Военно-Походная Типография Главного Штаба Кавказской Армии, 1865. – 86 с.
5. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
6. БАС – Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1–17. – М. –Л., 1948–1965.
7. БРКЧС – Большой русско-кабардино-черкесский словарь. Б.Ч. Бижоев, Х.Ч. Жилетежев, Д.М. Кумыкова, Х.Т. Тимижев. – 2-е изд., дораб., доп. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2021. – 794 с.
8. Гяургиев, Х.З. Учебник кабардинского языка для средних учебных заведений, школ и классов с углубленным изучением родного языка / Х.З. Гяургиев, Х.Е. Дзасежев. Ч. 2. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 240 с.
9. Карданов, Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь / Б.М. Карданов. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 342 с.
10. Лопатинский, Л.Г. Русско-кабардинский словарь с указателем и краткой грамматикой / Л.Г. Лопатинский. – Тифлис: Упр. Кавказского воен. окр., 1890. – [4], VIII, 46, [2], 299 с.
11. Люлье, Л. Словарь русско-черкесский или адигский, с краткою грамматикой сего последнего языка, одобренный Сантк-Петербургской академией наук / Л. Люлье. – Одесса: Гор. Тип., 1846. XII. – 246 с.

12. Баскаков, А.Н. Турецко-русский словарь / А.Н. Баскаков, Н.П. Голубева, А.А. Кямилаева, К.М. Любимов, Ф.А. Салимзянова, Р.Р. Юсипова. – М.: Русский язык, Институт востоковедения АН СССР, 1977. – 960 с.
13. Тхаркахо, Ю.А. Фразеологический словарь адыгейского языка / Ю.А. Тхаркахо. – Майкоп: Краснодар. кн. изд-во., 1980. – 199 с.
14. Хафице, М.М. Черкесская диаспора. Панорама культурной жизни / М.М. Хафице. – Нальчик: Тетраграф, 2020. – 228 с.
15. Яковлев, Н.Ф. Материалы для кабардинского словаря / Н.Ф. Яковлев. Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога. Вып. I. – М: Центр. изд-во народов СССР, 1927. – XCVI, 131, [2] с.
16. Vogt, H. Dictionnaire de la Langue Oubykh / H. Vogt. – Oslo: Universitetsforlaget, 1963. – 264 p.

**Список использованных художественных,
публицистических источников, вышедших в метрополии**

1. Абазэ, Л.Ш. Бжыхьэ нэпсхэр / Л.Ш. Абазэ (на каб.-черк. яз.). – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 280 н.
2. Адыгэ псалъэ (газета). – 19 октябрь, 1992.
3. Брат, Хь. Ди жьэгуми мафIэ шыблэжынщ / Хь. Брат (на черк. яз.). Повестхэр. Рассказхэр. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1988. – 312 н.
4. Дыгъужь, Къу.Б. Щымахуэ лэгъупыкъу / Къу.Б. Дыгъужь (на черк. яз.). Роман. – Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм и тхыль тедзапIэ, 2011. – 193 н.
5. Журт, Б.К. Адэжь лъапсэ / Б.К. Журт (на каб.-черк. яз.). Повесть. – Налшык: Эльбрус, 1987. – 188 н.
6. КIыщокъуэ, А.П. Дамыгъэ / А.П. КIыщокъуэ (на каб.-черк. яз.). Усэхэмрэ уэрэдхэмрэ. – Налшык: Эльбрус, 1969. – 184 н.
7. КIыщокъуэ, А.П. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ / А.П. КIыщокъуэ. В 6-ти т. (на каб.-черк. языке). Т. 2. – Налшык: Эльбрус, 2005. – 488 н.

8. КЫЩОКЪУЭ, А.П. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ / А.П. КЫЩОКЪУЭ. В 6-ти т. (на каб.-черк. языке), Т. 3. – Налшык: Эльбрус, 2005. – 752 н.
9. КЫЩОКЪУЭ, А.П. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ / А.П. КЫЩОКЪУЭ. В 6-ти т. (на каб.-черк. языке). Т. 4. – Налшык: Эльбрус, 2006. – 688 н.
10. КІэрэф, М.Ж. Лъэужь е лІэужь. Повестхэр / М.Ж. КІэрэф (на каб.-черк. языке). – Налшык: Эльбрус, 2009. – 572 с.
11. Къэрмокъуэ, М.М. Пшاپэ зэхуэугъуэ. Повестхэр, рассказхэр / М.М. Къэрмокъуэ (на каб.-черк. языке). – Налшык: Эльбрус, 2007. – 264 н.
12. КхъуэІуфэ, Хь.Хь. Мэзыр жыг зырызурэ зэхэтщ / Хь.Хь. КхъуэІуфэ (на каб.-черк. языке). Роман. – Налшык: Эльбрус, 1977. – 234 с.
13. Къаныкъуэ, С.Г. Адэм и лъэужь. Кн. 2. / С.Г. Къаныкъуэ (на каб.-черк. языке). – Нальчик: Издательство М.и В. Котляровых, 2024. – 380 н.
14. Къэрмокъуэ, М.М. Щихухэр иджыри мэкІ / М.М. Къэрмокъуэ (на каб.-черк. языке). Роман. – Налшык: Эль-Фа, 2004. – 320 н.
15. Къэшыргъэ, Хь.Хь. Насыным и хэкІыпІэ / Хь.Хь. Къэшыргъэ (на каб.-черк. языке). Повесть. – Налшык: Эльбрус, 1957. – 309 н.
16. МафІэдз, С.Х. Уэрд макъамэ: Повестхэр. Рассказхэр / С.Х. МафІэдз (на каб.-черк. языке). – Налшык: Эльбрус, 2014. – 344 н.
17. МафІэдз, С.Х. Тхыгъэ къыхэхахэр: в 2-х томах. Т.1. / С.Х. МафІэдз (на каб.-черк. языке). – Налшык: Эльбрус, 1992. – 443 н.
18. Мысачэ, П.ТІ. Тхыгъэхэр. Повестхэр, рассказхэр, пьесэхэр / П.ТІ. Мысачэ (на каб.-черк. языке). – Налшык: Эльбрус, 1991. – 230 н.
19. Мысрокъуэ, С. Нобэрей пщащэ / С. Мысрокъуэ (на черк. языке). Повесть. – Черкесск: Къэрэшей-черкес тхыль тедзапІэ, 1962. – 230 н.
20. Нал, А.Х. Тхыгъэ къыхэхахэр / А.Х. Нал (на каб.-черк. языке). Т. 2. Нэхущ шу. Роман. – Налшык: Эльбрус, 1993. – 400 н.
21. Нал, З.М. Новеллэхэр. Томищым щызэхуэхъэсауэ. Т. 1 / З.М. Нал (на каб.-черк. языке). – Налшык: Эльбрус, 2014. – 467 н.
22. Нал, З.М. Тхыгъэ къыхэхахэр. Томищым щызэхуэхъэсауэ. Т. 3 / З.М. Нал (на каб.-черк. языке). – Налшык: Эльбрус, 2016. – 432 н.

23. Хьэкъун, И.Хь. Бзылъхугъэ шу щэху / И.Хь. Хьэкъун (на черк. языке). Повесть. – Черкесск: Ставрополь, 1974. – 222 н.
24. Хьэту, П.М. Тэтэрхъан ябгэмрэ Зауркъан шабзауэмрэ / П.М. Хьэту // Ёуащхьэмахуэ (Литературно-художественный и общественно-политический журнал) на каб. яз.– Налшык, 2017. – № 1. – Н. 149–166.
25. Хьэх, С.Г. Лъагъуэр гъуэгум хуокIуэ / С.Г. Хьэх (на каб.-черк. языке). Роман. – Налшык: Эльбрус, 2013. – 624 н.
26. ХьэхъупащIэ, Хь.Хь. Тхыгъэ кыхьэхэхэр. Япэ тхыль. Роман, повестхэр / Хь.Хь. ХьэхъупащIэ. – Налшык: Эльбрус, 1996. – 336 н.
27. Шортэн, А.Т. Бгырыхэр / А.Т. Шортэн (на каб.-черк. языке). Роман-эпопее. – Налшык: Эльбрус, 2016. – 1224 н.
28. ШэджихьэщIэ, Хь.ТI. Тэрч щыхьэтщ / Хь.ТI. ШэджихьэщIэ (на каб.-черк. языке). Роман. – Налшык: Эльбрус, 1987. – 392 н.
29. ЩоджэнцIыкIу, I.У. Софят и гьатхэ / I.У. ЩоджэнцIыкIу (на каб.-черк. языке). Повесть. – Налшык: Къэб.-Балъкъ. тхыль тедзапIэ, 1962. – 270 н.

Источники – речь (язык) диаспоры
Литература (публицистика) представителей
черкесской диаспоры в Турции

30. Абазэ, И. Абазэ шы лъэпкъхэм и тхыдэ напэкIуэцIхэр / И. Абазэ, А.Ч. Абазэ (на каб.-черк. языке). – Налшык: Тетраграф, 2014. – 255 н.
31. Абазэ, И. ХамэщIым ди натIэ хьуар / И. Абазэ (на каб.-черк. языке). – Ankara: Kuban Matbaacilik Yayincilik, 2017. – 312 н.
32. Бер, Х. Адыгэбзэ (макьыбзэ) / Х. Бер (на каб.-черк. языке). – Анкара, 2005. – 159 н.
33. Евтых, Т. Гум и пыткIуафэхэр / Т. Евтых (на черкесском языке) – Анкара, 2018.
34. Къалмыкъ, А. Дауэ? / А. Къалмыкъ. Усэхэр (на каб.-черк. языке). – Нальчик: Принт Центр, 2017а. – 144 н.

35. Къалмыкъ, А. Езыр си щӀасэщ ещхьхэр си жагъуэгъуш / А. Къалмыкъ (на каб.-черк. языке). – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. – 120 н.
36. Къалмыкъ, А. Нарт эпосым и сценарий / А. Къалмыкъ (на каб.-черк. языке). – Нальчик: Печатный дом, 2017в. – 238 н.
37. Къалмыкъ, А. Синэ кышыкӀуа махуэм / А. Къалмыкъ. Рассказхэр. Пьесэ (на каб.-черк. языке). – Нальчик: Прин Центр, 2017б. – 164 н.
38. Маргъуш, В. Хэхэс адыгэгум щызэщӀэхьэхэр / В. Маргъуш (на каб.-черк. языке). – Стамбул, 2020. – 128 н.
39. Нэзэр, Хь.Ю. КӀуцэ Іэгъэбэгу къещып / Хь.Ю. Нэзэр. – Анкара, 2024б.
40. Нэзэр, Хь.Ю. КӀуцэ псыхьэ макӀуэ / Хь.Ю. Нэзэр. – Стамбул, 2024а.
41. Тегъулан, Е. Гъуазэрытхэ / Е. Тегъулан (на каб.-черк. языке). – Ankara: Kafdav Yayıncılık, 2017. – 307 н.
42. Токъмакъ, А. Doğanın Dili Çerkesçe / А. Токъмакъ (на турецком языке). – Анкара, 2025. – 265 с.
43. Токъмакъ, А. ФӀэщ хьуныгъэм и бзэ / А. Токъмакъ (на каб.-черк. языке). – Ankara, 2023. – 280 н.
44. Токъмакъ, А. ЩӀы Уэ Псы Бзэ ди бзэ адыгэбзэ / А. Токъмакъ (на каб.-черк. языке). – Кайсери, 2021. – 270 н.
45. Хьуажь, Ф.М. Уэрамэ сыт ебгъэщӀэнт – Іуэтэж ущиехэр / Ф.М. Хьуажь (на каб.-черк. языке). – Нальчик: Принт Центр, 2019. – 336 н.
46. ЩӀэжокъуэ, З.С. Къызэпсалъэ си бзэкӀэ - İki Dil Bir Yürek / З.С. ЩӀэжокъуэ (на каб.-черк. языке). – Анкара, 2025. – 343 н.
47. Щокъул, И. (Айдемир Илхан) «Адыгэбзэ зызогъащӀэ – Adigece öğreniyorum» / И. Щокъул. – Анкара, 2009. – 228 н.
48. Gogunokova, E. «Bzerabze» «Бзэрабзэ» / E. Gogunokova, T. Tanaşeva. – Ankara: Metropol Yayınları, 2024. – 621 н.

Интернет ресурсы

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/krylov>.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://intercircass.org>.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.goloskavkaza.com>.
4. В Кабардино-Балкарии представили проект «Нейросеть – как инструмент межнационального общения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravitelstvo.kbr.ru> (дата обращения: 21.03.2026).
5. В систему Яндекс-переводчика внесено по 100 тысяч предложений на кабардинском и балкарском языках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kavkaz.mk.ru> (дата обращения: 21.03.2026).
6. Группа «Черкесский ренессанс». Пост от 30.12.2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com> (дата обращения: 21.03.2026).
7. Официальная группа радио «Вести.КБР» в Вконтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com> (дата обращения: 21.03.2026).
8. Официальный сайт газеты «Адыгэ псалъэ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apkbr.ru> (дата обращения: 21.03.2026).
9. Официальный сайт ежемесячного журнала для детей «Нур» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smikbr.ru> (дата обращения: 21.03.2026).
10. Официальный сайт программы «Итоги на кабардинском языке» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1kbrtv.ru> (дата обращения: 21.03.2026).
11. Официальный сайт радио «Вести.КБР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestikbr.ru> (дата обращения: 21.03.2026).
12. Средства массовой информации и книгоиздание // Адыгская (черкесская) энциклопедия / под ред. М.А. Кумахова. – М.: Фонд им. Б. Х. Акбашева, 2006. – С. 840.
13. Сэр-сэру адыгэбзэ зызогъащ[э. Kendi kendime Çerkesçe öğreniyorum. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com>.
14. Указ Президента Российской Федерации 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федера-

ции на период до 2036 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 16.03.2026).

15. Указ Президента Российской Федерации № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» от 11.07.2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 16.03.2026).

16. Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 16.03.2026).

17. Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 16.03.2026).

18. Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 17.05.2026).

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН

Фоноархив Института гуманитарных исследований – филиала федерального государственного бюджетного научного учреждения Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук: фонотека.

Кассеты, фонд

1. 1071. – № 744. – Ф/10.
2. 1073. – № 744. – Ф/12.
3. 1074. – № 744. – Ф/13.
4. 1075. – № 744. – Ф/13.
5. 1076. – № 744. – Ф/15.
6. 1077. – № 744. – Ф/16.
7. 1078. – № 744. – Ф/17.
8. 1079. – № 744. – Ф/18.

**Полевые материалы автора ПМА;
визуальные источники (AdIge TV)**

Тебер Ф., 65 лет, Стамбул; Тебер Г., 60 лет, Стамбул; Акбай Исхъэкъ, 30 лет Стамбул; Гусер З., 27 лет, Турция-Нальчик; Гусер (Аскэр) Р., 38 лет, Турция-Нальчик; Пщыхъуэж С., 24 года, Стамбул-Нальчик; Пщыгъупщ Н., 65 лет Стамбул; Шынахъуэ М., 60 л. Стамбул; Тыркъ Н. 45 л., г. Гум; Шоджэн М., 41 год, Стамбул; Токъмакъ Б. 60 л., Стамбул; Щоджэн Ф., 63 года, Стамбул; Шурдум Г., 60 лет, Стамбул; Къудей Н., 80 лет, Стамбул; Щоджэн Ферсис, 60 лет, Стамбул; Рафит, 47 лет, Стамбул; Яурум Гунзель, 60 лет, Стамбул; Февзие Сеин, 71 год, Стамбул; Щоджэн Э., 65 лет, Узун-Яйла; Щоджэн Э., 65 лет, Узун-Яйла; Табий-БищIo Ф., 29 лет, Стамбул; Къардэн Н., 62 года, Стамбул; Шоджэн Н., 30 лет, Узун-Яйла; Лъостэн Г., 50 лет, Узун-Яйла; Тохъу Н. 86 лет, Узун-Яйла; Щоджэн Ф., 63 лет, Узун-Яйла; Арымбек А., 30 лет, Узун-Яйла; Балъкъэр Д., 55 лет, Стамбул; Озден, 50 лет, с. Февзие; Жарышты Ф., 62 года, с. Къурашын; БанэщIэж-Хъэшыхъуэ Э., 54 года, Кайсери; Щоджэн Ф., 63 года, Узун-Яйла; Къущхъэ I. Турция (Адыгэ ITV); Алащ Н., Турция (Адыгэ ITV); Токъмакъ А., 73 года, Узун-Яйла; Къэрабэ М., 55 лет, Стамбул; Хъэгъундокъуэ Я., Узун-Яйла; Къущхъэ Д., Стамбул; Елкъэн И., Узун-Яйла (Адыгэ ITV); Молэ Б., Къайсэр (Адыгэ ITV); Безыр З., 65 лет, Турция; Iэпщэ С. 60 лет, Кайсери; Шырайде Н., 29 лет, Турция–Нальчик; IутIыж (Тебер) М., 70 л. Турция–Нальчик

Список сокращений

1. АГ – Адыгэ (къэбэрдэ-шэрджэс) грамматикэ.
2. АСП – Адыгэ синонимхэм я псалъалъэ.
3. БАС – Словарь современного русского литературного языка.
4. БРКЧС – Большой русско-кабардино-черкесский словарь.
5. ГКЧЛЯ – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка.
6. КБИГИ – Учреждение РАН Институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН.
7. КБР – Кабардино-Балкарская Республика.
8. КЧЯ – Кабардино-черкесский язык в двух томах.
9. ОЯ – Общее языкознание.